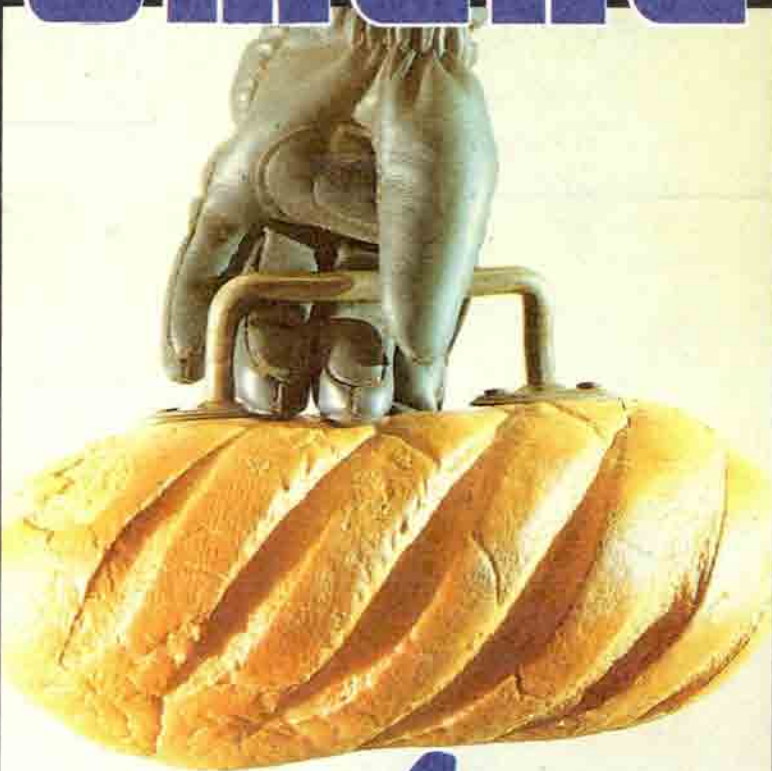

СМОЛД

ОЛЫА НЕКРАСОВА • КРУГО-ВЕРТЬ • АНДРЕЙ ЕФИМОВ • ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

КАРЛ ГАНС ШТРОБЛЬ • РАСПУТНАЯ МОНАХИЯ

ЭЛЕН МАККЛОЙ

12'93

• УДАР ИЗ ЗАЗЕРКАЛЯ

Прогулка короля.

Эскизы костюмов к спектаклям.

(Читайте стр. 166.)

12'93

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 20.09.93.

Подписано к печати 25.10.93.

Формат 84×108^{1/32}.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10

Тираж 235 200 экз.

Заказ № 832

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел рекламы

и реализации.

250-49-98 — отдел писем.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации. Рег. № 166.

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

12 (1550) ДЕКАБРЬ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1993

В НОМЕРЕ:

Проза

66

КАРЛ ГАНС ШТРОБЛЬ. РАСПУТНАЯ МОНАХИНЯ
Мистический рассказ

144

ЛЕОНИДАС ЯЦИНЯВИЧЮС. ДОМ ЧЕЛОВЕКА
Рассказ

190

ЭЛЕН МАККЛОЙ. УДАР ИЗ ЗАЗЕРКАЛЬЯ
Детектив

Поэзия

6

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
Представитель победителя

65

АЛЛА СУВОРОВА

Человек и общество

12

ОЛЬГА НЕКРАСОВА. КРУГО-ВЕРТЬ

93

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ЧТО КРОМЕ ПЕПСИ...
ВЫБИРАЕТ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ?

100

АНВАР ГАЛЕЕВ. УФИМСКОЕ ПА-ДЕ ДЕ
Фотоочерк

112

ТОМ ХАРПОЛ. ВЫПРЫГИВАЮ ИЗ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

120

АНДРЕЙ ЕФИМОВ. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ
Исторический очерк

Культура, музыка, искусство

26

ВАЛЕНТИН СОРОКИН. КРЕСТ ПОЭТА

53

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ. НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ
Итоги конкурса знатоков российской истории

На нашей
обложке
фотоэтнод
ВИКТОРА
БРЕЛЯ

166

ЭЛЬВИРА ПОПОВА. Я ПРОСТО СЛУЖИТЕЛЬ АПОЛЛОНА

186

АЛЕКСЕЙ ЗАЙКИН. ПИЗ МИТЧЕЛЛ СТЕСНЯЮСЬ ПЕТЬ
В КРУГУ СЕМЬИ

Спорт

140

КОНСТАНТИН ТИНОВИЦКИЙ. СТАРОМОДНЫЙ КАПИТАН

24, 88

ВАШИ ПИСЬМА

282

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

1-94

3

■ **ДЖЕФФРИ КОНВИЦ.** «СТРАЖ-II»

— Страж уже отбыл положенное наказание. И Господь Бог коснулся ее своей рукой. Ее служба скоро будет завершена. Элисон Паркер без твоей помощи никогда бы не смогла сохранить свою душу и стать благословенной сестрой Терезой. Но если ты откажешься, то вся цель преемственности будет нарушена.

— На этот раз я не смогу — раздался взволнованный голос Анжелины.

— Ты должна! — отчаянно крикнул монсеньор Франкино и отвернулся.

Мы заканчиваем публикацию дилогии Джеффри Конвица «Страж» — мистический сюжет которой разворачивается вокруг апокалиптической истории смены часовых у врат Ада.

Вильям о'Рурк — отец Галлиран, Элисон Паркер — сестра Тереза. Кто же следующий?

■ **ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ.** ЖЕНА ПУШКИНА

■ **АЛЕКСАНДР БЕНУА.** ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ В XIX ВЕКЕ

С январского номера «Смена» начинается публикация книги, первое и последнее русское издание которой вышло в самом начале века и давно стало библиографической редкостью. Читая ее, трудно поверить, что столь блестящий труд — первый писательский опыт молодого художника. Автору в то время было всего 23 года.

АНОНС:

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1993 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

ЛУИС ОРТЕГА

4

АЛЕКСАНДР ГЕРАСИМЕНКО

МАРИЯ ПАВЛОВА

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ

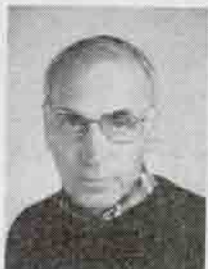
ВАДИМ ТЕРЕЩЕНКО

ЗЛВИРА ПОПОВА

ЛЕВ РЯБИНИН

ВЛАДИМИР СЕМИН

ТАТЬЯНА ШАШКОВА

СЕРГЕЮ ВЫСОЦКОМУ —

за роман
«Не загоняйте в угол прокурора»
(№ 1);

**АЛЕКСАНДРУ ГЕРАСИМЕНКО
(А. ГЕРЕ) —**

за памфлет
«Над всей Россией
серое небо...» (№ 2);

ГЕННАДИЮ НОВОЖИЛОВУ —

за иллюстрации
к историческим очеркам
(№№ 1—12);

ЛУИСУ ОРТЕГЕ —

за цикл стихотворений
и иллюстрации (№ 10);

**МАРИИ ПАВЛОВОЙ,
ВАДИМУ ТЕРЕЩЕНКО —**

за перевод романа
П. Вильсона
«Застава» (№№ 2, 3);

ЗЛВИРЕ ПОПОВОЙ —

за серию статей
о русских художниках
(№№ 4, 8, 12);

ЛЬВУ РЯБИНИНУ —

за иллюстрации
к романам
Агаты Кристи
«Смерть миссис Магинти»
и Джеффри Конвица
«Страж-1»
(№№ 8, 10);

ВЛАДИМИРУ СЕМИНУ —

за фотоработы
«Окончательное «Да!»
и «Святыня»
(№№ 3, 6);

ТАТЬЯНЕ ШАШКОВОЙ —

за перевод книги
П. Брауна
и С. Гейнза «Любовь,
которую ты отдаешь»
(№№ 4—7).

КОНКУРС

ПРЕДСТАВЛЯЕМ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

6

АНАСТАСИЯ ГОСТЕВА,

18 лет, студентка,
Москва

Я верую в завтра вчерашних молитв
И скупость родного тепла,
В голодную кошку — в загаженный лифт
Она так отчаянно шла.

Я верую в свет сквозь
застуженность век,
Замочную скважину, мглу,
В последнюю милость убогих калек,
Согбенных на каждом углу.

В похлебку простуженной силой любви,
С приправой из горечи слез,
В старуху судьбу и ее визави —
Разлуку — ни вместе, ни врозь.

Я этим жива, этой скудной страпней,
Быть может, пугавшей других.
Я верую в дождь
над засохшей стерней
И в свой сбитый раненый стих.

≡
Мне не уйти — по знакам и словам,
По сорванному хрипу телефона,
Мне суждено до смерти верить Вам
По неоткрытым физикой законам.

По всем попыткам вырваться и вспять
Искать Ваш взгляд
вдоль вымерзших бульваров.
Еще — не позабыть, не замолчать,
Уже — пора понять, что мы не пара.

≡
Все пустое — божемные бредни
Одинаковость ложных сентенций
Тантра-йога, звон в церкви к обедне
И отказ причастить меня... Сердце,

Исповедуясь дико и скупо
Все равно достучится до Бога,
Докричится, докается, крупом
Тощей лошади пав у порога.

Не священник, Господь же поверит,
Голубые глаза Серафима
С деревянной святой акварели
Смотрят мудро, и просто, и мимо.

И, стремясь за чужим идеалом,
Примеряя костюмы и краски,
Так отчаянно хочется в малом
Быть принцессой из гофманской сказки.

За каштанами окна пустые,
Наше тело — три четверти вата,
Говорят, что почти все святые
Были очень распутны когда-то.

И «Евангелие от Магдалины»
Я сжигаю чужой зажигалкой,
Вновь пытаюсь в раздвинутых спинах
Разглядеть предсказанье гадалки.

Нет страшней и мучительней пытки,
Срежиссировав жизнь ярким клипом,
Событийность последней попытки
Рассчитать по словам и по всхлипам.

Подарить себя яркой открыткой,
Ощутить себя полным изгоем
И услышать, с открытой улыбкой:
— Это бред. Я так занят... Не стоит...

≡
Всю ночь звучат во мгле стихи, как мантры,
Я совершаю тайный ритуал —
Ловлю в душе слепого арестанта,
Которым меня кто-то покарал.

Пытаюсь объяснить с пустотою,
Черчу кабалистические знаки,
Где первый снег взорвавшейся зимою
Венчает Скорпиона в Зодиаке.

Я знаю все. Тем безысходней вера.
Тем неотступней Бог везде, во всем.
И ты придешь очиститься от скверны,
И обрести спокойствие и дом.

≡
А жизнь оказалась проще
Написанных мной стихов —
Последний веселый росчерк
Поверх понурых голов.

И вдруг оказался лишним
Витиеватый слог
Всех повестей о Всевышнем,
Ночных молитв в потолок.

Так хочется в такт молчанью,
Зарывшись щекою в плед,
Придумать себя сначала,
Без этих семнадцати лет.

МОЛИТВА

Дай Боже выжить, не сойдя с ума,
Дай силы ждать, не зная точно срока,
Дай мудрость верить между строк псалма,
Засаленного слугами пророка.

Дай глупость и спокойствие душе,
Холодный дождь сменявшей на палату,
В надежде скрыться в белом шалаше,
Где милый рай создаст транквилизатор.

Дай выгодный, несбыточный контракт —
Всю боль грядущих лет в одно мгновенье.
Я поднимусь. На ощупь. Наугад.
И заживу без чувств и устремлений.

Избавь от неприятия в семье,
Копанья в чьих-то играх, сплетнях, сваргах,
В чужой любви и собственных провалах.

И, наконец, последнее — прости
За эти слезы, просьбы и молитвы.
— Не верь поэтам, тихие пути
Их все равно ведут на поле битвы.

ИВАН ГОЛУБНИЧИЙ,

26 лет, грузчик,
Москва

≡
Метель взяла меня за ворот
И повлекла.
Там,
впереди, дымился город,
А дальше — мгла.

Я ждал, что в них проснется жалость,
И падал в снег,
Но все фатально продолжалось —
И ночь, и бег.

И кто-то бил ногами в спину,
Орал: «Вставай!..»
Как будто звал навек покинуть
Сей скорбный край.

Деревья мерзли на бульварах,
Бежали в тень,
По ледяному тротуару —
В прошедший день,

Но только путались в смятенье —
Куда идти?!
А он мелькал, как привиденье,
В конце пути.

А может, не было и вовсе
Того конца?..
Вон — Богом проклятая осень,
Как тень отца,

Выходит в полночь на дорогу...
Но, Боже мой,
Ведь мне хотелось так немного —
Попасть домой.

≡
Зря отбиваешь поклоны
Тайно от родственных глаз,
Ищешь в словах воспаленных
Свет, что не нынче угас.

Медленно, но непреклонно
Время уродует нас.
Образ в серебряных ризах
Отроки не воспоют.

*Ласточки на карнизах
Боле гнезда не совьют.
Чу! — на высоких карнизах
Горестно крыльями бьют!*

ПРЕДСКАЗАНИЕ

*...И золотые будут времена,
И прорастут иные семена*

*Побегом мощным, что не удержатъ.
И будет добрым этот урожай,*

*Питающий размеренную жизнь.
И ржавчиной покроются ножи,*

*Что лили человеческую кровь
За деньги и надменную любовь.*

*И тех, немногих, воплотив мечту,
Народы мира припадут к Кресту.*

*И поправный безумцами Закон
Подняв из праха, возведут на трон.*

*И прогремят другие имена,
И золотые будут времена...*

*А нам — смотреть из темноты веков
На торжество осмеянных стихов,
На правду книг, растоптанных толпой,
В своем тщеславье злобной и тупой,
Вотще свою оплакивать судьбу,
Мучительно ворочаясь в гробу.*

≡

*Тихо сядет на плечо
Пучеглазый нетопырь...
— Дням вести ужасный счет,
Жадно нюхать нашатырь.*

*Словно тяжкая рука,
Опустилась на плечо...
— Счастье пережить века —
Боже, а чего ж еще?!*

*Темный профиль промелькнет
Между светлых образов...
— Ясно видеть, кто зовет,
И идти на тайный зов.
Ночь промозгла и черна.
Дремлет кошка на окне...*

— Выпив теплого вина,
Тихо вспомни обо мне.

≡

Необъяснимая тревога
Живет в ночи.
В такую ночь тревожить Бога?!
Молчи, молчи!

О прошлом, будущего ради,
Не говори!
Смотри, смотри — огонь в лампаде
Едва горит...

Мне не забытья до рассвета,
Я не смогу!
Стихи безумного поэта
Звучат в мозгу.

...Наедине с собой и с Богом —
Ведь с нами Бог? —
Услышать шорох за порогом
И слабый вздох.

И страшно, и немного жутко —
А может, враг?
А может, чья-то злая шутка
Иль тайный знак?

А может, просто безнадежный
Усталый гость?
Войди, сними свою одежду,
Повесь на гвоздь!..

Ответа нет, лишь тьма смеется.
Кругом темно.
Лишь только ветер, ветер бьется
В мое окно!

Лишь сполох дальнего пожара
Пронзает ночь!..
Ленор безумного Эдгара
Уходит прочь.

Дорогие друзья!

В наступающем году «Смена» вновь приглашает вас принять участие в традиционном конкурсе одного стихотворения. Напоминаем условия: в конкурсе могут участвовать все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей). Можно прислать в редакцию одно стихотворение, а можно — подборку. Жюри отберет лучшее. Не забудьте указать имя, отчество и фамилию, профессию, возраст и домашний адрес. К сожалению, у нас нет возможности рецензировать рукописи и возвращать их.

В нескольких номерах журнала мы представляем наиболее интересные из присланных вами стихов, а окончательные итоги подводятся в конце года, и самой приятной наградой победителям станет публикация подборок их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем.

За кандидатскую диссертацию Ольга Некрасова получила медаль ВДНХ. Работала в академическом НИИ, стажировалась во Франции. Сейчас читает в Московском коммерческом университете курс социологии бизнеса и предпринимательской деятельности. Само название этого предмета, впервые предложенное Ольгой Некрасовой, необычно. Прежде такого раздела в нашей социологии не было...

12

Из света в тень перелетая...

Для начала расстанемся с некоторыми стереотипами обыденного сознания. Один из самых стойких: теневик — это уголовник, который организует производство, скажем, футболок на ворованном оборудовании и сырье. Но отдельные подпольные цеха (как бы много их ни было) — далеко не вся теневая экономика. Теневая экономика — сложный и слаженный механизм в масштабах страны, имеющий вертикальные и горизонтальные связи, каналы финансирования, поставки сырья и сбыта продукции. Уголовному миру, где человеку с дипломом заштатного пединститута часто присваивают кличку «доцент», а то и «профессор», экономики просто не создать. (Другое дело — теневики могут пользоваться услугами уголовников, чтобы, к примеру, принудить необяза-

Клуб предпринимателей

ОЛЬГА НЕКРАСОВА

кандидат философских наук

КЛУБ

ГО-ВЕРЪ

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕИШВИЛИ

тельного партнера отдать долг. Ведь отношения такие, что в милицию не пожалуешься...)

Теневая экономика наряду с официальной — суть две стороны *реальной* экономики. Председатель колхоза, засеяв не числящееся в земельном кадастре поле, не только сам вступает в сферу теневой экономики, но и вовлекает туда своих колхозников, которые на этом поле работают. Урожай с этого поля может быть сдан государству как часть официального, чтобы выполнить завышенный план. В таком случае «левые» средства прямо вливаются в официальные. То есть теневая экономика далеко не всегда воровская, паразитическая — она может подпитывать официальную, корректируя управленческие огрехи и обеспечивая руководителю прочное служебное положение. Неучтенный урожай может быть обменен на дефицитные запчасти, горючее, стройматериалы, необходимые колхозу. В этом случае «вытаскиваются» теневые ресурсы и обращаются на службу опять-таки официальной экономике — неучтенными помидорами расплатились за «левые» доски и построили навес для сельхозтехники. Проценты с «левого» поля могут стать взяткой — денежной или хорошим обедом — для заезжего начальства. При таком раскладе теневые средства пошли наверх по теневым каналам. Причем неизвестно, как высоко пошли, ибо чем выше, тем гуще тень. Вернемся к этому позже, а сейчас отметим, что, не прибегая к операциям с неучтенной продукцией, нашему председателю практически невозможно удержаться на своей должности. Он по шляпку ввернут в машину реальной экономики и обязан учитывать не только официальную, но и теневую составляющую. Эта составляющая есть вз-

де, от торговли до «оборонки», где тоже создаются неучтенные запасы (разумеется, не танков, а ширпотреба и комплектующих общехозяйственного назначения — радиодеталей, например).

Для руководителей определенного ранга теневые отношения становятся обязательной, хотя и не предьявляемой **нормой служебных отношений.**

Причем, дело не в личной испорченности руководителей, а в насажденной свыше хозяйственной практике. Никто не запрещает им лично быть честными. К слову, в «андроповских» процессах порой страдали именно такие хозяйственники, жившие на одну зарплату и регулировавшие движение теневых миллионов, поскольку это входило в их непредьявляемые должностные обязанности.

Так что «тень» и «свет» в реальной экономике нерасторжимы. Хорошо это или плохо, но так есть. Возникает вопрос-утверждение: но ведь не всегда же так было?! Вот Сталин не позволял воровать!

Отвечу по порядку. Первое: именно всегда и везде так было, есть и будет! Как только сложилась система налогообложения, появились и способы уклонения от налогов, перевода части экономики в тень. Второе: да, отечественный опыт, в частности, сталинского периода, уникален. Уголовная статистика тех времен недостоверна, но все же можно предположить, что раз сажали за подобранные на поле колоски, то подпольных цеховиков было не так много. Но дело тут не в строгости наказания — ведь известно, что суровость законов мало влияет на уровень преступности. Ротация кадров по-сталински — из грязи в князи, из князей в лагерную пыль — защищала систему от частного предпринимательства своей скоростью. И на Западе-то

создание и «раскрутка» коммерческих структур требуют времени, а у нас потенциальный предприниматель не успевал осмотреться на новом месте, как оказывался за решеткой (по совершенно иным, чаще политическим мотивам) либо переводился на другую работу на смену угодившему в тюрьму коллеге.

Но частное предпринимательство далеко не главная составляющая теневой экономики. Ее уровень определяют не бабка-самогонщица и не подпольный цеховик. Теневая экономика вовсе не обязательно воровская. Это просто неучтенная часть реальной экономики. Например, говядина и по данным Госкомстата, и в магазине стоила два рубля, а средняя зарплата была рублем сто шестьдесят: это в официальной социалистической экономике. Но в реальной экономике существовали магазины, где парная телятина шла по полтиннику; были служащие, которые (надо понимать, на свою зарплату чуть выше средней) закатывали валтасаровы пиры с участием ансамблей песни и пляски, содержали дачи с сонмами холуев, годами не видевших хозяина... Вопрос: где это все учтено? В официальных экономических справочниках таких данных нет. Но и закрытые сведения, которые любят сейчас раскапывать журналисты, не дают представления о реальных расходах на содержание номенклатурного аппарата. Надо называть вещи своими именами: первым теневином советской страны был Ленин, утвердивший номенклатурные пайки — тем самым выведя партгосруководство за рамки официальной экономики.

При Сталине система развилась и самым непосредственным образом слилась с уголовщиной. Вспомним опять же «валтасаров

пир», описанный Фазилем Искандером. Что, в бюджете республики была графа «На официальный прием тов. Сталина» — столько-то сотен или тысяч рублей и ни копейки больше?... Повторюсь: дело не в том, сколько прогуляли, прокатили, проели, прожили, а в том, что при официальном аскетизме Сталин задал неофициальные нормы поведения, охватившие сверху донизу все руководство. Нестор Лакоба должен был принять Сталина «на уровне» — и принял. Десятки «поставщиков двора Его величества» должны были поставить вино, дичь, артистов, автомобили, прислугу, охрану — и поставили. Сотни бухгалтеров должны были списать эти не предусмотренные официальной экономикой расходы — и списали.

А четыре десятилетия спустя товарищ Суслов, пребывая в некоей области, заказал к завтрашнему обеду рыбки — накануне рыбного дня идеолог возжелал быть в одних условиях со всей страной. За провиантом был послан самолет на юг, ибо приближенные наметнули, что Суслов предпочитает форель. Попав на обратном пути в буран и едва не разбившись при посадке, самолет поспел как раз к обеду, за который твердокаменный ленинец заплатил (строго по счету!) шестьдесят две копейки... Можно с уверенностью утверждать, что средства на этот беспрецедентный перелет взялись «ниоткуда», из теневой сферы. Причем для того, чтобы такие средства отобилизовать в столь короткий срок, нужно было иметь заранее отработанную систему списания горючего, оплаты сверхурочных персоналу и так далее.

Уникальность отечественного социального опыта состоит, в частности, в том, что теневые отношения, которые в странах западной демократии противостоят

официальным, у нас насаждались сверху и были непредъявляемой, но обязательной частью официальных.

С другой стороны, накопление теневых капиталов создало предпосылки для возникновения в стране организованной преступности. Как показывает мировой опыт, она появляется в любом обществе на определенном уровне экономического развития. Поясно: воровать белое с веревки лучше в одиночку, ибо прибыль ничтожна и делить ее не имеет смысла; квартиру среднего гражданина лучше брать группой, чтобы унести побольше. А вот если общество достигло уровня, когда у подъездов стоят автомобили стоимостью в среднюю зарплату за несколько лет, становится рентабельным создание преступной организации. Огорошенные автовладельцы должны усвоить, что когда они только-только обнаружили пропажу, их машина уже была либо разобрана на запчасти, либо, снабженная новыми документами, отбыла в другой город. Проследив путь угнанной машины, мы увидим, что собственно криминальными действиями занимались один-два человека в течение нескольких минут, а остальные «работали» в рамках закона. Коррумпированный чиновник выдал документы взамен «утерянных»; машину с перебитыми номерами принял водитель-перегонщик, имеющий доверенность от «владельца», и сдал ее в автомагазин, не забыв прихватить квитанцию. А уж организатор дела и вовсе «не причастен», его трудно вычислить и практически невозможно посадить, тем более что он не прикасается к вырученным деньгам — они сразу же вкладываются в другие дела.

Вот это самое важное: верхушка организованной преступности за-

рабатывает гораздо больше, чем может прожить, и озабочена выгодным вложением барышей. Куда? Да в теневую экономику, которая в процессе реформ все более выходит на свет (хотя остаются и такие сферы, как наркотики, оружие, проституция...). То есть в насажденные свыше теневые отношения проникают низовые, преступные держатели капитала, которые смыкаются с имеющими официальный статус хозяйственниками. Все настолько переплетено, что ситуации «вор у вора дубинку украл» возникают ежеминутно. Поэтому, как это ни парадоксально, организованная преступность, являясь держателем вложенных в официальные дела капиталов, заинтересована в ликвидации «частного сектора» в воровском мире. Хотя первичный капитал, допустим, на покупку магазина добыт преступным путем, его владелец отнюдь не жаждет, чтобы магазин ограбили...

Впрочем, это реалии нынешнего дня, а мы еще не разобрались с периодом развитого социализма.

Путь от власти — к капиталу

Директора и руководители, опора социализма, создали развитую теневую экономику, которая не только соперничала по масштабам с официальной, но и подчинила ее своим интересам.

Их дачи и машины не более чем разменная монета. А реальный масштаб операций (и соответственно теневых доходов): БАМ, Атомаш, поворот северных рек...

Даже самые правдоподобные версии возникновения этих чудес расточительности не выдерживают критики. Ну, посудите: БАМ, дескать, затеяли потому, что руководитель ядерной сверхдержавы испугался китайцев. Или — Сулов ему нашептал — попытался возро-

дять энтузиазм комсомольских строек... А вот еще: ученые ошлблсь, а может, хотели получить ордена — и ну поворачивать реки. А писатель Сергей Залыгин, работавший когда-то мелиоратором, схватил зарвавшихся академиков за руку. Статью написал! А потом книгу! И народ стал собирать подписи! То-то испугались чиновники... Что же до Атоммаша, тут вообще молчок. Найдены, писали, некоторые злоупотребления, а так вообще все в порядке.

Поставим ситуацию с головы на ноги. Ударные, стратегические и подобные стройки — это сверхфонды, сверхлимиты и очень слабая отчетность. А уж политика и коммунистическая идеология — лишь упаковка. Поворот рек и затевали в расчете на то, что его остановят, ибо денег на такую стройку не было. «Незавершенка» — дело, выгодное для теневиков: ну кто станет интересоваться, сколько кубов грунта вынута и бетона залито на брошенной стройке?

Ясно, что операции такого масштаба, начатые и законченные по правительственным постановлениям, не могут быть названы уголовными. В обыденном сознании это, конечно, преступления, но юридически самый крупный уголовник — бригадир, приписавший своим ребятам невыполненные работы. А вышестоящие — неподсудны, ибо действовали в официальных рамках, которые сами себе и определили. Даже теневиками они названы постольку, поскольку речь о прошлом. Сейчас все, хотя бы отчасти, на свету.

Это и есть подлинные хозяева жизни.

Они вызвали на политическую арену Горбачева, чтобы в процессе перестройки преобразовать свою партийную и государственную власть в деньги. Конечно, при со-

циализме их власть и была эквивалентом денег. Но по наследству ее не передашь и простыми банковскими операциями не приумножишь. К тому же деньги, вложенные в дело (капитал), и есть власть в мире, где экономика стоит впереди политики, а не наоборот, как у нас.

Власть в капитал преобразуется сегодня объективно, помимо нашего желания и нежелания. Внешторговец реализует свои зарубежные связи, создавая совместные предприятия. Директор завода приобретает немалый пакет акций...

А человеку вне круга хозяев, без организаторского опыта, без власти и, главное, без связей нечего обменять на капитал. Даже продав построенную в лучшие времена дачу и купив ваучеров, капиталистом он не станет — не пустят. Ведь чтобы деньги или ваучеры стали капиталом, их надо вложить в дело. Причем если то лишь начинает раскручиваться, оно требует крупных вложений и в любой момент грозит «лопнуть». А налаженное дело почти всегда гарантирует прибыль. Вот туда-то и не пустят человека со стороны: кто налаживал, тому и прибыль.

Ну, а способов «не пущать» масса. К примеру, сегодня имущество множества акционированных предприятий растаскивается по различным малым предприятиям и товариществам. Предприятия разоряются — мелкие вкладчики спешат продать акции по дешевке. Когда настоящие хозяева скупят контрольный пакет, они вложат в разоренное предприятие свои капиталы, и мы станем свидетелями «возрождения» промышленности. Она едва ли сразу изменится к лучшему, но превратится из «общей» в чью-то.

Не важно, что большинство хо-

заяв пока не являются юридическими собственниками средств производства, банков и прочего. Это вопрос законодательства, а законы они пишут сами. Кстати, разговоры о якобы подкупленных депутатах — чепуха. Законодательная власть так же обменивается на капитал, как, скажем, директорская — без посредников, ибо издают приказы и получают с их помощью капитал одни и те же лица.

Правда, вовсе не исключено, что именно ваш депутат честен, с точки зрения рядовых избирателей. Но, по мнению хозяев жизни, он просто болтун, который вовремя не успел к разделу пирога и теперь зарабатывает популярность на критике тех, кто не опоздал. Таких честняг держат («для демократии») процентов двадцать, чтобы, во-первых, не дать им большинства, а с другой стороны, чтобы мы послушали их и порадовались, что есть среди власть предержащих борцы за справедливость.

Даже лучшие сыщики вряд ли найдут на хозяев жизни иные «компроматы», кроме официальных законов, постановлений и приказов. Или отыщут «правовую дыру» в месте, куда так и просится хотя бы какое-нибудь «Временное положение». Скажем, об «окне в Европу» для российских цветных металлов через республики Балтии (последние ими откровенно спекулировали). Следовало ведь не границу оборудовать километрами «колючки», а всего-то надежно перекрыть железные дороги. Но этот шаг, очевидно выгодный для страны, оказался не нужен конкретным носителям власти, причем таких было большинство (или они могли манипулировать большинством).

Все это представляется несправедливостью только современни-

кам. А через поколение-другое разве важно будет, что послужило деду хозяина первичным капиталом: «общенародные», «хлопковые», партийные деньги? Для наемных работников существенно лишь, насколько компетентен хозяин. Ведь именно этого — умения управлять экономикой (и, как следствие, высокого уровня жизни для всех, кто способен и хочет трудиться) — мы не дождались от социализма.

Кто они, хозяева жизни?

Пора говорить неприятное — самим себе и друг другу, потому что надо разобраться, кто мы в этой жизни.

Со школьных лет памятна картинка общественной пирамиды: монарх; под ним аристократия и духовенство; ниже — помещики, купечество и в самой подошве крестьянство. А как эта пирамида выстраивается сегодня? Какое в ней место занимаем мы?

Сравнительно недавно каждому был доступен автомобиль — откладывая хотя бы по полсотни в месяц и лет за шесть накопишь на «Запорожец». Сегодня копить невозможно — все сожрет инфляция, — однако улицы городов заполнили «мерседесы», стоящие больше, чем средний труженик зарабатывает за всю жизнь. Это, пожалуй, самое наглядное проявление *социальной дифференциации* — основного социального процесса в странах СНГ.

Она приводит к появлению в обществе страт — социальных групп со своими специфическими интересами, образом жизни и способом своего воспроизводства.

Наше имущественное положение не играет такой роли, как положение в деловом мире, разделяющее всех на *хозяев* — *нехозяев*. В зависимости от того, разде-

ляешь ли ты ценности делового мира или нет, ты и занимаешь место в складывающейся сегодня социальной структуре.

Нынешние хозяева делятся на крупных, средних и мелких.

Складывающийся нынче слой *крупных хозяев* состоит из бывших и нынешних представителей государственной власти, руководителей отраслей народного хозяйства. Точнее, сформировавшихся на базе бывших министерств концернов, ассоциаций, холдингов — неявно, а порой уже явно заявляющих себя как частные организации с несколькими совладельцами. К ним же относятся мощные финансовые объединения, держатели крупных теневых капиталов и каналов международных инвестиций — неизвестные и небезызвестные руководители различных фондов. Тут же их дети, своей незапятнанностью, респектабельностью и заграничным образованием покрывающие прошлое отцов.

Интерес собственников крупных долей отечественного (и уже часто объединенного с мировым) бизнеса всегда был один: экономическая власть и средственное ей *владение*. Владеть — значит задавать свои нормы и правила, управлять делом по своим законам. Это значит — оперировать с ресурсами, стоимость которых зашкаливает за многие миллионы долларов; мгновенно найти и влить для поддержания дела такие капиталы, размеры которых обыденное сознание «человека с ваучером» объять не может. Это, кроме того, значит уметь наладить связи между поставщиком и производителем, производителем и потребителем, между различными каналами реализации. Капиталисты такого уровня у нас есть, причем не отдельные «первые ласточки», а сформировавшаяся страта.

Предприятия, последние год-два требовавшие самостоятельно-сти, столкнулись с жестокой управленческой проблемой — утратой в результате такой своей «независимости» деловых связей. Оказалось, что им все равно некуда деться от концернов, синдикатов и прочих форм объединения, которые позволяют выжить в стихии рынка. Без влиятельных людей из бывших министерств и главков, без крупномасштабных организаторов, собственников ресурсов — «королей бизнеса» — производителю в нынешних условиях не обойтись. Крупные хозяева ведут игру по большому счету, и их реальная экономическая власть уже становится политической.

Средние хозяева отличаются от крупных масштабами дела, долей бизнеса и соответственно размерами «денежного мешка». Это директора СП, фирм, хозяйственные руководители, представители местной власти. Они получили свою долю в виде права распоряжаться поставленным ими же делом (как некоторые директора промышленных предприятий), открыть свое дело на каналах отработанных связей, в первую очередь международных. Здесь речь идет о крупной посреднической деятельности, суть которой контроль, регулирование движения средств и товаров.

Фактически это собственники каналов деловых связей, держатели границ дела. Нередко такие куски большого пирога достаются *детям* крупных хозяев.

Интерес средних хозяев, которые, конечно же, мечтают стать крупными, в наращивании капитала и масштабов дела. Руководители СП, кстати, порой накапливают достаточные средства, чтобы прилично жить за границей, а дело продолжать у нас в стране.

Слой *мелких хозяев* (не обяза-

тельно с более мелким денежным мешком, ибо мы говорим о масштабах дела, а не о толщине кармана), особенно бурно растущий в течение последнего года, представлен в нашем отечестве главным образом коммерсантами, которые открыли собственное дело, приобрели фонды и каналы связей по снабжению. Сюда же входят и владельцы предприятий сферы обслуживания.

Но какой же слой составляет основу цивилизованной экономики? *Свободные производители*. Те, кто организует дело своей головой и своими руками, благодаря своим идеям и своим средствам. Свободные производители — это владельцы малых предприятий, небольших частных фирм, фермеры, кооператоры-производители.

Сколько их осталось? Все ли выдержали два года инфляции, запущенной крупными хозяевами?

Инициативный организатор производства, мастер — золотые руки, инженер — светлая голова, артист с популярной программой — лакомый кусок для тех, чья задача не создавать, а владеть. Все меньше остается у нас свободных производителей, которые не ушли бы «под хозяина». Ибо только крупные капиталы способны противостоять инфляции, во время которой оказывается *невозможно честно и свободно производить*. Для себя, на себя, на свой интерес, а не на выживание. Как только человек начинает работать на выживание, он опускается на ступеньку ниже и превращается в *наемного работника*, а отсюда недалеко и до следующей социальной страты — *рабов*.

Разберемся, чем отличается свободный производитель от наемного работника и раба. Первый работает из-за *собственного интереса*. Ему нет необходимости продавать свою голову, руки, голосовые

связки... Он может пойти в наемные работники за достойную зарплату — и все равно будет свободен. Но только до тех пор, пока это не станет единственным источником его существования. Если же он не имеет средств иных заработать на жизнь, кроме самого себя, своих способностей, он превращается в раба, которому надо трудиться, чтобы есть. Оглянувшись в прошлое, признаемся, что мы (в большинстве) были и остаемся рабами, продающими себя за кусок хлеба. Кто за четвертинку бородинского, кто за белый с маслом — суть от этого не меняется.

Задача хозяев — еще по Марксу — сделать рабами всех, кто из себя что-то представляет как товар. Что там у него? Золотые руки? Длинные ноги? Хорошо подвешенный язык? Дело хозяина — с выгодой распорядиться этим и заплатить столько, сколько он сочтет нужным.

Что остается рабу? Трудиться, пока что-то из себя представляешь. А если перестал «представлять», утратил профессионализм, потерял силы и здоровье? Тогда переходишь в категорию *люмпена*.

Люмпен — человек в деловом мире абсолютно чуждый и ненужный. Он никакого имущества с рыночной ценностью не имеет и ничего профессионально делать не умеет. На него можно не обращать внимания и его интересов не учитывать. Пусть живет как знает: кандидат наук выращивает кроликов или картошку, пенсионер выносит на продажу связанные неловкими уже руками кружевные воротнички или с вечера занимает очередь за дешевыми сигаретами, чтобы потом выручить сотню-другую на спекуляции. Отработанный материал, раз не смог сохранить себя и свое имущество...

К сожалению, буквально в последние месяцы страта люмпенов

принимает в свои ряды прежде честных советских тружеников. Чувствуют они себя просто кошмарно в этой среде, где как рыба в воде резвятся бомжи с алкоголиками... Еще не до конца признали свое падение интеллигентные женщины, оказавшиеся без работы и поневоле ставшие домохозяйками. Их в более высоких стратах пока держит муж, семья. Но, растрачивая день ото дня свой профессионализм, проводя время в магазинах и парикмахерских, они становятся ухоженными, но все же люмпенами...

Пирамиду социальной стратификации невозможно выстроить на плоскости, как на той картинке из школьного учебника, где наверху монарх... На деле пирамида объемна и вся изрыта тайными ходами, петляющими внутри одной страты и идущими как вверх, так и вниз. Например, директор предприятия, владеющий акциями (но не контрольным пакетом — таких практически нет), вроде бы относится к средним хозяевам. (А если завод самый крупный в маленьком городе, то он — один из хозяев города.) Но, с другой стороны, предприятие принадлежит холдингу; захотят его продать — продадут вместе с директором, который, может быть, и не понадобится новым владельцам. Получается, что наш руководитель — раб крупных хозяев...

И все же, при всей сложности социальной ситуации, можно и нужно найти свое нынешнее место в этой пирамиде. Наметьте себе в ней свободную нишу, которые пока заняты не все.

Где же мое место?

Кто был ничем, тот... как правило, и остается ничем. И все же новая социальная пирамида еще только выстраивается. Если мы

хотим стать кем-то, нужно для начала определить свое место в этой пирамиде — без ложных амбиций и без приниженности, которые одинаково характерны для воспитанников социалистической эры. И только зная себе истинную цену, можно шагнуть на ступеньку повыше без особого риска свернуть шею.

Первое, с чего следует начинать дело, это взвесить, а что я хорошо, профессионально умею (производить, торговать, а то и воровать — тоже, кстати, профессия) и какова в настоящий момент в этом общественная потребность? К примеру, что хорошо умеет журналист? Грамотно и красиво излагать мысли. Вопрос: а общественная потребность в этом сегодня остра? Да не очень. А вот на умение договориться и приводить в действие деловые связи спрос нынче особый.

Положим, разобрались в себе. Теперь подсчитаем средства, которыми мы располагаем, чтобы в случае неудачи не пустить по миру семью. Допустим, есть деньги, чтобы купить торговую палатку. Но поставить ее, скажем, на Центральном рынке, коль есть такая фантазия, дозволится не всякому. Для этого нужен выход на хозяев, контролирующих сей оазис предпринимательства, и возможность платить за место, пока торгуешь. Поэтому стоимость нашей палатки надо умножить на пять, а то и больше. Это к вопросу о необходимом начальном капитале.

Вопрос о связях — ключевой. Бизнес не делается в одиночку и в свободном пространстве. Его надо обеспечить и защитить. Прикинуть, а не перейду ли я границы чужого дела. Полыхающие кооперативные палатки — яркий пример непредусмотрительности: влез в чужую зону да еще не захотел делиться...

С точки зрения нравственной тоже не всякий способен работать в мире бизнеса. Особенно отечественного, который переживает этап первоначального накопления капитала и передела зон влияния да еще осложнен всеми прелестями социалистического хозяйствования и мышления. «Жестокий век, жестокие сердца». Прочитирую близко к тексту «Крестного отца»: есть вещи в бизнесе, которые приходится делать — их делаешь, но о них никогда не говоришь, их нельзя оправдать, им нет оправданий. Их делаешь, и все. И забываешь.

Так что надо иметь по крайней мере крепкие нервы.

Игра и правила

Но что же все-таки делать? Что я хорошо умею, что я представляю собой как товар, в чем мой профессионализм? Задача профессионала сохранить себя до момента востребования. Можно, конечно, спрятать институтский диплом, не имеющий в данный момент спроса, и пойти торговать пивом. На некоторое время вы поднимете свой жизненный уровень. Но не обижайтесь и не кляните судьбу, когда на вас «наедут» молодые хваткие конкуренты: бросайте товар и уносите ноги. Вы просто не смогли правильно оценить свои возможности — думали, раз умеете считать денежки, то все в порядке. Между тем в мелкой розничной торговле физическая сила — необходимейшее профессиональное качество. Почитайте в криминальной хронике, чем заканчиваются попытки ограбить коммерческий киоск: налетчика обычно ловят сами киоскеры. Так что в данной ситуации — вы тор-

говали пивом, а конкуренты вас прогнали — они просто оказались профессиональнее вас. Значит, не надо было с ними тягаться. Ведь в чем-то вы профессиональнее юных «качков»! Чему-то вас учили! Может быть, стоит вспомнить подзабытый иностранный язык. Или упростить технологию изготовления дефицитной запчасти для автомобиля. Или заняться системами охранной сигнализации — словом, продать знания, которых нет у торговцев пивом.

Каждому в бизнесе найдется *свое* место. Надо только суметь принести свою идею хозяину. Если вступаешь в дело «под хозяина» — будь любезен играть по его правилам. Демократизм, коллективизм в бизнесе не работают. Частная фирма управляется по другим принципам. Поиграть в демократию, чтобы окружающим было приятно, хозяин может, но принимать решения, извините, будет сам. Он, а не трудовой коллектив рискует капиталом.

Главная тонкость в том, чтобы правильно определить хозяина. Тот, кто сидит в хозяйском кресле, может на поверку оказаться таким зицпредседателем Фунтом, а правила в фирме будет задавать кто-то другой. От умения вычислить истинного хозяина будет зависеть ваш личный успех.

Положим, хозяевами являются представители крупного капитала, занимающиеся финансовым бизнесом. Тогда они откроют возможности концентрировать средства, скупать фирмы, входить в долю дела, не являясь непосредственным организатором производства, получать инвестиции под быстрый оборот, самому вкладывать деньги в прибыльные сферы.

Это можно. Но не всем. Во-первых, можно тем, кто располагает капиталами, сравнимыми с хозяйскими. Во-вторых, тем, кто понимает, что кое-чего делать нельзя. Главное, нельзя ничего утаивать от хозяина, ибо здесь действует правило: *свой у своего не ворует*. Кто это понимает, тот отчисляет хозяину его долю в той или иной форме, ибо все равно система налогообложения, прямого или косвенного (на благотворительность, на ремонт муниципальных учреждений и так далее), достанет каждого, а скупой, как известно, платит дважды.

Естественно, эти правила не будут записаны в должностных инструкциях. В каждой страте хозяев действуют предъявляемые и не предъявляемые нормы поведения, кодексы чести. Выполнение их обязательно для всех членов страты. Нарушение выводит человека из данного слоя в менее значимый, либо за пределы бизнеса вообще.

Кстати, при попытках стать хозяином «человек с ваучером», воспитанный в нормах коллективизма и социального равенства, сталкивается с парадоксальными психологическими трудностями: не желает делиться. Не хочет, не умеет да и не может в силу своего имущественного положения. И терпит крах, ибо есть такое хозяйское правило: *если хочешь, чтобы с тобой делились, поделись первым*. По опыту становления наших молодых бизнесменов известно, что поначалу хозяину отчисляют до 90 процентов прибыли.

Войти в страту хозяев непросто. Хозяин приблизит к себе, лишь когда поймет, что у человека за душой, каковы его убеждения, по

каким правилам он живет и работает.

Достаточно ли у него сил — сумеет ли рискнуть, поставить на карту все ради дела. Продаст или ему можно довериться?

Своя ноша

И уже к концу — несколько обобщений по поводу социальной стратификации. Страты строятся на базе не столько финансовой, сколько экономической в широком смысле слова. Это место в деловом мире, в большом бизнесе. Это роль на рынке. А поддерживают и воспроизводят себя страты на внутренних нормах и ценностях, понятных только своим. Если не следуешь их правилам — будешь чужим.

Еще не все страты закрыты, и каждому предстоит выбор. Стать хозяином? Но там жестокий отбор — не каждому по душе и по силам. Однако социальная реальность разнообразна. Всяк может найти в ней свою нишу, чтобы сохранить свои ценности. Если не можешь быть хозяином, лучше и не старайся. Но тогда хозяев нужно уважать — они обладают реальной властью, влиянием, деловыми и родственными связями, *от них зависит ход событий*.

На что имеет право каждый — это остаться свободным, не попасть в рабство, в ситуацию «больше некуда деться». Многообразие жизни, собственное многоумие — естественно, на базе некоторой экономической независимости — создают человеку больше возможностей работать в разных местах, на разных хозяев, порой и самому входя в долю, становясь совладельцем...

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

«Не стоит село без праведника», — гласит русская пословица. Кто эти праведники, если стоит еще наша Россия, пройдя через страшный XX век? Эти праведники — лучшие люди нашего народа, в которых горел неугасимый огонь веры, священники и епископы, монахи и простые верующие люди, крестьяне и рабочие, дворяне, купцы, фабриканты, учителя, военные, представители всех сословий, расстрелянные, сосланные на мучения и смерть в лагеря, гонимые за веру в Бога и за верность тому призванию и происхождению, которое им было дано Богом. Жизнь этих людей — это самые прекрасные страницы нашей истории, пример веры, верности и мужества нам и всем последующим поколениям. Этих людей, не отступивших от Бога даже перед лицом смерти, многие и многие тысячи. Почти все они уже покинули этот мир, но живы еще свидетели их жизни, которые могут рассказать о них, об их исповедническом подвиге и мученической кончине. Пройдет еще немного времени, и этих свидетелей не останется. Наше время последнее, когда можно записать и собрать бесценные свидетельства о жизни многих подвижников и исповедников XX века. Собрать, сохранить и сделать известными

жизнеописание праведников — важнейшая задача нашего времени и наш долг перед Богом и людьми. Народ, не помнящий своего прошлого, не вправе надеяться на будущее. Жития наших новых святых — лучшее средство доброго воспитания детей.

Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, созданный по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, обращается ко всем людям, кто может помочь собрать драгоценные воспоминания и материалы о жизни мучеников, исповедников и подвижников благочестия XX века. Мы обращаемся ко всем живым свидетелям, к людям старшего поколения, к работникам архивов и музеев, к учителям и школьникам, изучающим историю родного края, к студентам и молодежи с просьбой помочь нам собрать, сохранить и сделать доступными и известными примеры настоящей христианской жизни, необходимые для воспитания будущих поколений. Для нас важны все, даже самые маленькие, подробности жизни подвижников, их фотографии и письма, с которых можно снять копии, любые другие свидетельства.

Мы будем искренне благодар-

ны за любое участие и помощь.

Адрес для писем:
105484, Москва,
а/я 17.

Очень бы хотелось, чтобы вы опубликовали мое письмо. А вдруг кто-нибудь да поможет. Даже не в материальном — в моральном смысле.

Итак, моя исповедь. Я завидую даже пенсионерам — у них есть в месяц 10—25 тысяч рублей. Представьте себе: живем втроем на две тысячи с небольшим рублей в месяц — столько платят на ребенка до трех лет. А получилось все так. До конца 91-го года все вроде было терпимо. Была семья, был муж, который хотя и пил, но редко. Но вот родилась дочь, и жизнь пошла кувырком. Муж целый месяц (!) обмывал счастливое событие. Естественно, его уволили по статье 33 КЗоТа за прогулы. Когда я узнала об этом, у меня пропало молоко. И с этого момента по сегодняшний день он менял места работы пять раз. Но нигде больше двух месяцев не удерживался. А на одном месте аж три дня! Дважды его увольняли за прогулы, а с одного места за кражу. Выплатили мы в качестве компенсации три тысячи рублей в прошлом году: продали все, что можно, но муженек мой так ничего и не понял. Я не смогла больше терпеть — развелась, подала на алименты. И за год и три месяца в общей сложности получила семь тысяч.

Но дальше... Он уехал из нашей деревни в город. И там тоже совершил кражу, за что и получил три года условно с отсрочкой на два года. Опять ничего не понял, опять украл. И хотя два года еще не прошли, ему присудили лишь платить

20% из зарплаты. Но из какой? Он на работу не устраивается, и как с гуся вода. А самое ужасное — он опять вернулся ко мне. Как? Да очень просто: выбил дверь и устроил варфоломеевскую ночь с пьяными выходками. Досталось и мне, и дочери. И с тех пор живет с нами. Дважды среди ночи убежала с дочкой к соседу — по пьянке наплет нас. Спросите, почему не написала заявление в милицию? Да потому, что я его боюсь. Ну, отсидит он 3—4 года, а потом вернется — куда мне бежать? Он запросто меня убьет, с ножом уже кидался. Не раз выгоняла я его, а он озверевает и снова дверь вышибает. Уехать некуда — да время сейчас такое, что женщина с маленькой дочкой нигде не нужны.

На старое место работы не выхожу, знаю точно, как только выйду, сразу сократят, а значит, и из квартиры попросят. Хотя в деревне живем, а ни сарайчика, ни огорода. В общем, не знаю, что делать. Даже сама удивляюсь, как на две тысячи существую. Последний раз сахар я покупала еще по 70 рублей за килограмм. Ребенок не видит ни сахара, ни масла, ни фруктов. Только вермишель да картошку, и то с совхозного поля. Теперь понятно, почему я завидую пенсионерам? Мне бы их 10 тысяч в месяц. Подруги, спасибо, помогают, всегда накормят дочку, когда в гости прихожу.

Вот такая жизнь. Если кто-нибудь отзовется, прошу вас, вложите конверт для ответа, денег-то совсем нет. Адрес в редакцию.

Т..
23 года

ВАЛЕНТИН СОРОКИН

Крест поэта

Сколько ливней, гроз и метелей прошумело над рязанским краем, над Россией! А слово Сергея Есенина, горькое и высокое, светлое и неотступное, как багряная гроздь рябины, звенит и колышется на великом холме народной нивы:

*Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.*

Сергей Есенин — нежный, мудрый, одинокий, как осенний месяц, вечный поэт мира.

*Чтоб за все грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать,
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

Судьба настоящего поэта всегда тождественна судьбе его народа. Есенин «впереди» своего народа пережил то, что позже навязали народу. Есенин погиб, — а русский народ сквозь кровь и стоны вырывается из этой черной бездны унижений, судов, тюрем, расстрелов и войн.

И пусть нам светит предупреждение:

*Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
Из края в край в твоих просторах шляется?*

И:

*Я бродил по городам и селам,
Я искал тебя, где ты живешь,*

*Но со смехом, резвым и веселым,
Часто ты меня манила в рожь.*

Вот, кажется, прикатил Сергей Есенин в родное Константиново, в отчий дом.

Вернулся к матери, к сестрам, к яблоням, к лугу:

*Наша горница, хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.*

Вернулся как высвободился, как прояснен и преобразился добротой и светом юности...

Есть ли где еще такой «простецкий» народ, кроме нашего, русского, позволяющий на протяжении десятков лет «диспутировать»: пил или не пил его гениальный сын — поэт Сергей Есенин? И более грустные «научные» дискуссии: сколько, мало или много, пил? И далее: когда именно и с кем именно? И последнее: иссяк его талант или не иссяк?

Рюрик Александрович Ивнев рассказывал: «Сережа мало пил. Бывало, держит, держит рюмку и, подмигнув, украдкой выплеснет ее под стол».

— Почему, себя сохранял?..

— Нет, Сережа скоро настроение терял. Вредно ему веселиться...

— А говорят, много и часто пил.

— Завистники говорят! Выпьет — шум: «Я видал Есенина, пьяного!..», «Я видал Есенина, хмельного!»... И поехало.

Рюрик Александрович имел право называть Сергея Есенина Сережей — друзья, не рядовые, а прочные и редкие.

— Но буянил же Есенин?..

— А ты, а я, не забуюню, если пристанут с хамством и клеветой? По клевете — суд за антисемитизм. По клевете — в каталажку. По клевете — внимания нет к нему. Бухарина наужжукали, а Бухарин — второй, за Лениным шел, за Троцким идет. Есенин — крупнейший русский поэт. В антирусские годы провокации вокруг него кипели, как лягушьи головыстики в болоте.

Рюрик Александрович вспоминал: «Да, выпимши, да, колготной убежал из дома Сережа, из Москвы в Ленинград. Заехал к Толстым на извозчике, быстро и нервно собрал нужные вещи: — Еду, уезжаю, сейчас!.. — Сошел к извозчику, а в окно: — Сережа, до свидания! — А через паузу: — Брат, прощай!.. — И еще: — Прощай, брат!.. Не могу...»

И доказывал: «Тридцатого марта расстреляли его друга, Алексея Ганина. Тридцатого июля Максим Горький послал Бухарину «присяжное» письмо о поэтах, защищающих русскую деревню, несправедливо и опасно ударил по Есенину. Шестого сентября на поезде «Баку—Москва» Есенин «площадной бранью» обложил Рога. И Рог направил в суд заявление, подтвержденное Левитом. На Есенина завели уголовное дело. Двадцать шестого ноября Есенин лег в больницу. Вышел из больницы двадцать первого декабря.

Побывав по издательским делам в редакциях, двадцать третьего декабря вечером Сережа выехал в Ленинград и двадцать четвертого приехал, а все тяжелейшие удары по нему — на конец года, тысяча девятьсот двадцать пятого!..»

Фраза Есенина «Меня хотят убить» Рюриком Александровичем интерпретировалась так: «Сережа пригнужает голову к подоконнику: — Пули боюсь, камня боюсь!.. — В больнице...»

Бухарин не успел разразиться страшными обвинениями по Есенину, но травля началась на правительственном бачке. Помог бы Есенину Ленинград? Нет. Ленинград помог поэту погибнуть. Появился Есенин в Ленинграде 24 декабря, а 28 декабря, рано утром, участковый надзиратель в «Англетере», Н. Гробов, составил акт.

Читаем, как есть: «...шея была затянута не мертвой петлей, только правой стороны шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой руки захватило за трубу, труп висел под самым потолком и ноги были около 1—1/2 метров от пола. При снятии трупа с веревки и при осмотре его было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны порез, на левой руке на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную рубашку, черные носки и черные лакированные туфли».

А в акте медэксперта А. Г. Гиляревского — «над переносицей вдавленная борозда длиной 4 сантиметра и шириной полтора сантиметра». А позже «борозда» чудесно «превратилась» в ожог, исчез пиджак поэта, исчезли туфли, а признаки трагедии в «почетном» номере гостиницы затаялись. И мы, рожденные «с опозданием» на десятилетия, давно седые, лишь начинаем кое-что узнавать и кое в чем прозревать.

Мы никогда не должны забывать: Пушкин не застрелился, а застрелян. Лермонтов не застрелился, а застрелян. Гумилев расстрелян. Блок уничтожен. Почему не убрать Есенина и Маяковского? Дорога смерти накатана, действуй. И вообще: на Руси и в тридцать седьмом убирали самых талантливых. Есть о чем задуматься?

Делая зарисовки в «Англетере» с мертвого поэта, художник Сварог запечатлел одежду Есенина «встрепанной», заметил на ней обилие ворсинок от ковра, распростертого на полу. Сварог подтверждает наличие пиджака и туфель, «аккуратно» исчезнувших. И кое-кто сделал вывод: художник считает, что Есенин убит в номере гостиницы. Тело его через окно убийцы планировали вынести, со второго этажа опустить в кузов грузовика и замести следы на вещах и на предметах, бдительно «упорядочить» преступление. Но окно не открылось настолько, насколько необходимо, и убийцы, торопясь, разыграли вариант повешения...

Есть свидетельства: нарушен был режимный заведенный лад. Нарушено распределение и последовательность расположения вещей, мебели, предметов, всего того, что есть — гостиничный номер. Выказываются предположения: произошла схватка. Есенин в Америке еще «произвели в спортсмены», он никогда не выглядел шоколадным пай-мальчиком, сильный и решительный...

Как годы летят! В юности я клятву дал: если выпущу книгу, стану поэтом, приеду в Константиново и поклонюсь дому Есенина. Приехал. Весна. Иду на усадьбу поэта. Старушка, в цветастом платке, запон вышитый, за мной увязалась. Присели у дома. Дом-домик. Высунулся из земли. Веселый и грустный. Окошки в мир глядят. Огород голый. Ничего. Только молодые яблонки привстали — цветут. Я на старушку поглядываю. Старушка поглядывает на меня, опасливая, я и говорю:

— Страдалец!..

— А ниче, все мы как?..

— Самый честный, самый красивый!..

— Ить не честных-то не рожали! — пошевелилась на траве старушка.

— Обижали, мстили им!..

— Им ли разве, а все и мы тут!..

Выпили. Старушка повторно выпила, отказываясь и крестясь, третью попросила сурово: «Все мы честные и все страдаем. А он-то, ну, где он еще такой есть? На гармошке играет. Угощает. И — плачет... А за мной ухаживал — не культи-мульти, шустрая... Добрый. Любили его. А супруга Сидора являлась на пепле. Есенины дважды горели. Зола. А Сидора, расплетенная, на пепле. Зола перебирает и трет, перебирает и трет. Чужестранная, а своя!..»

Где теперь эта старушка? Не спросил, не записал, беспечный. Да и нужно ли фиксировать, уточнять, когда вот он, домик поэта, глядит на тебя?

30
Мать поэта, поди, молоденькую девушку — старушку мою — за ягодами брала, письма Сергею Есенину с ней на почту посылала, но кануло их совместное попечение за Оку, за мгlistый век.

Сестер Есенина помыгарили, и дети поэта расправы не миновали. И ныне — тюрьмы отремонтированы: пожалуйста!.. А сестре Екатерине с лихвой «благодарностей» ссудила власть за брата и за мужа. Муж ее, поэт Василий Наседкин, схвачен за Есенина, а проступки приписать всякие разрешено, закона нет, совести у карателей нет: жми на карандаш.

Сидит она в камере. И ночью, так мне «воспроизвели», ночью — луна свидетель — гулко разворачивают клепаную дверь и бросают на холодные каменные плиты окровавленную девчонку. Екатерина, хоть и политическая арестантка и крупная шпионка, но душа-то в ней братова, обтерла девчонку, обогрела, наклонившись.

Познакомились — жена Бухарина. Того Бухарина, отравно-расстрельного, призывавшего казнить, казнить и казнить безвинный русский народ. Потерял неприкосновенность член Политбюро, угодил под пяту чугунного самодержца, Генерального секретаря ЦК КПСС Иосифа Виссарионовича Сталина.

Не рой яму ближнему, сам в нее попадешь. Народ не дурак: поговорка, пословица ли — из правды. Девчонка — женился-то на ней Бухарин, на несовершеннолетней сестренке своей последней жены — в чем виновата? Глупа еще. А палачи — до жалости им?..

Жаль Есенина. Не дали ему жить. Да и дышать свободно не

дали. И ему ли только? Когда Ленин, Свердлов, Троцкий, Дзержинский и другие вожди революции топтались вокруг заспиртованной головы царя, отрубленной палачами на Урале, не мог наблюдать этот кровавый концерт Сергей Есенин. А что мог народ? А что, получается, мог император? Помолился — и бросил Россию...

Этот кровавый концерт, кровавый грех, мучит нас. Кровь царских детей, обрызгавшая ипатьевские подвалы, щедро пролилась по русской земле: Сергей Есенин был ею обожжен и обожжен сын его. Вслед Павлу Васильеву взяли Юрия. И расстреляли — вслед. В августе тридцать седьмого. Двадцать лет едва прожил парень, едва успел понять, чей он сын, едва успел стряхнуть с себя розовый туман детства. За отца — окровавили.

Обвинение Юрию Есенину — попытка создать организацию для терроризма: ликвидировать Сталина, Калинина, Кагановича и прочих ленинцев. То же «доказательство» — свинцовая пуля. Те же имена изуверов: Журбенко, Павловский, Кандыбин, Плавнек, Ежов, Рогинский, Костюшко, Климин, — все они испачканы кровью Павла Васильева.

Юрия Есенина арестовали в Хабаровске, из казармы швырнули в московские подвалы, в те, где сидел, ожидая пули, Павел Васильев... Нет русским людям пути, если они талантливы и прозорливы, нет!

Художники — особые люди. Наметанность их взгляда и цепкость их ума неопровержимы. Значит, Сварог успел, рисуя погибшего поэта, уточнить для себя «поведение» окна: почему оно не раскрылось? Сварог несколько часов провел около мертвого Сергея Есенина. И мы знаем: мертвые иногда говорят, как живые, если ты, живой, способен их слышать. А не желаешь слышать — пеняй на себя...

Следы сопротивления, бесспорно, Сварог заметил на пиджаке, а пиджак исчез. Туфли исчезли. Но обилие ковровых ворсинок? Допустим, поэт падал, лежал, даже встать не мог, пьяный, тогда как же он очутился на высоте отопительной трубы у потолка? И почему не зафиксировано медэкспертами «тяжелой дозы» алкоголя? А зафиксированная «доза» — не повод для упоминания здесь... Тело, завернутое в ковер, в окно не просунули, а коридором нести побоялись?

Как же Есенин очутился на такой высоте? Эдуард Хлыстов, без нажима на «разоблачение», а продолжая выяснять и сравнивать, сопоставлять документы и донесенные до нас временем устные разгадки, осторожно предполагает: «Организаторы убийства Есенина прислали под видом врача провокатора, который определил, что смерть поэта наступила за 5—6 часов до обнаружения трупа, и выходило, что он погиб примерно около 5 часов утра 28 декабря 1925 года».

Однако тщательное исследование акта вскрытия тела поэта позволило современным судебно-медицинским экспертам определить, что тело в вертикальном положении находилось не менее 24 часов и смерть наступила (с учетом всех поправок) около 18 часов 27 декабря.

Хлысталов рассуждает: «Утром 28 декабря 1925 года по настойчивому требованию приятельницы Есенина Е. Устиновой был открыт номер пять, где четыре дня жил поэт. Открывал дверь комендант, сотрудник ОГПУ В. Назаров. Долго провозившись с замком, он повел себя странно: в номер не заглянул, не зашел, а повернулся и ушел от двери. Он поступил, как словно знал, что там Есенин мертв и не хотел быть первым свидетелем.

Устинова и другой знакомый Есенина — В. Эрлих — вошли в номер гостиницы и увидели висящего в петле поэта. Они не оставили подробного описания, в каком месте и положении находился труп.

Присланный на место происшествия милиционер 2-го отделения милиции Н. Гробов составил акт, из которого также нельзя сделать однозначного вывода. Гробов не указал, на чем висел труп, кто его снимал из петли. Фотографирование места происшествия почему-то выполнял не криминалист, а портретист М. Напельбаум».

Хлысталов опытный, в прошлом — следователь по уголовным делам. Страдать излишними «фантазиями и наивностями» ему не полагается. Недавно престарелая, давшая о себе «сигнал» супруга коменданта гостиницы «Интернационал» (та же гостиница) Назарова письменно подтвердила — смерть Есенина произошла за день до официального обнаружения его трупа. Эдуард Хлысталов заключает: «Назаров, открывая дверь номера гостиницы утром 28 декабря, уже знал, что Есенин мертв».

32 Я и раньше считал, что к гибели Есенина как-то причастен поэт Вольф Эрлих, который уверял всех, что он видел живым поэта около десяти часов вечера 27 декабря и не остался у него ночевать только потому, что нужно было идти к врачу и на почту. Теперь мы знаем, что к врачу Эрлих утром не ходил, а заявился в компанию своих друзей, где и пробыл всю ночь, подтверждая свое алиби. Но мы теперь знаем еще одну важную деталь — Вольф Эрлих был тайным сотрудником ГПУ.

Конечно, Эрлих мог солгать Есенину, не желая остаться у него, мог пойти от Есенина в любую компанию, это — дело Эрлиха. Но красная завируха тех лет, аресты в домах и гостиницах, слежка за Есениным до расстрела Ганина, а уж после — рысьим зрачком, не велят нам экзальтированно уповать на случайность.

Наталья Сидорина, «обнаружив» Гиляревского около трупа Есенина, с ужасом «обнаружила» его и около трупа Фрунзе.

Случайность ли? Фрунзе и Есенин — случайные ли? Хотя ныне действующий эксперт Маслов придирчиво проанализировал акт Гиляревского и нашел: составленный акт — по нормативам и требованиям того времени. Но акт — лишь акт, бумага...

Наталья Сидорина сообщает: Троцкий, Ягода, ряд высокопоставленных чинов ОГПУ, не говоря уж о любимце партии Бухарине, патологически ненавидели поэта, искали момента освободиться от него. Ленинград, перед приездом туда Есенина и в дни гибели поэта, посетила внушительная группа профессиональных палачей, так или иначе «прикоснувшихся» к трагедии.

«Точно мне, законному сыну российскому, в своем государстве

пасынком быть. Надоело мне это блядское снисходительное отношение властимушких, а еще тошнее переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу, ей-богу, не могу! Хотя караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу. Ведь и раньше, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть.

А теперь — теперь злое уныние находит на меня. Теперь, когда от революции остались только хрен да трубка, теперь, когда жмут руки тем, кого раньше расстреливали, стало ясно, что ты и я были и будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать. Перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно: что ни к февральской, ни к октябрьской. По-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь».

За два, за три года до гибели поэт отчетливо уяснил: революция принадлежит кому-то, но не народу, не «сеятелю и кузнецу».

Такой поэт, как Сергей Есенин, в смерти Родины видел смерть своей философии, своего мира, видел свою собственную смерть:

И вновь вернулся в отчий дом,

Чужою радостью утешусь,

В зеленый вечер под окном

На рукаве своем повешусь.

Страстно угнетаясь и страстно радуясь, Есенин помогал, точнее, хотел помочь новому дню России. Из боли и крови, из пепла и слез он выходил к людям, к жизни, к земле, желая ей, родной и любимой, покоя и труда. Объяснить творчество Сергея Есенина — объяснить нас, нашу русскую душу. Как объяснить колдовство, действо?

Полевое степное «ку-гу».

Здравствуй, мать голубая осина!

Скоро месяц, купаясь в снегу,

Сядет в редкие кудри сына.

И на какой другой язык можно перевести без потерь это чудо? Есенин — во всем Есенин. Живой, искренний, обжигающий.

Шестнадцать лет он вышел из дому и через четырнадцать лет вошел в бессмертие. Четырнадцать лет. А тут — сотни стихов, десятки поэм. Рассказы. Статьи. И все — за четырнадцать лет!..

Мог ли думать, уходя из дому, шестнадцатилетний Сергей Есенин, о том, что через четырнадцать лет начнутся сшибки, скандалы, истерики вокруг его имени? Мог ли он, мальчик, думать, что по нему, этому звонкому и родному соловью, откроется такая долгая и жестокая пальба из всех литорудий? Мог ли он полагать, что кто-то нагло и деспотически попробует исключить, убрать его светоструйный голос?..

И — часто я размышляю: Сергей Есенин, как тяжело тебе жилось на земле отцов и дедов? Как тебе, наверное, было неуютно? Не зря ты в минуты удручения и маеты произносил:

А месяц будет плыть и плыть,

Роняя весла по озерам...

А Русь все так же будет жить —

Плясать и плакать у забора.

На Ваганьковском кладбище 3 декабря 1926 года хлопнул pistolетик. Молодая сотрудница ВЧК Галина Бениславская упала «возле креста» Сергея Есенина. Ее записку — «В этой могиле для меня все самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновского на поводу», — мы знали, но лишь до «все самое дорогое»...

А кто такой Сосновский? Ранее — бандога, потом — член президиума ВЦИК, заместитель редактора «Правды», он удавом катился за поэтом.

Мать Сосновского — шизофреничка. Ей мерещился везде подвох — русские иконы... Сестра Сосновского постриглась, в монашках. Мать презирает православие, дочь — принимает, а сын — бандога, расстрелянный при очередной «чистке врагов народа»...

Блюмкин, провокатор и садист, поручается: «... я, нижеподписавшийся, Блюмкин Яков Григорьевич, проживающий в гостинице «Савой» № 136, беру на поруки гр. Есенина и под личной ответственностью ручаюсь в том, что он от суда и следствия не скроется и явится по первому требованию следственных и судебных властей». Безграмотно, но искренне...

Великий русский поэт — преступник? А Дункан 3 октября 1921 года, в мастерской художника Якубова, произносит, встретя Сергея Есенина: «Ангел!»... И только 3 августа 1922 года Есенин с Дункан возвращаются из-за границы. Галя Бениславская тоскует:

«Всю ночь было мучительно больно. Несмотря на усталость, на выпитое, не могла спать. Как зуб, болит мысль, что Есенин любит эту старуху и что здесь не на что надеяться. И то, что она интересна, может волновать, и что любит его не меньше, чем я.

Казалось, солнце и то не светит больше, все кончено».

Несуразна жизнь. И мы, русские, несуразны. Ни одного гения своего не уберегли от клеветы и травли, ни одному великому поэту не продлили мечтательности и вздоха: то пуля, то виселица...

Брата по матери, Александра, Сергей впервые увидел, будучи уже известным, да и Саша был уже взрослым.

- Погостить к нам приехал? — сосед Сергея спрашивает.
- Да, погостить.
- А брата своего видел?
- Какого брата?
- Сашку.
- А где он? — даже вздрогнул Сергей.
- Вон, идет с делом Федором.

Подходим, вспоминает Александр, к Сергею, встал я против него, а он мне прямо в глаза смотрит:

— Ну, давай здороваемся, брат!

Мать Сергея Есенина выносила Сашу, уйдя от отца поэта, но развода так и не получила, возвратилась. Появились Катя

и Шура... Отдав Сашу на воспитание, мать Сергея Есенина бежала за повозкой подружки и под звездным холодным небом рвала на себе волосы... Трагедия тайны Есениных.

Татьяна Федоровна на сыновей смотрит: «Мне так радостно, так хорошо!» В юности Татьяна Федоровна, Таня, Танюша, слыла частушечницей, необыкновенно и перебористо играла на гармошке. Но осчастливленным дарованием судьба недодает счастья в обычной толчее. Первый ее возлюбленный не женился на ней. Замуж вышла за нелюбимого. Ушла из семьи — полюбила, Сашу родила, но развода не получила.

Если у Танюши — судьба русской работающей девушки, обиженной жестокостью быта и грубой ошибкой случая, то у Татьяны Федоровны Есениной — судьба русской матери, измученной горем и мглою нищеты, грузом бесправия.

Два настроения слились в поэте: чувство света, радости, песни и чувство хмури, тоски, мятежа. Два полушария земли: Север и Юг. Два крыла Вселенной: день и ночь.

Спокойной ночи!

Всем вам спокойной ночи!

И — как бритва:

Синий свет, свет такой синий!

В эту синь даже умереть не жаль.

Ну так что ж, что кажусь я циником,

Прицепившим к заднице фонарь!

И — как просьба:

Старый, добрый, заезжий Парнас,

Мне ль нужна твоя мягкая рысь?

Я пришел, как суровый мастер,

Воспеть и прославить крыс.

Башка моя, словно август,

Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом,

В ту страну, куда мы плывем.

Обуреваемая «французскими, по отцу, грузинскими, по матери, генами», Галина Бениславская признается в момент досады и кризиса: «Так любить, так беззаветно и безудержно любить, да разве это бывает? А ведь люблю и не могу иначе; это сильнее меня, моей жизни. Если бы для него надо было умереть — не колеблясь, а если бы при этом знать, что он хотя бы ласково улыбнется, узнав про меня, — смерть стала бы радостью».

Но, порезавшись о быт, о личные драмы, свои и чужие, удивляется она: «Обозлился за то, что я изменяла? Но разве он не всегда говорил, что это его не касается? Ах, это было все испытание? Занятно! Выбросить с шестого этажа и испытывать, разобьюсь ли! А дурак бы заранее, не испытывая, знал, что разобьюсь. Меня подчинить нельзя. Не таковская! Или равной буду, или голову себе сломаю, но не подчинюсь».

Не подчинилась. И Лев Осипович, политкаторжанин, увлек Галю: с ним настоящую суть повяла... И с одним ли Повицким?.. Не подчинилась. Клянясь — изменяла. Приобретая — утрачива-

ла. Оправдываясь — виноватилась. А цветы вспыхивали и гасли. Жизнь вспыхивала и гасла.

А 28 декабря 1925 года — телеграмма: «Москва, Брюсовский, дом Правды, 27. Бениславской МСК Ленинграда 103522 12 16 51 Сообщите Наседкиным Сергей умер — Эрлих». Телеграмма — почему Бениславской?..

И — дневник Бениславской: «Да, Сергунь, все это была смертная тоска, оттого и был такой, оттого и больно мне. И такая же смертная тоска по нем у меня. Все и все ерунда, тому, кто видел его по-настоящему, — никогда не увидеть, никогда не любить. Жизнь однобокая тоже ерунда. И общественность, и все, все есть, когда существо живет, так по крайней мере для меня тогда расцветают все мои данные, все во мне заложенное. Малюсенькая «надежочка» осуществилась, но это непоправимо».

Есенин погиб, а она: «...расцветают все мои данные, все во мне заложенное»... Чуть ли какая-то. Но нам ли ее осуждать? И осуждать ли?..

Пока существует народ, существует его язык. И разве возможно заменить язык Гоголя языком-эрзацем? Или заменить эту искренность:

*Пахнет рыхлыми драченами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в пас.*

*Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.*

Целая изба. Целый мир деревенского житья-бытья, мир, где все живет в тысячелетнем взаимном сцеплении и взаимной зависимости! Та же самая искренность, только чуть ожесточенная, проявилась в поэте и тогда, когда он возмутился:

*Приемлю все.
Как есть, все принимаю.
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.*

*Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.*

*Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмрив.*

И — предчувствие: русскую территорию, Россию, как шкуру

неубитого медведя, разделили-таки. Катастрофа ослабила и уменьшила нас. Поэт предупреждал...

*Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

Полнейшая свобода выражения чувств — правда поэта. Здесь поэт — высший судья! Его слово — психологическая, нравственная, национальная боль. Она звенит, соединяя наши чувства с мирами, казалось бы, давно забытыми, где жили, воевали, работали и праздновали наши предки. Эта боль — русский голос. Заслуга Сергея Есенина еще и в том, что он не дает осытеть до черствости, до бессовестной лени «певцам дня», склонным к социальной полноте и одышке... И, пожалуй, после Михаила Юрьевича Лермонтова на нашей земле не было поэта, так пронзительно мыслящего о чести таланта.

Есенин предугадывал течение событий, платя за муки и сомнения стоном души и слова. К 1925 году поэт сформировался окончательно: прозрел и оперся в размышлениях на опыт народа и опыт истории. Безрадостность предвидения отягощала его, а разоренная стезя России веяла туманом.

Галина Бениславская, разорвав любовную связь с Седовым, сыном Троцкого, и сравнивая и перебирая в памяти мелькнувших партнеров, убедилась: никому из них не одолжено Господом золотого теплого сердца, отзывающегося трепетным звоном на человеческий вздох, никому, никому, только — Есенину. Это сердце — не обмануть. От этого сердца — не уйти.

«Я опять больна. И, кажется, опять всерьез и надолго. Неужели возвращаются такие вещи. Казалось, крепко держу себя в руках, забаррикадировалась, и ничего не помогло. И теперь хуже. Тогда я была моложе, верила в счастье любви, а сейчас я знаю, что «невеселого счастья залог сумасшедшее сердце поэта», и все же никуда мне не деться от этого. Опять тоска по нем, опять к каждой мысли прибавляется это неотвязное ощущение его. Опять все скучны».

Вот что выстрелило у могилы, а не пистолетик... От Сергея Есенина Галя ушла, а от молитвы его и покаяния его нет. А Есенин весь — молитва, весь — покаяние!

Есенин слышал о Саше и с нетерпением ждал встречи с ним. Знал Сергей Есенин и о скорби матери, попреках ей со стороны родни отца. Знал Сергей Есенин и о девичьей беде своей матери: любимый на ней не женился, а нелюбимому она родила «четырёхмесячного» сына, скоро умершего...

Александр, брат Сергея, говорит: «Ввиду постоянной неурядицы моей матери с отцом Сергея, мать была вынуждена уйти из семьи в г. Рязань, оставив маленького Сергея на воспитание

деду Титову Федору Александровичу, ему было 4 года». В Рязани Татьяна Есенина встретила с добрым и заботливым человеком, полюбившим ее: родился Саша.

Двоих сыновей воспитывать было тяжело, и мать была вынуждена обратиться в народный суд с требованием развода или паспорта, чтобы иметь право жить в Рязани. Суд состоялся в том же городе, судил их земский начальник. Татьяна Федоровна на суде была с двумя сыновьями, с Сергеем и Александром, на суде муж отклонил требование о разводе и потребовал ее возвращения в семью. Требование уперлось в требование.

Не вынеся укоров и брани, Татьяна Федоровна через 17 дней появилась вновь в Рязани и устроилась на должность кормилицы в детский дом, прихватив с собою и Сашу. Но развод отклонен — возвращение неминуемо. И мать просит подругу Екатерину Разгуляеву взять на воспитание Сашу.

Отдавая, потеряла сознание. А когда повозка тронулась, через версту, полторы крик: мать с распущенными волосами... Подбегает, обезумевшая: «Боже мой! Я забыла с ним проститься. Дайте моего ребенка, я еще раз прижму его к груди». Берет на руки, прижимает к груди, целует, заливаясь слезами. Затем хватается за волосы и рвет прядь с кровью, кровь заливает лицо...

И годы, годы мать, как горная орлица, на отдалении неутомимо сторожила сына: «Вдруг 5 января в 2 часа ночи стук. Вышла Екатерина Петровна:

— Кто там?

— Это я, Сашина мать, откройте мне!..

Сторожила умно, щедро, благодарно: «Дорогая подруга, Екатерина Петровна, я очень прошу приехать ко мне с моим сыночком Сашенькой на несколько дней. Я очень соскучилась по нему, к вам я приехать не могу, нет никакой возможности. Дочь Катя маленькая, а Шуру кормлю грудью. Сережа находится в Москве у отца. Убедительно прошу Вас приехать ко мне, жду с нетерпением. Целую Вас. Оденьте Сашеньку потеплее, чтобы он не простудился. Я за него беспокоюсь!»

Приехали. Александр вспоминает: «... вот подбегает ко мне, берет на руки, целует в лоб, волосы, щеки, глаза и плачет. Вносит меня в избу:

— Сейчас я тебя напою, накормлю и согрею!»

Зимняя степь. Сверкающие инеем березы. Белые холмы. Высокие суровые звезды над ними. И — оледенелое пространство. И — скрипучая русская дорога. И — снег по краям. А на дороге — мать. Волосы рвет, судьбу проклинает...

*Я вижу — в просиничном платье,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная мати
С пречистым сыном на руках.*

*Она несет для мира снова
Распятый воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зоркой и полднью у куста».*

Личное, от детства и до предсмертного часа, перевоплощается в поэте в наше, человеческое, счастливое или несчастливое, но перевоплощается. И не надо натужно втаскивать в творческую биографию Есенина «детали и приметы» его живой биографии, но и не замечать такое — слепота:

*Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.*

Да, «Бил ее выгонщик грубый На перегонных полях», но совсем ведь не о корове:

*Не дали матери сына,
Первая радость не впрок.*

Метко, как пулей, точкой узаконено: даже знаки препинания рассчитаны на главную мысль — выделить и обособить то, что поэт дает нам в подтексте... Касаясь ли больших событий, опускаясь ли над ручьем, склоняясь ли над ромашкой, Есенин многозначен, масштабен, но многозначность и масштабность его слова усилена неповторимостью личного. Он достоверен собственным горем:

*По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...*

Пора нам заметить и пораженно соединить «разрыв» по времени:

*Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.*

Сергей Есенин не был ни пьяницей, ни хулиганом, ни распущенным женоедом. Уж чего он искал, к чему неостановимо стремился, так это к уюту, к светлой семье, раненный с детства личной драмой матери.

Поэт создал из страданий своих, из «фамильных» трагедий и утрат образ любимой, «лицо» матери и сильным сыновним светом сердца опахнул его:

*В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.*

*Кто-то дерзкий, непокорный
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма вечер черный,
И луна — как в белой зыбке.*

Погибла Бениславская. Погибла Дункан. Погибла Райх. И оставшиеся в живых не виноваты за страшную бурю, не захватившую их под свой убийственный знак. Расстрелян Наседкин, муж Кати. Расстрелян Георгий, Юра, сын Сергея Есенина и Анны Азрядновой. Сестры, Катя и Шура, отмечались в НКВД, мать, Татьяна Федоровна, отмечалась в НКВД через определенный срок: не сбежали бы, шпионы!..

Поэт чувствовал: не уцелеет русская открытость, и мысленно, царапая и укалывая душу о разочарования и тиранию, искал

угол, а в нем — икону, символ нравственного и физического спасения:

*Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах не рассказать:
На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.
Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокосяя,
В юбочке белой
Стоит береза над прудом.*

Что это? Кто это? Это — совесть. Россию выбили и замучили. Нет пути назад. И лишь впереди — оклик прожитого, знак веры и воскрешения.

В июле 1925 года Есенин пишет стихотворение, в нем, как в книге, если вдуматься, рассказаны «наития» того, что случится с землей, с человеком, с Россией, когда извечная традиция человека добывать себе хлеб трудом своим и окружающую среду править и прибавлять им же, трудом своим, — ликвидируется.

«Каждый труд благослови, удача! Рыбаку — чтоб с рыбой невода, Пахарю — чтоб плуг его и кляча Доставали хлеба на года. Воду пьют из кружек и стаканов, Из кувшинок также можно пить — Там, где омут розовых туманов Не устанет берег золотить. Хорошо лежать в траве зеленой И, впиваясь в призрачную гладь, Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный, На себе, уставшем, вспоминать. Коростели свищут... коростели... Потому так и светлы всегда Те, что рано в жизни опростели Под веселой ношею труда. Только я забыл, что я крестьянин, И теперь рассказываю сам, Соглядатай праздный, я ль не странен Дорогим мне пашням и лесам. Словно жаль кому-то и кого-то Словно кто-то к родине отвык, И с того, поднявшись над болотом, В душу плачут чибис и кулик».

С первого взрыва первого храма началось русское сползание во тьму, в междусобицу и кровь. Кровавый рассвет палачества не миновал золотой головы поэта. Страшно подумать: Гумилев, Блок, Есенин, Маяковский, Клюев, Васильев, Корнилов — самое лучшее, что дала нам русская поэзия того времени, — убраны пулей и травлей.

*Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.*

И:

*Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.*

Ветер и сухие уста. Ветер и листья времени — с дерева жизни...

Нравственный Бухарин ерничал: дескать, не прикончили, а только власть кое-каких подрасстреляли царей, цариц, царевен, царевичей и разных там светских барышень, немножко погрохали. Кого — в висок, кого — в сосок, кого — в сердце, но уколошили. Государь — рухнул. Государыня — упала. Дочери — мертвы. Сынишка, наследник, — брыкался. А Сергей Есенин, поди, жалеет, сочувствует? Ручку «чмокал» у царицы... Стрелять надо!

Илья Эренбург еще вздохнул о Есенине. Мало одного раза? Галина Бениславская бредит. Пьет. Литератор Устинов, пообещавший рассказать о гибели Есенина, наутро был найден опочившим. Что это? Устинов еще в «Англетере» приобщился к истине сомнений? Войдя в номер, с другими, застал витающую смерть?..

Следы крови — на полу. Следы крови — на брюках. Следы крови — на рубашке. А пиджак? Шкаф отодвинут от стены. В стену — ход? Ход — двери? Закрыты, но — отворились?.. Девочка, гимназистка, в тот вечер обнаружен ее «дневничок», загляделась, на цыпочках, издали, в есенинское окно. Свет погас, но судорожно вспыхнул. Тени начали метаться, крутиться, за шторой, и кататься... Много догадок. Много людей, включенных в тайну гибели поэта.

Но тайны нет. Сергей Есенин убит еще до гибели. Убит подлецами, ненавидящими его русский облик, его неповторимый русский голос... Долгий суд — изуверство. Безжалостный суд — больница. В больнице Есенин решает бежать из Москвы, бежать от преследований.

Юрик Ивнев подчеркивал: прощаясь с друзьями, сестрою Шурой и Татьяной Толстой, поэт не торопился успокаиваться, интуитивно чувствовал неотвратимое...

Есенин — третья жертва казнителей, их «орденского» клана: первые — Гумилев, Блок...

*А за окном
Протяжный ветер рыдает,
Как будто чуя
Близость похорон.*

«Ветер рыдает», звуки рыдают, рыдают слова — душе тесно...

«Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног трудящихся поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит тогда эти уже покрытые плесенью мосты, но всегда ведь бывает жаль, если выстроен дом, а в нем не живут, челнок выдолблен, а в нем не плавают».

Так Сергей Есенин думал в 1920 году, а мы и сегодня еще не стыдимся «социализировать» в поэте то, что в нем стонало, а не аплодировало, противилось, а не поддакивало...

Жизнь усложнилась. Время усложнилось. Усложнилось и все великое наследие поэта. Оно, через десятилетия, видится крупнее, неопровержимее. Сергей Есенин — война за Александра Пушкина, за вечную прелесть и отвагу русского языка, за несравненную память русского человека.

*О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.*

Это — такое родное, такое неодолимое, это — только на нашей бессмертной земле. Это — Россия, зовущая, туманно-властная, единственная!..

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

42

≡
*Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.*

*Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.*

*Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.*

*Побегу по мягкой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.*

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!» —
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

≡
Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной куцей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

≡
Клюеву

43

Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце вытеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.
О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

≡
Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.

*В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.*

*Золотую лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.*

*Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стерезет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.*

*И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листья целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.*

*Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.*

*Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.*

*И в душе, и в долине прохлада,
Синий сумрак, как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.*

*Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.*

*Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где моя тихая радость,
Все любя, ничего не желать?*

Мариенгофу

*Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.*

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяйне старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

==

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипячковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая словесная гряда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше били мне морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет!»

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелье падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загладелись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

==
Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косягоры
Обпечалили русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая серая гладь,
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка,
Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной,
Дожидаюсь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

≡
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня мне еще снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полобил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистный,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

≡
Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году —
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю выюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальную
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме выюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

ПУШКИНУ

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой.
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в отчет тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

≡
Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг
Всю жизнь пройдя с улыбкой мимо,—
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду на дорогу, выйду под откосы, —
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?»

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка —
Но косою выводят строчки хоть куда.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках — песня,
в этих строчках — слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ

ИТОГИ КОНКУРСА ЗНАТOKOВ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ,

зав. кафедрой музейного дела Рос-
сийского государственного гумани-
тарного университета, председатель
жюри конкурса

Итак, завершён конкурс знатоков российской истории (условия его были опубликованы в 1—3-м номерах «Смены» за 1993 год). Позади три тура поискового марафона, выявившего немало поистине неутомимых исторических следопытов на всех широтах необъятной России. Однако о географии конкурса — чуть позже.

Пришедшая в адрес журнала почта позволяет сделать главный вывод: в наших читателях живёт глубокий и неподдельный интерес к истории России, к истории, творцами которой были наши соотечественники. Все, что ни делалось в нашей стране, делалось их волей, энергией, талантом, решительностью, трудом — кому что было отпущено Богом. Личные качества этих некогда очень известных людей нашли свое преломление и в их портретах.

Трудно сказать, что ещё столь полезно для воспитания любви

к родной истории, как не созерцание изображений предков, тем более мужей государственных, выдающихся деятелей литературы и искусства... Всмотритесь ещё раз в портретную галерею людей старой России, точнее сказать — в совсем небольшой фрагмент такой галереи. Какое глубокое чувство уважения вызывают они в нас, готовых вот-вот ступить в неведомый XXI век! Сколько в них чувства несуетного достоинства, ума, независимости!

С разных точек зрения можно оценивать портретные изображения. Для одних самое главное — известность портретируемых лиц, для других — авторство, для третьих — время создания, для четвертых — художественные достоинства. Последний подход, пожалуй, преобладает. Портрет как яркое явление изобразительного искусства, верный показатель зрелости и мастерства художника во

все времена привлекал искусство-ведов. Этого нельзя, к сожалению, сказать об историках, особенно исследователях последних десятилетий, в большинстве своем равнодушных не только к изображениям исторических лиц, но даже к самим историческим деятелям. Посмотрите, насколько безлики все очерки отечественной истории! Да это и немудрено: все силы исследователей были нацелены на «глубокое изучение диалектики общественных явлений», «на раскрытие характера движения народных масс», на поиск ярких примеров «марксистского понимания истории». Где уж тут опускаться до отдельных личностей, всматриваться в черты их лиц...

Портреты соотечественников, как ярчайшие памятники культуры, недаром издавна привлекали русских коллекционеров и собирателей. Богатейшие портретные галереи в итоге длительных поисков удалось собрать П. П. Бекетову, Д. А. Ровинскому, А. В. Морозову. Много лет в составе своего знаменитого на всю Россию частного музея пополнял пантеон деятелей отечественной культуры П. М. Третьяков.

Подводя итоги конкурса, нет возможности детально остановиться на характеристиках, которые даны историческим деятелям нашими корреспондентами. Любой из людей, чьи портреты опубликованы «Сменой», достоин увлекательной книги. К счастью, участники конкурса дают разные оценки одним и тем же лицам, отходят от привычных, десятилетиями насаждавшихся «единственно верных» оценок большевистской идеологии. По-видимому, этот разброс мнений, широта читательских оценок и их раскованность и есть свидетельство живого отношения к отечественной истории. Биографии наших сооте-

чественников, их поступки, их мысли отнюдь не укладываются в прокрустово ложе классовых оценки: «прогрессивный» — «реакционный», «хороший» — «плохой», «красный» — «белый».

Любое изображение исторического лица — это всегда живописный портрет с присущим ему многообразием красок, с их особой неповторимой гаммой. Упрямое стремление видеть в отечественной портретной галерее лишь «одноцветные» силуэты или наивно подкрашивать если не красным, то розовым изображения вековой давности — занятие наивное и даже вредное. Пусть все наши соотечественники останутся самими собой, а наше представление о них, об их заслугах и промахах будет опираться не на казенные оценки и ярлыки, но на непосредственное обращение к историческим фактам.

Кто же они, знатоки родной истории?

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛЕДОПЫТОВ

Кого только ни приворожили к себе «Незнакомые знакомцы»! Тут и **школьники** — Татьяна Березина (*Воронеж*), Валерий Ликандров (*Нефтекамск, Башкортостан*), Михаил Мальцев (*Екатеринбург*), Инга Постригань (*Запорожье, Украина*), и **студенты** — Наталья Клепацкая (*Санкт-Петербург*), Ольга Кузьмина (*Беднодемьяновск Пензенской обл.*), Василий Куликов (*Кинешма Ивановской обл.*), и **учителя** — Т. Карпункова (*Алупка, Крым*), Александр Кутумин (*с. Яковское Сосновского района Нижегородской обл.*), преподаватель художественного училища Лидия Рубченко (*Луганск, Украина*), и **инженеры** — Валерий Васильков (*Дмитров Московской обл.*), Владимир Кюнченков

(Санкт-Петербург), Ольга Рытикова (Рязань), и **библиотекари** — Р. Городничева (Нефтеюганск Тюменской обл.), Г. Каурова (Братск Иркутской обл.), Лариса Куравлева (п. Медвежий Стан Всеволожского района Ленинградской обл.), Любовь Леонова (Одесса, Украина), Александра Фролова (с. Федосино Островского района Псковской обл.), **электромеханик** Людмила Бугай (г. Бровары, Украина), **экономист** Оскар Бурый-Шмарьян (Саратов), **художник-гравер** Валентина Загуменова (Златоуст Челябинской обл.), **программист** Михаил Корольков (Липецк), **математик** Галина Котова (ст. Новопокровская Краснодарского края), **врач** Т. Чухман (Волгоград), **майор милиции** Георгий Шубин (Архангельск), **пенсионеры** — Зинаида Ивановна Дубасова (п/о Долматово Заволжского района Ивановской обл.), Зинаида Михайловна Кокашинская (д. Большая Ящера Лужского района Ленинградской обл.), Валентина Федоровна Мурыгина (Нижний Новгород), Надежда Семеновна Цветкова (Кишинев, Молдова), Александр Панфилович Черных, ветеран войны и труда, инвалид Великой Отечественной войны (Таганрог Ростовской обл.).

Похоже, истории, как и любви, все возрасты и все профессии покорны. Впрочем, для участников конкурса история Отечества и есть любовь.

Отрадно и трогательно, что в поисках имен исторических лиц участвовали целые семьи — Громовых (Днепропетровск, Украина), Кравец (Вологда), Можарцевых (с. Сафакулево Курганской обл.), Цаценко — Виталий Анатольевич и Любовь Ананьевна (Псков), Яковлевых — Сергей Егорович и Валентина Моисеевна (г. Эртиль Воронежской обл.), Челидзе — бабушка Тамара Шалвовна 68 лет и внук Сережа 17 лет (Мичуринск

Тамбовской обл.), Светлана Ермакова с дочерью Оксаной (ст. Малукса Ленинградской обл.). Что может быть благороднее, чем уважительное отношение к делам давно минувших дней не только на школьном уроке или на вузовской лекции, но в семейном кругу? И разве растеряет человек любовь к Отечеству, привитую в родном гнезде?

Вот несколько выдержек из писем читателей, штрихов к «коллективному портрету» участников конкурса.

«По образованию я историк и библиотекарь, тем не менее задания оказались для меня довольно сложными. Вы правы: долгое время наша история оставалась «безликой». Выяснилось, что разыскать портреты представленных Вами государственных деятелей, деятелей культуры, литературы и искусства совсем не просто. М. В. Васильева. Г. Воскресенск Московской обл.»

«Это прекрасно, что Вы проводите такой конкурс, ведь сейчас очень многие совсем не интересуются историей России. Я очень люблю историю, собираюсь поступать в Российский государственный гуманитарный университет (бывший Историко-архивный институт). Ольга Бреева. Москва».

«Мне 16 лет (когда получила задание первого тура, было еще 15), пытаюсь увлекаться историей («пытаюсь», потому что это не главное мое увлечение). Очень люблю серьезные исторические романы и исторические очерки в журнале «Смена». Я благодарю вас за интересный конкурс. Ольга Гуслева. Нижний Новгород».

«Мне 26 лет, работала художником-гравером на Златоустовском заводе, но в настоящее время нахожусь в отпуске по уходу за ребенком. Решила попробовать свои силы в вашем конкурсе «Незнако-

мые знакомцы». Разыскивая некоторых из них, я не только полезно провела время за книгой, но и узнала много интересного как о них самих, так и об окружавших их людях. Валентина Загуменова. Златоуст Челябинской обл.»

«Большое спасибо за этот замечательный и радостный конкурс! Почему радостный?! Радость поиска, радость удачи, радость находки, радость общения с людьми... радость познания!

Увы, историю знаю плохо, как бы хотелось сейчас учиться в гуманитарном вузе, но возможно лишь самообразование. А этот конкурс — искра новых знаний. Лариса Куравлева. п. Медвежий Стан Всеволожского района Ленинградской обл.»

«Первый год я работаю в школе учителем истории, окончив С.-Петербургский университет, поэтому многие лица явно встречались на страницах разных книг. Вот вспомнил портреты С. С. Уварова и А. М. Горчакова... Особенно трудным было «узнавание» С. С. Уварова. Илья Ратьковский. С.-Петербург».

«Ваш конкурс меня увлек, на первый взгляд, я вроде бы всех знаю, но пришлось обойти все наши библиотеки, и тщетно. Ни в одной я не нашла того, что было в моей личной библиотеке... Велико мое удовольствие от шестистраниц, от новых и новых старых книг! И досада на издателей, которые забывают показать читателю героев исторических событий; это касается не только книг, но и журналов. Перелистала «Огонек», «Родину», «Слово» и другие, есть прекрасный исторический материал, но ни портрета, ни репродукций. Зинаида Рачева. п. В.-Серги Свердловской обл.»

«За время просмотра множества книг, репродукций, фотографий я не переставала удивляться тому, как по-разному видят одного

и того же человека художник, фотограф и т. д. У каждого свое видение. Я швея. Работаю в быткомбинате районного центра Богучаны. Люблю историю России, хочу ее знать. Любовь Сливинская. с. Богучаны Красноярского края».

«Большое спасибо вам за этот конкурс. С помощью этого конкурса я хотела бы найти себе знакомых, которые так же, как и я, занимались бы русским портретом. Я интересуюсь очень узкой темой: «Русский женский портрет XVIII—XIX вв.». Людмила Рогожина. г. Тейково-З. Ивановской обл.»

«Дорогие друзья из редакции «Смены»!

В этом году я не являюсь вашей подписчицей, т. к. пенсии хватает «еле-еле», даже местная газета «Вечерний Кишинев» на полгода — 1220 р. — не по карману. «Смену» № 1 взяла у знакомых на 5 дней только прочитать, иначе мне потом за опоздание не дадут другого номера. Читая, наткнулась на ваш конкурс. Пишу по памяти. Я работала в школе слепых и глухих — историком. Так что решила свою память «расшевелить», но я уже 24 года на пенсии. Сама оглохшая.

Не знаю, как будет дальше, но вряд ли знакомые подпишутся на второе полугодие, а мне так хотелось узнать свои результаты. Авось еще буду жива. Надежда Семеновна Цветкова, 1917 г.р. Кишинев, Молдова».

«Мне 30 лет, работаю в Академии по строительству. Идея конкурса «Незнакомые знакомцы» очень интересная и очень хитрая. У нас можно найти все что угодно об этих людях, только не их портреты. Пришлось посетить краеведческий музей, собор, университетскую библиотеку и т. д. Увы, в запасники музея не пустили, там можно было найти все в дореволюционных изданиях... Я убедил-

лась, как много начитанных, образованных людей не знают лиц «Незнакомых знакомцев». *Наташа Игнатенко. Ростов-на-Дону».

Как видно из приведенных выше писем, многим нашим читателям пришлось заниматься поисками ответов далеко не в идеальных условиях — не хватало времени, страшно скудны оказались на иллюстрированные издания многие библиотеки, а порою, как ни горько признать, «за пределами досягаемости» оказывался сам журнал «Смена». Тем драгоценнее результат, полученный вопреки этим да и многим другим «отягчающим обстоятельствам». Еще раз убеждаешься, что увлеченные люди не знают никаких преград.

ГЕОГРАФИЯ КОНКУРСА

От любителей истории редакция получила свыше пятисот писем. Самую большую почту собрал I тур: нам написали 229 человек. «Незнакомые знакомцы» привлекли внимание не только в России, но и в ближнем зарубежье — 34 конверта пришли со штампами и разноцветными почтовыми марками Белоруссии, Украины, Казахстана, Узбекистана, Молдовы и Азербайджана. Портретами исторических лиц заинтересовались жители 46 сел и рабочих поселков России, 50 малых и 103 больших городов нашей страны. А вот из Москвы и Санкт-Петербурга откликов поступило не столь уж много: соответственно 21 и 9. Напрашивается вывод: самые пытливые и любознательные, самые инициативные и неутомимые участники конкурса живут в российской глубинке. Так что если и существует собирательное понятие — «историческое сознание», то искать его резонно не только и не столько в столицах.

Достойны внимания многие суждения наших читателей — не только об исторических лицах, но и шире, о прошлом нашей страны, о той роли, которую способны сыграть в расширении исторического кругозора конкурсы, подобные нашему. Снова слово участникам конкурса.

«...Как плохо мы знаем историю России. Как будто до 1917 г. она и не существовала. Попробуй найди что-нибудь в наших библиотеках. И спросить не у кого. Никто никого не знает. Светлана Николаевна Синицына. Учительница математики. п. Волгодонской Калачевского района Волгоградской обл.».

«Вы правильно пишете, что у нас была безликая история, мы многих деятелей знали лишь на слух, да еще с отрицательной оценкой. Ваш же конкурс, я уверен, у многих читателей вызовет интерес к отечественной истории, позволит лучше понять ее и действительно «заглянуть в глаза» ее непосредственным участникам. С уважением, от имени всей семьи Можарцевых, старший сын — Игорь. с. Сафакулево Курганской обл.».

«Патриотизм воспитывается не лозунгами и заклинаниями и не страхом. Если человек вершит что-либо по принуждению, то его действия не будут отличаться от действий животного под кнутом погонщика. Истинный патриотизм рождается в условиях, когда человек обладает собственностью и свободой, имея в прошлом соотечественников, деяния которых приумножали славу своей страны в труде, искусстве, литературе, на поле брани...»

Как много было сделано для того, чтобы мы были Иванами, не помнящими родства! Как хорошо,

что «Смена» ставит задачу — ликвидировать провал в нашей памяти! Константин Тимофеевич Карпинский. Пермь».

«Самой высокой похвалы заслуживает ваше замечательное начинание — конкурс «Незнакомые знакомцы». Это возвращение к нашим корням, к нашей живой истории, столь долго хранимой «под сукном» официальной науки. Г. Н. Сливко. г. Григориополь, Молдова».

«Хорошо, что имена «реакционеров», «консерваторов» возвращаются, история насыщается жизнью, человеческими, а не только классовыми отношениями, хитросплетениями судеб. Да и как мы не могли понять, что без одной стороны медаль уже не медаль, только соединив две половинки, можно получить целое... Спасибо за эту попытку возродить интерес к дням минувшим. Марина Борисовна Борисова. г. Кинель Самарской обл.».

Если в результате нашего конкурса у читателей обострился интерес к истории старой России, если они попытались «заглянуть в глаза» творцам нашей истории, снова и снова осмыслить понятие патриотизма, извлечь из-под сукна официальной науки хоть несколько страниц прошлого родной страны, отрешиться от набившего оскомину деления исторических персонажей на «своих» и «чужих», то усилия организаторов не пропали втуне. Пусть и наш приток впадает в неиссякаемую реку благодарной памяти народной.

КТО ЕСТЬ КТО «НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ»?

Разминка. Как совершенно справедливо отметили многие, это этюд к картине И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 г.»

(1901—1903 гг.). На нем изображены И. Л. Горемыкин, министр внутренних дел (1895—1899), председатель Совета Министров (с 1906 г.), и Н. Н. Герард (в профиль), юрист, старший председатель Варшавской судебной палаты (с 1875 г.), сенатор гражданского кассационного департамента Сената (с 1882 г.).

I тур

1. Никон (Минов Никита) (1605—1681), русский патриарх с 1625 года. Провел церковные реформы, вызвавшие раскол. Вмешательство Никона во внутреннюю и внешнюю политику государства под тезисом «священство выше царства» вызвало его разрыв с царем.

2. Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь, русский дипломат, канцлер (с 1867 г.). С 1817 г. на дипломатической службе, в 1856—1882 гг. министр иностранных дел. В 1871 г. добился отмены ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 г. Участник создания «Союза трех императоров». Обеспечил нейтралитет европейских держав в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

3. Брюллов Карл Павлович (1799—1852), русский живописец и рисовальщик. Творчество Брюллова внесло в живопись русского классицизма струю романтизма. Произведения Брюллова отмечены утверждением чувственно-пластической красоты человека, драматической напряженностью образа, реалистическими тенденциями.

4. Уваров Сергей Семенович (1786—1855), граф, русский государственный деятель. С 1818 г. президент Петербургской Академии наук. В 1833—1849 гг. министр народного образования.

5. Дашкова Екатерина Романовна (1744—1810), княгиня, дея-

тельница русской культуры. С 1769 г. более 10 лет жила за границей, встречалась с Вольтером, Д. Дидро, А. Смитом. В 1783—1796 гг. была директором Петербургской Академии наук и президентом Российской академии.

6. Меншиков Александр Данилович (1673—1729), сподвижник Петра I, светлейший князь (1707), генералиссимус (1727). Крупный военачальник во время Северной войны 1700—1721 гг. В 1718—1724 и 1726—1727 гг. президент Военной коллегии. При Екатерине I фактический правитель государства.

7. Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), русский государственный деятель, граф, генерал от кавалерии. Участник подавления восстания декабристов. С 1826 г. шеф жандармов и главный начальник 3-го отделения.

II тип

1. Боровиковский Владимир Лукич (1757—1825), русский и украинский живописец. Портретам Боровиковского присущи черты сентиментализма, сочетание декоративной тонкости и изящества ритмов с верной передачей характера.

2. Тропинин Василий Андреевич (1776—1857), русский живописец. В портретах стремился к живой, непринужденной характеристике человека. Создал тип жанрового, несколько идеализированного изображения человека из народа.

3. Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825), русский композитор. По национальности украинец. Мастер хорового письма а капелла, создал новый тип русского хорового концерта. Камерно-инструментальные произведения — первые образцы крупной

циклической формы в русской музыке.

4. Бортнянский Д. С. (другое изображение)

5. Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), русский государственный деятель, граф (1799), генерал от артиллерии (1807). С 1808 г. военный министр, с 1810 г. председатель военного департамента Государственного совета. В 1815—1825 гг. фактический руководитель государства, организатор и главный начальник военных поселений.

6. Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809—1881), граф, русский государственный деятель и дипломат. В 1847—1861 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири. Содействовал изучению и освоению края. Руководил экспедициями по Амуру в 1854—1855 гг. Подписал Айгунский договор с Китаем.

7. Волконская Зинаида Александровна (1789—1862), княгиня, русская писательница. Салон Волконской в Москве в 1826—1827 гг. посещал А. С. Пушкин. В 1829 г. Волконская уехала в Италию. Автор стихов, поэм, повестей на русском, французском, итальянском языках.

III тип

1. Жемчужников Алексей Михайлович (1821—1908), русский поэт некрасовской школы, почетный академик Петербургской Академии наук (1900). В 50—60-х гг. участвовал в создании произведений и образа Козьмы Пруткова.

2. Шувалов Петр Иванович (1710—1762), граф, русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1761). Фактический руководитель правительства при Елизавете Петровне. Отменил внутренние пошлины. Один из организаторов русской армии в Се-

НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ

I тур

НИКОН

А. М. ГОРЧАКОВ

К. П. БРЮЛЛОВ

С. С. УВАРОВ

Е. Р. ДАШКОВА

А. Д. МЕНШИКОВ

А. Х. БЕНКЕНДОРФ

II тур

В. Л. БОРОВИКОВСКИЙ

В. А. ТРОПИНИН

Д. С. БОРТНЯНСКИЙ

Д. С. БОРТНЯНСКИЙ

А. А. АРАКЧЕЕВ

Н. Н. МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ

З. А. ВОЛКОНСКАЯ

III тур

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

П. И. ШУВАЛОВ

Н. М. КАРАЗИН

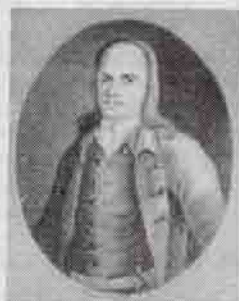
В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

В. А. КОРНИЛОВ

Ф. Н. ПЛЕВАКО

С. Л. БУХВОСТОВ

милетней войне, усовершенствовал русскую артиллерию.

3. Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), русский писатель, историк, почетный член Петербургской Академии наук (1818). Основоположник русского сентиментализма. Основное сочинение — «История государства Российского» (тт. 1—12, 1816—1829), знаменовавшее новый этап в развитии дворянского направления в русской исторической науке и отразившее уровень передовой исторической науки того времени.

4. Немирович-Данченко Василий Иванович (1848/1849—1936), русский писатель. Брат Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Автор многочисленных художественно-этнографических очерков, военных корреспонденций, мемуаров.

5. Корнилов Владимир Алексеевич (1806—1854), русский вице-адмирал (1852). С 1849 г. начальник штаба, с 1851 г. фактически командовал Черноморским флотом. В Крымскую войну один из руководителей героической обороны Севастополя.

6. Плевако Федор Никифорович (1842—1908/1909), русский юрист, адвокат. Выступал защитником на крупных политических процессах: дело люторических крестьян (1880), дело севских крестьян (1905), дело о стачке рабочих фабрики Товарищества С. Морозова (1886) и др.

7. Бухвостов Сергей Леонтьевич (1659—1728), «первый российский солдат», зачисленный Петром I в 1687 году в Преображенский полк, майор артиллерии, участник Азовских походов и Северной войны.

ЧЬИ ЧЕРТЫ УЗНАТЬ ТРУДНЕЕ?

Полученные ответы позволили составить своеобразную «шкалу

узнаваемости» портретов, участвовавших в конкурсе. Выглядит она так: 1. Е. Р. Дашкова — 91,66% верных ответов; 2. А. Д. Меншиков — 85,18%; 3. В. А. Корнилов — 84,25%; 4. А. А. Аракчев — 83,33%; 5. В. А. Тропинин — 77,77%; 6. В. А. Боровиковский — 76,85%; 7. З. А. Волконская — 74,07%; 8. А. М. Горчаков — 63,88%; 9. С. С. Уваров — 59,25%; 10. А. Х. Бенкендорф — 58,33%; 11. Никон — 50,92%; 12. Н. Н. Муравьев-Амурский — 50,00%; 13. С. Л. Бухвостов — 49,07%; 14. Н. М. Карамзин — 43,51%; 15. П. И. Шувалов — 38,88%; 16. Д. С. Бортнянский (4-й портрет во 2-м туре) — 36,11%; 17. Д. С. Бортнянский (3-й портрет во 2-м туре) — 33,40%; 18. Ф. Н. Плевако — 21,29%; 19. А. М. Жемчужников — 19,44%; 20. В. И. Немирович-Данченко — 18,51%; 21. К. П. Брюллов — 9,25%.

В приведенной выше последовательности — и свои закономерности, и свои неожиданности. Так, Е. Р. Дашкову не в последнюю очередь «подвинул» на первое место недавний юбилей. Изображения А. Д. Меншикова, В. А. Корнилова, А. А. Аракчеева, В. А. Тропинина и В. А. Боровиковского неоднократно воспроизводились в научных и популярных изданиях, в периодической печати.

Вопреки ожиданиям не вошли в первую пятерку такие, казалось бы, чуть ли не с детства знакомые лица, как З. А. Волконская и Н. М. Карамзин.

Зато в ряду двух десятков угданных читателями деятелей русской истории совсем неплохо смотрятся А. М. Горчаков (8-й), С. С. Уваров (9-й), А. Х. Бенкендорф (10-й), Никон (11-й), Н. Н. Муравьев-Амурский (12-й).

Решительно невозможно было предугадать такой исход «состязания»

ния» в области исторической иконографии...

«Твердыми орешками» оказались Ф. Н. Плевако, А. М. Жемчужников, В. И. Немирович-Данченко и К. П. Брюллов. Портреты этих некогда очень известных наших соотечественников оказались, что называется, не на виду. За исключением, пожалуй, К. П. Брюллова, где был выбран действительно достаточно редкий портрет. Поскольку эти изображения вызвали наибольшие затруднения (и, вероятно, наибольшее любопытство), укажем, что брюлловский портрет опубликован в книге «Портретная и биографическая галерея словесности, наук, художеств и искусств в России», т. II, Спб., 1841, а три предшествующих — в издании «Галерея государственных, общественных и торгово-промышленных деятелей России», Спб., 1906.

ЛУЧШИЕ ЗНАТОКИ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

За каждый верно определенный и толково прокомментированный портрет жюри присуждало по одному баллу. Что касается разминки, то с ней справились все участники, занявшие места с первого по пятое. Итак, результаты:

1-е место (21 балл)

— Валерий Викторович Васильков, инженер. Дмитров Московской обл.

— Вера Александровна Ягодкина. Петрозаводск. Республика Карелия.

Награда победителям — репринтное четырехтомное издание труда выдающегося русского историка Н. М. Карамзина «История государства Российского» (М. «Книга», 1988).

2-е место (20 баллов)

— В. А. Максимова. Санкт-Петербург.

— Р. М. Пайкина. Петрозаводск. Республика Карелия.

— Галина Ивановна Суетина. Няндама Архангельской обл.

— Н. А. Яковлев. Санкт-Петербург.

Все четверо получают в награду сочинения в девяти томах знаменитого русского историка В. О. Ключевского (М. «Мысль», 1987).

3-е место (19 баллов)

— Т. Ф. Калгушкина. Кишинев. Молдова.

Ей будет вручено трехтомное издание труда крупного историка Н. И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (М., АО «Книга и бизнес», 1992).

4-е место (18 баллов)

— Т. В. Кадильникова. Москва.

— Анна Александровна Шахова. Няндама Архангельской обл.

Обе они награждаются подарочным изданием книги «1812—1814. Реляции, письма, дневники» (М., «Тerra», 1992).

5-е место (17 баллов)

— М. В. Васильева. Воскресенск Московской обл.

— Михаил Михайлович Никитин. Саратов.

— Алевтина Андреевна Проценко, п. Школьный Прокопьевского района Кемеровской обл.

— Т. В. Реглина. Новокузнецк.

— Татьяна Царева. Саратов.

Им будет вручено репринтное издание книги «Триста лет царствования Дома Романовых».

Все призы награждаются также почетными дипломами журнала «Смена».

Жюри конкурса сердечно поздравляет победителей!

ПОСТСКРИПТУМ

Любителям разглядывать портреты исторических деятелей назovem напоследок несколько прекрасных дореволюционных изданий: Галерея замечательных людей России в портретах и биографиях, Спб., 1886; Драматический альбом с портретами русских артистов, М., 1850; Исторический альбом портретов известных лиц XVIII—XIX вв., фотографированный и изданный художником

А. М. Лушевым, Спб., 1870; Портретная галерея русских деятелей, Спб., 1865; Русские деятели в портретах, гравированных Лаврентием Серяковым, Спб., 1882; Русские портреты XVIII—XIX столетий, тт. 1—5, Спб., 1905—1909; Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям воинским и гражданским, М., 1821; Сто портретов деятелей русского искусства. Текст барона Н. Н. Врангеля, Париж. 1910-е годы.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ «СМЕНЫ» —

МОСКВИЧИ И ЖИТЕЛИ ПОДМОСКОВЬЯ!

Если вы хотите и впредь читать наш журнал, но не имеете возможности платить лишние деньги почте за доставку или киоскерам, продающим «Смену» с большой наценкой, приезжайте к нам в редакцию, и мы подпишем вас с любого номера по цене, указанной в Каталоге. При этом у вас будет стопроцентная гарантия, что вы получите журнал в срок.

Более подробную информацию об условиях подписки мы даем по телефонам:

257-30-55, 212-15-07

Ты мне еще не веришь, что потом —
 Через каких-то две или три недели,
 Когда умолкнут звонкие капли, —
 Ты будешь реже вспоминать о нем.

Да, будет так. Я знаю. Много раз
 Мне приходилось чувствовать плечами
 Свой новый крест. Бессонными ночами
 Порой я тоже не смыкала глаз.

Все думала: да как же я теперь? —
 Когда перевернулся под ногами
 Привычный мир. Ни кровью, ни слезами
 Нам не вернуть сегодняшних потерь...

Ну а потом заботы и дела
 Туманом пестрым околдуют душу,
 И — некогда себя уже послушать,
 И — ты опять такая как была.

И, даже если вновь весенним днем,
 Очнувшись разом, резко встав без дела,
 Ты вдруг опять подумаешь о нем,
 Душа не заболит — переболела.

Котенок черный шелковою лапой
 Скрежет порог захлопнутой души.
 Прислушайся у двери. Лунной лампой
 Свети себе и открывать спеши.

И тишину по шву срезая ловко,
 Шагнет через порог твой гость к луне.
 И старых писем пыльная кладовка
 Зашепчет, оживая в полутьме...

И вот опять страницы мнет, листая,
 Твоя нетерпеливая рука.
 И лунная дорога золотая
 Протянута к тебе издалека.

И ветреная песня мучит душу,
 Тоской ночных лесов опоена.
 И руки тянутся, и свечи тушат
 Квадратом предрассветного окна.

И тени отступают, затихая,
 На старых шпалах проступает кровь.
 И памяти молитвенник листая,
 Ты снова плачешь, ты смеешься вновь.

ТРАСПУ

Однажды ночью я внезапно пробудился от глубокого сна. В первую минуту меня удивило, что я вообще проснулся, так как весь день был занят на разборке Иезуитских Казарм и вернулся очень усталым. Я повернулся на другой бок, пытаюсь снова уснуть, и тут услышал крик, разогнавший остатки моего сна. Это был вопль ужаса — я подскочил и сел на постели. Рядом безмятежно спала моя жена. С минуту я напряженно прислушивался, а потом снова лег, говоря себе, что все это мне, должно быть, просто пригрезилось.

Днем у меня не было времени, чтобы анализировать ночные переживания. Я карабкался по развалинам Иезуитских Казарм, надзирая за тем, как идут возглавляемые мной работы; немилосердно жгло солнце, а тучи пыли, поднимающиеся над разрушенными стенами, оседали в легких. Ровно в одиннадцать, как обычно, появился глава Государственного Архива, доктор Хольцбок, чтобы узнать, как продвигаются работы. Его очень интересовал демонтаж этого старинного сооружения, древнейшие части которого восходили еще ко временам основания города. Поскольку предметом его исследований была история родного края, доктор ожидал от вскрытия сего почтенного «тела» не одной сенсационной находки.

Мы стояли посреди обширного двора и смотрели, как рабочие разбирают первый этаж главного корпуса.

— Я убежден, — сказал он, — что мы обнаружим еще множество интересных вещей, когда доберемся до фундамента. Не могу передать, какие чары исходят от старинных зданий, имеющих столь богатую историю, как это. Сперва купеческое подворье, потом женский монастырь, после него твердыня иезуитов и вот, наконец, казармы. Они возведены на территории обнесенного крепостными валами старого города и, вероятно, немало повидали на своем веку. Думаю, эти древние стены подарят нам еще немало удивительного — не только горшки со старинными монетами и скрытые под штукатуркой фрески, но также заточенные в камень события, окаменевшие судьбы...

Так говорил фанатик-архивариус, пока кирки крушили перед нами могучие стены. А я, поддавшись наплыву романтики, решил как-нибудь в одиночестве навестить эти руины.

Ночью я внезапно проснулся и мгновение спустя услышал жуткий вопль. На сей раз я был к этому готов и попытался

Рисунок АЛЕКСЕЯ КУДРЯВЦЕВА

ТрНажцннн

выяснить, откуда он доносится. Но в решающую минуту меня охватил необъяснимый ужас, и я пролежал до утра, тщетно подыскивая объяснение загадочному крику. Когда же за завтраком рассказал обо всем жене, она озабоченно заметила:

— С тех пор, как возглавил работы у Иезуитских Казарм, ты кажешься мне каким-то нервным, издерганным. Почему бы тебе не взять отпуск, пусть коллеги подменят. Ты переутомлен и должен заботиться о своем здоровье.

Но я и слышать об этом не хотел; раскопки руин древнего здания, поиски, на которые архивариус возлагал столь большие надежды, сделались моей страстью. Жене удалось лишь добиться от меня обещания, что если я снова проснусь среди ночи, то непременно ее разбуду.

Следующей ночью опять что-то вырвало меня из сна. Я вскочил и потряс жену за плечо, чтобы она тоже была настороже. И вот раздался крик: отчетливый, жуткий — он несся снизу, с улицы.

— Слышишь... вот, сейчас...

Жена зажгла свечу и осветила мое лицо.

— Боже милостивый, на кого ты похож! Ведь ничего нет. Я ничего не слышу.

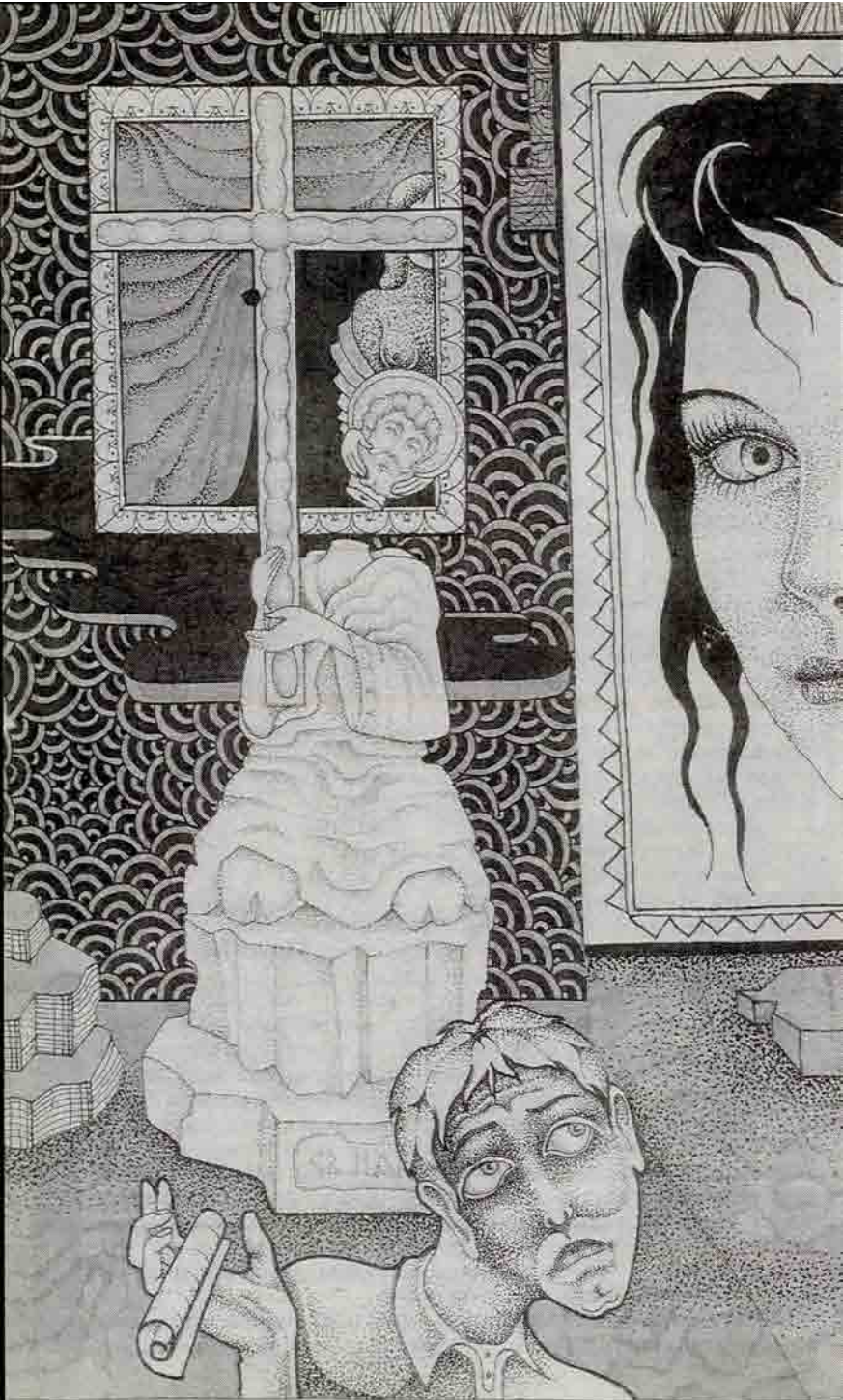
Но я был так возбужден, что прикрикнул на нее:

— Молчи! Вот, опять, опять... они бегут по улице! Неужели ты и в самом деле ничего не слышишь?

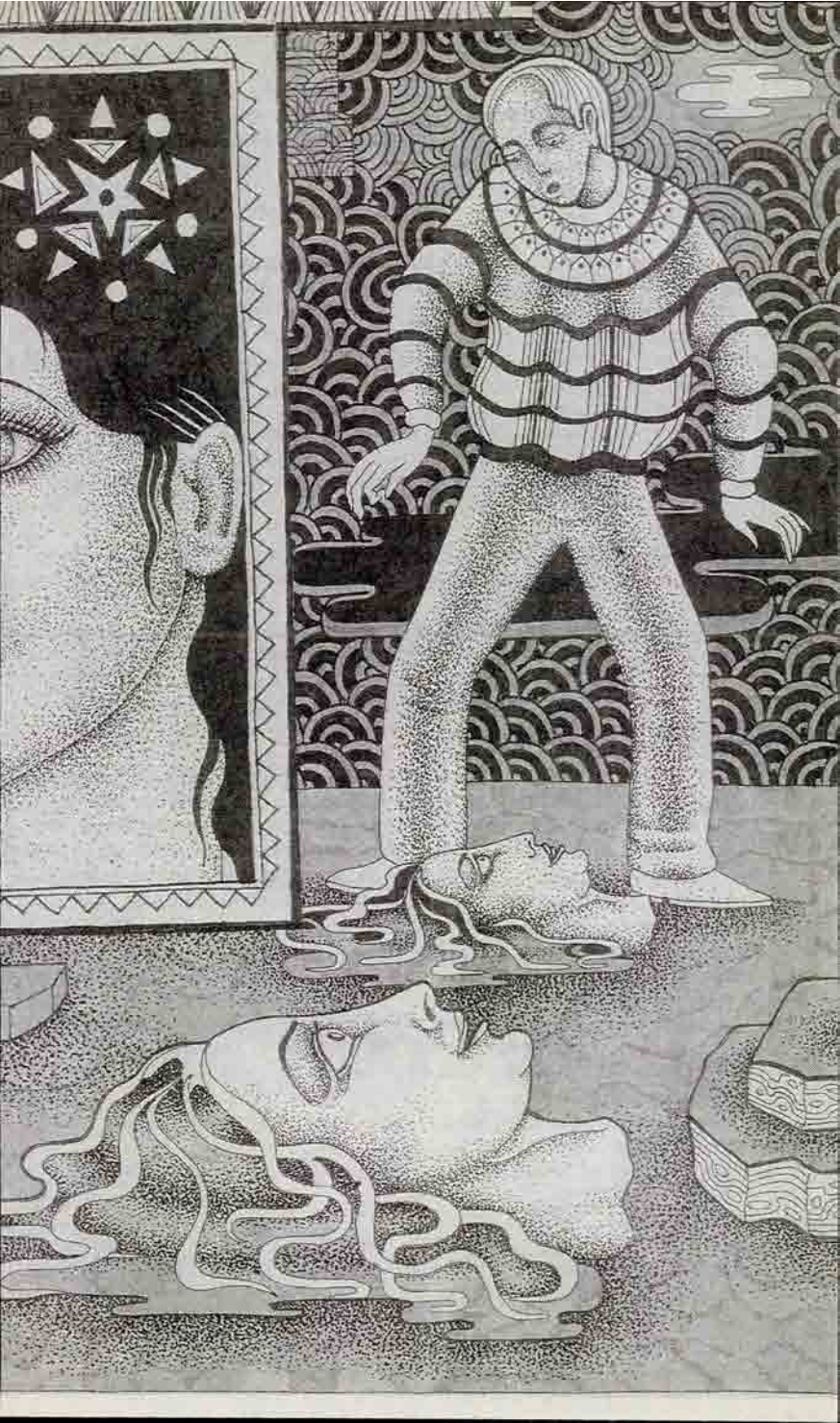
— Абсолютно ничего.

Весь в поту, измученный, как после тяжелой работы, я в изнеможении откинулся на подушки. Уже под самое утро, когда жена наконец уснула, я понял, что должен сделать, если хочу сохранить здравый ум. Во время завтрака подшучивал над своими галлюцинациями и в течение дня был совершенно спокоен, даже сумел убедить жену, что ночной инцидент исчерпан. Однако ночью, едва заслышав мерное дыхание жены, я встал, оделся, взял «Критику практического разума» Канта и попытался углубиться в строгие ряды логических построений. С приближением полуночи меня опять охватила странная тревога, я не мог больше читать — какая-то неведомая сила оторвала меня от книги, и я тихо выскользнул на улицу.

Шагах в двадцати от меня горел газовый фонарь, освещавший отрезок улицы перед домом. По противоположной стороне брел,

спотыкаясь, какой-то подвыпивший парень, потом остановился перед воротами напротив и после пары неудачных попыток наконец их распахнул. Несколько мгновений я еще слышал отзвук его шагов в подъезде и на лестнице, затем снова воцарилась тишина... И вдруг тишину эту, подобно молнии, прорезал крик. Я кинулся обратно в темноту и схватился за щеколду, чувствуя ладонью ее металлический холод. На улице слышался быстрый топот множества людей. Мимо меня, приподняв длинные, развевающиеся одежды, промчалась женщина, а за ней — на расстоянии нескольких шагов — толпа мужчин в диковинных старинных костюмах. Охваченный каким-то безумием, я бросился следом. Ни разу в жизни я так не бегал. Это был даже не столько бег, сколько парение, я бы сказал, полет.

Вдруг женщина исчезла, фигуры ее преследователей еще какие-то мгновения смутно маячили впереди, но потом тоже растворились во мраке ночи. А я очутился перед калиткой в ограде, окружающей развалины монастыря иезуитов, над которой виднелась табличка с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

Я рванул калитку и вбежал на территорию раскопок. У входа, прислонившись к балке, стоял ночной сторож. Увидев меня, он поклонился, но я не дал ему произнести ни слова:

— Вы видели женщину? Только что... на ней было длинное серое одеяние, она еще приподнимала полы, чтоб не мешали... вбежала сюда...

— Нет, господин инженер, ничего такого я не видел.

— Но, черт возьми, не растаяла же она в воздухе! А может быть, вы спали с открытыми глазами?

Сторож был глубоко уязвлен этим подозрением и заверил меня, что не спал, однако ничего не видел. Тогда я сам предпринял поиски. Над истерзанными киркой, полуразрушенными стенами висела, словно купол, расцвеченная огнями города ночь. Я обшарил каждый уголок и закоулок, отважно карабкался на самые опасные, грозившие рухнуть в любую минуту уступы. Потом снова кружил по обвалившимся галереям, где на почерневших от времени и копоти фресках плясали в свете фонаря диковинные тени. Церковь, некогда со всех сторон окруженная старыми постройками, таила в себе массу укромных, труднодоступных мест. Но здесь я также ничего не обнаружил. С тяжелой головой и подкашивающимися от усталости ногами, я вернулся домой, тщетно пытаясь как-то истолковать увиденное, но только окончательно запутался.

— Надеюсь, сегодня ночью ты ничего не слышал? — спросила меня утром жена.

— Нет, спал как убитый, — солгал я, низко склонившись над тазом, чтобы она не заметила на моем лице следов ночных походов.

В этот день на раскопках нами было совершено открытие, приведшее архивариуса в неописуемый восторг. При демонтаже старинного портала, имеющего большую художественную ценность, нужно было соблюдать особую осторожность. Над двумя пилястрами, украшенными орнаментами из цветов и плодов,

гордо высилась арка парадных ворот, а над ней, на карнизах — статуи святых, держащие в руках свои атрибуты, словно иероглифы собственной судьбы.

Когда рабочие хотели снять с постамента статую Св. Иакова, голова вдруг отделилась от туловища и, покотившись по земле, замерла в нескольких шагах возле груды обломков. В основании головы мы увидели небольшое цилиндрическое отверстие, а когда сняли туловище — аналогичное отверстие обнаружили и в нем.

Я принялся бранить рабочих за неосторожность, но доктор Хольцбок перебил меня:

— Это вовсе не новое повреждение, оно появилось довольно давно, причем отделение головы от туловища отнюдь не случайно — так задумано. И я бы не удивился, если б...

В эту минуту ко мне подошел один из рабочих и протянул маленький грязный бумажный свиток.

— Мы нашли это внутри, — сказал он. — Может быть, там что-нибудь написано...

Архивариус взял свиток и с величайшей осторожностью попытался его развернуть. Наконец удалось расправить бумагу на моей чертежной доске и закрепить ее кнопками. Она была очень плотная — в прежние времена такая использовалась для записи важнейших законов и документов. Я тшетно пытался разобраться в путанице красных и черных линий. Это наверняка был какой-то план, но как я ни напрягал свой мозг, призывая на помощь весь опыт и смекалку архитектора, — все было напрасно. В конце концов я махнул на это дело рукой, однако доктор Хольцбок заявил, что попробует расшифровать содержание документа, и попросил позволить ему взять найденный свиток с собой.

Он вернулся еще до окончания работ, издали махая мне рукой. Потом торжественно положил ладонь мне на плечо и провел через маленькую боковую дверцу в церковь, где никто не мог помешать нашей беседе.

— По некоторым размышлениям, — начал он, — я пришел к выводу, что план в его настоящем виде лишен смысла, вернее скрывает свой истинный смысл. Всматриваясь в путаницу линий, можно лишь предположить, что это должен быть какой-то план, однако мы не в состоянии его расшифровать. Качество и тип бумаги, а также проставленные кое-где под линиями буквы позволяют с немалой долей вероятности утверждать, что план восходит к семнадцатому столетию, а именно, к первой его половине, то есть к тем дням, когда здесь находился женский монастырь. Я разыскал старинную хронику, где он упоминается довольно часто, и отзывы эти отнюдь не лестны. Как вы знаете, в те времена о множестве обитателей рассказывались престранные вещи. Так и моя хроника может немало сообщить, однако большей частью сведения эти весьма расплывчаты. Если мы не ошиблись и обнаруженный документ действительно представляет какой-то план, он, несомненно, хранит тайну старинного здания и умышленно запутан, дабы сбить с толку непосвященных. Другие аргументы также подтверждают мое допущение.

Портал, демонтаж которого вы сегодня начали, был воздвигнут при одном из внутренних корпусов...

— Да, в самом деле. Он украшает ворота, соединяющие северное и южное крыло, напротив так называемого дворика Св. Троицы.

— Вот, вот, и вы, должно быть, заметили, что его верхняя часть оканчивается на уровне второго этажа, так что отдельные скульптурные фрагменты — например, головы статуй — легко достигаемы из окон.

— Действительно. Мы можем проверить...

— Не стоит, это совершенно точно. Так вот, головы некоторых статуй, в том числе и Св. Иакова, можно было без труда снимать из окон второго этажа, а в хитроумно проделанном отверстии спрятать опасный документ.

— Значит, вы полагаете...

— Разве я не сказал вам, что это не новое повреждение? За путаницей линий нашего плана кроется какая-то тайна. Но как ее разгадать? Я должен был хорошенько подумать, прежде чем прибегнуть к помощи химических реактивов, ибо рисковал все погубить. Как исследователь старинных документов, я не раз сталкивался с различными хитроумными выдумками средневековья, среди которых не последнее место занимают симпатические чернила. Простейшая их разновидность такова, что после высыхания написанное делается невидимым и проступает лишь под воздействием тепла. В данном случае об этом не могло быть и речи, поскольку план уже и без того исчеркан. Но не имело ли место нечто противоположное? Что если бессмысленная путаница линий при нагревании исчезает и остаются лишь те, что несут какую-то информацию? Я предпринял такую попытку, и она увенчалась успехом. Не хотите взглянуть? — Доктор Хольцбок зажег маленький карманный фонарик и поднес к нему план. По прошествии нескольких минут мне начало казаться, будто отдельные линии блекнут, потом они исчезли, и на бумаге осталось совсем мало линий.

— Это настоящий план, — сказал я, — горизонтальная проекция.

— Ваша задача — прочесть его.

Мне хватило минуты на то, чтобы сориентироваться.

— Вот дворик Св. Троицы, здесь подъезд и крыльцо, тут обозначена церковь, а со стороны ризницы... но что это? Этим линиям не отвечает ни одна постройка, разве что... да, так и есть, несомненно, это подземный ход, ведущий за пределы монастыря.

Архивариус был на седьмом небе от того, что его догадка подтвердилась. Меня также охватило возбуждение, ибо я подозревал, что это открытие каким-то образом связано с моими ночными приключениями. Доктор Хольцбок заметил мое состояние и обеспокоенно спросил:

— Что с вами? У вас такой странный вид...

Ничего не говоря, я увлек его в ризницу, где принялся обследовать стены, сверяясь с расшифрованным планом. Там, где, судя по всему, должен начинаться подземный ход, вплотную к стене

стоял массивный дубовый шкаф. Это был один из тех гигантов, в которых некогда хранили ризы и дорогую церковную утварь. По мнению архивариуса, он мог быть датирован шестнадцатым веком. Мы оба были убеждены, что вход в подземелье находится именно за шкафом, но понимали также, что без знания действия потайного механизма этого монстра не сдвинуть с места.

— На сегодня достаточно, — заявил доктор Хольцбок и настоял на том, чтобы я отправился домой.

Обнаруженный план и надежды, которые мы на него возлагали, до такой степени взбудоражили мой ум, что жена утверждала, будто я абсолютно утратил душевное равновесие. В эту ночь я твердо решил оставаться в постели, не обращая внимания на крики и шум, но какое-то странное чувство, где страх шел об руку с любопытством, в преддверии рокового часа вновь привело меня на улицу.

Пробило двенадцать — и с последним ударом я опять услышал жуткий крик. Шаги бегущих приближались с каждой секундой — и вот погоня промчалась мимо, так же, как в предыдущую ночь. На этот раз мне удалось рассмотреть на женщине длинное монашеское одеяние, распахнутое на груди, словно было накинуто в спешке. На мгновение она обратила ко мне свое лицо — бледное, прекрасное, с черными горящими глазами. И снова что-то толкнуло меня броситься вслед за этой погоней, и снова все исчезло в нескольких шагах от забора, которым была обнесена территория раскопок. Однако я мог бы поклясться, что ясно видел, как преследуемая женщина, распахнув калитку, вбежала внутрь.

— Вы и сегодня ничего не заметили? — окликнул я ночного сторожа.

Тот испуганно подался назад и заверил меня, что действительно ничего не видел.

— Но я точно знаю, что она вбежала сюда. Вы должны были ее видеть!

Так как сторож продолжал твердить, что не видел не только женщины, но вообще кого бы то ни было, я оттолкнул его в сторону и бросился на поиски. Сам не понимая, что на меня вдруг нашло, карабкался по развалинам, обшаривал остовы стен, и сотни раз мне казалось, будто вижу во мраке смутную фигуру женщины в длинном монашеском одеянии. Наконец я отпер церковные двери — какое-то неясное предчувствие велело мне захватить с собой ключ и спрятать его в карман сюртука. В эту минуту я даже не подумал, что женщина не могла укрыться в запертой церкви. Убедившись, что там нет ни живой души, я вышел в ризницу и достал план. Луна бросала на старый шкаф причудливые зеленоватые отсветы, и от этого казалось, будто украшающие его арабески отлиты из бронзы. Неожиданно мой взгляд упал на висящую над шкафом картину, которую днем я не заметил. Была она старая, потемневшая от дыма кадил и свечей, только лицо святой выделялось на темном фоне, словно выступая из мрака столетий. А может быть, это вовсе не образ святой, а портрет женщины, когда-то жившей в этих стенах? Он казался мне более живым и человечным,

нежели икона, а теперь, в зеленоватом лунном мареве, у меня было такое чувство, словно я уже где-то видел это лицо. Темные, горящие глаза так и жгли меня своим неистовым огнем.

Я весь дрожал, охваченный необъяснимым страхом, и вдруг мной овладела странная, тревожная мысль. Иногда нам кажется, будто одна из мыслей, внезапно пришедших нам в голову, вовсе не родилась в нашем сознании, а как бы пришла извне, внушена кем-то другим. Ощущение это было настолько сильным, что мне почудилось, будто кто-то произнес ее вслух, кто-то, кто стоял рядом и хотел меня предостеречь... тихим, вкрадчивым женским голосом. Да, да, именно предостеречь... ибо эта чужая мысль таила в себе предостережение. Словно кто-то нашептывал мне, чтобы я отказался от своего замысла найти подземный ход, обозначенный на плане. Я хотел стряхнуть эти мысли, пытался убедить себя, что виной всему царящая здесь тишина, пропитанное ладаном молчание.

В старой ризнице, полуразрушенной во время работ, то и дело раздавались какие-то шорохи, шелест, шепотки. Даже лунный свет — и тот, казалось, был пронизан ими, словно состоял из множества мельчайших серебристых песчинок, неустанно пересыпавшихся в клепсидре времени. Но чем больше я пытался отвлечься, сосредоточиться на этих мелочах, тем острее, упорнее звучало в моем мозгу предостережение: оставь свою затею, ибо навлечешь на себя страшное несчастье.

Внезапно мне показалось, будто кто-то положил ладонь мне на плечо и что-то шепчет на ухо. Я явственно ощутил, как мной пытается овладеть чья-то чужая воля, поднял голову и встретился взглядом с темными, горящими глазами портрета... Это были глаза преследуемой женщины. От природы я не трус, но тогда пришел в такой ужас, что на какое-то время у меня помутился рассудок. Нет, я не закричал и не обратился в бегство, но сделал нечто намного худшее: шаг за шагом, не в силах оторвать глаз от портрета, медленно пятился назад, словно мне грозила смертельная опасность, при этом судорожно сжимал в руке ключ от церковных дверей. Наконец я очутился в церкви и захлопнул за собой двери в ризницу. Фигуры на фресках, статуи, казалось, сдвинулись со своих мест и язвительно усмехались... Не выдержав, я кинулся прочь из церкви.

Остаток ночи я провел без сна и хотя под утро все же задремал, поднялся рано: хотел поскорее начать работы в ризнице. Несмотря на перипетии минувшей ночи, я был полон решимости отыскать подземный ход — днем суеверный страх не имел над мной власти.

Когда я пришел на место раскопок, архивариус был там — подобно мне, его тоже снедало нетерпение. Я отобрал несколько крепких рабочих и дал им указания, как передвинуть огромный шкаф. Висящая над ним картина — на которую я взглянул не без смутного беспокойства — при свете дня казалась более чем заурядной, к тому же была покрыта внушительным слоем грязи. В ней не было ничего демонического — обычное изображение святой, и только. Я как раз собирался спросить у архивариуса, что он об этом думает, когда тот заговорил сам:

— Послушайте, в этом монастыре, в свое время, должно было твориться нечто из ряда вон выходящее. Вчера, поздним вечером, я снова взялся за хронику, и, думаю, подземный ход поможет нам пролить свет не на одну тайну. Боязнь покрыть позором монастырь уступила место дикому разгулу. В этих стенах открыто предавались самому мерзкому распутству: как повествует хроника, нередко обитель ночи напролет оглашалась звоном кубков, пьяным хохотом и бесстыдными выкриками — к вящему негодованию округи. Был это своего рода массовый психоз, повальное безумие, охватившее весь монастырь и заставлявшее монахинь устраивать дикие оргии. Сплошь и рядом горожане видели, что церковь до утра сияет всеми огнями, по доносившемуся оттуда шуму могли заключить, что дом Божий также стал гнездилищем разврата. Не последнюю роль в этих бесчинствах играло городское духовенство, и если поначалу их выпускали в монастырь под покровом ночи, тайком — впоследствии они являлись туда совершенно открыто. Не раз посреди бела дня из ворот обители выходили, шатаясь, мужчины с набрякшими от спиртного лицами, а по двору и саду слонялись пьяные монашки. Неудивительно, что возмущенные таким неслыханным бесстыдством горожане, не выдержав, донесли об этом епископу. Епископ явился, чтобы разобраться во всем лично, однако обнаружил лишь кротких, набожных женщин, ведущих жизнь тихую, полную молитв и страха божия, как то пристало избранницам Христа. Местное духовенство свидетельствовало о том же. В итоге клеветники и доносчики предстали перед судом, который, повинувшись авторитету епископа, подверг их самой суровой каре. Когда же епископ отбыл восвояси, бесчинства и оргии начались снова, но уже никто не отваживался донести об этом церковным властям из страха перед расправой. Самой разнузданной из монахинь была некая сестра Агата — весьма необычная женщина, с поистине дьявольским нравом, алчная и ненасытная, будто хищный зверь; наделенная чудовищными пороками, для многих она стала причиной падения и гибели. Ее распутной натуре вскоре сделалось мало оргий, устраиваемых в стенах монастыря; летопись рассказывает, будто ночами, воспользовавшись потайным ходом, она покидала обитель и до утра бродила по городу. Не раз ее видели в публичных домах или грязных воровских притонах среди мошенников, пьяных гуляк и всякого темного подозрительного люда — а ведь сестра Агата принадлежала к одному из самых знатных семейств страны! Все пороки ее предков, тщательно скрываемые на протяжении целых поколений, проявились в этой женщине самым чудовищным образом. Стоило ей увлечься каким-нибудь юношей, Агата тотчас на него набрасывалась и уже не отпускала свою жертву. За короткий срок молва о ней разнеслась по всему городу, ее считали демоном, ведьмой и прозвали «распутной монахиней». И вот случилось так, что в город завезли французскую болезнь. Агата тоже заразилась, но не смогла преодолеть свою чудовищную похоть: как и прежде, ночи напролет плясала в трактирах, вместе с чернью участвовала в попойках и, словно вампир, преследова-

ла юношей на улицах... Но что с вами? — прервал свой рассказ доктор Хольцбок. — Вы кажетесь совсем больным...

В ответ я только покачал головой и попросил его минутку подождать — хотел посмотреть, как идут работы. Оказалось, что хотя вокруг шкафа сорвали пол, а со стен отбили штукатурку, тем не менее его не удалось сдвинуть и на миллиметр.

— Он будто врос в стену, — сказал десятник.

Судя по всему, так оно и было, причем шкаф вделали в стену еще при строительстве ризницы. А если так, либо наш план был мистификацией, либо...

Мы переглянулись, и архивариус высказал вслух мою мысль:

— Ход ведет через шкаф.

Меня охватило лихорадочное возбуждение, я чувствовал себя на пределе, негодуя на новые помехи и проволочку.

— Но как мы узнаем, где начало коридора? Для этого придется разломать на кусочки шкаф, чего никак нельзя допустить, ибо он является частью церковного имущества. Что же в таком случае предпринять? — Архивариус был возбужден и раздосадован не меньше моего.

Пока доктор Хольцбок был занят этими рассуждениями, я самым тщательным образом обследовал шкаф: нажимал на выпуклые детали орнамента, выдвигал ящички, мерил и сравнивал замеры.

— Не трудитесь понапрасну, — заметил архивариус, — этот шкаф хранил свою тайну на протяжении нескольких веков, значит, и нам ее так просто не выдаст. Следует покопаться в архивах, быть может...

Но дальше я уже не слушал. Определяя на глаз высоту шкафа, случайно взглянул на висящую над ним картину — и вдруг у меня возникла уверенность, что разгадка кроется именно здесь. К немалому изумлению архивариуса, я велел приставить к шкафу лестницу и поднялся к портрету. Очутившись с ним лицом к лицу, я почувствовал, как меня вновь охватывает вчерашний ужас, однако взял себя в руки и принялся изучать картину. Из-за внушительного слоя грязи ничего нельзя было толком рассмотреть — единственно, что изображенная на ней особа одета в нечто, похожее на рясу, тогда как ее голова не была покрыта капюшоном или монашеским чепцом. Странные волосы обрамляли лицо — спутанные, напоминающие клубок змей, будто голова Медузы. На шее у женщины виднелась подвеска, но не крест, как обычно бывает у монахинь, а просто какое-то украшение вроде лилии, заключенной в многоугольник. Мне показалось, будто я уже видел нечто подобное среди орнаментов, украшающих шкаф, — лилия на фоне шестиугольника, ромба или пятиугольника.

— Доктор, — воскликнул я, спускаясь, — похоже, мне удалось нащупать ключ к разгадке!

— И вы нашли его там, на портрете?

— Пожалуй, да. Это лилия, заключенная в пятиугольник. Давайте поищем вместе.

Но, странное дело, хотя я прекрасно помнил, что уже видел этот узор, теперь никак не мог его найти. Детали орнамента

расплывались у меня перед глазами, словно в тумане, и я тщетно боролся с внезапно нахлынувшей апатией, совершенно необъяснимой в столь важную минуту. Но тут рядом раздался голос доктора Хольцбока:

— Вот лилия на фоне пятиугольника! И что теперь?

Я обследовал лилию под любопытными взглядами обступивших нас рабочих. От моего нажатия дерево слегка подалось, тогда я надавил сильнее — раздался стон, исходивший, казалось, из самых глубин шкафа, и узкая щель рассекла его пополам. Мы попытались было ее расширить, однако заржавевшие от долгого бездействия петли поворачивались с большим трудом. Пришлось раздвигать створки постепенно, налегая на них изо всех сил, и в нашем распоряжении было достаточно времени, чтобы вдоволь налюбоваться хитроумным механизмом. Эта часть шкафа состояла как бы из отдельных фрагментов, но когда я нажал лилию — они таинственным образом соединились, образуя двери. По мере того, как двери отворялись, ящички раздвигались в стороны — и вот мы очутились перед задней стенкой шкафа. Тут уж я без труда отыскал кнопку, на которую следовало нажать, чтобы и эти двери открылись. За ними лежала темная шахта подземного коридора.

Я устремился туда, но архивариус меня удержал:

— Терпение, мой друг, сперва мы должны убедиться, можно ли дышать этим воздухом.

Мы привязали к палке свечу и сунули ее в проем коридора: она горела ярко, и тающий стеарин бесшумно капал в темное жерло.

Тогда мы решились вступить в подземелье.

Несколько ступеней вниз, потом прямо, опять несколько ступеней вниз — и снова прямо.

— Думаю, мы обнаружили потайной ход «распутной монахини», — шепнул архивариус. Он только предполагал, у меня же не было никаких сомнений.

— Иисус, Мария, Святой Иосиф! — воскликнул внезапно один из рабочих; он шел впереди с горящей свечой, а тут остановился как вкопанный. Стены отступили во мрак, коридор кончился, и мы очутились в каком-то помещении вроде склепа. Посредине на деревянных козлах стояли четыре гроба. Простые, безо всяких украшений, судя по виду, они были сделаны несколько веков назад.

Архивариус приподнял на одном из гробов крышку: внутри лежала монахиня с высохшим, будто у мумии, лицом и скрещенными на груди руками. Рыса на ней истлела так, что местами виднелось не поддавшееся распаду тело.

Мы вскрыли остальные гробы. В четвертом покоилась «распутная монахиня» — сестра Агата. Я узнал ее с первого взгляда — это она мчалась ночью мимо моего дома, преследуемая толпой разъяренных мужчин, и это была женщина с портрета, висящего в ризнице.

— Вы знаете, что среди останков должно быть и тело «распутной монахини» — сестры Агаты? — обратился ко мне стоящий рядом архивариус.

— Да, вот она. Я ее сразу узнал. Вы только взгляните, как хорошо она сохранилась! Остальные — настоящие трупы, но эта...

Доктор Хольцбок коснулся моей руки.

— Нам следует как можно быстрее выбраться из подземелья, — сказал он. — Дышать этим воздухом опасно. Вперед!

Но далеко уйти нам не удалось. Еще тридцать шагов — и пришлось остановиться: часть свода, рухнув, завалила коридор. Мы вернулись в склеп, и, проходя мимо гробов, я убедился в том, что мои наблюдения верны. Она действительно выглядела совсем иначе, чем другие три монахини, красота ее сохранилась, а свежую, упругую кожу покрывал легкий румянец. В колеблющемся свете свечи мне вдруг почудилось, будто она украдкой следит за нами из-под опущенных ресниц.

Когда мы добрались до ризницы, мне пришлось сесть: я был весь в поту и едва держался на ногах.

— Должен объяснить вам, почему я уверен, будто одна из этих мумий — сестра Агата, — сказал архивариус. — Я узнал об этом все из той же хроники. Так вот, зараза, жрицей которой была Агата, ширилась и ширилась, пока охваченные гневом горожане не решили сами расправиться с «распутной монахиней». Не раз они подстерегали ее, чтобы убить, но опасность лишь придавала остроту ее ночным эскападам. Агата безумствовала еще больше, чем прежде, и — странное дело — у нее всегда находились защитники из числа тех, кого она соблазнила и погубила, всецело овладев их душами и телами. И все-таки в один прекрасный день вооруженная толпа окружила монастырь, требуя выдачи сестры Агаты — в противном случае бунтовщики угрожали взять обитель штурмом и сжечь.

78

Аббатисе пришлось вступить в ними в переговоры. В конце концов она обещала покарать блудницу, но попросила три дня отсрочки. Наиболее рассудительные среди мятежников сумели убедить остальных, и предложение было принято. Три дня спустя, когда люди снова явились к стенам монастыря, аббатиса заявила, что сестра Агата внезапно заболела и умерла. Хроника умалчивает, действительно ли судьба пришла на помощь аббатисе, или же ради того, чтобы успокоить разъяренную толпу, было совершено преступление. В те времена второе было столь же вероятно, как и первое. Однако такая развязка не принесла желанного спокойствия. Несмотря на то, что состоялось погребение, гроб был предан земле, а на могильном камне выбито имя «распутной монахини», ширились слухи, будто Агата жива. В прошлом часто бывало, что люди упорно не хотели верить в смерть любимого или, напротив, ненавистного существа — так было и с сестрой Агатой. Ее якобы видели то тут, то там, рассказывали о ночных авантюрах «распутной монахини», подкарауливавшей на улицах молодых мужчин, и в конце концов горожане пришли к выводу, что аббатиса попросту разыграла комедию, желая спасти Агату от грозящей расправы. Другие же, склонные верить в ее смерть, считали кощунством осквернить священную кладбищенскую землю, похоронив тело блудницы рядом с телами добропорядочных и набожных горожан. И те,

и другие требовали вскрыть могилу, дабы убедиться, что там погребена действительно сестра Агата.

Хроника повествует, что, когда люди, обнаружив пустую могилу, снова окружили обитель, вспыхнул настоящий мятеж. Из окна им показали тело монахини — тотчас из толпы в нее полетели камни, колья, раздался выстрел... Наибольшим гневом были охвачены те, кто при жизни пылал страстью к сестре Агате. Когда в монастыре убедились, что даже смерть бессильна защитить Агату от ярости ее преследователей, тело тайно погребли в склепе, где хоронили монахинь, покаранных за какие-либо провинности. Сегодня мы обнаружили этот склеп — он расположен на пути, который обычно выбирала сестра Агата, пускаясь в свои ночные авантюры.

— Да, это так, — откликнулся я.

— А теперь объясните, почему вы так уверены в том, что мы нашли тело «распутной монахини»? Ведь вы не слышали окончания моей истории. Как же вы определили, что именно эта, а не другая мумия — сестра Агата? И что побудило вас искать на этом портрете знак, который мог послужить ключом к разгадке тайны?

— А разве вы не видите сходства между портретом в ризнице и той монахиней в склепе?

— Честно говоря, нет, — отозвался доктор Хольцбок, приглядываясь к портрету, который был теперь отчетливо виден, залитый ярким полуденным солнцем. — Впрочем, следовало бы осмотреть его вблизи... — Он взял лестницу, все еще стоящую в углу, но не смог снять картину со стены, у меня же не было ни малейшего желания прикладывать к этому руку. Поэтому я кликнул ему на помощь двух рабочих, а сам отошел в сторону — не мог избавиться от суеверной мысли, что портрет должен оставаться на своем месте. Видимо, ночные кошмары властвовали надо мной и среди бела дня, я чувствовал, что впутался в очень странную историю. Вдруг меня охватил ужас: а что, если не сумею из этого выбраться? И тогда при ярком дневном свете, стоя на площадке среди клубов пыли, шума и гама строительных работ, я принял решение: завтра же уведомя начальство о том, что болен, и попрошу отпуск. Однако сегодня ночью мне хотелось довести свои наблюдения до конца, я был уверен, что вот-вот наступит развязка.

Четверть часа спустя явился архивариус в сопровождении рабочих и сообщил, что им так и не удалось снять портрет со стены — для этого пришлось бы разломать на куски раму или вырезать из нее полотно.

— Нечего пожимать плечами, — обратился он ко мне, — а то у вас такая мина, будто вы знаете об этих загадочных событиях больше, чем рассказывают мои хроники.

Когда наступил вечер, мое возбужденное состояние не укрылось от жены, и лишь торжественное обещание завтра же прервать работу сумело ее кое-как успокоить. Но вот пробило одиннадцать, и именно сегодня она никак не могла уснуть, я же места себе не находил в тревоге, что все мои планы пойдут прахом. Наконец жена склонилась надо мной, и я притворился

спящим; тогда она со вздохом погасила свечу и несколько минут спустя спала так крепко, что не слышала, как я тихонько встал и выскользнул из комнаты. Я как раз выходил из ворот, когда часы на башенке старой монастырской церкви пробили двенадцать. В то же мгновение раздался топот бегущих, и мимо меня промчалась женщина — это была Агата, а в нескольких шагах уже виднелась толпа ее преследователей. Я бросился за ними.

У забора, окружавшего территорию раскопок, маячившие впереди фигуры исчезли. Однако на сей раз не было никакого беспцельного кружения туда и обратно — все будто всосалось через гигантскую воронку. Мне казалось, что призраки клубятся в воздухе, извиваясь, точно столб дыма. Вдруг их поглотила земля, и я остался один у пробитого днем по моему приказу туннеля.

Я распахнул калитку в ограде и, уже не тратя времени на поиски ночного сторожа, побежал между грудами обломков к бывшему купеческому подворью. Не знаю, что побудило меня направиться именно туда, какое-то таинственное внушение, которого я не смел ослушаться. Едва я успел спрятаться в тени одной из арок полуразрушенной галереи, как площадь заполнили человеческие фигуры.

Зрелище, открывшееся моим глазам, невозможно описать словами. Все было точно во сне и в то же время удивительно ясно. Фигуры появились со стороны церкви, залитой неровным лунным светом, но выходили они из широко распахнутых дверей или же выступали прямо из стен — этого я не могу сказать. Самым странным было то, что я видел, как они движутся, жестикулируют, что-то кричат, изо всех сил протискиваются вперед, давя и толкая друг друга, но слышал лишь топот их ног — и больше ни единого звука, ни единого слова. У меня было такое чувство, будто я наблюдаю спектакль, разыгравшийся на сцене, от которой отгорожен стеклянной стеной. Впечатление это усиливалось благодаря странным костюмам «актеров». Большею частью это была скромная одежда людей среднего достатка шестнадцатого столетия, а то и вовсе бедный наряд школяров, и лишь кое-где мелькали чопорные, обшитые галуном костюмы сановников.

Существует определенная степень восприимчивости к страху, граница, за которой человек полностью перестает тревожиться о себе — он живет одним лишь зрением, тогда как все остальные чувства словно бы отключены. Я перешагнул эту черту и могу поклясться, что все виденное мной — сушая правда. Так вот, все пространство перед церковью было заполнено людьми, и отдельные фигуры пару раз прошли так близко от места моего укрытия, что я отчетливо видел их суровые, застывшие лица. После нескольких мгновений беспорядочной суеты и толчей общее внимание сосредоточилось на церковных дверях: оттуда вышла группа мужчин, волокущих за собой женщину. Они осыпали свою жертву ударами, били по лицу, дергали за веревку, накинутаю ей на шею. Вдруг один из школяров, растолкав остальных, кинулся к женщине — казалось, он бросает ей в лицо чудовищные обвинения и проклятия, — а затем дважды ударил

по голове рукоятью шпаги. Женщина обратила к нему свое прекрасное бледное лицо и сверкнула черными, горящими глазами. Это была сестра Агата. Под непрекращающимся градом ударов ее выволокли на середину площади, где стояла толпа мужчин, одетых в черное. Я видел ее высокую, гордо выпрямленную фигуру, залитую мерцающим лунным светом, а напротив — кучку мужчин, воплотивших, казалось, всю ненависть бушующей вокруг разъяренной толпы. Белое покрывало соскользнуло с головы монахини — теперь она выглядела в точности, как на портрете в ризнице. Один из мужчин в черном выступил вперед, сломал над головой сестры Агаты белую палочку* и с отвращением швырнул обломки ей под ноги. Толпа отхлынула назад, на образовавшемся пустом пространстве осталась только монахиня — перед плахой. Я видел все омерзительные подробности этой жуткой сцены. С пенька поднялся человек в красном, в руках у него был широкий, сверкающий меч. Он скинул плащ, сорвал с осужденной одежду, так что обнажилась стройная шея и прекрасные алебастровые плечи, и заставил ее опуститься на колени. Крик ужаса замер у меня на губах, однако я был рад, что больше не вижу этих грозных, пылающих глаз, которые до самой последней минуты были обращены в сторону моего укрытия. Теперь ее голова лежала на пне, я видел, как палач взмахнул мечом, блеснувшим в лунном свете, ударил фонтан крови... Но брызги не коснулись земли, не рассеялись в воздухе: на мгновение струя будто окаменела, тогда как отрубленная голова упала на эшафот и, словно повинувшись последней воле казненной женщины, покатила прямо ко мне. В ту же минуту толпа разразилась возгласами безудержного ликования, люди радостно подбрасывали в воздух шляпы — я видел каждое их движение, хотя по-прежнему не слышал ни звука, — а потом с неожиданной яростью ринулись на бездыханное тело: пинали его ногами, волокли по земле и рвали друг у друга, словно их жажда мщения еще не успела утолиться. Между тем голова продолжала катиться, не меняя направления, и наконец остановилась у моих ног. Темные горящие глаза с ненавистью впелись мне в лицо, и я услышал слова, слетевшие с губ отрубленной головы: «Ты еще вспомнишь распутную монахиню!»

Через минуту все исчезло — толпа, голова, палач и плаха, только пурпурный серп застывшей кровавой струи еще несколько мгновений неподвижно висел в зеленоватом лунном свете...

Мне остается лишь добавить, что на следующее утро в склепе были обнаружены изуродованные до неузнаваемости останки сестры Агаты. Тело было в ужасном состоянии, все члены раздроблены, а голова отделена от туловища. Высказывались предположения, будто здесь имел место случай сексуального извращения, было даже проведено расследование, в ходе которого мне тоже пришлось давать показания. Однако следствие не дало никаких результатов, и я ни единым словом не обмолвился о событиях, свидетелем которых стал той памятной ночью.

* По прочтении приговора судья ломал над головой осужденного палочку, и это было сигналом к казни. (Прим. перев.)

Утром 17 июля 19.. года было обнаружено чудовищное преступление, заставившее содрогнуться весь город.

Когда горничная, прислуживавшая инженеру Андерсу и его жене, после многократных бесплодных попыток достучаться до спальни своих хозяев в половине десятого утра еще раз нажала на дверную ручку, оказалось, что дверь не заперта. Девушка вошла и увидела жуткую картину: бездыханная фрау Андерс лежала на залитой кровью постели, ее супруг исчез.

Горничная с криком выбежала из комнаты — с ней случилась истерика; когда же она наконец смогла объяснить, в чем дело, юноша-студент с третьего этажа — единственный среди перепуганных и охваченных паникой обитателей дома, кто сумел сохранить выдержку и здравый смысл, тотчас вызвал карету «скорой помощи» и полицию. Следствие установило, что совершено убийство. Молодая женщина была мертва уже в течение многих часов — страшной силы удар начисто снес ей голову. При этом все в доме осталось нетронутым — только висевшую в спальне картину кто-то снял со стены и уничтожил: рама была раздроблена на мелкие куски, а само полотно изодрано в клочья.

Не было никаких признаков того, что убийца пробрался в дом извне, служанка же засвидетельствовала, что накануне вечером чета Андерсов отправилась в спальню, как обычно. Когда девушку спросили, не замечала ли она в последнее время каких-нибудь недоразумений между Андерсом и его женой, та, подумав с минуту, ответила, что ничего такого не помнит — вот только супруги все меньше разговаривали друг с другом, да еще у госпожи случались иногда нервные припадки. Наблюдения других жильцов подтверждали свидетельство горничной; в самом деле, трудно было вообразить, чтобы размолвка между супругами могла привести к столь чудовищному преступлению, и все же...

Полицейский врач заявил, что отсутствие внешних признаков конфликта еще не свидетельствует о полной семейной гармонии. Тем более у людей столь высокой культуры, как Андерсы, подобные драмы разыгрываются подспудно, незримо для окружающих. А потому он считает совершенно справедливым, что комиссар велел немедленно начать поиски предполагаемого убийцы.

Андерса обнаружили вскоре после полудня в городском парке; он сидел на скамье, курия папиросу, шляпа и трость лежали рядом. Задержанный безо всякого сопротивления последовал за вахмистром, говоря, что как раз собирался явиться в полицию и все объяснить; он улыбался и вообще был в превосходном настроении. Придя в участок, Андерс попросил комиссара уделить ему несколько минут, так как он хочет рассказать, почему перерезал горло этой женщине.

Комиссар не мог оправиться от изумления.

— Значит, вы признаетесь в том, что убили свою жену?!

Но Андерс лишь усмехнулся:

— Мою жену? О, нет!

Последовавший за этим рассказ был настолько невероятным, что ни комиссар, ни следственный судья, на рассмотрение к которому поступило дело, так и не сумели в нем разобраться. Ибо

Андерс заявил, что действительно отрубил голову «этой женщине» турецким ятаганом из своей коллекции, однако начисто отрицал, что жертва — его жена. Когда же он заметил изумление и недоверие тех, кто вел допрос, сослался на своего знакомого, архивариуса Хольцбока, который может подтвердить его показания.

Но, прежде чем архивариуса успели вызвать в полицию, доктор Хольцбок явился туда сам и засвидетельствовал следующее:

«Я считаю своим долгом сделать признание, могущее пролить некоторый свет на разыгравшуюся здесь трагедию, если столь невероятная и жуткая история вообще может быть как-то объяснена. С Андерсом я знаком давно и почти ежедневно приходил на территорию бывших Иезуитских Казарм, где он руководил разборкой старых построек.

Вам, должно быть, известны мои труды из области истории и археологии, на этот раз я также надеялся сделать какую-нибудь любопытную находку. И предчувствия меня не обманули: во время работ мы действительно обнаружили потайной подземный ход. Инженер Андерс, который является прекрасным специалистом, выказал при этом поразительную интуицию, и в результате нам посчастливилось найти старинный склеп с мумифицированными останками. Возможно, вы помните, что на следующее утро после нашего открытия одно из тел было обнаружено в таком состоянии, что возникло подозрение об имевшем здесь место преступлении, однако следствие, как известно, не дало никаких результатов. А несколько дней спустя меня навестил Ганс Андерс. Тут я должен заметить, что в последнее время он сильно переменялся, сделался каким-то нервным, беспокойным; раньше всегда живой, деятельный и вместе с тем исключительно внимательный к окружающим, он был теперь часто рассеян или, напротив, раздражался из-за любых пустяков, а иногда производил впечатление чем-то напуганного. Это особенно бросилось в глаза во время последнего визита. Когда я спросил, что его гнетет, Андерс постарался уйти от ответа. Наконец, не в силах больше скрывать свое беспокойство, он начал:

- Сегодня мне прислали домой вашу картину.
- Какую картину?
- Портрет сестры Агаты, «распутной монахини».
- Что вы говорите! Ведь он находится в ризнице и так крепко прибит к стене, что его невозможно снять...
- Да, вам это не удалось. Однако клянусь, что теперь портрет висит у меня дома.
- Но как он туда попал?
- Не знаю. В мое отсутствие его принес какой-то неизвестный человек и повесил на стену, а потом ушел, так и не сказав, кто его прислал.
- Но разве нельзя выяснить, кто распорядился доставить вам картину?
- В том-то и дело, что нет! Я даже отправился к священнику, однако он ничего об этом не знает. Когда же я спросил, не имеет ли он ко мне претензий из-за портрета — поскольку тот является

частью церковного имущества, — священник ответил, что только рад от него избавиться и уже давно решил куда-нибудь убрать. Но самое ужасное то, что я не могу вернуть картину, даже если бы захотел!

— Почему же?

— Потому что теперь портрет прибит так же крепко, как некогда в ризнице. Это невероятно, необъяснимо, но тем не менее это так, и я был бы вам очень признателен, если бы вы согласились как-нибудь меня навестить и убедиться во всем лично.

Должен признаться, слова архитектора показались мне более чем странными, ибо картина, о которой шла речь, была, по утверждению Андерса, портретом сестры Агаты, одной из монахинь, чьи останки мы обнаружили в склепе. Желая успокоить возбужденного до предела человека, я обещал заглянуть к нему в ближайшие дни, но вспомнил о своем обещании лишь в конце недели, когда случайно проходил мимо его дома. Андерса я не застал, зато имел возможность поговорить с его женой.

— Ах, я так рада, что вы пришли! — воскликнула она. — Уже совсем было решила идти к вам сама. Вы единственный среди знакомых моего мужа, с кем он достаточно близок, он всегда исключительно высоко ценил ваше мнение, и потому, надеюсь, вам удастся его образумить.

Когда же я выразил готовность помочь, фрау Бланка, чуть не плача, принялась жаловаться, что муж ее, должно быть, серьезно болен. Он стал каким-то беспокойным, целыми днями молчит, ночью же мечется без сна, не находя себе места. Вот уже несколько недель, как он обещал взять отпуск и съездить куда-нибудь отдохнуть, так как сильно переутомлен и издерган, однако теперь и слышать не хочет о том, чтобы покинуть город.

— Боже милостивый, — вздохнула она, — я даже не осмеливаюсь просить его показаться врачу. Это приводит мужа в такую ярость, словно я толкаю его на что-то постыдное.

Я согласился, что следует приложить все усилия, дабы склонить Андерса уехать на время.

Вскоре после этого вернулся сам архитектор. Он был мне искренне рад и горячо приветствовал, обменялся несколькими словами с женой, однако что-то говорило мне о неладах между супругами. Между ними будто пролегла какая-то тень. У фрау Бланки это выражалось в чувстве страха, у Андерса — поначалу я считал, что ошибаюсь, но потом мои наблюдения подтвердились — все возрастающего отвращения к жене. Причем отвращения, смешанного с ужасом. Это показалось мне более чем странным — ведь прежде Андерс боготворил свою жену. Наконец после короткой беспредметной беседы фрау Бланка вышла из комнаты, чтобы я мог, как обещал, поговорить с ее мужем. Едва за ней закрылась дверь, инженер схватил меня за руку и чуть ли не силой увлек в спальню.

— Идемте, — шепнул он, — убедитесь сами.

И действительно: над софой напротив постели висел портрет из ризницы; прикрывающая его зеленая занавеска сейчас была отдернута. В этой картине в самом деле было что-то дьяволь-

ское — изображенное на ней лицо я назвал бы живым воплощением разврата, и, если оно вправду принадлежало сестре Агате, нетрудно поверить в то, что рассказывают о ее распутной жизни старые хроники. Я подошел к портрету и хотел попробовать снять его со стены, но Андерс бросился ко мне с гримасой ярости и оттолкнул что было сил.

— Говорю вам, это невозможно! Теперь он висит здесь, и ничто на свете не сможет оторвать его от этой стены.

Должно быть, он начисто забыл, что всего несколько дней назад сам просил меня убедиться в правдивости его слов.

— Но почему вы распорядились повесить эту картину именно в спальне? — удивился я. — Такое лицо способно смутить даже сон праведника...

— Но ведь я уже объяснил вам, что меня не было дома. Какой-то неизвестный человек повесил портрет в спальне, и теперь я не могу его снять. Пытался было его завесить, но... — Тут его голос сделался хриплым от возмущения. — Она этого не терпит! Стоит мне вечером задернуть занавеску, к полуночи она оказывается отдернутой снова, и эта ведьма смотрит на меня своими жуткими глазами. Я больше не в силах этого выносить! А знаете, за что она меня так ненавидит? Я вам скажу. — Андерс увлек меня в другой конец комнаты и шепнул так тихо, что я еле расслышал — Она поклялась отомстить мне и сдержит слово. Замышляет что-то ужасное, и, кажется, я разгадал ее замысел. Она хочет погубить меня потому, что я обнаружил подземный ход и приказал пробить наружу туннель, предоставив таким образом ее преследователям возможность проникнуть в склеп. — Взмахом руки он отмел в сторону мои возражения. — Поверьте, доктор, я говорю правду. Если бы вы могли увидеть то, чему я был свидетелем, тотчас признали бы мою правоту.

Лишь много дней спустя я узнал, что означает странный намек Андерса.

Этот разговор сохранился у меня в памяти вплоть до мельчайших деталей: я, как сейчас, вижу возбужденное лицо архитектора. Вообще все его поведение указывало на то, что Андерс серьезно болен, но я тщетно убеждал его покинуть город и несколько недель провести в горах.

— Я должен выстоять, — отвечал он, — любые мои попытки ускользнуть от нее были бы напрасны: на высоте трех тысяч метров она достигнет меня с такой же легкостью, как и здесь.

Самым ужасным было то, что с порождением своей больной фантазии он сражался, будто с реальной силой. Я заметил фрау Бланке, что она должна на него как-то повлиять, однако бедная женщина только расплакалась.

— Повлиять! — воскликнула она. — Я не могу даже уговорить его показаться врачу!

Желая ей помочь, я на следующий же день отправил к Андерсам своего приятеля доктора Энгельгорна, но архитектор пришел в такую ярость, что тот счел за благо поскорее ретироваться. Обстоятельства между тем сложились так, что мне пришлось ненадолго отлучиться из города. Возвращаясь домой, я лишь

небольшой участок пути проделал по железной дороге, остальную же часть решил пройти пешком напрямик через окрестные леса. Добравшись до одного из популярных загородных ресторанчиков, я бросил случайный взгляд через ограду и увидел за столиком Андерса. С первого же взгляда бросалось в глаза, что Андерс порядком выпил, а поскольку прежде с ним никогда такого не случалось, я тотчас связал это с его мрачной историей.

«Ах, доктор,— воскликнул он,— рад приветствовать науку в вашем лице!» Вообще говорил много и громко, привлекая внимание окружающих, пока я смаковал свою рюмочку южноморавского вина. Когда начало смеркаться, мне удалось уговорить его отправиться домой. Мы шли вдоль берега реки, Андерс снова заговорил о том, что, как я убедился, теперь постоянно занимало его мысли.

— Наконец-то я понял, что она задумала.

— Ради всего святого,— не выдержал я,— перестаньте говорить о фантоме так, словно это реальное, живое существо!

— Если б вы только знали, что творится у меня на глазах! Это ужасно: она вселилась в мою жену!

— Боже мой, о чем вы?!

— Да, она вселилась в мою жену, и превращение это совершилось на моих глазах. Все началось с ее взгляда,— в нем притаилось что-то чужое, враждебное; она следит за мной, за каждым моим шагом, движением, жестом, а когда я что-нибудь говорю, в этих глазах злорадство и издевка. Даже фигура ее изменилась. Моя жена была невысокая, пухленькая; женщина, которая теперь сидит рядом со мной за столом и спит в моей постели — или же притворяется, будто спит, потому как следит за мной из-под прищуренных век,— более худая и выше ростом. Она кружит вокруг меня, опутывает своей сетью. Убила мою жену и завладела ее телом, чтобы все время находиться поблизости. Когда она полностью отождествится с портретом, то получит надо мной абсолютную власть и уничтожит. Но я этого не допущу!

Теперь я с ужасом убедился: нервное возбуждение Андерса перешло в такую стадию, что может расцениваться как психическое расстройство. Следовало немедленно что-то предпринять. На другой день, когда мы с доктором Энгельгорном ломали голову, как помочь бедной фрау Бланке, она пришла ко мне сама. Осунувшаяся, бледная, с запавшими глазами, в глубине котлах притаился страх, она сильно исхудала и в самом деле казалась выше ростом.

— Я все знаю, сударья,— громко произнес я.

Несчастная женщина разрыдалась.

— Ах, что вы можете знать! Вы даже не представляете, как я страдаю! Моя жизнь превратилась в настоящий ад. Я не в силах больше терпеть. Мой муж так переменялся, я вижу, что внушаю ему отвращение. Он постоянно следит за мной, все время чувствую на себе его дикий, безумный взгляд, а ведет себя так, словно я против него что-то замышляю. При этом почти не разговаривает, а если случится мне что-нибудь сказать, отвечает так, точно чувствует подвох в каждом моем слове. Когда же я пыта-

юсь выяснить, в чем причина его столь странного поведения, раздражается жутким смехом... А вчера вечером я собиралась уже лечь, как вдруг он вошел и встал у меня за спиной. А когда я обернулась, схватил за горло и сказал: «Какая красивая шея, но однажды уже была перерезана». Охваченная паническим ужасом, я спросила, что означают его слова, но он в ответ дико расхохотался и бросил, указывая на портрет, который висит в нашей спальне: «Спроси у нее, а лучше всего — у самой себя!» Всю ночь я глаз не сомкнула от страха, размышляя над его ужасными словами, а утром прокралась в кабинет, чтобы взглянуть на тетрадь, которую муж читал накануне, — может, в ней кроется разгадка произошедшей с ним перемены. Тетрадь лежала на столе и была почти полностью исписана. Я вспомнила, что на протяжении последних недель муж часто делал какие-то записи, при этом казался чем-то подавленным, нервничал — пустячный шум, шорох выводили его из себя. Я многое бы дала, чтобы узнать, что за работа приводит его в такое возбуждение, однако не успела прочитать и строчки, как меня вдруг охватил суеверный ужас, начисто вытеснивший любопытство. Я не решилась даже приоткрыть тетрадь, поэтому принесла эти записки вам и прошу ознакомиться с их содержанием.

С этими словами она вручила мне тетрадь, ту самую, которую я, господин комиссар, в свою очередь, передаю вам; записи весьма необычны, и пусть ваша проницательность поможет вам разобраться в этой истории, которая благодаря им представляется еще более запутанной.

Мы с доктором Энгельгорном постарались, как могли, успокоить фрау Андерс. Она вернулась домой, мы же обещали прочесть записи и немедленно её обо всем известить... Но, увы, наше преступное легкомыслие и то, что мы не сумели вовремя вмешаться, стоили бедной фрау Бланке жизни. На следующее утро я узнал, что она зверски убита. Ганс Андерс — единственный, кто может сказать, что предшествовало этому чудовищному преступлению, нам же остается лишь предположить, что таким путем он пытался избавиться от своего жуткого наваждения, этим, пожалуй, объясняется и уничтожение картины. Но, как бы там ни было, суду надлежит решить, не должно ли последнее слово в данном мрачном деле принадлежать психиатру».

Вот и все, что касается показаний архивариуса Хольцбока.

Таинственная история Ганса Андерса закончилась два дня спустя смертью архитектора. Он был найден мертвым в камере следственной тюрьмы — сидел, привалившись к стене; одна рука была прижата к груди, вторая висела, как плеть, причем была так странно вывернута, что тюремный врач, качая головой, принялся обследовать труп. Оказалось, что кость переломана в нескольких местах, будто сокрушенная чудовищным ударом, однако смерть наступила вследствие разрыва сердца, вызванного сильным испугом...

Перевод с немецкого
ТАТЬЯНЫ КУДРИНОЙ.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г «Любовь нечаянно нагрянет...»
Г Кому мешает православие?

Г Мы с мужем давно выписываем «Смену». В журнале много интересного, всегда читаем и письма. Люди выплескивают в них вам, совершенно незнакомым, свои беды, свои тайны, свои сомнения, просто пишут о своей жизни то, чего не рассказали бы и самым близким. Не думала-не гадала, что и мне заточется написать вам в надежде хоть немного облегчить душевную боль.

У меня много родных и друзей, всегда готовых помочь, но расскажи я о том, что меня мучает, — и меня никто не поймет. А дело в том, что я не люблю своего мужа, замечательного во всех отношениях человека, — не люблю. Надеюсь, он об этом не узнает, я не хочу разрушать в один миг все, что ему дорого. Господи, дай мне сил сыграть роль хорошей жены. Я встретила другого на курорте. Курортный роман, — скажете вы. И будете не правы. Это была любовь, но слишком запоздалая, чтобы дать счастье. Сейчас, спустя три года, я не забыла ни одной минуты, проведенной рядом с ним, не забыла вечерние прогулки под теплым весенним дождем, разговоры обо всем и ни о чем, не забыла, как он неожиданно вынул из-под куртки большой букет красных роз, сказал, что не встречал еще такой, как я, а я промолчала в ответ. Через два дня он улетел домой, и я его провожала. Он уходил в темноту, а я молча

смотрела вслед и беззвучно плакала. Почему я не догнала его?! Он любил меня, я это чувствовала, а я люблю его до сих пор. Но он улетел, и я поняла, что потеряла его навсегда. За ночь опухла от слез, а утром он прислал телеграмму, и я побежала на почту ждать телефонного разговора с ним. Но разговор тот не состоялся, нас почему-то не соединили.

Вернулась домой, в свой привычный и уютный мир, и мне стало ясно, что не смогу бросить все ради этой неожиданной любви. Написала ему об этом, и на письмо свое ответа не получила. Родила еще дочку, люблю ее очень, и все было бы прекрасно, но не могу его забыть. Меня преследует его голос, кажется, что вижу его среди прохожих на улице, все время жду, как чуда, встречи с ним, совершенно невозможной встречи. Где он, что с ним, как живет, помнит ли меня? Нет мне покоя от этих вопросов и не будет ответа на них. Неужели наша встреча была лишь для того, чтобы все последующие годы заставить меня страдать от воспоминаний о ней? Я не проявила легкомыслия, я приняла верное решение и сохранила семью, но отчего же так больно, так хочется кричать и плакать от сознания неоправданности сделанного? Нет ответа, есть только тупая боль... Хочется верить, что время залечит

раны, а сейчас мне стало чуть-чуть легче от того, что кто-то незнакомый разделил со мной мою боль, прочитав это письмо. И если оно будет напечатано, пусть под ним не будет моей подписи.

С. В.

Давно хотела написать, да не решалась, а сегодня почему-то подумала, как Ленин: «Промедление смерти подобно!»

Мне 28 лет, образование среднее. Дочери 7 лет. Я мать-одиночка. Но не подумайте, что буду жаловаться на судьбу. Судьба как судьба, хотя и трудная, особенно в наше время, но она меня устраивает. Писать буду совсем о другом.

Политикой я не интересовалась, да и кто ею раньше интересовался, интерес этот наверно начинался, там же и заканчивался. Только однажды я подумала, что все изменилось, это когда открылся «Съезд перемен». Мне казалось, что вся страна сидит у телевизоров и впитывает в себя буквально каждое слово.

Но очень скоро поняла, что съезды наши снимались по одному сценарию с фильмом «Бога ты тоже плачут». И тут, и там переливают из пустого в порожнее. Только вот финал получился разный: у них, в Мексике, счастье, а у нас тут горе.

Как громко кричали с трибун о суверенных, независимых государствах, с какой уверенностью «клали» руки на рельсы с обещаниями не поднимать цены. Конечно, хорошо об этом кричать, зная, что свой кусок хлеба с маслом всегда получишь. Я давно уже не смотрю съезды, а теперь перестала включать и новости. Раньше в этой передаче об одних достижениях говорили, а теперь только о горе, крови, боли и слезах людских.

Вот вы, «борцы за независи-

мость», сойдите с высоких трибун и посмотрите в глаза матери, у которой убили ребенка в «борьбе за суверенитет», и спросите ее, стоящую над могилой единственного сыночка, нужна ей независимая страна за такую цену?

Вы, боевики, гордые и неприимимые к врагам наций и народностей, оглянитесь назад, ведь вы идете к свободе по трупам детей. Скажите, воевавшие, что видите вы в глазах своих сограждан — обезумевших от горя матерей, искалеченных детей, согнувшихся у пепелища своих домов стариков, — может, радость свободы, счастье независимости и суверенитета? Нет! Нет в них ничего, кроме боли и ненависти. Ненависти к вам, «героям», у которых руки в крови детей и женщин. Потому что голодное детство, разбитую жизнь, бездомную нищую старость — вот что обеспечил с гарантией ваш суверенитет.

Остановитесь. Отмойте руки от крови.

НАТАША СОЛЖАНИЦИНА, г. Минеральные Воды

Надеюсь найти понимание среди читающих «Смену».

Россия обрела независимость от внутреннего гнета, коммунистического, и стремительно подминается под гнет американский. Наверное, каждый отметит тотальное наступление пропаганды американского образа жизни на Россию: по Центральному телевидению — засилье американских фильмов, рекламы, музыки, всевозможных проповедников. Многие наши газеты и журналы переняли манеру вседозволенности в публикациях, печатают всякую пошлость, грязь, порнографию, вплоть до того, что жена насыпала мужу перец в презерватив. Неужели об этом должны знать все? Ведь газеты читают и

дети, и подростки! Что с ними будет?

Запомнилось: ректор МГУ в утренней программе теленовостей как-то сказал, что журналистом может работать любой, но выпускники университета отличаются профессиональным подходом к работе. Так в чем же он, профессионализм? Добывать, раскапывать ворохи грязи? Даже полуграмотные женщины, сплетничая во дворе на лавочке, не опускаются до «новостей», которыми часто полны газеты.

Так кто же позволил или что же позволило журналистам заглядывать туда, куда не следует, несмотря на университетский профессионализм? Ответу — все это большевистское воспитание. Это оно лишило нас православных корней, православного воспитания и нравственности в наших детских садах, школах, вузах и т. д., а взамен насадило хамство, грубость, вранье, безнравственность. И университетское образование (и любое другое), лишённое православных корней, не в силах воспитать истинных, честных профессионалов своего дела. Это, конечно, касается не только журналистов, но и врачей, юристов, экономистов, строителей, фермеров, продавцов. Против православия в первую очередь была направлена темная большевистская сила. И вот теперь эти же силы разворачивают нас на католический Запад; им только бы не наше православие, которого они как огня боятся.

Некоторые журналисты забыли, что живут в России. Что ни номер, то прославление жизни американских «звезд», реклама фильмов ужасов и прочей дряни, но зачем это нашей молодежи? Я имею право задать такой вопрос, потому что у меня болит душа за Россию, которую продолжают распинать. Я бо-

лею за душу России, а душа у нее не такая, как у Америки, и никогда не будет такой, как бы кто ни старался. Сейчас телевидение буквально душит нас американскими фильмами и песнями. Может, они и привлекательны на первый взгляд, эти песни, но они полны яда для человеческой души, потому что возбуждают в человеке низменные инстинкты. Я уверена, что это все — работа темных сил, старающихся ввергнуть человечество в разврат, убийства, насилие и другие грехопадения. Сравните их с православными песнями (их, правда, и передают-то лишь под Рождество), которые призывают к добру, чистой любви, просветляют ум, душу, облагораживают!

А американский образ жизни у нас все равно не привьется, жаль только, что изуродует молодых. У России свой тысячелетний образ православной жизни, свои православные звезды и герои, которые отдавали жизни и души за веру и Отечество. И российской православной душе не свойствен животный секс, разврат, вседозволенность.

Некоторые наши журналисты, писатели, режиссеры, актеры потеряли себя, свои души за годы унижения и уничтожения России, ее культуры, нравственности, поэтому, видимо, обретя свободу, слепо пошли за враждебными силами. А нам надо возрождать и беречь Россию, ее православное мышление и образ жизни. Все наши талантливые писатели, поэты, философы, историки, художники, прославившиеся во всем мире, воспитаны были на основе православного мышления. Без православия нам не встать на ноги, не восстановить хозяйство, культуру, нравственность.

**А. МОРОЗОВА,
Воскресенск**

Мне пятьдесят семь лет, и пятьдесят шесть из них я прожила в Таджикистане. Вырастила троих сыновей; старший женат, живет в Белгородской области: он уехал сразу после первых событий в Таджикистане, а я осталась, надеясь на лучшее, но, увы, тщетно. И я с двумя сыновьями в августе прошлого года тоже уехала в Россию. Поселились мы в селе Волоотово Чернянского района Белгородской области в заброшенном доме.

Детей я воспитывала одна (муж оставил нас) — можете представить, как было тяжело, но, слава Богу, сыновья мои не пьют, не курят, окончили техникумы. Меньший, правда, болеет — у него еще в Таджикистане признали легкую форму сахарного диабета, но он пока держится.

Словом, приехали в Россию, а в мае этого года случился у меня инсульт — парализовало правую сторону, но рука и язык стали со временем двигаться. Как ни тяжело, но это не самое страшное. Самое страшное — я потеряла здесь своего милого сыночка, среднего. Ему было двадцать шесть, он был моей надеждой, но в мае его не стало — попал под трактор, на котором ехал пьяный тракторист. Прошло столько времени, но ни милиция, ни прокурор не заинтересовались, как это произошло. Не могу без слез писать: сын был такой добрый, отзывчивый, голоса никогда не повышал. Я всегда думала, что оставшуюся жизнь проживу с Игорем — так звали моего сыночка, — и вот теперь его нет. Меньший не работает, ухаживает за мной, а я получаю пенсию 26 600 рублей. Хорошо, хоть картошка есть. Живем мы

в ужасных условиях и все равно боимся, что нас могут выгнать из дома. Дали нам удостоверение беженцев, поставили на очередь на квартиру, но когда мы получим ее, неизвестно.

Господи, за что все эти страдания и муки! За что? Я уже не увижу светлых дней, хотя бы мой младший, Андрюша, увидел их. Да, видно, и ему судьба не легкая достанется — он у меня стеснительный, никогда для себя ничего не попросит. В деревне для него работы нет, вот и сидим с ним дома. Когда жив был мой Игорек, хотели взять ссуду, а теперь, наверное, не дадут. Да и как возвращать из такой пенсии?.. Как жить дальше? Что делать? В Таджикистане поддержали бы близкие друзья, а теперь нас жизнь раскидала. Здесь очень хорошие люди, но друзей так быстро не приобретешь. А в милицию я как-нибудь доберусь: до Чернянки — тридцать километров — два раза в день ходит автобус, и мне пока тяжело — не выдержать целый день в дороге, на автовокзале, но все равно доеду.

Извините за сумбурное письмо — некому душу облегчить. Вы поймете, в каком я состоянии.

З. А. БЕЛЯКОВА,
Белгородская область

«АстроВАЗ» — ВАС! ЭТО ДЛЯ

Только и слышишь: у одного машину увели, причем с платной стоянки, у другого дачу опустошили вплоть до ходиков, у третьего, пока спал, вынесли из квартиры все самое ценное, у четвертого автомобиль «раздели»...

Президент акционерного общества «АстроВАЗ» Николай Лухманов, когда слышит о подобных случаях, говорит:

— Есть хорошая поговорка: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Она и в самом деле очень подходит для жителей нашей много-страдальной страны. Мы три года предлагали, уговаривали людей самим заботиться о своем будущем, хотя бы на материальном уровне. Наши уговоры действовали только на знакомых, дальновидных людей и иностранцев... «АстроВАЗ» взял на себя очень тяжелую задачу, когда три года назад поставил цель: завоевать место под солнцем в самом трудном и непредсказуемом виде страхования — средств транспорта. И сегодня считаем, что выполнили ее на все сто процентов.

В самом деле, в случае аварии или угона клиент «АстроВАЗа» получает деньги без проволочек, а однажды компания без пустых формальностей выплатила 50 миллионов рублей за угнанный «БМВ»... Уже почти год при «АстроВАЗе» работает «Автосервисклуб»: ремонтные бригады выезжают по вызову клиента в любое место Москвы или Подмосковья и чинят, если надо, застрахованный автомобиль, заправляют его маслом, перегоняют в указанное место.

— Увидев, как мы обслуживаем по самому рисковому и убыточному — транспортному — страхованию, клиент понимает, что «АстроВАЗу» можно верить, — говорит Николай Лухманов. — И боится здесь еще и имущество, и свою жизнь...

«АстроВАЗ» освоил новые виды страхования, о которых было неизвестно прежде Госстраху: страхование перевозимых грузов, коммерческих рисков, банковских вкладов и депозитов. За счет средств предприятий страхуются в «АстроВАЗе» жизнь и здоровье их работников.

«АстроВАЗ» был одним из первых на российском страховом рынке. Он создан в октябре 1990-го, и номер государственной лицензии, данной ему на право практически любых страховых операций как в рублях, так и в СКВ, восьмой, тогда как позже регистрировались еще более 1400 подобных компаний. За три с небольшим года «АстроВАЗ» достиг ежемесячного оборота более чем в миллиард рублей и только налогов и отчислений в бюджет платит 45 миллионов рублей ежемесячно. По сумме премий по заключенным договорам страхования это акционерное общество занимает третье, бронзовое, место в стране.

Ежедневно в три московских офиса фирмы, расположенных в престижных районах столицы, обращается в зависимости от дня недели от 120 до 170 человек. Всего же клиентами «АстроВАЗа» за три года его существования стали уже 28 тысяч человек.

ЧТО, КРОМЕ "ПЕПСИ," ВЫБИРАЕТ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ?

Об этом беседуют
доктор
философских наук,
профессор,
заведующая
кафедрой
социологии
Института
молодежи
ВАЛЕНТИНА ЛЕВИЧЕВА
и обозреватель
«Смены»
ВЛАДИМИР АНИСИМОВ.

— Принято считать: молодежь — наше будущее. Можно ли предугадать, какие времена грядут, вглядываясь в лицо молодого поколения России накануне нового тысячелетия?

— Давайте сразу оговоримся, что молодежь — это не просто совокупность человеческих особей данного возраста. Это определенным образом встроенная в общество социальная общность, имеющая как собственные своеобразные характеристики, так и сложную систему связей, взаимодействий с другими социальными группами, с государством. С этой точки зрения молодежь являет собой отражение общества в зеркале своего времени, иногда — в кривом зеркале. Расхожее клише, будто именно от нее в первую очередь исходят прогрессивные новации и конструктивные изменения, в лучшем случае верно лишь отчасти. В силу специфики восприятия окружающего мира биполярным образом, по принципу «черное — белое», именно молодежь выступает носителем наиболее архаичных отношений в обществе, нетерпимости к инакомыслию, насилию, жестокости.

Молодежь — это наиболее непримиримая оппозиция, действующая по принципу: или мы — или они; кто не с нами — тот против нас. Сознание у нее носит инверсионный характер: «плюс» автоматически меняется на «минус». То, что считалось еще вчера положительным, отвергается с порога сегодня. И не на основе анализа, а просто потому, что так уже было. По наблюдениям социологов, люди до двадцати трех принадлежат к наиболее радикальной части общества. Именно они чаще всего приходят на митинги как радикальных демократов, так и некоммунистов.

— Все больше молодых приходит к власти в областях, республиках России. Это положительный момент?

— В нашей истории было несколько этапов, когда происходило резкое омоложение власти — и всегда становилось больше насилия, становилось хуже для людей.

— Кого конкретно вы имеете в виду?

— Да хотя бы всю плеяду российских революционеров нашего века... Первое советское правительство было самым молодым в мире. И последующие попытки резкого омоложения региональной и центральной власти кончались прискорбно, несли в большей степени разрушительный заряд, нежели созидательный. Так что не надеяться на молодежь, а бояться ее следует российскому обществу.

— Выходит, для всех нас предпочтительнее «власть пенсионеров», того же брежневского Политбюро?

— Зачем же так?! Я говорю вот о чем: для общества важнее государственная стабильность. Молодежь, напротив, по духу своему, по образу и мыслей, и действий склонна к переменам — причем немедленным. «Семь раз отмерь, один отрежь» — это не для нее. А созидание — работа кропотливая, требующая не только энергии, но и знаний, и опыта, и просто житейской осмотрительности. А все эти качества вырабатываются, накапливаются исподволь, с годами... Думаю, 35—40 лет — вот время для вхождения в большую политику, когда права, энергия соразмеряются с огромной ответственностью... У нынешних молодых это, увы, не всегда в наличии. Они живут сегодняшним днем, синоминутными интересами, в полной уверенно-

сти, что и завтра интересы эти будут для общества значимы и полезны. И эта, я бы сказала, зашоренная убежденность внушает мне опасения...

— Хорошо. Тут мы, кажется, разобрались... Но в таком случае хотелось бы знать, насколько изменился качественный уровень ваших студентов. Они более подготовлены, чем «вчерашняя» молодежь?

— К сожалению, нет. Сегодня многие наши студенты демонстрируют абсолютное незнание структуры государственной власти в России, не могут ответить, какую власть представляет президент. Еще меньше им известно о принципе разделения властей, правах человека, с простым перечислением которых и то возникают проблемы, не говоря уже о понимании их сути.

— Верится с трудом...

— Почему же? Самая заурядная ситуация. Просто таким вещам перестали учить в школах, институтах. Ведь эта информация не помогает выжить, устроиться — значит, не нужна.

— Зато школьники отлично ориентируются в сортах жвачки, «Сникерсах», напитках...

— Приведу любопытный факт. Социологический отдел Российского телевидения произвел опрос среди детей и подростков до 17 лет. В частности, интересовались мнением о наиболее популярных телепрограммах, газетах и журналах. Молодежь назвала около двух десятков рекламных роликов — сигарет, алкоголя. Показательно, что никто из двух тысяч опрошенных не смог назвать ни одного «толстого» журнала — они им просто неизвестны! А ведь школьники шестидесятых — семидесятых годов если и не читали таких журналов, как «Новый мир»,

«Москва», «Октябрь», то хотя бы знали об их существовании!

В России всегда были бесплатные школы, где детей учили грамоте и ремеслам, приюты и так далее. Бесплатные гимназии и университеты. А теперь мы пытаемся «открыть Америку», вводя платное образование! Учим детей основам бизнеса, совершенно забывая об их эмоциональном мире.

— И школьники становятся более прагматичными... Это, конечно, тоже нужно в современном мире. Но изменилось ли что-нибудь в системе нашего образования? Когда мы с вами учились, в школе практически отсутствовали гуманитарные предметы. «Официальные» история, литература... Сейчас стало посвободней. Однако гуманитарные дисциплины стали «не в моде». Зато законы «выживания» усваиваются отлично. При чем они нередко носят криминальный характер.

— Скажу больше. Вспомните о казанских, люберецких группировках — в принципе это общий «молодежный» и «детский» феномен быстро растущих городов. Еще несколько лет назад ученые НИИ МВД предсказывали: детские группировки будут поглощены взрослой организованной преступностью. Прогноз полностью сбился. Сейчас пытаются создать на местах комитеты по делам молодежи, их работники приезжают к нам учиться. Раньше мы назывались Высшей комсомольской школой, и поступали к нам молодые люди, желающие сделать карьеру. Во всяком случае, они обладали честолюбием, определенными деловыми и организаторскими качествами. Кто к нам попадает сегодня? Я смотрю — это же совсем другая аудитория, нежели раньше! Бабушки, учителя-неудачники...

В комитеты они попали буквально с улицы, волей обстоятельств. А государственная молодежная программа сможет держаться только на чиновниках — в хорошем понимании этого слова. На профессионалах. При участии, разумеется, самой молодежи.

— И никакой идеологии?

— Нет, без нее пока не обойдется. Я социолог и должна принимать мир таким, каков он есть. Если наше общество привыкло опираться на идеологию — это прискорбно, но мне надо в этом обществе жить и работать. Я хочу, чтоб с экрана телевизора моему сыну сказали: пожалуйста, хорошо работай! А не твердили постоянно: кури «Мальборо». Слово «идеология» я употребляю не как очередную догму, а как осмысление своей жизни, наличие определенных нравственных, духовных ориентиров. Это не философская доктрина, а достаточно упрощенная схема, набор идей, которые дают понимание жизненных ситуаций. Потребность в идеях очень велика. Об этом свидетельствует хотя бы повальный интерес юных ко всякого рода экстрасенсам, астрологам, колдунам и так далее. Вплоть до явных авантюристов.

— И повальное увлечение религией...

— Не столько религией, сколько суевериями, которые всегда существовали около религии. Православие сейчас воспринимается своей ритуальной стороной — без понимания идей христианства. Кроме того, очень много низкопробных мистических учений, которые с большим жаром воспринимаются даже студенческой аудиторией.

— Помнится, много говорили о необходимости принятия Закона о молодежи. Сейчас наконец

утверждены «Основы государственной молодежной политики». Насколько эффективной, на ваш взгляд, будет после этого социальная поддержка молодежи на государственном уровне?

— Я помню те споры, когда комсомол выходил с идеей Закона о молодежи. А почему, спрашивали, не о пенсионерах? Сейчас в обществе достигнуто понимание: конечно, все самые уязвимые социальные группы должны быть защищены законодательно. Мы ищем свою, российскую, модель поддержки таких слоев общества. Взять за пример западную систему социальной работы с молодежью? Она неплохо отработана, но нам... не подходит. Не приживется у нас. Дело в том, что у нас иная структура социальных связей и отношений — в том числе среди юных. Маленький пример. На семинаре в одной из студенческих групп у нас присутствовал немецкий профессор. Обсуждался вопрос — как бы вы на месте государственных социальных служб помогали одиноким молодым матерям с детским питанием: выдали бы им денежную компенсацию или организовали его раздачу непосредственно через детские кухни? Студенты почти единогласно решили — вторым способом, мало ли на что потратит компенсацию юная родительница. Немецкий гость был удивлен — для них естествен первый вариант, он проще в организации и не менее эффективен, ведь каждая такая мать находится под патронажем, а стало быть, контролем социального работника, да не одного! Ей и в голову не придет употребить социальное пособие каким-либо иным образом. Так что одним, даже очень хорошим, Законом жизнь не перевернешь.

Россия всегда была страной не законов, а традиций. И там, где их нужно создавать заново или лучше того — ломать, нужны многолетние согласованные усилия государства и общественных институтов.

Хорошо, что мы начали понимать: свободный человек возможен только в сложном мире. Исходной посылкой социальной поддержки молодежи может быть условие нашего общества. А это одним, даже очень хорошим, Законом не регулируется. Чем проще мир, тем он более жесткий, тупиковый, безвыходный.

— Что вы подразумеваете под сложностью общества?

— У молодого человека должно быть как можно больше разнообразных контактов, форм общения, возможностей мигрировать в самые разные социальные группы. Как можно больше связей разного уровня, как можно сложнее система социальных институтов, куда он попадает, перемещаясь по разным слоям населения.

— Из бомжей — в миллионеры?

— Хотя бы и так... Есть и другие варианты: переместиться из провинции в столицу; работать одновременно в нескольких местах.

— Но ведь сегодня все позволено — дерзай!

— С одной стороны. С другой — за время перестройки мы испытали дезинтеграцию общества, что привело к разрыву социальных связей. Да, комсомол многих не устраивал. Но с его ликвидацией оказалось: очень просто разрушить те реальные программы, которые работали на молодежь. (А ведь в них молодой человек обретал многочисленные социальные контакты. Их сейчас нет...) Все труднее поступить

в вуз. Только треть всего приема в них скоро останется бесплатной. А если учесть наши отечественные традиции, сколько мест из этой трети достанется «блатникам»? Я уж не говорю о том, что молодому человеку надо где-то достать средства на дорогу в Москву или областной центр, на проживание. Плюс к тому Москва имеет ныне имидж куда хуже Содома и Гоморры... Время, когда столичным дипломом гордились, утрачено. Сейчас делаются попытки перейти на западные схемы в высшем образовании — бакалавриат, магистратура. Думаю, это упрощение нашего образования, которое по своей природе было выше западного.

Не надо забывать и об утере других жизненно важных возможностей. В последних наших опросах мы выясняли у молодых: чего они больше всего опасаются в такое трудное время? Оказалось, болезней — своих собственных и родных, близких людей. Раньше это было совсем нехарактерно.

— Боязнь высокой платы за лечение?

— Не совсем так. В жизнь вступают все более больные поколения. Смертность превысила рождаемость — а это фактор сильнее всего «бьет» по молодым людям и детям. Человек оказался в ситуации, когда ему некуда обратиться за помощью, он незащищен. Это тоже говорит о разрыве связей — в социальной сфере, в здравоохранении, культуре, профессиональных группах. Поэтому мир для молодого человека упрощается и ужесточается. В то же время я не являюсь сторонницей ряда положений, которые звучат в докладе «Молодежь России», подготовленном президенту специалистами — в том числе из Академии наук. Там все время прохо-

дит мысль — если Центр не будет обращать внимания на молодежь, не будет принимать превентивные меры — в ближайшее время грядет молодежный бунт. Не будет его!

— Вы уверены?

— Для бунта нужна согласованная совместная реакция людей, которая осознает собственные интересы. А я сомневаюсь, есть ли у нас молодежные группы — интегрированные, целостные, осознающие особое положение в обществе, рассчитывающие на особую субкультуру, особые средства поддержки молодежи — образования, семьи и так далее. Возможны ли совместные формы протеста, основанные на достаточно прочных общественных связях? Ничего этого нет.

— Вспомните студенческие забастовки в Киеве, Москве.

— Ну, и чем они закончились? Буря в стакане воды. Настоящего бунта не будет. Но зато нас с вами могут избить в подъезде...

— Мне кажется, такая перспектива ничуть не лучше, чем молодежный бунт...

— В то же время общество должно содействовать интеграции молодежи — ведь это наши дети! Нельзя обречать своих детей на очень тяжелые формы существования...

— Среди нынешнего многообразия партий, движений практически незаметны молодежные. Чем бы вы это объяснили?

— Да, еще год-два назад много говорилось о молодежных движениях. Сегодня говорить практически не о чем. Есть два десятка зарегистрированных в Минюсте молодежных организаций. Но, по

данным опросов, об их существовании 95 процентов молодых людей и не подозревают. У молодежного движения нет ни финансовой базы, ни энергетического потенциала его участников. И стимулировать деятельность молодежных политических организаций, на мой взгляд, может только принятие Закона о выборах на многопартийной основе.

— Как же можно ответить на вопрос — с кем сегодня молодежь?

— Это невозможно сказать. Кажется бы, экономические реформы в России рассчитаны именно на нее. У пожилых людей жизнь практически разбита, им поздно начинать все с нуля. Молодые в более выгодной ситуации — есть много возможностей и заработать, и найти применение своим талантам. Тем не менее, по моим наблюдениям, огромное количество молодых людей продолжают жить за счет родителей и не хотят с их шеи слезать. Кроме того, при новом экономическом порядке совершается насилие над личностью. Мужчине навязывается образ добытчика — хоть воруй, а семью обеспечить! Это сильнейший психологический прессинг. А ведь люди все разные. Для кого-то зарабатывать — самоцель, а кто-то хочет писать стихи...

В сознании нового поколения по-новому складывается грань между допустимым и недопустимым, нормой и отклонением. В мае нами проводился социологический опрос среди молодых москвичей. Каждый пятый считает, что оставить в роддоме больного ребенка — нормально. Более половины полагают, что допустимо

его «усыпить». 40 процентов опрошенных сказали, что инвалидов нужно содержать в своеобразных резервациях. То есть отношение к насилию в обществе стало более терпимым, что ли...

Надо сказать еще вот о чем: у огромной массы людей нарушена структура повседневной жизни, из-за чего происходят многие печальные события. Представьте, человек вдруг обнаруживает, что его профессия «оборонщика» никому не нужна — это же колоссальный травмирующий фактор! И такие травмы, крупные и мелкие, — на каждом шагу. Нарушается привычный жизненный уклад — приобретение продуктов, каналы получения информации, появляется неуверенность в завтрашнем дне — не придется ли вдруг идти на биржу труда?.. Психологи констатируют: многие люди не могут привыкнуть к распаду СССР как единой державы. И, конечно же, все это проецируется на молодежное самосознание...

— На чем, по-вашему, должна строиться социальная поддержка молодых?

— Помните, мы долго учили молодых бороться с обстоятельствами? А я бы стала учить их к обстоятельствам приспособливаться, начиная с детства. Приспособливаться к неблагоприятию в семье, плохим педагогам — да к любым жизненным невзгодам.

— Иначе говоря, вы призываете к конформизму, приспособленчеству?

— В каком-то смысле. Зачем так бояться слов? Никто из нас не выбирает время, в котором родиться, чтобы не сломаться, сохранившись как личность — иногда

приходится приспособливаться к обстоятельствам. Это значит — принимать время, в которое живешь, за единственную реальность. И суметь реализовать себя в этом мире сегодня, сейчас.

...Жизнь моего отца мне дороже любых интерпретаций того времени. Да, ему в чем-то не повезло — быть молодым в тридцатые... Но я не отрицаю его жизнь и не хочу, чтобы мои дети отрицали мою. Жизнь осмысленна сама по себе — безотносительно к тому, какой придет судья или политик, историк или философ и скажет, будто все мы жили неправильно. Хочется, чтобы смысл жизни молодые искали внутри себя.

— Так все-таки что же, кроме «Пепси», на ваш взгляд, выбирает новое поколение?

— К сожалению, так же, как суррогатный напиток «Пепси» выбирают главным образом малообеспеченные мамы, а вовсе не их худосочные дети, предпочитающие на самом деле натуральные соки, так и в других вопросах за молодежью не всегда остается реальная возможность своего волеизъявления. В наше нестабильное время ни в чем нельзя быть уверенной, но научная интуиция подсказывает мне — лидирующее место в обществе постепенно займет та часть молодежи, которая сейчас уже сумела переступить через краугольные камни, составлявшие фундамент платформы «шестидесятников», так шумно проществовавших на выход с политической арены, надеюсь надолго если не навсегда...

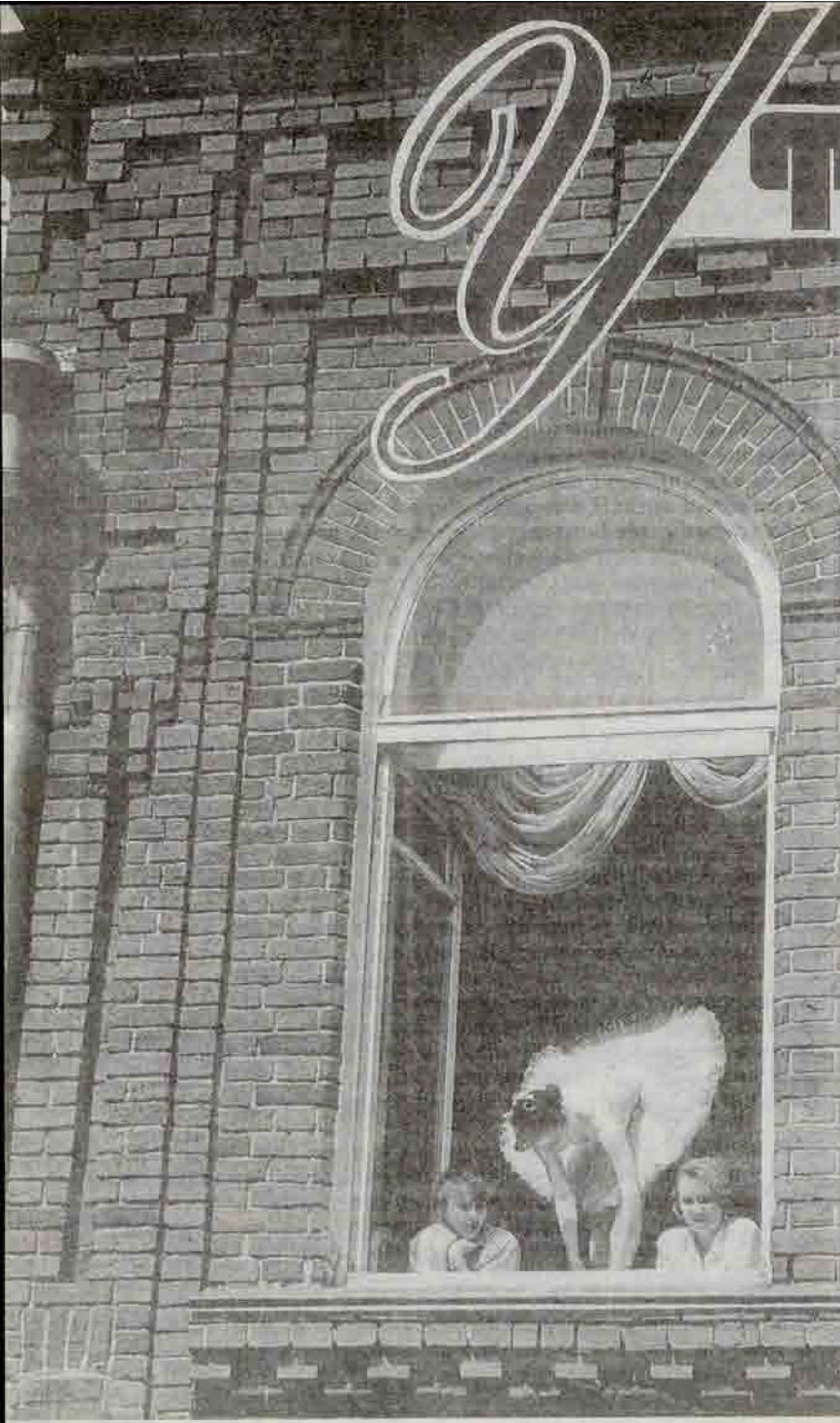
У массы представителей нового поколения вместо безоглядной веры в могущество идеи присут-

ствует трезвый расчет на собственные скромные силы, вместо поиска и клеймения виновных во всем и вся — ироничная терпимость к тем, кто живет иначе, вместо стремления к власти, особенно над умами своих сограждан, — желание найти и обустроить свою собственную «экологическую нишу». Они вовсе не склонны считать, подобно своим родителям, что их здравый смысл — самый здравый в мире, лишены признаков энтузиастского порыва и бессребреничества. Они настроены на решение не столько общественных, сколько своих личных проблем, но в этом последовательны и по-хорошему упорны, прекрасно понимая, какие шлагбаумы в обществе им мешают идти избранной дорогой к цивилизованной и осмысленной жизни.

*Редакция журнала «Смена»
приглашает к сотрудничеству
рекламных агентов.
Обращаться по телефону*

212-15-07.

ПА.ДЕ.ДЕ

Помните: «...и резвой ножкой ножку бьет»? Во времена Александра Сергеевича и «Мариинки» об уфимской школе балета, конечно же, и знать не знали. Поскольку школы этой не было. Была Башкирия — окраина России, юрты, экзотика... Нынче в России восемь (всего!) балетных училищ. Уфимское, что было открыто семь лет назад, — из самых молодых.

(Если кому-то из читателей чудится ирония в самом томе этой заметки, он ошибается. С глубоким уважением относясь к родной национальной культуре, я в то же время искренне рад духовной тяге своих земляков к всемирной классике.)

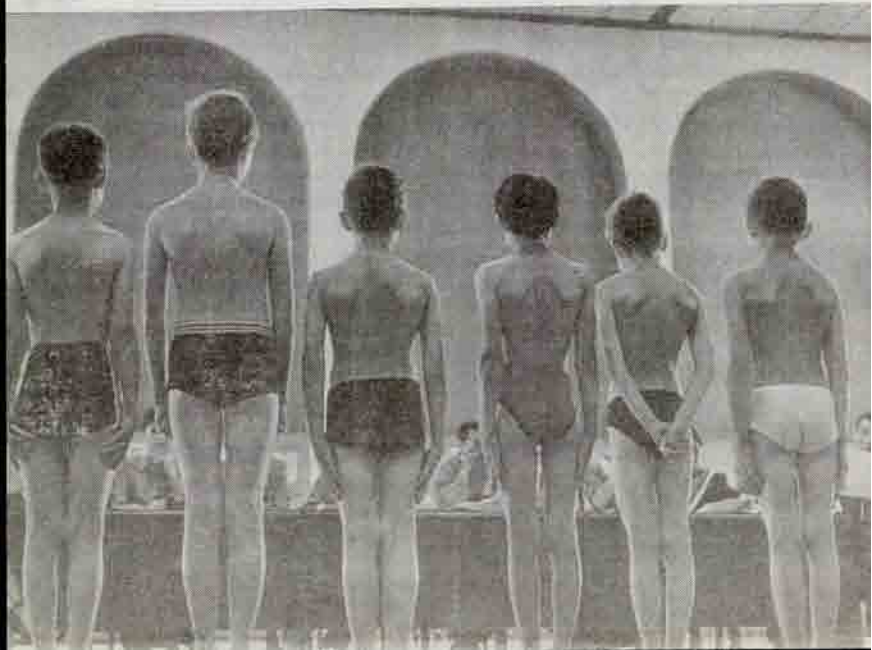
Примечательный факт: в здании, где расположено училище, в пятидесятые годы была общеобразовательная школа № 2, и в ней учился Рудольф Нуриев — звезда мирового классического балета. Говорят, исторические параллели не всегда корректны, но — что было, то было.

В мае нынешнего года состоялся первый выпуск училища.

Дух «гения танца» витает в обновленных стенах бывшей средней школы: Дмитрий Новожилов, Анжела Тагирова, Айрат Фатхельсламов, Роман Рыков — эти имена юных воспитанников уфимской школы балета уже на слуху и специалистов, и пристрастных зрителей-балетоманов.

Участие и победы башкирских танцоров и танцовщиц в престижных международных конкурсах, их блестящие выступления на сцене республиканского театра оперы и балета убедительно говорят нам: башкирская земля сегодня не только экзотика, нефть и «оборонка»... Это и полет духа, стремительная плавная красота танца, где человеческая суть свободна в изначальном смысле этого слова.

Такое вот уфимское па-де-де...

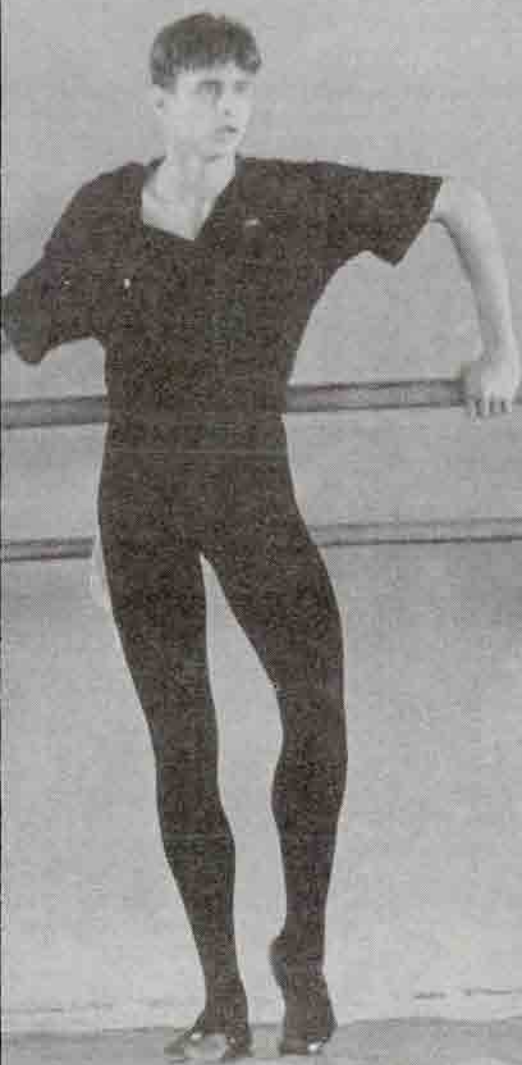

Том Харпол — американский журналист. Профессиональная репутация позволяет ему самостоятельно выбирать темы и точки земного шара, куда он ездит за материалом для статей.

Ежегодно Том бывает в нашей стране и пишет о нашей жизни, объясняя это необыкновенной человечностью и талантливостью россиян.

Что ж, со стороны виднее... Статья Т. Харпола, предлагаемая читателям, написана в традициях англоязычной журналистики и непохожа на привычные нам проблемные или «бичующие» очерки. В Америке подобный жанр называют non-fiction story, что можно перевести как «документальный рассказ»...

Седые волосы Сергея Киселева живописно смотрелись на фоне серого от пыли окна. Солнце с трудом пробивалось сквозь облака, освещая казармы тусклым светом. Была видна только узкая полоска голубого неба — казалось, что погода нелетная.

Сергей обернулся. Его свежесбритое лицо расплылось в улыбке (он постоянно улыбался).

— Life is life*, — сообщил он, показывая пальцем на небо. Потом поднял палец выше, улыбнулся еще шире и наградил меня следующей фразой: — Yes oh clock**.

Это все, что он знал по-английски.

Сергей в буквальном смысле выше банальных и житейских забот. Около 70 часов своей жизни

* Жизнь есть жизнь (здесь и далее прим. переводчика).

** Дословно: «Да, часы».

“ВЫПРЫГИВАЮ ИЗ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ...”

ТОМ ХАРПОЛ, американский журналист

он провел в свободном падении, пролетев за это время семь с половиной тысяч миль. Больше сорока лет он служил в Советской Армии, занимаясь испытаниями в невесомости и работая в отряде космонавтов инструктором по парашютным прыжкам.

Этим февральским утром свой первый прыжок должен был совершить я. Моим инструктором стал Сергей.

После завтрака Сергей начал урок наземной подготовки, нисколько не смущаясь тем, что русского языка я не знал. Половинка яичной скорлупы изображала купол парашюта. Сергей говорил медленно и отчетливо, яичная скорлупка в его сильных руках несколько раз снижалась и «приземлялась» на стол с остатками сала, рыбных костей и шелухой от миндаля.

Из урока я понял две вещи: слово «проблема», очевидно, зву-

чит одинаково и на русском, и на английском языке. А странные жесты в сочетании со словом «нет», пожалуй, означали, что неприятности могут быть и после того, как парашют раскроется.

После нескольких абсолютно тщетных объяснений ЧЕГО-ТО мы с Сергеем поняли, что у нас — действительно ПРОБЛЕМА. Молча допили чай, улыбаясь друг другу и пожимая плечами. Мы оба осознали, что мой первый прыжок — нечто новое не только для меня, но и для Сергея.

К счастью, нам на помощь пришла фотограф Ира Кузнецова, которая тоже собиралась в тот день впервые прыгнуть с парашютом. Она немного говорила по-английски, но знание разговорной лексики не очень-то помогает, когда надо объяснить технику безопасного приземления или коварство нисходящих потоков. Сергей рассказывал, что я должен де-

лать, выпрыгнув из самолета, а Ира старательно переводила. Вот кусочек магнитофонной записи урока: «Красная веревочка работает с аппаратом высокого уровня. Нормально один, но два будут действовать на высоте 150 метров».

Чтобы успокоить покрасневшую от напряжения Иру, время от времени я повторял: «Канешна» и «Ия панимайю».

Сергей решил вернуться к универсальному языку и стал рисовать картинки и писать формулы в моем блокноте, объясняя технику управления парашютом и зависимость горизонтальной скорости от скорости ветра. Когда Сергей рисовал парашютиста, которого волок по земле надувшийся от ветра купол, раздавался громкий стук в дверь. Невидимый человек за дверью что-то сказал, и Сергей ответил «спасибо». Потом он ткнул пальцем в цифру «10» на моих часах и произнес:

— Yes oh clock.

Я надел зкипировку, которую Сергей дал мне еще вчера: комбинезон, высокие ботинки на шнурках, которые носят все русские парашютисты, и старенькую летную куртку. Мы вышли на улицу. За ночь подморозило, и снег был покрыт твердой корочкой. Мы обогнули казарму и по узкой тропинке гуськом направились к тренажерам. Седые волосы Сергея выбились из-под голубой вязаной шапочки и развевались по ветру.

Одним из тренажеров оказался старый бескрылый самолет. Он стоял прямо на снегу на лесной полянке и был похож на огромную сломанную игрушку. Мы молча забрались внутрь, и Сергей показал мне, как именно надо ставить левую ногу на порог. Я повторил. Тогда Сергей снова подошел к двери, слегка наклонился, скрестил на груди руки, как по-

койник, и выпрыгнул. Я сделал то же самое, и Сергей сказал: «Хорошо».

По другой тропинке мы подошли к тренажеру с подвесными системами. Сергей показал мне, как застегивать замки, и я влез в одну из них. Он уселся в соседнюю и стал учить, как обращаться со свободными концами парашюта (два передних и два задних) и поворачиваться в этом приспособлении, похожем на собачью упряжку. Я снова бормотал: «Ия панимайю», — хотя на самом деле почти ничего не понимал. А жесткие ремни и пряжки, которые впились в тело, немного угнетали. Казалось, что их слишком много...

Потом мы заглянули в ярко освещенную укладочную комнату. В углу громоздилась куча распущенных парашютов со стог сена. Сосредоточенные подростки, стоя на коленях, не очень ловко расправляли купола, а инструкторы их терпеливо поправляли. Сергей показал мне на два парашюта, оранжевый и белый, и попытался объяснить разницу между ними. Я снова кивнул: «Ия панимайю».

С улицы донесся шум заводных моторов. Мы прошли по тропинке через небольшой лесок (деревья тоже шумели) и оказались на летном поле. Четыре больших самолета работали на холостом ходу, и на взлетной полосе плясали маленькие снежные буранчики. Уложенные парашюты грудой лежали на подстилке из плотной ткани, а вокруг них кучками стояли десантники. Кое-кто из них курил, сидя на скамейках лицом к взлетной полосе.

Ко мне подошел инструктор, неся основной и запасной парашюты. Он молча помог мне надеть их, застегнул все замки. Подвесная система давила, и я пытался сжаться, чтобы она резала по-

меньше. Инструктор был очень сосредоточен — он осмотрел и оцупал парашюты по меньшей мере дважды.

Когда я был готов, Сергей напомнил, что его жена Ирина Соловьева, экс-космонавт и психолог, советовала мне обязательно что-нибудь записывать на диктофон, когда мы будем подниматься в небо. Космонавты обязаны прыгать — это часть их психологической подготовки. Когда они летят на первый прыжок, их просят читать вслух стихи, декламировать таблицу умножения или просто рассказывать о своих ощущениях. Многие не могут выдать ни слова.

Я убедился, что диктофон при мне, лежит в брючном кармане.

Сергей направился к одному из работающих самолетов. Я, как верный оруженосец, шел сразу за ним, а за нами — десантники. Самолет ждал на взлетной полосе, устремив нос в небо. Казалось, ему не терпится поскорей взлететь.

Сергей шел все быстрее и быстрее и, наконец, побежал. Я устремился за ним, не без цинизма думая: «Нельзя заставлять машину ждать!» Я вспомнил несколько случаев, когда мои знакомые лесорубы погибали или калечились, потому что не хотели, чтобы машины стояли без работы.

Но тут я решил, что Сергей бежит просто по привычке. И это нормально: к самолету, из которого ты решил прыгнуть, можно только **бежать**.

«Ан-2» не знает равных с начала сороковых годов. Это отлично сложенная рабочая лошадка, удобный воздушный грузовичок, который может взять на борт 18 человек вместе с парашютами. Поднимаясь в небо, я описывал трогательные детали интерьера самолета — приставная лесенка

из трех ступеней, блестящие стальные скамейки по бокам салона, иллюминаторы с полинявшими занавесочками в цветочек и неработающая отопительная система с маленькими трубками, направленными на каждого пассажира...

Сидевшие рядом десантники казались совершенно беззаботными. Пар от их дыхания таял в проходе между рядами. Мой сосед — небритый парень с красноватыми глазами — рассказывал мне на смеси французского и английского, но с русским акцентом, что однажды он был в Париже. Мы поднимались четыре минуты, и за это время я раз двадцать пробормотал: «Интересно».

Внезапно громкий, скрипучий звук сирены пронизал мое тело и наполнил железы адреналином — сейчас мы будем прыгать. На переборке хвостовой части самолета, там, где стоял атлетически сложенный выпускающий, зажглась красная лампочка. Выпускающий не спеша повернулся к двери, открыл и закрепил ее. В салон ворвались свет и ветер.

Теперь замерцала желтая лампочка, а сирена загудела прерывисто. Ее звук напомнил мне о второй мировой войне. Семь десантников русской армии, сидевших по левую сторону самолета, встали, слегка нагнулись и подошли к открытой двери. Проклятая сирена опять противно загудела, зажглась зеленая лампочка, и десантники друг за другом выпрыгнули навстречу потоку, скорость которого 100 миль в час, и исчезли в направлении земли. Все мы, сидевшие по левую сторону, встали. Шесть ребят, стоявших впереди меня, исчезли в открытой двери. «Пошел! Пошел! Пошел!» — восклицал выпускающий, слегка хлопая каждого прыгающего по парашюту. Я был последним. Поставив левую ногу на порог, я уже начал

отталкиваться... И тут случилось кое-что пострашней прыжка в пустоту.

Меня втащили обратно в самолет, развернули спиной к двери, и я увидел лицо выпускающего. Его глаза горели гневом, но были в них и страх, и удивление. Открытая дверь, свет и ветер, дующий в спину, каждая клеточка наполнена адреналином. Мысли спутаны. Страх. В мыслях — только страх. РУССКИЕ. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА. ВРАГИ. БЕСЧИСЛЕННЫЕ ВРАГИ. ОНИ УКЛАДЫВАЛИ МОЙ ПАРАШЮТ.

Дитя 50-х годов, я воспитывался с мыслью о врагах. Везде их тени. Самолет, летящий слишком высоко, был русским и излучал радиацию. Полоска от реактивного лайнера в небе казалась полоской, оставленной русским бомбардировщиком.

Сергей подошел ко мне, спокойно взял за руку и отвел от двери. Он слегка стукнул по моему высотомеру, показав этим, что мы просто поднимаемся выше. Сергей поднял брови, взглядом умоляя меня понять, а его глаза были такими же голубыми и ясными, как обычно. Мы сели на скамейку. Летчик, выглянув из кабины, показал нам большой палец и прибавил газу. Самолет сделал вираж, поднялся выше и вошел в облака.

Я был очень смущен и ругался про себя, удивляясь в то же время, как глубоко в крови остались страхи холодной войны.

Выпускающий подошел к открытой двери и втащил внутрь чехлы от парашютов, которые после прыжка остаются болтаться за самолетом. Он стоял спиной ко мне, покачивая головой. Потом захлопнул и запер дверь, обернулся и осмотрел меня с головы до ног. Наконец он слегка улыбнулся, подняв большой палец правой руки. Очевидно, этот жест озна-

чал: «По крайней мере ты хочешь прыгать».

Сергей, должно быть, объяснял, что я и не должен был прыгать вместе с десантниками. Я просто его не понял. Возможно, он сказал об этом в укладочной комнате, когда показывал мне на купола разных цветов.

Сергей старался не подавать виду, но чувствовалось, что он удивлен моим поведением. Он делал вид, что поправляет роскошные усы, пряча за этим движением легкую усмешку.

Я записал последнюю фразу перед первым прыжком: «Боже, если этот парашют не раскроется, но все-таки будет переселение душ — преврати меня в голубя, живущего в Вашингтоне или в Москве. Хочу нагадать на голову одному из президентов!»

Когда сирена снова завывала, я понял, что мне пора. Взглянув на Сергея, я попытался вспомнить все, чему он пытался меня учить: «Прыгни. Осмотрись. Купол должен быть круглым, наполненным воздухом. Если все в порядке, выдерни красную стропу на запасном парашюте, чтобы он не открылся. Когда будешь приземляться, держи ноги вместе и напряги их».

Звук сирены отчетливо пробивался сквозь шум мотора. Я поставил ногу на порог и почувствовал, с какой силой ветер бьется о носок ботинка. Земля была далеко внизу и казалась как-то странно наклоненной. И я прыгнул.

Меня сразу же поглотила серая масса ледяного воздуха. Пару секунд я не чувствовал ничего, кроме абсолютной беспомощности. Когда я пришел в себя, то увидел улетающий самолет. Я почувствовал, словно кто-то меня схватил под мышками и сильно встряхнул. Я поднял голову и увидел громадный грязно-серый купол. Со всех

сторон меня, как пленника, окружали стропы. «Кукла, висящая на стене», — со смехом подумал я. Казалось, что воздух, как после быстрой пробежки, пахнет мятой. Я увидел Сергея, который тоже висел под куполом в стороне, выше меня. Он что-то кричал. «Наверное, напоминает о том, что надо блокировать запасной парашют», — решил я и отключил запаску. «Как же мне развернуться?» — пытался понять я. Я попробовал потянуть за свободные концы, с трудом повернулся вправо и снова увидел Сергея. Он громко кричал: «Том! Том! Нет! Нет!» Сергей исчез из виду. Я опять попытался развернуться. Купол не поворачивался. Я подтягивался и раскачивался в подвешенной системе, изо всех сил тянул за свободные концы. Купол не поворачивался. Сергей снова что-то крикнул, но мы летели в разные стороны, и его голос становился все тише и тише. Парашют несло куда-то, но я в этом полете не участвовал. Я был также бесполезен, как лапы летящей птицы.

Аэродром приближался ко мне. Казармы, столовая, укладочная в обрамлении берез и сосен направились на меня, но все равно пока еще казались совсем крошечными. Я рассматривал все это, ведь вчера вечером я почти ничего не успел увидеть, мы приехали очень поздно.

...Аэродром был залит лунным светом. Мы стояли на обледенелой тропинке и никак не могли пройти до казармы — столько людей хотело поздороваться и поговорить с Сергеем. Сергей, чемпион мира и тренер космонавтов, человек, имеющий 8500 прыжков, разговаривал со всеми не свысока, а очень по-дружески. Конечно, я не понимал, о чем идет речь, но чувствовал тон этой спокойной беседы человека-легенды с просты-

ми инструкторами и спортсменами.

С каким уважением относятся друг к другу русские! Дух товарищества в них воспитывается с детства!

Наконец мы вошли в казарму. Александр Парфенов, самый уважаемый на аэродроме инструктор, пригласил нас в свою крошечную комнату. Мы все сидели плечом к плечу и пили водку. Из маленького холодильника Парфенов достал закуску — полбанки маринованных помидоров, ломоть хлеба и пирожные — и настаивал на том, чтобы мы обязательно ели — русская водка очень коварна, говорил он.

Разговор коснулся распада СССР и прочих политических изменений. Теперь в аэроклубе ломают голову, кому принадлежат все их имущество — самолеты, ангары, здания. Инструкторы уверены только в одном — их аэродром находится в России, но кто им владеет — неизвестно. В аэроклубе готовят десантников — и получают за это топливо. Продукты для столовой достают всеми возможными и невозможными способами. Так и живут — племя людей, которые умеют летать. Коммуна парашютистов. Я сидел бок о бок с ними и вспоминал свою жизнь. Десять лет я провел в лесах Монтаны и Орегона. Я помню атмосферу, которая царила в нашем коллективе лесорубов, людей, работающих много и тяжело. Главным было выжить и уметь радоваться своей работе. А деньги не значили почти ничего.

И теперь, сидя в холодной казарме аэроклуба в Волосове в компании русских летчиков и парашютистов, живущих в таких же монашески трудных условиях, я очень многое понял. Я понял, что нахожусь в безопасном месте, где люди заботятся друг о друге.

И вот я приземлялся на русский

аэродром, затерянный в лесах, и понимал, что я оказался здесь совсем не случайно. Я спускался, и панорама аэродрома сужалась. Теперь на меня надвигалась не вся земля целиком, а просто огромное снежное пространство. Когда я был на высоте примерно 5-этажного здания, я свел ноги вместе, слегка согнул и напряг их. Я старался напрячь ноги как можно сильнее. Скорость снижения была довольно большой — удар о землю ожидался приличный. Мне объяснили, что его можно сравнить с прыжком с крыши гаража или одноэтажного дома. Но на деле оказалось не совсем так. Я бы уподобил это прыжку из едущей на полной скорости машины. Упавший на землю купол сразу же наполнился воздухом и потащил меня за собой. Мне удалось схватить несколько строп, но купол никак не хотел останавливаться, и я перехватил стропы зубами, освободив руки. Чувствуя во рту вкус снега и пыльной ткани, я все тянулся и тянулся за новыми стропами, и наконец купол погас и распластался по земле. Я встал на ноги и увидел снежную тропинку футов в сто длиной — столько я проехал вслед за ним. Отцепив подвесную систему и вытряхнув набравшийся в куртку снег, я свернул парашют, вспомнив утренний урок Сергея.

Тут подошел и он, неся на плече свой уже аккуратно сложенный купол, и помог уложить мой парашют в сумку. Мы старались, чтобы вместе с парашютом в сумку не попал снег. Потом Сергей встал против меня и улыбнулся, как бы благословляя.

— Том, — сказал он. — Молодец! Молодец!

Мы бросили перчатки на снег,

смеялись, пожимали руки и стискивали друг друга в крепких медвежьих объятиях.

А над нами хмурилось небо.

Когда мы шли обратно, Сергей сделал вид, что не заметил широкую снежную тропу, которую я проложил, волочась за куполом. Сергей шел очень легко и быстро, несмотря на глубокий снег и тяжелую парашютную сумку. Над нами, в хмуром небе, снижались все новые и новые купола, а у меня было единственное желание — прыгнуть! И поскорей!

Нас встретили радостными криками и поздравлениями. Мне вручили значок, который получают все русские десантники после первого прыжка.

Сергей познакомил меня с Ириной Тивельковой, женой начальника аэроклуба, которая хорошо говорила по-английски, особенно если речь шла о парашютах. Она объяснила мне, почему я не должен был прыгать в одном заходе с десантниками: мой парашют другого типа и раскрывается на две секунды позже, чем их, и я запросто мог попасть в чей-нибудь уже раскрытый купол и погасить его. И еще она сказала, что для того, чтобы развернуться в воздухе, надо тянуть не за свободные концы, а за специальные стропы управления, которых я просто не заметил. А вот перед приземлением надо было подтянуться на задних лямках. Я этого не сделал, поэтому и «прыгал из едущей машины».

Мне помогли надеть другой парашют, и я побежал впереди цепочки десантников к нетерпеливо рычащему самолету. В самолете я снова записывал на диктофон свои впечатления и даже в воздухе кое-что говорил.

Пока я укладывал парашют в сумку и шел обратно к старту, небо затягивалось все больше и больше, ветер усиливался, и на старте мне сказали, что прыжков пока не будет.

Сергей, Ира и я зашли в казарму выпить чаю и перекусить. Пока кипятилась вода, Сергей попросил послушать репортаж, записанный на моем диктофоне. Ира решила перевести его при условии, что я буду делать паузы. Мой голос отчетливо пробивался сквозь шум мотора, сирены и ветра. Все смеялись каждый раз, когда я говорил: «Интересно». Но мои подробные описания аэродрома, людей, самолета звучали суховато и несколько отстраненно.

— Ну, а твои личные ощущения? — нетерпеливо спросил Сергей.

Я невнятно забормотал, что мои ощущения читателей не интересуют.

— Конечно, нет. Но это очень важно для тебя лично — помнить их.

Он приложил руку к сердцу и сделал вид, что внимательно рассматривает сваренное вкрутую яйцо... Потом поднял глаза и широко улыбнулся. Внимательно глядя на меня и четко произнося слова, он сказал:

— Том! Ты учишься доверять людям. Мы прыгаем для того, чтобы понять, что это значит — понастоящему доверять.

И этими словами седой полковник русской армии завершил ходную войну.

Ненависть к русским, которую так старательно прививали наши политики и газетчики, умерла в один миг.

Мы с Сергеем говорили на разных языках, но я поверил ему.

Я отдал свою жизнь в его руки, и он вернул мне мою жизнь, как бы осветив ее изнутри.

Сейчас у меня уже девять прыжков, и я согласен с тем, что парашютный спорт — страшный абсурд, насилие над нормальными человеческими инстинктами. Парашютист — это беспомощный птенец, которого выкинули из гнезда.

Но этот абсурд можно контролировать. И его можно познать до конца.

Сергей Киселев говорил, что в прыжки нужно вкладывать душу.

Предисловие и перевод с английского АННЫ ЛИТВИНОВОЙ.

119

ГЕРБАЛАЙФ

■ Американский продукт питания поможет Вам похудеть (до 15 кг за месяц) без голодания, помолодеть, обрести бодрость и работоспособность, восстановиться после инфаркта или инсультов, облегчить страдания при остеохондрозе, псориазе.

■ Об эффективности ГЕРБАЛАЙФА читайте в «СМЕНЕ» № 11-93, стр. 107. Объявление — талон на льготную покупку. Инвалидам и пенсионерам скидка 10%. Приглашаем распространителей.

(095) 245-59-56, 245-40-72.

• АНДРЕЙ ЕФИМОВ

БРАТЯШКА

РИСУНОК ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

О событиях, подобных Отечественной войне 1812 года, вспомнить побуждают не одни юбилейные даты. В нынешнем году («Смена» № 9) мы уже знакомили читателей с сравнительными характеристиками Кутузова и Барклая-де-Толли, Ермолова и Багратиона. Представляемая публикация — в силу значимости темы в русской истории — снова касается «грозы Двенадцатого года». Впрочем, на этот раз предлагаемый читателю материал до некоторой степени все-таки юбилейный: в декабре, а именно в самый день Рождества Христова император Александр I особым манифестом объявил об избавлении России от неприятеля. Дню этому предшествовал обратный путь, Богом и судьбою уготованный нашествию. О нем — рассказ Андрея Ефимова (псевдоним исторического писателя Андрея Ефимовича Зарина), знакомого нашему читателю по очеркам «Казнь Грузиновых» и «Клейменная графиня» («Смена» № 7).

Армия Наполеона оставляла Москву 6 октября. Трудно, однако, было назвать армией беспорядочное войско, в котором уже не было дисциплины. Только гвардия Наполеона держала себя с достоинством; остальные войска были похожи на какую-то орду. Большинство солдат было без сапог; у многих вместо мундиров были надеты горохового цвета сюртуки или кацавейки на вате, но у каждого ранец был набит награбленным добром, к тому же и узел, который он тащил за собою.

Вместе с армией оказалось множество женщин и детей, преимущественно иностранцев, к ней приставших. Едва ли не все офицеры и даже многие солдаты для себя и награбленного имущества забирали экипажи, так что следом за армией на тридцать верст тянулись кареты, коляски, дрожки, брички, каких считали до десяти тысяч. Сам Наполеон, выехавший из Москвы 7 сентября поутру, был затерт у заставы этими экипажами. С грустью и горечью смотрел он на свою армию, и «непобедимые орлы» на его знаменах, казалось, склоняли головы. И было отчего.

Наполеон вошел в Москву со 110 000 войска. Сюда же пришло и прибавилось еще до 25 000 человек — отставших и выздоровевших после ранений. Всего, таким образом, набиралось не менее 130 000, вступивших в Москву, а увел он с собою не более 105 000. Короче сказать, за время от 2 сентября до 6 октября Наполеон потерял 30 000, то есть почти по 1000 человек в день!

Уходя, Наполеон оставил в Москве маршала Мортье с страшным приказанием — при отступлении взорвать Кремль и сжечь все, что еще не сожжено.

Москва опустела, как вымерла, и в городе воцарилось гробовое молчание, только из некоторых домов раздавались стоны больных и умирающих, брошенных французами на произвол судьбы.

8 октября к Москве из Черной Грязи приблизился отряд генерала Винценгероде¹. Встретив у Петровского дворца отряд французов, казаки напали на него, опрокинули, взяли 400 пленных и гнали его до самого Кремля. От пленных Винценгероде узнал об уходе французов из Москвы, и от них же — о страшном замысле взорвать Кремль. Кровь в нем закипела, генерал не мог допустить такого святотатства и тотчас, захватив с собою адъютанта, поспешил прямо в Москву, в Кремль, к Мортье². На пути хватились, что забыли взять трубача, но возвращаться было поздно: их уже увидели. Они сделали из платков парламентерские флаги, но, несмотря на это, Мортье арестовал их и объявил своими пленными.

8 октября, когда французская армия повернула уже на Фоминское, Наполеон из Троицкого приказал Мортье оставить Москву. В шестом часу вечера молодая гвардия и войско, составлявшее гарнизон Кремля, тронулись через Калужскую заставу, уводя пленным Винценгероде. В два часа пополудни, когда выходили последние французы, вдруг грянула пушка и следом за выстрелом раздался такой грохот, что, казалось, падает небо и трескается земля. Друг за другом раздалось пять страшной силы взрывов; небо окрасилось заревом пожара, в воздух полетели обломки стен и башен Кремля. Начался пожар. Горел дворец. Следом вспыхнули огни других пожаров, и Москва запылала снова.

Пожары догорали 11 октября. Кремль был взорван в пяти местах, и еще во многих подкопах обнаружили бочки с порохом. Наполеон хотел взорвать весь Кремль, но минеры не успели поджечь всех мин, опасаясь стать жертвами взрыва, и, кроме того, несколько зажженных уже фитилей погасил проливной дождь, к счастью, в тот день случившийся. Не успели французы поджечь и всех зданий, обреченных пожару. После ухода многие из них оказались наполненными горючими и взрывчатыми веществами.

Иначе как чудом не назовешь того, что в московском пожаре не сгорел ни один храм, хотя все были осквернены неприятелем и являли картину ужасную. Все церкви Кремля были ободраны от куполов до самого низа; в алтаре Казанского собора валялась дохлая лошадь; в Архангельском навалены были бочки с разным по церкви вином. Все храмы были обращены в казармы и загажены; ни в одном не осталось ни кусочка серебра или золота. В Успенском соборе стояли горны, в которых переплавлялись ризы с икон; вместо дорогого серебряного паникадила изпод купола спускались весы, и на царском месте грубой рукой была сделана мелом запись: «325 пудов серебра, 18 пудов золота». Мощи святых были вынуты из рак.

В городе картина представлялась не менее ужасной. В домах и лазаретах лежали больные и умирающие вперемежку с трупами. Трупы валялись и на улицах, гнили, наполняя воздух смра-

дом... Генерал Бенкендорф³, назначенный полицмейстером, тотчас занялся очисткой города. Уже на третий день, 14 октября, разыскали все необходимое для совершения литургии, и в 9 часов утра в первый раз после долгого молчания ударил большой колокол Страстного монастыря. Все живущие в Москве наполнили церкви; все плакали в тот день, и с начала кампании это были первые слезы умиления.

Между тем об этом событии не знал пока никто в нашей армии, и Кутузов оставался еще в Тарутине.

Короткое пребывание Наполеона в Москве оставило по себе память. До его прихода в белокаменной считалось 9257 зданий, уцелело лишь 2761. Потери имуществом и деньгами у частных лиц определились в 271 миллион рублей. Потери казны — по делам комитета министров в 278 969 289 рублей, а по делам государственного казначейства 280 009 507 рублей. Такого разора Россия еще не знала.

Выходя из Москвы, Наполеон был занят одною мыслью: дойти до Смоленска новою дорогою, на которой армия его находила бы себе продовольствие. В Смоленске он думал найти громадные запасы и остаться с армией на зимовку. Задача была — выйти на Новую Калужскую дорогу, а для этого надо было незаметно пройти мимо Кутузова.

Выйдя из Москвы и остановившись в Троицком, Наполеон не знал еще, находится ли Кутузов в Тарутине или вышел из него. Для этого он приказал секретарю составить и послать письмо к Кутузову с запросом, что ответил Александр на предложение мира, переданное ему Лористоном⁴. Письмо это он пометил Москвою. Кутузов отвечал, что не получил еще письма от государя, и Наполеон узнал, что русская армия еще в Тарутине. Он быстро оставил Троицкое и приказал войскам двигаться на Фоминское, а оттуда на Боровск, с тем чтобы следовать далее на Малоярославец и через него на Калугу.

На этом пути стоял со своим отрядом только Дорохов⁵. Он увидел тучи неприятелей,двигающихся на Фоминское и, отступив, тотчас донес об этом Кутузову. Кутузов же не поверил, что это была вся армия, и послал к Дорохову генерала Дохтурова⁶ с корпусом, с дивизией кавалерии, частью тульской дружины и отрядами партизан Сеславина⁷ и Фигнера⁸.

Сеславин тотчас ушел на поиски и вскоре привел с собою пленных гвардейцев, захваченных у самого Фоминского. Это произошло вечером 10 октября. Дохтуров стал расспрашивать пленных гвардейцев и с удивлением узнал, что еще 6-го вся армия Наполеона оставила Москву и спешно движется на Калугу.

Дохтуров немедленно послал с этим донесением дежурного офицера Болговского. Важность сообщения была громадна. Почти в это же время Дорохов известил Дохтурова, что французы заняли Боровск. Наполеон успел обмануть Кутузова, находился впереди и мог уйти.

Болговский взял резвейших лошадей и поскакал в Тарутину. Все спали. Он разбудил Коновницына⁹. Когда тот узнал об

оставлении Наполеоном Москвы, сон мигом соскочил с него. Он отправился в избу к Кутузову, ведя с собою и Болговского. Кутузов тотчас проснулся и велел позвать к себе Болговского. Тот вошел. Кутузов сидел на постели в сюртуке, так как во время войны спал не раздеваясь, и заговорил с радостным лицом:

— Скажи, друг мой, что такое за событие, о котором ты привез мне весть? Неужели воистину Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорей, не томи сердца, оно дрожит!

Болговский подробно донес обо всем, что случилось. Кутузов заплакал и, обратясь к образу Спасителя, сказал:

— Боже, Создатель мой! Наконец Ты вынял молитве нашей и с сей минуты Россия спасена!

Он встал и тотчас начал отдавать приказания о выступлении всей армии. План неприятеля Кутузов уже понял. Наполеон успел пройти до Боровска, теперь нужно было загородить ему путь на Малоярославец. К полудню 11 октября Тарутинский лагерь опустел.

Ближе всех к Малоярославцу стоял Дохтуров, но французам из Боровска было еще ближе и, кроме того, они шли большой дорогой. Дохтуров двинулся в путь тотчас же, но по дороге случилась досадная задержка. Крестьяне села Спасского, узнав, что неприятель двинулся из Боровска, сломали на Протве плотину. Речка обратилась в глубокую реку. Надо было строить мосты. На это ушло восемь часов, после чего Дохтуров бросился к Малоярославцу, шел всю ночь и за час до рассвета 12 октября прибыл к месту, где стояли уже казаки Платова¹⁰, но неприятель обогнал его, и корпус вице-короля¹¹, шедший в авангарде, уже занял город.

Наполеон сделал ошибку.

Если бы он ускорил свой марш и был бы утром 12-го в Малоярославце, он прошел бы на Калужскую дорогу, но он нарочно продвигался медленно, боясь, что Кутузов появится у Боровска.

Дохтуров, дав отдохнуть войскам, в 5 часов утра послал егерей выбивать французов из города. Завязался бой. Силы французов все увеличивались, получая подкрепления из армии.

Крошечный городок переходил из рук в руки. К месту боя подошел и сам Наполеон. Он понял теперь, что для него Малоярославец является дверью спасения. Бой кипел с невероятным ожесточением на улицах города и вокруг него. Улицы были завалены трупами. Наполеон усиливал нападение, вводя новые части, когда вдруг увидел блеснувшие в утренних лучах ружейные стволы. Это подходила армия Кутузова. Наполеон понял, что теперь обманут он. В то время, когда он ждал Кутузова у Боровска, тот прямым путем, пересекая ему путь, двинулся к Малоярославцу.

За 5 верст до города Кутузов остановился и дал роздых войску. Один Раевский¹² продолжал путь и скоро присоединился к Дохтурову, но его помощь была ничтожна. Подошел Милорадович¹³, пройдя в один день 50 верст. Бой продолжался. Кутузов въехал на позиции и долго осматривал местность, стоя под пулями. От этого боя зависел весь исход Отечественной войны.

Наступил вечер. Французы удержали за собой Малоярославец, но русская армия все же преградила им путь. Кутузов позвал Коновницына: «Ты знаешь, как я берегу тебя и всегда прошу не кидаться в огонь; но теперь умоляю: очисти город».

И Коновницын повел за собою солдат.

Ничего яростнее этого боя нельзя себе представить. Бились у каждого дома, среди груды трупов, в зареве пожара, в вечерней мгле. Только ночь прекратила сражение. С нашей стороны и со стороны французов зыбыло из строя по 5 тысяч человек. Половина города осталась за русскими, половина в руках французов. В этом бою был ранен Дорохов пулею в пятку и от этой раны умер через два года...

Поздно вечером Наполеон с гвардией возвратился в Городню, в 10 верстах от Малоярославца по Боровской дороге. В первый раз отчаяние овладело им. Кутузов стоял у Малоярославца, и Наполеон понимал, что он не посторонится.

В ночь с 12-го на 13-е Наполеон осмотрел позиции, но не делал распоряжений о бое. Кутузов ждал его, однако Наполеон приказал отступать. Это была уже настоящая победа русского оружия. Задачей Кутузова было отбросить французов на старую Смоленскую дорогу. Он поспешил выслать передовые отряды к Медьни, чтобы заслонить там выход Наполеону. Тот отошел к Верее, 15-го переночевал там и, оставив Можайск справа, двинулся по старой дороге. 17-го он проезжал через Бородинское поле.

Со времени боя минуло почти два месяца, но не было людей хоронить трупы, и они лежали, разбросанные по всему полю; в воздухе стоял невыносимый смрад. Во многих местах белели уже груды костей. Стаи ворон носились над полем. С разбросанным оружием, разбитыми ящиками, фурами, пушками, с окровавленными одеждами — поле представляло собой ужасное зрелище. Наполеон торопливо проехал мимо.

Одна забота его была — скорее отдохнуть; одна цель — Смоленск. Он взял движение на Вязьму. 19-го Кутузов двинул туда же свою армию, выслав впереди себя Милорадовича и Платова с казаками. Наступало время возмездия.

На долю французов выпадали теперь одни только поражения. Наполеон с гвардией поспешно двигался к Вязьме. Он ехал в карете, одетый в зеленую бархатную шубу, меховую шапку и теплые сапоги. За ним далеко, на много верст растянулась его «великая армия». Позади всех двигался Даву¹⁴, а следом, наступая ему на пятки, шел Платов с казаками. 19-го он настиг Даву у Клоцкого монастыря и напал на него, рассеяв два батальона. В этой схватке Даву был вынужден бросить 27 орудий.

Продолжая преследовать французов, Платов видел, во что превратилась «великая армия». На всем пути ему попадались оставшие, безоружные или больные солдаты, валялись брошенные ящики, фургоны, преданные огню обозы. От Можайска до Клоцкого монастыря лежало более 500 лошадиных трупов. Конница уже не показывалась. Войска едва тащились, а Наполеон, обгоняя свою армию, почти летел к Вязьме.

Уже становилось холодно. Ночевки обращались для французов, а особенно для итальянцев и португальцев в пытки. Топлива

не было, и солдаты кутались в ризы, в салоны, в кацавейки. Провиант, захваченный с собою, был съеден; доставать новый было негде, к тому же и сопряжено это было с смертельной опасностью. Едва солдаты отходили от своих частей, как попадали в руки казаков, партизан или, что хуже всего, крестьян. Начался голод, болезни, смерть косила «великую армию» без помощи русского оружия. По всему пути попадались трупы обьединенных лошадей, вдоль дороги лежали больные и умирающие, целые отряды отдавались русским, лишь бы быть накормленными и согретыми. Позади армии образовались толпы безоружных. Командиры частей, чувствуя гибель, приказывали срывать знамена с древка и прятали их у себя на груди. Кстати, в этом причина, почему в ту войну нами было взято так мало знамен. Они погибли на своих знаменосцах или на командирах полков.

20 октября Наполеон прибыл в Вязьму, дал отдохнуть гвардии один день и 21-го бросился к Смоленску. В тот же день в Вязьму стали входить остальные части французской армии: сначала корпус Нея, за ним вице-короля, Понятовского¹⁵ и Даву.

Милорадович, увидев неприятеля, решил атаковать. 22-го произошла знаменитая битва у Вязьмы и в самой Вязьме, которая окончилась бы разгромом французской армии, если бы успел подойти Кутузов. Но он задержался, в точности не зная времени боя, так как получил ложные донесения от казачьих разъездов.

Наши полки входили в Вязьму с музыкой и барабанным боем и бились на улицах и в домах, выбивая французов из города. Сражение, начавшееся на рассвете, окончилось к семи часам вечера. Французы отступили в расстройстве, оставив под Вязьмой 4000 убитыми, 2000 пленными, 2 знамени и весь обоз.

Вязьма была разорена и сожжена.

Расстроенная армия бросилась к Смоленску.

Милорадович двигался за французской армией по пятам. С правой стороны ее теснил Платов, с левой — Орлов-Денисов, спереди забегали партизаны, и со всех сторон их подстерегали озлобленные крестьяне.

26-го Милорадович напал на французов при переправе через Осму. Французы бросились в бегство, сбрасывали орудия в воду и, толкая друг друга, падали в реку и тонули. В тот же день Милорадович занял Дорогобуж, сожженный французами.

А Наполеон стремился к Смоленску.

Все это время погода стояла теплая, мягкая, но 27-го вдруг поднялась метель, повалил снег и к вечеру ударил десятиградусный мороз. События пошли еще стремительнее.

В Ляхове партизаны Сеславин, Фигнер и Давыдов, пригласив Орлова-Денисова, напали на двухтысячный отряд Ожеро и принудили его сдатьсь. Наполеон послал корпус вице-короля на Витебск в помощь Сен-Сиру, и этот корпус почти погиб. К реке Вопи он подошел, когда по ней шел уже лед. 27-го и 28-го он наводил мосты, но их снесло половодьем, а тут подоспел и напал на него Платов. Вице-король, бросив обоз и артиллерию, прика-

зал спасаться вплавь и вброд. Французы гибли сотнями, а переправившиеся в изнеможении падали на снег и замерзали. Платов забрал весь обоз. Вице-король, уже не слушая Наполеона, не пошел на Витебск, а устремился к тому же Смоленску. Между тем Витгенштейн уже перешел в наступление. Он выбил Сен-Сира из Полоцка и теснил его, стремясь на соединение с Чичаговым.

29 октября Наполеон с гвардией добрался наконец до Смоленска. Он надеялся отдохнуть и собраться с силами. Но какова была его ярость, когда оказалось, что запасов, сделанных в Смоленске, едва хватит, чтобы накормить его гвардию, что зимних квартир в разоренном городе нет, нет и топлива!

Раздать провиант было невозможно. Солдаты просто набросились на магазины и в один день разграбили все запасы. Войско находилось в ужасном состоянии, и в этот же роковой день Наполеон получил донесение о пленении в Ляхове Ожеро, о взятии Полоцка, о наступлении Витгенштейна и, наконец, о поражении вице-короля на Вопи.

В то же время мечта о зимовке в Смоленске рушилась сама собой. Наполеон получил сведения о движениях армий Чичагова¹⁶ и Витгенштейна¹⁷ и понял, что они отрежут ему выход из России, а армия Кутузова dokonчит поражение. Надо было спасаться. Весь вопрос в скорости, и он решил немедленно выступить из Смоленска, но все же ему пришлось пробыть в городе три дня.

Все части французской армии, следуя за Наполеоном, мечтали о Смоленске, как о месте, где они обогрются, наедятся и отдохнут. 1 ноября части стали входить в Смоленск. Забывая все пережитое, солдаты кричали от радости и толпами рвались в ворота, давя и калеча друг друга. Ворвавшись в город, они толпами бросились к магазинам, и тут же стали раздаваться крики отчаяния. Их обманули! В городе ни зерна хлеба, ни горстки муки, ни золотника мяса, ни полена дров! Нет не только зимних квартир, а вообще никакого жилья! Отчаяние французов трудно описать. 1 и 2 ноября Смоленск казался адом. От самой Московской заставы до берега Днепра дорога была покрыта трупами людей и лошадей. Среди трупов копошились и умирающие от истощения, холода и болезней. Все предместье от пожаров обратилось в поле. Покрытое белой пеленой снега, оно пестрело от разбросанного оружия, взорванных ящиков, поломанных фургонов, киверов, панцирей, сабель, барабанов, труб, пистолетов. Всюду лежали трупы лошадей с выпущенными внутренностями, и в них скрывались живые люди, стараясь согреться!

С момента выступления из Смоленска французы уже не отступали от Москвы, а бежали из России — в ужасе, беспорядочно, погибая по дороге от мороза, голода и болезней.

2 ноября Наполеон выступил из Смоленска, направившись на Красный, и в тот же Красный также 2 ноября из Щелканова выступил Кутузов. Он не знал наверняка, куда пойдет Наполеон, на Оршу или Витебск, но был уверен, что часть его войск не

минует Красного. В то же время он писал Витгенштейну, чтобы тот был готов встретить его у Витебска.

Следом за собой Наполеон приказал выступать на Красный корпусам вице-короля, за ним — Даву и, наконец, Нея¹⁸, который должен был, оставляя Смоленск, сжечь все, чего нельзя увезти, и взорвать стены и башни, для чего во многих местах были сделаны подкопы и заложены мины.

Кутузов, выходя из Шелканова, выслал впереди себя неутомимого Милорадовича, приказав ему выйти на дорогу в Красный и отрезать путь двигающемуся из Смоленска неприятелю.

3 ноября в четвертом часу пополудни Милорадович вышел на столбовую дорогу и вдруг увидел перед собою идущего врага. Это был Наполеон со своею гвардией. Он был совершенно поражен, увидев перед собою не отряд казаков, а наши пехотные и конные войска. Милорадович спешно установил батареи и привел французов в расстройство, но Наполеон все же успел уйти в Красный, и только последние его колонны были отрезаны и охвачены нашими. Часть их была перебита, часть рассеялась в бегстве, часть сдалась. Это был первый бой под Красным. Наполеон остался в Красном поджидать вице-короля, Даву и Нея.

4-го утром Кутузов выступил к Красному, а часа в три казаки донесли, что «француз валом повалил». Это оказался корпус вице-короля, который был уже расколот на реке Вопи и представлял толпу безоружных солдат при 17 орудиях. При столкновении с Милорадовичем французы рассеялись и только благодаря наступившим сумеркам успели вразброд окольными путями пробраться в Красный, оставив все свои 17 пушек, 1500 пленных и знамя. Это был второй бой под Красным. Очередь была за Даву.

Кутузов расположился в пяти верстах от Красного. Наполеон решил предпринять нападение на него с целью отвлечь с дороги Милорадовича и дать пройти корпусам Даву и Нея. Когда 5-го числа на дороге показался Даву, Наполеон вышел из Красного и начал дело, но это не помешало Милорадовичу установить батареи и преградить путь Даву. Милорадович взял знамя, 1000 пленных и 13 орудий, но Даву проскользнул в Красный. Тогда Наполеон, не дождавшись Нея, начал отступление. За ним погнался полковник Никитин. Отступление императора обратилось в бегство. Приказав Даву распоряжаться в Красном, Наполеон через Доброе поскакал в Ляды.

Русские ворвались в Красный.

Битва закипела на мостах, улицах, в домах. Французы бежали. Милорадович в этот день взял еще 7000 пленных и 28 орудий. Ночью к нашим бивуакам подходили толпы оборванных солдат и сдавались в плен. Так, между прочим, сдался тысячный отряд с тремя орудиями.

В ночь на 5 ноября из Смоленска тронулся корпус Нея. Ночь была ясная и морозная. Когда последние солдаты выходили за заставу, город вдруг загорелся в нескольких местах. Зарево пожара освещало высоты противоположного берега. В половине второго ночи загремели взрывы подложенных мин, полетели

в воздух камни, следом рвались раскиданные всюду бомбы и гранаты; вспыхивали новые пожары. Было разрушено 8 годуновских башен и кремлевская крепость, сожжено 800 ящиков пороха, и взлетел на воздух склад бомб и гранат. В общем пожаре горели и дома, в которых оставалось 2000 больных и раненых французов. Майор Горихвостов вошел в город, прекратил неистовство и поспешил затушить пожары. Кроме 2000 больных и раненых, он успел захватить оставшихся в Смоленске 40 офицеров, 2075 солдат, 140 пушек и до 600 фур.

В это самое время Ней со своим корпусом двигался на Красный, не чувствуя своей близкой гибели. Было холодное утро, туман стоял сплошной мгlistой стеной. Милорадович, поджидая Ней, поставил кирасиров и корпуса князя Долгорукова и графа Строгонова поперек дороги, Раевского — справа, а кавалерию Корфа¹⁹ — слева. Ней в тумане подошел к нашим пушкам на несколько шагов. Грянул залп из 40 орудий, ударили в штыки. Все смешалось. Ней в отчаянии собрал разбитый корпус и бросился напролом, но усилия его оказались тщетны.

Милорадович послал офицера к Ней с предложением сдаться. Ней удержал офицера как пленного, чтобы тот не выдал его полного расстройствa, и бросился искать спасения в бегстве. Он взял с собою 3000 самых отчаянных и скрылся. По дороге казаки отбили у него 8 орудий. Ночью с 6-го на 7-е он перебрался по льду на другой берег Днепра и скрылся в лесах. За ним началась погоня, лучше сказать — травля. Его травили до самой Орши, и из всего отряда он привел к Наполеону только 500 измученных, с отмороженными руками и ногами солдат. Победа наших была полная. В сражениях 3, 4, 5 и 6 ноября было захвачено 26 000 пленных с шестью генералами, 116 пушек и несметный обоз. Награды не заставили себя ждать. Государь повелел Кутузову именоваться Смоленским; Милорадовичу был пожалован Георгий 2-й степени; Платов возведен в графское достоинство. В наших войсках царил ликование. Смоленск был очищен от французов, и 7 ноября в город была возвращена чудотворная икона. Но нашествие оставило по себе долгую память. В городах и уездах Смоленской губернии было сожжено и разграблено 38 088 домов, фабрик, лавок. Урону сосчитано на 75 миллионов рублей. Сколько погибло людей — исчислить не было возможности.

130

Через несколько дней после ухода французов в городах и селениях Смоленской губернии появились собаки и волки. На глазах жителей они несли руку, ногу, голову или часть человеческого тела и спокойно уходили с этой добычей в лес или в поле. Жители ходили и ездили прямо по человеческим трупам. Когда началась уборка тел, то их свозили на подводах в назначенные места, и эта перевозка продолжалась три месяца. Трупы укладывали, как дрова — поленищами, — и каждая такая укладка занимала полверсты длиной и 2 сажени высотой. Эти трупы сожгли. Но весной, когда сошел снег, под ними опять оказались трупы. Их начали сжигать и хоронить снова... В Смоленской губернии было сожжено 61 886 человеческих трупов, а закопано в ямы 107 188...

Наполеон бросился на Оршу.

Как раньше мечтою его было попасть в Смоленск, так теперь он стремился добраться до Вильны и оттуда в Париж!.. 8-го он прибыл в Оршу. При нем был Мюрат²⁰ — без дела, потому что кавалерии не было, и пришел Ней с 500 человек, вместо 30 000.

Все спасение было в скорейшем бегстве. Наполеон далеко перегнал Кутузова. 8-го возле Орши он успел переправиться через Днепр по случайно уцелевшему мосту; уничтожив его за собою, Наполеон выиграл несколько переходов.

Теперь он стремился к Борисову, не подозревая, что город занят русскими. Послав Удино²¹ приказ двигаться на Березину, Наполеон сам спешил туда же с остатком своего войска. Из состава его армии убегало все больше и больше. Многие предпочитали плен, нежели гибель от голода и стужи. Морозы в те дни доходили до 20 градусов. Еще губительнее был снег. Случалось, он так выпадал за ночь, что измученные солдаты к утру не могли уже подняться и засыпали навсегда под снежною пеленой.

В то время как 8-го Наполеон пришел в Оршу, Кутузов выступил из Доброго. Узнав, что Наполеон ушел за Днепр, Кутузов решил приостановить движение всей армии, дать отдых. Вдогонку он послал Милорадовича с корпусами Долгорукова и Раевского, с кавалерией Корфа и 4-мя казачьими полками.

Россия уже торжествовала победу. Государь, еще не зная о победах под Красным, 3 ноября издал манифест, в котором, передавая весть о бегстве Наполеона, благодарил весь народ за спасение отечества.

Еще 7 ноября граф Витгенштейн взял Полоцк. Это было одно из кровопролитнейших сражений, в котором впервые побывало в огне петербургское ополчение и оказало чудеса храбрости; Витгенштейн нашел в нем драгоценную поддержку. 12-го он из Полоцка, а граф Штейнгель²² — с Десны двинулись на Ушач, где стояли корпуса Удино. Соединившись 17-го со Штейнгелем, Витгенштейн стал теснить французов, вынудив их отойти в Чашники. Здесь на помощь к ним пришел маршал Виктор²³ с совершенно свежими, еще не бывшими в бою войсками. Несмотря на его приход, Витгенштейн двинулся вперед и утром 19-го выбил французов, на штыках вошел в Чашники и занял их. Здесь он стоял, не вступая в бой, потому что Удино, подкреплённый Виктором, был значительно сильнее его. В свою очередь, Виктор с Удино, несмотря на приказ Наполеона вытеснить Витгенштейна, не трогались с места.

Между тем Дунайская армия под начальством адмирала Чичагова спешно двигалась к Березине. Ее авангард под командованием графа Ламберта совершал чудеса храбрости, разбивая повсюду неприятеля. Утром 8 ноября Ламберт взял Борисов. Чичагов с армией поспешил туда же. В этом деле Ламберт был ранен и оставил командование, что имело потом губительные последствия. Но раненый Ламберт все же успел послать казаков для открытия прямого сообщения с Витгенштейном. Наши армии вошли в сообщение и могли уже действовать согласно. Кутузов двигался от Днепра в тыл Наполеону; Чичагов стоял на

Березине лицом к лицу к надвигающимся французам. Витгенштейн стоял на Уле, и Наполеон с остатками своей армии был окружен, словно сетью, в которую должны были попасться все до последнего солдата.

Наполеон не шел, а летел на Березину, где думал в Борисове найти переправу. Одно за другим он посылал приказы корпусам Домбровского²⁴ и Удино спешно идти на соединение с ним для прикрытия переправы. 10 ноября он уже был в Толочине и здесь получил от Удино роковую весть, что корпус Домбровского разбит и рассеян, а Борисов взят и в нем находится Чичагов с армией.

Наполеон схватился за голову. Казалось, все рушилось. Его генералы смутились и стали говорить о необходимости сложить оружие. Но Наполеон быстро оправился. Дело шло о гибели или спасении его самого, и он послал Удино приказание выбить из Борисова русских, а если этого нельзя сделать, то найти место выше или ниже Борисова и навести через Березину два моста.

Медлить было нельзя. Сзади надвигался Платов и теснил его арьергард. 11 ноября Наполеон кинулся в Бобр. Здесь к нему присоединился Виктор. Теперь все зависело от Удино, и вдруг счастье снова улыбнулось Наполеону. Удино взял Борисов и послал отряды вверх и вниз искать места для переправы.

Эта победа произошла вследствие полной беспечности Чичагова. Зная Борисов, он даже не посылал разведков и допустил Удино напасть на него внезапно. Теперь Чичагову оставалось только бродить вдоль Березины и сторожить Наполеона, не давая ему переправиться.

12 ноября Наполеон уже шел на Борисов. И снова счастье улыбнулось ему. Удино совершенно случайно нашел брод у Студянки и тотчас приступил к постройке мостов. Чтобы обмануть Чичагова, он послал отряд вниз по Березине на Ухолоду и велел ему рубить там лес, делая вид, что готовится переправа. И Чичагов был обманут. 13-го он почти со всей армией двинулся к Шибашевичам, послав в Борисов Чаплица²⁵. Наполеон тем временем уже стянул к переправе все войска. От Витгенштейна его заслонял корпус Виктора, от Кутузова он спасся быстротою движения, Чичагова он обманул.

На рассвете 14 ноября Наполеон приехал в Студянку, к которой ночью уже стянул все войска. Считая корпуса Виктора и Удино, у Наполеона было всего 60—70 тысяч, из которых половина была безоружных, женщин и детей. Для прикрытия Наполеон велел поставить 40-пушечную батарею и начал спешно наводить мосты.

После полудня первый мост был уже наведен и заколыхался под тяжестью войск. Первым переправился Удино и тотчас устремился очищать дорогу на Вильну. Услышав о переправе, Чаплиц бросился от Борисова к Студянке, но его силы были ничтожны, чтобы остановить убегающие войска...

Два дня — 14-го и 15-го — французы почти беспрепятственно переправлялись на другой берег, и только 16-го приблизился Платов, а за ним Витгенштейн. И тогда началась гибель оставшихся французов. Казаки бросились на батареи и сбили их.

Русская артиллерия громила мост, и ядра ложились на него прямо в середину движущейся толпы. Смятение произошло невероятное. Взрывались зарядные ящики, горами лежали тела. По мосту уже нельзя было двигаться. Французы бросались на лед, но лед ломался и люди тонули сотнями.

Защищающий переправу Виктор дрался отчаянно. Он поставил свои войска полукругом, спиной к мосту, и отбивал атаки русских. Но скоро изнеможенные солдаты стали терять энергию и перестали думать о спасении. Чтобы побудить их, Наполеон отдал приказ в пять часов утра зажечь мост, — и снова все заволновалось и бросилось к переправе. Теперь уже и Виктор искал спасения.

Наступил рассвет. К ужасу французов показались пики донцов. Генерал, приехавший сжечь мост, отдал приказание. Люди бросились прямо в реку. Мост запылал. Березина в месте переправы наполнилась трупами до того, что по ним можно было идти, как по мосту. Стон стоял в воздухе. Гибли женщины и дети. Пылающий мост трещал, сыпал искры, и на все это падал холодный, жесткий снег, крутившийся в налетевшей вдруг метели.

Все-таки Наполеон ускользнул с остатками армии и устремился через Молодечно, Сморгонь и Ошмяны на Вильну.

Пространство около Студянки и мостов более чем на квадратную версту было занято каретами, колясками и фурами с награбленным добром. Тут же стояло 12 пушек, брошенных Виктором. Витгенштейн забрал до 13 000 пленных. Пленные, в жалких лохмотьях, полузамерзшие, просили только куска хлеба. Наши солдаты горстями раздавали им сухари.

Мороз достиг 20 градусов, и отступающая армия бросила на произвол судьбы всех своих больных и раненых. Они падали на снежной дороге и умирали от стужи и голода.

Потери Наполеона были громадны. При переправе он оставил в плену до 20 000, столько же потерял убитыми, но все же успел уйти и увести остатки своей армии.

Когда 17 ноября заканчивалась вся переправа, Наполеон уже стремительно несся по Виленской дороге на Сморгонь, где надеялся найти запасы. Следом за ним по пятам шел Чаплиц; друг за другом переправлялись через Березину Чичагов, Платов, Ермолов, Милорадович, Витгенштейн — и все это в спешных маршах шло за Наполеоном, стремясь пересечь ему путь и докончить истребление армии, не дать возможности соединиться с корпусами Макдональда, Шварценберга, Ренье и Ожеро.

Кутузов был на подходе в Ушу, когда узнал о том, что Наполеон прорвался. Мечта захватить всю армию вместе с Наполеоном рушилась. Но помочь делу было уже нельзя, и, отдав необходимые распоряжения, он сам устремился за Березину.

Наполеон шел на Сморгонь, приказывая выслать туда из Вильны как можно более хлеба, вина и мяса и спешно укреплять Вильну. В Вильну же он велел направить все оставшиеся войска.

Между тем расстройство того, что было прежде армией, дошло до самых последних пределов. Ко всему на французов в эти

последние дни ополчилась сама стихия. С 16 ноября установились морозы в 20 и более градусов. Французы шли и бежали в безмолвном отчаянии; ноги обвертывали попонами, ранцами, старыми шляпами, заворачивались в мешки, в рогожи, в солому. Добыть лошадиную шкуру считалось счастьем, но обладавшего ею счастливец подстерегали и убивали. Не находя нигде крова, французы жгли на своем пути дома, клетки, хлевы, заборы, чтобы согреться хоть на одну ночь.

Бивуаки были так же пагубны, как и дневные марши. Приходя к ночлегу, изможденные солдаты бросались к огню прямо на землю. Сон сразу морил их, и многие засыпали вечным сном, прежде чем догорал огонь, теперь уже бесполезный.

Наполеон, не доходя до Сморгони, понял, что армии у него нет, и начал думать о собственном спасении. Надо было бежать из России. Дорога к границе еще не была преграждена нашими войсками, но мысль, как вернуться в Париж, сильно смущала Наполеона.

Он лгал все время.

Когда он терпел поражение за поражением, в Париже с восторгом и гордостью, а в Европе со страхом и уважением, читали о его победах. Теперь Наполеон решил сразу выйти из ложного положения и сочинил свой последний — счетом 29-й — бюллетень, в котором объяснил гибель армии от морозов. Лошади, по его объяснению, погибали тысячами. В несколько дней 30 000! Потому пришлось бросить артиллерию и обоз. Стали погибать люди, и он объяснял это теми же причинами. Этим похоронным бюллетенем он как бы приготовил Европу к своему появлению из России без войска и побед.

Между тем русские, преследуя неприятеля по пятам, буквально добивали его. Виктор, находящийся в арьергарде, был разбит. Пушки, штандарты, казенные бумаги, деньги доставались нам без счета. Мороз свирепел. Измученный неприятель прибежал в Сморгонь 29 ноября; солдаты бросились на магазины и сразу разграбили их, чтобы начать снова голодать.

Наполеон решил бежать.

Он собрал маршалов и объявил, что едет во Францию собрать новую армию, оставляя Мюрата главным начальником всего войска. Маршалы сникли; каждый сам был не прочь уйти из этой ужасной страны, а Мюрат давно уже мечтал вернуться в Неаполь. Но Наполеон приказал ему держаться в Вильне. Затем простился с маршалами и ускакал, не показавшись покинутой армии. Солдаты и офицеры были поражены его изменой. Всякое начальствование над войсками утратило смысл. Стаей голодных волков эта толпа ворвалась в Вильну и занялась грабежом.

К Вильне подошел Сеславин, за ним Платов; они погнали остатки, вернее сказать опметки «великой армии», дальше. 28 ноября Мюрат с Бертье²⁶ выехали в карете; за ними следовали, окутанные во что попало, Даву, вице-король, Мортье и Бессьер²⁷, а за ними — жалкая, почти безоружная толпа. Замыкал это шествие Ней; он отбивался как мог.

30 ноября в Вильну въехал Кутузов. Жители встретили его

торжественно, как ранее Наполеона, а еще ранее Александра. Вечером на иллюминации светились транспаранты «Избавителю Отечества».

Платов между тем гнал последних — жалкую толпу оборванцев, все, что осталось от 700 000 армии. 2 декабря Платов нанес несчастным (это был уже бой без ярости) последнее поражение в Ковно при бегстве их через Неман. Мюрат увел с собою 1500 вооруженных солдат с 9 пушками и толпу безоружных в 13 000 человек. Но и они почти все погибли за Неманом от голода и стужи...

5 декабря Кутузов написал донесение государю; оканчивалось оно так: «Исполнились слова Вашего Императорского Величества! Усеяна дорога костями неприятельскими. Да вознесет всякий россиянин благодарственные молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя счастливейшим из подданных, быв благодетельною судьбою исполнителем Высочайшей воли Вашего Императорского Величества».

Корпусы австрийцев под начальством Шварценберга, саксонцев Ренье и пруссаков Макдональда, узнав о гибели наполеоновской армии, без всяких сражений вошли с нами в переговоры и ушли из России с тем, чтобы в следующем году сделаться нашими союзниками.

В России война окончилась.

Получив донесение о занятии Вильны, в ночь с 6 на 7 декабря государь выехал из Петербурга.

11 декабря в полной генеральской форме, в какой не видели его ни разу во время похода, Кутузов стоял у подъезда замка, держа в руках рапорт. Вечернее солнце освещало его покрасневшее на морозе лицо. В шестом часу на улицах раздались крики приветствия и во двор замка бешено пронеслась тройка, мча открытые сани, в которых, занесенный снегом и инеем, откинувшись и подняв высоко голову, сидел император России. Кутузов сбежал вниз ему навстречу. Александр поднялся из саней, обнял его, поздоровался с караулом и свитой и, держа Кутузова за руку, прямо прошел в свой кабинет. Они долго беседовали, а когда Кутузов вышел, к нему поспешил гофмаршал граф Толстой и поднес ему на серебряном блюде орден св. Георгия I степени.

25 декабря — в день Рождества Христова — возведено было государем о благополучном окончании войны особым манифестом. С тех пор в Рождество Христово празднует Россия и избавление от нашествия двенадцати языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Винценгероде Фердинанд Федорович (1761 или 1770—1818) — барон, генерал от кавалерии. Военную службу начал в рядах французской армии; служил в австрийской, гессенской армиях. В 1797 г. принят на русскую службу майором. Во время Итальянского похода 1799 г. — адъютант великого князя Константина Павловича. С 1800 г. — генерал-майор. С начала войны 1812 г. — командир отдельного корпуса, который прикрывал направление Москва — Петербург и вел

партизанские действия. За лихие набеги на французов произведен в генерал-лейтенанты. После описанного эпизода — пленения на Тверской улице в Москве — Наполеон, считая Винценгероде своим подданным, сначала приказал его повесить как изменника, но, переменив решение, отправил во Францию. При следовании под конвоем Винценгероде был освобожден партизанским отрядом А. И. Чернышева. С началом заграничных походов — командир отдельного кавалерийского корпуса. Награжден орденом св. Георгия II степени. За отличие в сражениях при Люцене и Лейпциге произведен в генералы от кавалерии. В 1814 г. вступил во Францию, взял приступом Суассон, сражался при Лаоне и Сен-Дизье и преследовал Наполеона до Жузвилья и Бар-ле-Дюка.

2) Мортье Эдуард-Адольф (1768—1835) — маршал и пэр Франции. В 1812—1813 гг. командовал молодой гвардией Наполеона. Во время занятия Москвы назначен ее военным губернатором. В марте 1814 г. подписал акт о капитуляции Парижа. Перешел на сторону Бурбонов. В период «Ста дней» вновь присоединился к Наполеону. В 1816 г. вернулся в армию. В 1830—1832 гг. — посол Франции в России; в 1834—1835 гг. — военный министр Франции.

3) Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844) В начале Отечественной войны — полковник. Проявил себя боевым командиром в корпусе Ф. Ф. Винценгероде. В первые же дни войны за отличие в сражении 27 июля при Велиже произведен в генерал-майоры. С осени 1812 года и в период заграничных походов командовал партизанскими отрядами. Отличился в сражениях под Ютербоком, Лейпцигом, Краоном и Сен-Дизье. С 1826 г. — шеф жандармов. С 1829 г. — генерал от кавалерии, с 1832 г. — граф.

4) Лористон Жак Александр Бернар Лоу (1768—1828) — маркиз, дивизионный генерал. В 1811—1812 гг. — посол Франции в России. После того, как 16 июня 1812 г. министр иностранных дел Франции подписал ноту о разрыве дипломатических отношений с Россией и уведомил об этом правительства европейских стран, Лористон затребовал свои паспорта и покинул Петербург. К французской армии он присоединился под Смоленском. Командуя корпусом, сражался при Люцене, Бауцене, Ганау, Кацбахе, Вахау. Разбит и взят в плен при Лейпциге. Впоследствии — маршал Франции.

5) Дорохов Иван Семенович (1762—1815) — командир Изюмского гусарского полка, затем — кавалерийской бригады; партизан. В начале 1812 г. — генерал-майор, командовал авангардом I пехотного корпуса I-й армии, который оказался отрезанным от своего корпуса, но с боями вышел из окружения, соединившись со 2-й армией. В Бородинской битве, командуя бригадой, руководил контратакой русской кавалерии в районе деревни Семеновское; за отличие произведен в генерал-лейтенанты. После ухода русской армии из Москвы сформировал двухтысячный партизанский отряд, с которым 28 сентября освободил Верею. В сражении при Малоярославце был тяжело ранен и не смог вернуться в строй.

6) Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756 или 1759—1816) — генерал от инфантерии. В начале войны командовал I корпусом I-й армии. Оторвавшись от основных сил армии, сумел вывести корпус из окружения в районе Лиды. В Бородинской битве 26 августа командовал центром, а после ранения Багратиона — левым флангом русских войск. Тяжело раненный в сражении при Малоярославце, вынужден был покинуть армию, но в начале 1813 г. командовал группой русских войск, продвигавшейся от Немана к Одеру, затем руководил осадой Гамбурга. В 1814 г. командовал правым крылом русской армии, наступавшей на Париж.

7) Сеславин Александр Никитич (1780—1858). В 1812 г. — адъютант Баркляя-де-Толли, затем — командир партизанского отряда. Участвовал в освобождении Вязьмы, Борисова, Вильны. С 1814 г. генерал-лейтенант.

8) Фигнер Александр Самуилович (1787—1813). В 1812 г. — штабс-капитан; незадолго до Бородина получил чин капитана. С небольшой группой партизан действовал в захваченной французами Москве; затем — на Можайской дороге и в ходе отступления наполеоновской армии. В 1813 г. особенно отличился при осаде Данцига, за что получил чин полковника. Осенью 1813 г. со своим отрядом нанес ряд тяжелых поражений противнику на Эльбе, где и погиб 1 октября 1813 г. у города Дессау.

9) Коновницын Петр Петрович (1764—1822). В 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командовал дивизией III пехотного корпуса. Отличился в сражениях под Витебском и Смоленском. С августа 1812 г. — начальник арьергарда русских войск. Обеспечил отход главных сил русской армии и их развертывание под Бородином. В критический момент сражения 26 августа, после захвата французами Семеновских флешей и ранения Багратиона, временно командовал II-й армией, организовал оборону на позиции восточнее Семеновского оврага и удержал ее. С сентября — дежурный генерал всех действующих армий. Отличился в сражениях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме и Красном. За кампанию 1812 г. награжден орденом Св. Георгия II степени. Ранен в сражении под Люцеком 20 апреля 1813 г. В 1815—1819 гг. — военный министр.

10) Платов Матвей Иванович (1751—1818). Начинал свою деятельность под командованием Суворова. С 1801 г. — войсковой атаман Донского казачьего войска. В 1812—1814-м командовал казачьим корпусом. Прославился в сражениях при Мире 27—28 июня и Романове 2 июля. В разгар Бородинской битвы казаки Платова вместе с кавалерией Уварова совершили рейд в тыл наполеоновской армии, атаковав левое крыло неприятеля. При контрнаступлении казаки Платова нанесли ряд поражений отступавшим французам. Платов участвовал в заграничных походах 1813—1814 гг., особенно отличился в Лейпцигской битве.

11) Богарне Эжен Наполеон (1781—1824) — сын первой жены Наполеона Жозефины Богарне, принц, вице-король Италии, французский генерал; участвовал в итальянском, египетском и сирийском походах Наполеона. В 1812 г. командует I корпусом наполеоновской армии. Отличился под Островно, Бородином, Малоярославцем, Вязьмой, Красным. В январе 1813 г. после отъезда Наполеона из России, а вслед за ним и Мюрата Богарне принял командование над остатками «великой армии» и отвел их в Магдебург. После сражения под Люцеком Наполеон отправил Богарне в Италию для защиты ее от австрийцев. Узнав в начале апреля 1814 г. о капитуляции Парижа, Богарне прекратил военные действия и уехал в Баварию к своему тестю — Баварскому королю и полностью отошел от политической деятельности.

12) Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — генерал от кавалерии. В Отечественную войну 1812 г. командовал пехотным корпусом; успешно действовал и отличился под Смоленском, Бородином, Малоярославцем.

13) Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — генерал от инфантерии, граф. В начале Отечественной войны 1812 г. руководил формированием резервных частей, с которыми 18 августа присоединился к главным силам русской армии близ Гжатска. После Бородина — начальник арьергарда Главной армии. В период преследования наполеоновской армии командовал авангардом, который нанес мощные удары по противнику под Вязьмой, Дорогобужем и Красным. Во время похода 1813 г. поочередно командовал авангардом и арьергардом союзных войск. Отличился при Лейпциге, при взятии Парижа. С 1818 г. — петербургский генерал-губернатор. Смертельно ранен 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади П. Г. Каховским.

14) Даву Луи Николя (1770—1823) — маршал Франции. Участвовал во всех наполеоновских войнах. В 1812 г. командовал I пехотным корпусом, действовав-

шим против армии Багратиона. При отступлении французов из Москвы командовал арьергардом, но после поражения под Вязмой был заменен Неем. После Лейпцигской битвы до низложения Наполеона руководил обороной Гамбурга от союзных войск.

15) Понятовский Юзеф Антон (1763—1813) — племянник последнего польского короля Станислава-Августа. Командовал корпусом наполеоновской армии. Во время Лейпцигского сражения был произведен Наполеоном в маршалы. При отступлении французов из Лейпцига, пытаясь переплыть реку Эльстер, был ранен и утонул.

16) Чичагов Павел Васильевич (1767—1849) — адмирал, в 1808—1811 гг. — морской министр. С сентября 1812 г. командовал III армией. По плану Кутузова эта армия совместно с корпусом Витгенштейна должна была отрезать пути отхода наполеоновской армии через Березину. Однако этот план не был осуществлен. Командованию не удалось добиться четкого взаимодействия между армией Чичагова и корпусом Витгенштейна; положение усугубилось и собственными ошибками этих военачальников. В конце 1812 — начале 1813 г. Чичагов, командуя III армией, руководил преследованием французских войск. В феврале 1813 г. уволен в отставку.

17) Витгенштейн Петр Христианович (1768—1842) — граф, генерал от кавалерии; командир I Отдельного корпуса, прикрывавшего дорогу на Петербург. Отличился в сражениях под Клястицами и под Полоцком и Чашниками. При Березине действовал нерешительно, чем усугубил ошибки Чичагова. С конца 1812 г. корпус Витгенштейна действовал в Восточной Пруссии, преследуя отступавших французов. После смерти Кутузова некоторое время был главнокомандующим союзными войсками; смнен из-за проигранных сражений при Люцене и Бауцене; отличился при Дрездене и Лейпциге. С 1826 г. — генерал-фельдмаршал, с 1834 г. — князь.

18) Ней Мишель (1769—1815) — маршал Франции, герцог Эльхингенский, князь Московский. Всю кампанию 1812—1814 гг. командовал 3-м пехотным корпусом французской армии, во время отступления из России — ее арьергардом, который был разбит под Красным. Отличился в сражениях при Люцене, Бауцене, Дрездене и Лейпциге. В 1814 г. изменил Наполеону, но в период «Ста дней» вновь перешел на его сторону, за что был расстрелян.

19) Корф Федор Карлович (1774—1826) — барон; в 1812-м — генерал-майор, командующий кавалерийским резервным корпусом I-й армии. Сражался под Витебском, нанес поражение Мюрату у Свенцяи, защищая Петербургское направление; отличился при Бородине; активный участник всего контрнаступления русской армии. В заграничных походах командовал кавалерийскими соединениями союзных войск. Отличился при Рохлице, Дрездене, Бауцене и Лейпциге. Участвовал в сражениях под Парижем.

20) Мюрат Иоахим (1767—1815) — маршал Франции, король Неаполитанский. В русском походе командовал всей кавалерией, действовавшей в авангарде. После бегства Наполеона командовал остатками французской армии. В 1813 г. командовал конницей в сражениях под Дрезденом и Лейпцигом. В 1814 г. перешел на сторону Бурбонов. Во время «Ста дней» перешел к Наполеону. Расстрелян при попытке отвоевать Неаполитанское королевство.

21) Удино Николя Шарль (1767—1847) — маршал Франции. В кампанию 1812 г. командовал корпусом; при отступлении французской армии прикрывал переправу через Березину. После отречения Наполеона в 1814 г. перешел на сторону Бурбонов.

22) Штейнгель Фаддей Федорович (1762—1831) — граф, генерал от инфантерии. В августе 1812 г. командовал 15-тысячным корпусом. Действуя в Прибалтике, нанес поражение маршалам Макдональду и Сен-Сиру; отличился при Березине. Дойдя до Вислы, покинул армию и был назначен генерал-губернатором Финляндии.

23) Виктор Клод Перрен (1764—1841) — герцог, маршал Франции. В 1812 г. командовал IX корпусом наполеоновской армии; потерпел ряд поражений в боях с корпусом Витгенштейна. Большая часть корпуса Виктора уничтожена или взята в плен при Березине. В кампании 1813—1814 гг. отличился при Дрездене, Лейпциге и Ганау. После падения Наполеона перешел на сторону Бурбонов, был сделан пэром Франции, начальником штаба королевской гвардии и военным министром.

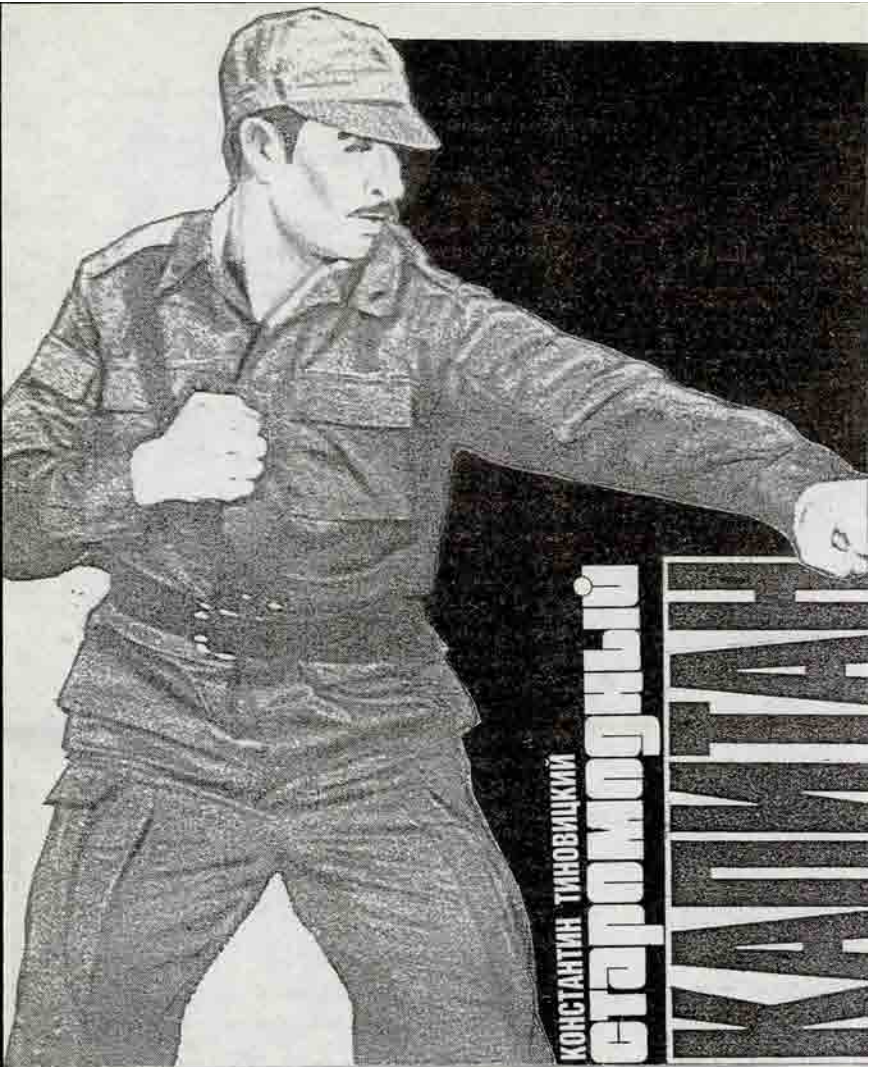
24) Домбровский Ян Генрих (1755—1818) — польский генерал. Участник восстания Костюшко 1794 г. В 1812 г. командовал пехотной дивизией наполеоновской армии. На Березине ранен. После гибели Понятовского в октябре 1813 г. принял командование над остатками польских войск.

25) Чаплиц Ефим Игнатьевич (1768—1825) — в 1812 г. генерал-лейтенант, командовал резервным кавалерийским корпусом III армии; с сентября — командир пехотного корпуса той же армии. Ранен при Березине.

26) Бертье Луи Александр (1753—1815) — князь, маршал Франции. Бессменный начальник штаба Наполеона с 1800 г. В 1814 г. присягнул Людовику XIII, оставшись маршалом и пэром Франции. В период «Ста дней» уехал в Баварию, где покончил жизнь самоубийством в день вступления туда союзных войск.

27) Бессьер Жан Батист (1768—1813) — маршал Франции. В 1812—1813 гг. командовал всей кавалерией наполеоновской армии. Убит 19 апреля при Риппахе.

**Публикация, предисловие и примечания
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

«Я старомоден, как ботфорт на палубе ракетноносца». Давным-давно, впервые прочитав эти строки Григория Поженяна, я полюбил слово «старомоден». За ним стояло что-то удивительно надежное, громоздкое, усатое и устойчивое, как сам Григорий Михайлович, бывший боксер, бывший морской пехотинец, разведчик второй мировой.

Тогда я полюбил слово, сейчас,

спустя годы, мне все больше начинают нравиться сами старомодные люди. Совсем не обязательно, чтобы они пребывали в почтенном возрасте. Это понятие, как мне кажется, отнюдь не подразумевает полустоптаных ботинок, побитого молью костюма или еще чего-нибудь в этом роде.

Я о другом.

Ну, о какой, в самом деле, старомодности может идти речь, когда герой мой — красавец мужчи-

на тридцати с небольшим лет, сильный, стройный, с гордой осанкой? Счастливый отец семейства. Чемпион. Воспитатель чемпионов. Офицер.

Я говорю о Магомеде Рамазанове...

Немного воспоминаний. Любители спорта со стажем, думаю, не забыли, как в начале восьмидесятых студент Минского инфизкультула Рамазанов забирал «золото» самых престижных самбистских турниров: он — чемпион СССР, Европы, побеждал на чемпионате и Кубке мира. Магомед смотрелся весьма изящно в весовой категории до 82 килограммов и отсутствие громадных мышц с лихвой компенсировал быстротой, с какой проводил свои знаменитые «болевые из стойки».

Вскоре он надел погоны и стал получать зарплату как армейский спортсмен. Числился на какой-то должности, где-то в частях, как это и было в подобных случаях принято... Далее сюжет его борцовской жизни разворачивается драматически, хотя для большого спорта нет ничего такого, о чем бы можно было сказать — из ряда вон. Громким победам сопутствовали тяжелые травмы. В конце концов с сильнейшим растяжением связок на обеих кистях был вынужден завершить свою замечательную карьеру. В родном подразделении тут же вспомнили о его, так сказать, символическом участии в боевых буднях полка и... предложили подыскать другую работу.

Конечно, как «знаменитость» он мог бы зацепиться за место где-нибудь при спортклубе, чтобы из года в год на собраниях выходить на сцену в роли свадебного генерала. Но он предпочел другой путь. Пошел работать преподавателем физвоспитания в Минское суворовское училище. Стал, по

сути, обычным учителем физкультуры. Обычным? Ну, не совсем. В свободное от основной работы время подготовил четырехкратного чемпиона мира и Европы, лучшего самбиста конца 80-х — начала 90-х годов Владимира Япринцева.

Сколько пота было пролито на тренировках, пока Володя с Магомедом нашли свой «атомный» бросок. Рамазанов и нынче наставник действующего чемпиона мира и Европы Натика Багирова.

Казалось бы, за одного только Япринцева Рамазанов с лихвой заслужил право называться заслуженным тренером СССР, но, оказывается, даже почетное тренерское звание Белоруссии ему присвоено не было... Скажите, какой наш современник упустил бы на его месте свой шанс? Но, увы (или — виват!), его старомодность еще более древней пробы. Почти утерянной. Пожалуй, в проявлениях рамазановской старомодности мерцает какой-то совсем уж далекий отблеск: золотых погон, голубых ментиков... А у людей того воспитания ходить по начальству, кланяться, доказывать, что ты чего-то достоин, брать нахрапом — было не принято. Они ордена зарабатывали на редутах, а не в кабинетах. И восклицали: «Все потеряно, кроме чести!».

Лицо, в котором светятся благородство и спокойствие, неторопливая пластика, подтянутость. Толстовский офицер. Как разительно отличается облик Рамазанова от внешности многих его сверстников (или людей чуть постарше), когда-то завораживавших публику удалью и красотой телосложения, а нынче напоминающих мясников из Охотного ряда времен Гиляровского. Заплывшие лица, животы. Когда они показываются на телеэкране и их представляют как бывших знаменито-

стей ковра, мне хочется оказаться на месте комментатора и разъяснить: «Они были совсем не такими. И даже вон тот, что нынче тянет почти на десять пудов, весил всего 80 килограммов». Правда, тогда они не председательствовали в различных фондах, не были богатыми бизнесменами и прочими шишками. Видимо, солидность их кресел требует дополнительной грузности тел владельцев.

Разумеется, и Рамазанов мог бы подыскать себе нечто попрестижней и повыгоднее, чем его нынешняя работа.

...Мы беседуем с ним в пустом борцовском спортзале в училище. В дверь заглядывают две коротко остриженные головы:

— Товарищ капитан, разрешите обратиться! Можно мы здесь позанимаемся немного?

— Ребята, сейчас никак нельзя, к сожалению. У меня через пять минут начинается урок в другом зале. А одних оставлять, без преподавателя, не имею права. Приходите вечером в секцию.

По-моему, он огорчен своим отказом даже больше, чем суворовцы.

— Эх, что-то тут неверно. Так можно и охоту у парней отбить, — качает головой Магомед. — А без тренера оставлять на ковре — тоже не дело. Не дай Бог, травма. Военное заведение. Тут с этим строго.

Сам-то он, помнится, рискованным был. И в спорте его до сих пор не оставляет мальчишеское желание подергать судьбу за усы. Мне рассказывал Иван Перец, старший тренер сборной Беларуси и СНГ по кикбоксингу, что Рамазанов уже третий год пробует себя на ринге. Что такое кикбоксинг, наверное, никому объяснять не надо — это там, где бьют руками и ногами в голову и туловище. Со всей

силы. Зачем ему это надо? Опять же не за деньги и в свободное от работы время.

— Знаешь, у него неплохо получается, — удивляется Перец. — Магомед вполне мог бы на соревнованиях выступить.

Нет, честное слово, чем чаще вокруг будет произноситься: «А что я с этого буду иметь?», чем громче с телеэкрана шепелявые дети и сладострастные красавицы станут восклицать: «Хочу миллион!» — тем симпатичнее мне старомодные люди. Те, что понимают самоценность вещей. И, скажем, книги покупают для того, чтобы наслаждаться чтением, а не «вкладывают в товар» обесценивающиеся рубли.

— А в самом деле, зачем кикбоксинг? Что, самбо тебе мало? — спрашиваю его.

— Столько лет — все борьба и борьба. Хочется каких-то новых ощущений. Вот кикбоксинг кисти мои больные укрепил очень здорово. — И Рамазанов резко бьет по свисающему с потолка кожаному мешку.

— А с капитанской зарплаты тебе на жизнь хватает?

— С трудом.

— Так походи в бизнес, — подначиваю я. — Сейчас все что-нибудь продают...

— Я на рынок-то за покупками ходить избегаю. Чтобы за торгаша не приняла. Я же «лицо кавказской национальности». Нет, торговля — это не мое.

Мне вдруг становится смешно. Потому что представить негромкого, обходительного Рамазанова за прилавком можно разве что в лондонской ювелирной лавке.

— Жена на рынок ходит. Хотя, как представляю, что какой-нибудь гад к ней приставать начнет... — Он сжимает кулак. — Ревнив. Ничего не могу с собой поделать.

— Как Пушкин, как Отелло,
как Арбенин?

Он смеется во весь белозубый
рот и разводит руками...

*Я старомоден, как ботфорт
На палубе ракетноносца,
Как барк, который не вернется
Из флибустьерства в новый форт.*

*Как тот отвергнутый закон,
Что прежней силы не имеет,
И как отшельник, что немеет
У новоявленных икон.*

*...Хочу, чтоб снова кружева,
И белы скатерти, и сани.
Чтоб за морями, за лесами
Жила та мудрость, что права.*

*Хочу, чтоб вновь цвела сирень,
Наваливаясь на заборы.
Хочу под парусом за боны
И в море — всех, кому не лень.*

*Хочу, чтоб без земных богов
И, презирая полумеру,
За оскорбление — к барьеру,
Считай четырнадцать шагов...*

Лучше Поженяна, пожалуй, не
скажешь. Потому ставлю точку.

ЛЕОНИДАС ЯЦИНЯВИЧЮС

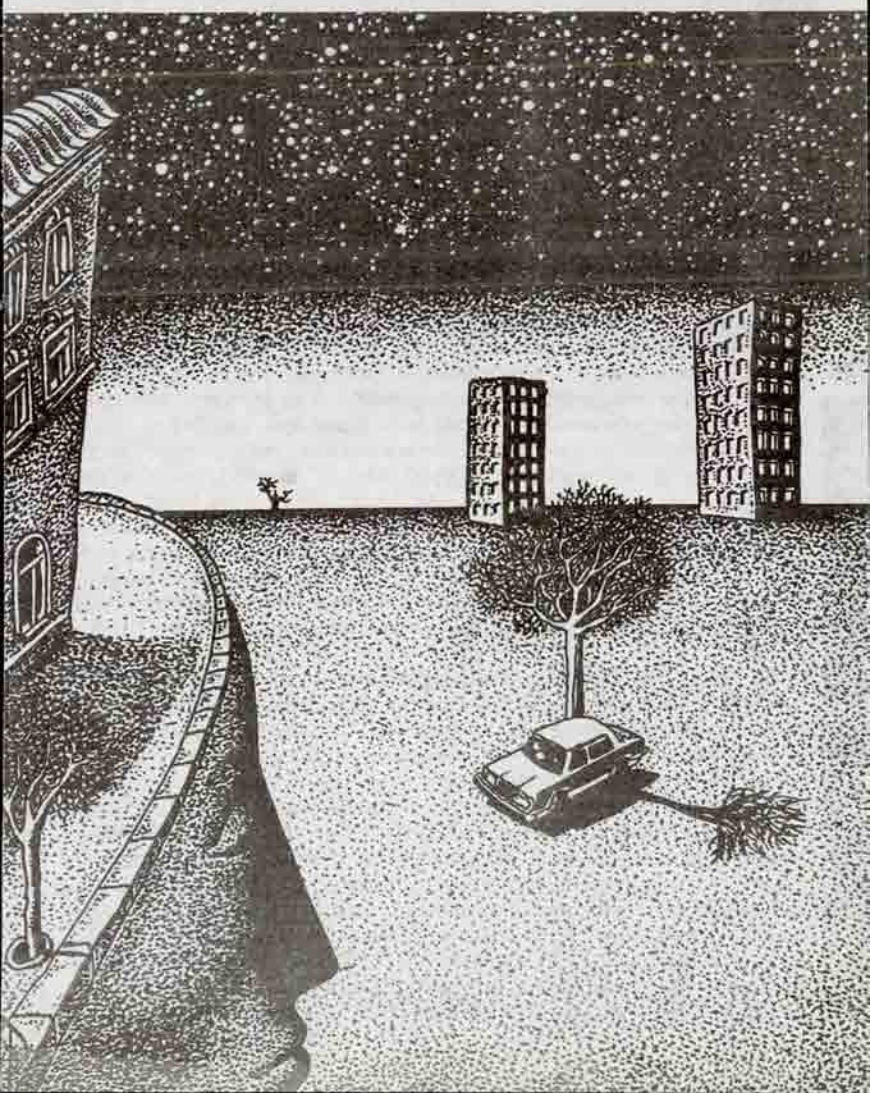
Рисунок БОРИСА СОПИНА

ДОМ

ЧЕЛОВЕКА

Вто утро Тиллос впервые набрел на сплошные озера. Они простирались во рву совсем неподалеку от новых высотных домов. Новоселы сбрасывали в ров ненужную утварь, старые железные кровати, отжившие свой век стиральные машины, сломанные стулья; с течением времени санитарная служба этот хлам куда-то вывозила, однако ров по-прежнему именовался свалкой. А теперь — надо же какое чудо! Голубые цветы были как один невиданно крупные, на высоких стеблях, с широко разметавшимися в стороны лепестками. Тиллос заметил, что на некоторых цветках голубизна уже начала меркнуть, истлевать, по-другому не скажешь, когда яркая синева подергивается серой пеленой.

Это чудо продержится день-другой, и все, подумал Тиллос, мне просто повезло, что увидел. Странно и как-то удивительно, на такую вот цепь озер набрел только теперь, перешагнув тридцатипятилетие...

Тиллос стал неторопливо спускаться по откосу, хотя была уже половина девятого и надлежало поскорее сворачивать к троллейбусной остановке, ехать в свое учреждение.

Учреждение это, относившееся к почтовому, или, как принято говорить, к ведомству связи, располагалось в небольшом новом доме с широкими окнами и одинаковыми зелеными шторами. Уже с улицы можно было разглядеть желтые письменные столы, денно-ночно освещенные люминесцентными лампами, точно такие же длинные желтые стеллажи вдоль стен, заваленные папками самой разной толщины. Нужно это было учреждение, пропитавшееся снизу доверху запахами бумаги, картона и клея. Даже летние сквозняки не выветривали этих запахов, они были здесь так же обязательны, как в церкви дух ладана и воска. Пробивавшаяся в комнаты автомобильная гарь тотчас выдыхалась, не в состоянии конкурировать с канцелярскими ароматами.

Жизнь в вышеобозначенном учреждении текла спокойно, по давно проложенной борозде, работники почти не менялись, сидели незаметно женщины, роняли волос мужчины. Говорили в этих стенах немного, чинно, приглушенными голосами. А как этим людям жилось, когда они покидали контору, Тиллос не знал.

Не знал он, например, что сотрудница из их отдела Глициния (на юге произрастающее это вьющееся растение так густо оплетает деревянные дома, что становится как бы частью постройки и с трудом поддается искоренению) приютила, а позже женила на себе только-только вернувшегося из армии дальнего родственника, застенчивого, истосковавшегося по теплу паренька. Сорокалетняя Глициния во что бы то ни стало задумала сделать из него художника, водила по выставкам и уговаривала поступать на искусствоведческий факультет, поскольку рисовать парнишка совсем не умел. Наконец он не выдержал, удрал из дома и добровольно попросился в психиатрическую больницу. Этот первый мужской шаг бывшему солдату не показался ни особо героическим, ни слишком трагическим. Впереди маячила юность. Глициния стойко выдержала сей провидческий выверт и, лишь

встречая в газете какую-нибудь сентиментальную историйку, с омерзением думала о людской неблагодарности.

Тилос также не знал, что Зигмас, его постоянный шахматный партнер, однажды привел домой новую молоденькую уборщицу Веронику, напоил ее и захмелел порядком сам. Потом, улыбаясь всегдашней дурашливой улыбкой, стал нести чушь, дескать, очень хотелось бы поглядеть на обнаженную девушку — сложение у нее было под стать Геркулесову. Естественно, Зигмас не ожидал, что та может исполнить его просьбу, однако Вероника скинула все с себя, не моргнув глазом. Зигмас слегка оторопел, еще отхлебнул, потом, смекнув, что торчать за столом, словно замшелому пню, не годится, запер для порядка дверь комнаты на ключ. Все выглядело страшно глупо. Зигмас понимал, что каждую минуту может вернуться с работы жена, однако хранил убежденность: Регина, женщина современная, образованная, только посмеется над его нетрезвыми приставаниями к уборщице Веронике. Случилось наоборот. Вероника без разговоров была выдворена за дверь, хотя рядом, подхихикивая, крутился Зигмас, пытаясь все обратить в шутку. Что делала Регина дальше? Думаете, собрала вещи и ушла навсегда? Или подняла скандал со слезами и на несколько дней перебралась к сестре?

Ничего подобного!

Она тут же слегла, захворала и на третий день умерла. Это был своеобразный протест, а может, и месть, впрочем, тоже позиция.

Тилос ничего этого не знал, хотя вместе со всем коллективом выразил Зигмасу сердечное соболезнование.

Тилос также не знал, что начальник их учреждения Шнёка пишет тайком книгу о подвигах почтовых работников во время войны и надеется всколыхнуть порядком перенасыщенную информацией общественность.

Тилосу не суждено было всего этого знать, поскольку даже личные дела, когда-то столь важные, — нравится ли он женщинам, достаточно ли у него денег, часто ли вспоминают его имя люди и что они о нем думают — казались ему теперь чепухой и больше не волновали.

Он мнил себя многоопытным человеком, познавшим всевозможные наслаждения, обманность страстей и желаний.

Дальний родственник Глицинии Бронюс Аугулис пролежал в психиатрической больнице около полутора месяцев и был выписан только потому, что симулировать хроническую депрессию мешало пышущее здоровьем тело. Из больницы Аугулис вышел с твердым намерением ухватить жизнь за рога. Устроился на курсы официантов, получил общежитие и отпустил тонкие черные усики. Чернявые волосы вились от природы и делали его привлекательным, правда, бело-розовое лицо несколько обрюзгло от чрезмерного сна и успокоительных лекарств и таким пока оставалось — Аугулис любил вдоволь поесть за завтраком, обедом и ужином. Иногда вставал даже ночью, если вдруг вспоминал, что где-то завалились яблоко или апельсин. Устроившись на работу в недавно открывшийся ресторан, Аугулис постоянно что-

нибудь жевал, поскольку поварили души в нем не чаяли и наперебой предлагали лакомые кусочки. Для них Аугулис был испорченным ребенком. Довольно быстро он сделался своим в ресторане, все звали его Бронюкасом и с удовольствием общались.

Аугулис умел делать деньги и умел их поприжать. Если посетители заказывали блюда, не заглянув в меню, и к тому же это были мужчины с чужими женами, один-другой банкнот ненароком перекочевывал в карман к Аугулису. Богатый урожай снимал он и перед самым закрытием, когда разгоряченная мужская братия требовала крепких напитков, швыряясь деньгами. Аугулис не моргнув глазом подавал впечатляющий счет и даже укоризненно качал при этом головой, дескать, услуга за услугу. Обслуживая четыре столика, Аугулис вскоре смог снять отдельную комнату в новом микрорайоне.

Спустя короткое время в голове Аугулиса четко обозначились планы на будущее: «мерседес» и тридцать тысяч долларов. Потом он попытается взять приступом университет и станет изучать заочно экономику. Среди его знакомых набралось немало влиятельных лиц, с некоторыми пробовал даже завести откровенный разговор, шутливо, на всякий случай прикидываясь деревенским простаком. Те раздувались, точно павлины — о чем речь, ему стоит только захотеть... Остальное — формальность.

Аугулис, конечно, не собирался торчать всю жизнь на одном месте. Деньги деньгами, но не мешает подумать и о почете... И хорошо бы какую-никакую власть получить.

Прямо по песчаному рву, перешагивая через колдобины, Тилос вышел к реке. Вдали, где-то справа, в тумане маячил мост, через который Тилос каждое утро ездил троллейбусом на работу. Теперь ему пришлось бы добрый час пробираться через прибрежный ивняк к мосту, да и ольховник вон как густо разросся.

На середине реки, обтекаемая течением, величаво стыла просмоленная дочерна плоскодонка. В ней горбился одинокий рыбац.

— Мил человек, — неуверенно окликнул Тилос, — перебрось на другой берег. Срочное дело.

Человек в лодке ожил, зашевелился, вытащил из воды привязанный веревкой камень и, с силой налегая на весла, погнал лодку по направлению к Тилосу.

— Оперативник небось, — негромко осведомился он, когда Тилос, зачерпнув в полуботинки воды, забрался в плоскодонку. — Коли по кустам рыщете...

— А что, похож? — Тилос окинул взглядом свою темно-зеленую куртку, давно не глаженные брюки, провел ладонью по торчащим на затылке волосам.

— Ладно, ладно, молчу. — Человек едва не выпустил из рук весла. — Попросили, вот и перевожу...

Течение было сильным, развернутая наискось лодка, казалось, стоит на месте. Утреннее солнце нависало над водой, безжалостно припекая плечи, спину, затылок.

— Ну, удастся что-нибудь поймать?

- Честно говоря, нет. Привычка просто.
- Неплохая привычка.
- Во всяком случае, никому не мешает.
- Гляжу, добрый вы человек.
- Да при чем тут доброта? Простите, не знаю вашего звания. Тиллос рассмеялся.
- Какое там звание? Служащий всего лишь...

Рядом с собой Тиллос заметил в полиэтиленовом мешочке обложку детективного романа. Человек поймал его взгляд и пояснил:

- Да жена бесится, когда дома читаю.

Лодка ткнулась в песчаное дно. Краснолицый человек с выгребшими усами и очень пронизательными глазами прыгнул в воду, доходящую почти до колен — был он в резиновых сапогах с высокими голенищами, — и вытянул согнутые руки.

- Давайте перенесу вас на сушу.

— Я не барышня. — Тиллос стоял на носу лодки, прикидывая расстояние до берега.

Ничего не говоря, мужчина шагнул вперед, одной рукой ухватил Тиллоса пониже колен, перебросил через плечо и двинулся вброд к берегу.

После смерти жены Зигмас обнаружил, что у него имеется восьмилетний сын Йонукас, который теперь словно чего-то ждал от него, поглядывая внимательными глазами, совсем разучившись улыбаться. Быть может, ребенок инстинктивно подозревал, что отец повинен в смерти матери, а может, все ему просто опостыдело.

Чтобы унять боль утраты и чтобы сын не отбился от рук, Зигмас завел дома почти казарменное положение, а сам тайком стал прикладываться к бутылке. Продолжалось это недолго, его вызвали в школу и сообщили, что вот уже целую неделю Йонукас не посещает занятий.

Зигмас был с похмелья, не успел опрокинуть заветный стакан сухого вина, поэтому с учительницей разговаривал на почтительном расстоянии, прикрываясь носовым платком, делая вид, что простужен.

— ...совершенно невнимателен на уроках, — усталым голосом продолжала учительница, тревожно вглядываясь в заплывшие глаза Зигмаса, прячущиеся за грязными стеклами очков. — Пора принимать меры. Я, право, не знаю... Со мною он избегает каких-либо разговоров.

— Мне тоже трудно вызвать его на разговор. Видно, должно пройти время... — Зигмас развел руками и быстро прикрыл рот платком. — Простите, эти перепады погоды...

— Мне все ясно, — неожиданно металлическим голосом отозвалась учительница. — А не лучше ли отправить его в интернат?

Зигмас попятился, взъерзало самолюбие пьющего человека.

— Ну, уж этому не бывать, уважаемая! — выпалил он. — Пока я жив... и могу заработать на хлеб...

Учительница несколько раз покосилась на ручные часики.

— Прежде всего вам надо самому взять себя в руки, — проговорила она в надежде на чистосердечие. — Жалко мальчика.

— Ваше дело не жалеть, а учить! Хотя бы элементарному уважению к отцу. — Зигмас скомкал платок и зачихнул в карман, из прокуренных легких вырвалось хриплое дыхание.

— Я думала, что имею дело с культурным человеком, — побледнела учительница.

— Сомневаюсь, что вы способны думать! — Зигмас уже не мог остановиться. — Этому вас ни за какие деньги никто не научит! Ни в Касабланке, ни в Майами!

— Что ж, буду вынуждена поставить вопрос на педсовете, — завершила беседу учительница, и ее каблучки дробно застучали по коридору.

Вернувшись с работы, Зигмас застал сына у телевизора.

— Ты поел? А уроки приготовил?

Йонукас кивнул, не оборачиваясь. Тогда Зигмас выключил телевизор и ласково положил обе руки сыну на плечи.

— Где ты пропадаешь, сын?

— В школе, — передернул плечами мальчик. — Отойди, от тебя воняет...

— Ну, ладно. — Зигмас уселся рядом в кресло. — Я тоже, случалось, сбегал с уроков. Однако шататься по городу целую неделю...

Ребенок молчал.

— Один слоняешься?

Сын сосредоточенно безмолвствовал, уставив глаза в темный экран телевизора.

— Может, захотелось в интернат?

— Ты меня не любишь.

— Правильно. А за что мне тебя любить, если не посещаешь школу?

— Ну и не люби. Я туда вообще больше не пойду.

Чтобы не сорваться на крик, Зигмас ушел на кухню, открыл холодильник. Початая бутылка водки теперь стояла пустой, а из раковины в нос ударил отвратительный смрад. Зигмас отворил форточку, пустил горячую воду и вернулся в комнату. Ребенок испуганно бросил взгляд на его руки.

— А почему это ты не пойдешь, интересно? — спросил Зигмас как можно спокойнее.

— На меня там орут. Я бы застрелил каждого, кто кричит на меня... — стараясь унять рыдание, прошептал мальчик.

Зигмасу захотелось обнять сына и поплакать вместе в душных сумерках надвигающегося вечера над всем тем, что обрушилось на этот дом, на него самого, потому что впереди не ожидалось никаких радостей, однако мысленно он уже укладывал необходимые вещи, готовил сына в дорогу к тете, давно уже назойливо набивавшейся в опекуниши.

В это утро Тилюсу везло. Железнодорожная кассирша попалась смешливая, с живыми глазами, и Тилюс решил описать ей город, в который ему хотелось бы поехать.

— Там большая незамусоренная площадь. На площади брон-

звая скульптура — молодая девушка с высокой грудью и бедрами, кажется, она молится солнцу или склонилась к источнику, одна рука на затылке, другая опущена вдоль тела. Рядом фонтан, выложенный плитками из красного гранита... Одним концом площадь упирается в старый-престарый дом тоже из красного кирпича, с гербами ремесленников вдоль карниза второго этажа. Гербы скорее всего вылеплены из цветного гипса...

— Они нарисованы на мокрой штукатурке, — услышал за спиной Тилос звонкий и ясный девичий голос. — Я живу неподалеку от той площади.

Девушка сказала название города кассирше. В полумраке зала Тилос постеснялся внимательнее разглядеть лицо девушки, взгляд выхватил разве что одежду. Промелькнуло — совсем юная, на покатых плечах светлое, длинное демисезонное пальто, перехваченное в талии черным кожаным ремнем, волосы упрятаны под шапочку, напоминающую горшочек.

Тилос расплатился за билет и только тогда сообразил, что куда-то едет, по правде говоря, он собирался всего лишь узнать название города.

Поезд давным-давно стоял на седьмом пути, до отхода оставалось минут двадцать, оба, не сговариваясь, повернули к вагону. Попутчица его повесила пальто на никелированный крючок возле окна и уселась напротив. Провела пальцами по коротким волосам цвета пшеницы и смело посмотрела Тилосу в глаза. Он ответил учтивым взглядом и вдруг ощутил, как холодом обдало кожу, какая-то стылость сковала лицо. Девушка была потрясающе красива. Ей, очевидно, не исполнилось и двадцати, нежный румянец наводил на мысль о совершенстве, быстрый взлет бровей, ясный взгляд карих глаз, величественный лоб. Шея, изгиб плеч, пальцы на руках поражали своей законченностью форм. Тилос невольно подумал, что эта девушка родилась под счастливой звездой, хотя его взгляд по привычке попытался отыскать что-то некрасивое, не вяжущееся с самим обликом, то, что обычно маскирует, скрывает человек. И тотчас понял — не найти. Девушка сидела на скамейке напротив, сложив руки на коленях, и прямо, без всякого смущения смотрела ему в лицо. Видеть ее так близко было невозможно — словно глядишь в упор на дугу электросварки. Сердце ждала непонятная тоска, Тилосу даже захотелось выпрыгнуть из вагона, пока стоит поезд, хотя именно девушка заставила его купить билет... Нет, не заставила, а помогла, подтолкнула... Эта девушка была как бы живым воплощением радости, праздничности, того, что существует в природе и чего лишена наша повседневность; впрочем, природа порой проявляет жестокость, и никто не в силах предугадать, какие формы она способна создать... Как они отзовутся в человеческой душе...

Тилос решил прикинуться спящим или перейти в другой вагон, однако девушка улыбнулась и спросила:

— Простите, сколько вам лет?

Голос доверительный, без тени иронии. Тилос откинулся назад, хотя откидываться явно было уже некуда, и ороговевшим небом произнес, выдвинул из себя:

— Собственно, почему вас интересует мой возраст?

— Вы очень странно вели себя возле кассы...

— Я действительно не знал названия этого города. — Тилос смахнул с отворота куртки несуществующую пылинку.

— А площадь со скульптурой, а старый дом из красного кирпича?

— Мне часто снилась такая площадь. Просто площадь. А что это за город, до сих пор не знаю.

— И вы решили его найти? — по-детски обрадовалась девушка.

— Решил? Пожалуй, все вышло само собой...

— Все равно вы молодец. Даже не думала, что так бывает в ваши годы.

— И я не думал, а вот... еду.

Тилос поглядел в окно на серое здание вокзала, маячившее на том же месте. Еще не поздно.

— Вы надеетесь что-нибудь отыскать в городе, который приснился? — Девушка подалась вперед и подперла кулачками подбородок.

Кого она видит перед собой, размышлял Тилос, небось недоросля с костистым лицом, порядком старше себя, с длинным носом и поблекшими глазами? Уши, как локаторы, волосы торчат во все стороны, надо было хотя бы берет нахлобучить...

— Погляжу и вернусь назад.

— И все?

— Может, мимоходом ограблю местную сберкассу. Не знаю еще, смотря по настроению.

— Я вам помогу. А то слишком быстро трачу зарплату, потом у тети приходится одалживать...

— Скаредная старуха, признайтесь? — Напряжение, сковавшее недавно тело, совсем отпустило, к тому же за окнами вагона уже не виднелось станционное строение.

— Вовсе нет. Просто она растит сына моего двоюродного брата.

— Вы... слишком открытая, — не сдержал улыбки Тилос.

— А вы?.. — покраснела девушка. — Сам же первый...

Тилос громко расхохотался.

— Как это все у нас с вами получилось... ха-ха. — Но смех вдруг застрял в горле, захлебнулся от сознания, что он еще никогда не любил всерьез, не обжигал ладоней над пламенем свечи, не взбирался по веревочной лестнице, не мчался следом на край света... Эта мысль опалила мозг, родила гнетущую боль, от которой перехватило дыхание. Тилос притих, съежился, уже не видел сидящей напротив девушки, воды былого отшвырнули его, унесли прочь от нее, и мутное течение поглотило вначале голос, а потом и его самого, когда-то прозванного неисправимым оптимистом.

— Кто вы? — опять услышал он теплый, взволнованный голос.

— Тилос.

Аугулис не остался в столице. Он прикинул, поразмыслил и решил, что сподручнее будет обосноваться в быстро развиваю-

щемся молодым городе республики, где имеется несколько крупных заводов, огромный мясокомбинат, где люди хорошо зарабатывают и всласть отдыхают, с упоением, с размахом, словно косят траву на лугу. Этой арифметике Аугулиса никто не учил, он сам сообразил, начитавшись газет и журналов.

На новых начальников и на местные власти Аугулис производил впечатление надежного человека. Его нередко приглашали в финскую баню обслуживать высоких гостей — все оставались, как правило, довольны и говорили: фирменный парень.

Застигнутый вопросом девушки, Тилюс прежде всего припомнил незавершенность фигур, которые вычерчивала его собственная жизнь. Еще учась в средней школе, надумал два последних класса закончить в вечерней, хотел скорее войти в мир взрослых. Это была первая, несовершенная по форме фигура, как будто вогнутая; в университете выдержал только до четвертого курса — этот отрезок времени тоже не получил завершения. Потом всевозможные службы, они также не сложились в последовательные ступеньки удачной карьеры, словом, все этапы жизни ничем не напоминали красивую спираль или правильные концентрические окружности, а походили скорее на танец комара над водой. Возможность появления в его жизни фигуры правильной формы Тилюс предчувствовал заранее, и сразу все становилось скучным.

Очевидно, внутри у него кто-то постоянно противился правилам, противился весьма незаметно, но толково: усыплял бдительность, вдавливал в голову глупую мысль, что он хозяин любого положения, а затем Тилюс неожиданно для себя двумя-тремя взмахами разрушал домик, который начинал возводить. Иногда он удивлялся, что так случилось, иногда равнодушно выжидал, чувствуя, что и на этот раз ему не описать полного круга, а лишь какую-то кривульку — полукруг, и опять предстоит возвращение на ровное место, и опять придется сказать себе: начнем все сначала. Возможно, было бы точнее сказать — будем жить дальше, отказавшись от той, другой, немного напыщенной и затертой фразы, увы, ею чаще всего пользуются настоящие неудачники. Знакомые, приятели не считали Тилюса чудачком или каким-то неудачником, поскольку жизнь была к нему достаточно щедрой и предоставляла то и дело возможность лепить изящные и прочные модели существования. Тилюс порой прикидывался послушным, поначалу ему даже удавалось пробудить в себе энтузиазм, подлинную заинтересованность, но позже он начинал пренебрегать общими для всех правилами, принимался вредить самому себе. Окружающие удивленно вскидывали брови, устремлялись его опекать, старались, как говорится, водить за ручку, но результат всегда был один и тот же: замок из песка неизбежно рассыпался, а благосклонно настроенные приятели оставались озадаченными и спустя время, очутившись рядом, чувствовали себя неуютно, словно Тилюс уже одним своим присутствием напоминал им о недостойном поведении. А может, просто стыдились своего расхожего практицизма, которым не обладал этот на первый взгляд ничуть не меняющийся, безвредный человек.

Тилос ни разу не проговорился о своих тайных вылазках на природу. Всегда предчувствовал тот час, когда его, точно луна-тика, начинало тянуть на автобусную станцию, и он приобретал билет, чтобы проехать двадцать или тридцать километров и выйти за чертой города там, где привидится «свое местечко», где-нибудь возле чахлого кустарника, неподалеку от мелководной речушки.

В таком месте Тилос ощущал какую-то справедливость по отношению к себе и ко всему миру, чувствовал, как в нем самом нарождаются неожиданные и важные мысли. Увы, мысли эти исчезали без следа, стоило вернуться в город. Оставалось лишь волнение от того, что удалось постичь несколько основных, возможно, самых главных законов собственного бытия, их сжатые, точные максимы не вызывали тревоги. В городе светлое ожидание погребалось под голыми фактами действительности.

Уже отошел в мир иной тринадцатилетний мальчуган, бесконечно, почти болезненно тосковавший по любви, по теплу других людей, по их добрым словам, умер двадцатилетний повеса, скончался двадцатишестилетний честолобец; на все сгинувшие свои обличья Тилос смотрел теперь без сожаления, но также и без спеси. Некоторые бывшие обличья таили очарование, иные казались весьма несимпатичными, однако все они отжили свой век, умерли и уже истлели. Они, подобно растениям, выросли, отцвели, наконец, увяли и незаметно исчезли в необозримом времени. И Тилос, как ему казалось, мужественно шагнул в свое пустынное одиночество, без страха, без оглядки, лишь иногда тоскуя по прежней радости открытий.

Однажды Тилос признался жене, что часто видит во сне незнакомый город, где люди любят его, понимают без объяснений; ему хотелось бы пожить там неделю-другую, познать вкус добра. Вечно усталая жена не поверила, что ее Тилос способен куда-то уехать, как не сомневалась и в том, что он не отважится на приключения с другими женщинами, поскольку была убеждена в его чрезмерной лени.

— Я прекрасно вас понимаю,— проговорила девушка после того, как Тилос рассказал ей о себе.

— Понимать другого человека опасно, Виле.

Он уже знал ее имя, знал, что ее вырастила тетка, что родители разошлись, что сама она работает на ткацкой фабрике, знал, что расстаться будет уже трудно.

— Ты еще совсем неиспорченный.— Виле коснулась рукава его куртки.— И очень славный...

Удивительно, подумал Тилос, насколько помню, я всегда всем казался легкомысленным, независимым, оригинальным, слабозвольным, глубоким, начитанным — одним словом, каким угодно, но только не славным! Если бы это сказал ему в глаза кто-то другой, Тилос смешался бы или обиделся, возможно, поначалу молча стерпел бы подобное заявление, а позже повел бы себя грубо, торопясь разрушить нежелательное о себе представление. Теперь же он лишь осторожно стиснул тонкие девичьи пальцы и, сильно волнуясь, произнес:

— Знаешь, а я вовсе не сожалею о том, что было раньше... Увидел вот тебя и могу возвращаться... могу даже запеть...

Поезд, сбавляя скорость, медленно катил мимо белого строения незнакомого вокзала. Виле поднялась со скамьи.

— Не хочешь поглядеть город? Боишься разочароваться?

— В чем? — переспросил Тилос. — В городе?

Виле не ответила. Не проронив ни слова, они вышли из вагона.

— Сегодня мне во вторую смену, — заговорила вдруг Виле. — Я должна торопиться.

— Хорошо.

— Эта улица ведет в центр, а вон там твоя площадь. И гостиница.

— О, даже гостиница...

— После смены я приду на площадь. Может, еще не уедешь до того времени...

— Надо подумать.

Она перебросила сумочку через плечо и зашагала прочь, не оглядываясь. Тилос смотрел, как она быстро удаляется от него по незнакомой улице, которая казалась теперь и родной, и уютной, будто вырос на ней.

— Виле! — чужим голосом крикнул он вдруг вслед девушке.

Она остановилась, обернулась с улыбкой, зажмурившись от солнца, подождала, пока он подбежал, зашыхавшись.

— Когда кончается твоя смена? — спросил он с выражением крайней озабоченности.

— Увидишь, — чуть подразнивая его, протянула Виле, повернулась на каблуках и перебежала на другую сторону улицы.

В недавно построенной гостинице Тилос без всякого труда получил номер на четвертом этаже, откуда прекрасно просматривались весь центр города и площадь с бронзовой фигурой девушки. Она порядком отличалась от той, привидевшейся во сне, претенциозно изломанные линии тела были холодными, неживыми, рядом сочился фонтан, с набросанными окурками и размокшим бумажным сором.

Тилос энергично выписывал круги на центральных улицах, словно боясь остановиться, потом пошатался по окраине, застроенной скучными одноэтажными частными домиками, и, наконец, понял, что делать ему в этом городе больше нечего. Напрасно он надеялся найти здесь какой-нибудь парк и побыть в одиночестве среди распускающихся деревьев, поразмышлять в тишине. Тилос вдруг спохватился, что примеряет город, будто одежду, оторопел от такой глупости и свернул к изукрашенной резьбой пивной промочить горло, в рот набилось горчащей пыли, которую без устали мел в лицо сумасшедший весенний ветер.

Пивная была просторная и полупустая. Люди возле широких столов разговаривали между собой вполголоса, наверное, чтобы не вспугнуть повисшую в помещении дремотность.

Думать Тилосу что-то мешало. Едва устроился за пустым столом, перед глазами всплыло ясное белое лицо Виле, которое она подпирала маленькими кулачками.

Может, это последний дар судьбы?

Может быть, улыбались Вилины глаза в красноватой мгле.
Я не верю больше в любовь.

Выходит, ты еще не любил по-настоящему.

Меня губит холодный рассудок, Виле.

Чего стоит ум без веры?

Того же, что и безрассудная вера.

Разве ты не почувствовал, что мы могли бы быть счастливы вместе, болеть друг другом, делиться всем, а потом умереть в одночасье!

Но мне нечего тебе дать, Виле. В драных своих карманах ношу целую вселенную, и в то же время у меня ничего нет. Я недостойн тебя, так как постоянно ощущаю собственную скудность. По сравнению с женой, с сослуживцами, с собой прежним. У меня не осталось ни энергии, ни отваги начать что-либо сначала. Все эти начинания меня основательно измотали и не дали ничего хорошего. Остается насмехаться над самим собой и похожими на меня аутсайдерами. Кроме того, у меня нет никакой серьезной профессии, а учиться уже слишком поздно. Я радуюсь подобно ребенку встрече с тобой, но ведь во сне тебя не было? Я обязан уйти. Незавершенность, незаконченность формы становится моим жизненным правилом.

Значит, ты не ищешь счастья, Тилос?

Я достаточно понасмотрелся на чужое счастье. Знаешь, как оно выглядит? Здоровый желудок, резиновые нервы и короткая память. Теперь судьба посылает мне слишком много. Во мне притаился какой-то человечек, который добросовестно ходит на службу и вместе с тем не выпускает из рук старый-престарый бинокль, посему видит очень далеко. Далеко вперед.

А что он видит, Тилос? Что я простая ткачиха, не парижанка?

О нет, любимая. Он видит, что всегда буду чувствовать разницу в годах и сомневаться, счастлива ли ты? У моей души уже есть какое-то пристанище, не слишком уютное, без стен и крыши, так, доскуток утрамбованной земли, круг лунного света, из которого не выбраться.

Скажи, а где оно?

Там, где шероховатые, будто в оспинах, бетонные стены, унылые желтые письменные столы, равнодушные взгляды, бытовые неурядицы, домашние раздоры и я сам — неприметный затворник, верящий разве что в вечную юность души...

Тилос вздрогнул, заметив приближающегося располневшего мужчину с сильно поредевшим загривком и бугристым лбом.

— Не выдержал, чтобы не подойти, — ставя бокал на стол, произнес мужчина. — Чуть не рухнул — Тилос! Все такой же. Ни седины, ни лишнего веса. А помнишь, как я лупил тебя в школе?

— Ты здесь живешь, Адомас? В этом городе?

— Жизнь кидает с места на место, — хмыкнул Адомас. — Здесь я какой-никакой, а лидер в спорткомитете.

— В спорткомитете? — удивился Тилос. — Что ты там можешь делать с твоим животом, накачанным пивом, и дрожащими конечностями?

— Пожалуй, тебя следовало бы поколотить за такие слова, как в старые добрые времена, — лениво пропел Адомас. — Только

в наши лета вроде нелепо. Давай-ка лучше двинем ко мне, пропустим чего-нибудь покрепче.

— Нет, никуда я с тобой не пойду, презренный распутеха, — разошелся Тилос. — Смерди в своей норе один и не появляйся на свет божий, а то он может померкнуть от твоего карикатурного облика! Господи, и это бывший бегун, чемпион страны среди юниоров. Позор! Живот торчит, лысину уже не прикрыть!

— Ха! Ты не хочешь признавать того факта, что стареем.

— Молчи, дряхлое животное! — вскипел Тилос. — Я в миллион раз моложе тебя, настоящего покойника! Ступай к жене и умоляй ее на коленях, чтобы неделю не давала есть.

Адомас корчился от смеха, ударяя жирной ладонью по столешнице из мореного дуба.

— Еще, еще скажи что-нибудь... — смахивая выступившие от хохота слезы, упрашивал Адомас, — ну, сделай одолжение школьному другу, у тебя замечательно получается... просто люкс...

Тилос отодвинул пустой бокал и поднялся, чтобы уйти. Он вдруг ощутил усталость и серьезно пожелал:

— Покойся с миром, Адомас.

А того опять настиг приступ смеха.

Возвращаясь из учреждения с зелеными шторами, Шнёка испытывал томление. Чувствовал, как наваливается на него время. И так уже надоело целый день цепенеть с вялыми мускулами в прозрачном студне времени — когда-то довелось увидеть, а может, только приснились ему цветы, вплавленные в шары из органического стекла, порой часто приходило в голову: время напоминает такой вот скользкий шар, а ты сам забрался туда внутрь и застыл.

Шнёка собирался однажды всерьез засесть за книгу воспоминаний. Это должна быть необычная книга, очень оригинальная, потому что до сих пор никто не писал о почтовых работниках военного времени. Шнёка заранее предвкушал, как станут удивляться его коллеги, дух захватывало, когда в мыслях представлял обложку книги, уважительное восхищение на лицах. У него сразу поднималось давление. Шнёка подходил к зеркалу поглядеть на себя и со странным облегчением вздыхал, приходило понимание, отчего писатели не живут долго.

Жена как раз уехала навестить дочь в туберкулезном санатории, Шнёка был дома один. Он старательно нарезал на деревянной дощечке лук, докторскую колбасу и, поднося ко рту неторопливыми движениями аккуратные кусочки, размышлял о своем пульсе, которого теперь, по всей видимости, не нащупать. Неожиданно он сообразил, что старается что-то отодвинуть, и не что-то, а подкрадывающуюся к нему с самого утра депрессию: неприятные воспоминания, обостренное чувство одиночества, меняющиеся с ужасающей быстротой настроения — от полной душевной распахнутости до взрывов ненависти, постоянной мнительности, как мало он значит в этом мире, а все вокруг видят его насквозь и понимают его ничтожность.

— Цезарь, — Шнёка обратился к лежащему под столом добер-

ману, — ты чего притих? И даже не чихаешь, нанюхавшись луку? Понимаю, понимаю, ты пес воспитанный, знаешь, что такое уважение к человеку... А жена вон поесть ничего путного не оставила, потом скажет, спешила, времени не было. А разве уважение требует какого-то дополнительного времени? Да и Тиллос хорош! Мог бы все-таки позвонить по телефону и соврать, что плохо себя чувствует. Р' т, не счел нужным...

Черный доберман положил длинную вытянутую морду на обутые в шлепанцы ноги хозяина и негромко чихнул.

— Значит, правду говорю... Возьму и выгоню вон этого шалопута... Хотя жалко... Разиня, а дело делает. Совсем распустились, черти рогатые! — Шнёка пристукнул по столу ладонью.

Цезарь высунул голову из своего укрытия и зарычал. Будто вторя ему, в гостиной залился телефон.

Звонил непосредственный начальник Шнёки — Видмантас.

— Не волнуйся, Мариёнас, я с неофициальным вопросом... Мы тут решили чуть-чуть посидеть... Кстати, ты знаешь, где живет Йонушас?

— Мы почти соседи, начальник.

— Вот именно. Ты нам нужен. Это совсем недалеко, понял?

— Да я не пью, начальник... со здоровьем у меня не очень...

— Не волнуйся понапрасну, Мариёнас, мы все уже выпили. Соображаешь, что от тебя требуется? Заодно и о твоих делах поговорим.

— О каких делах? — насторожился Шнёка.

— Не тяни резину, Мариёнас. — Видмантас бросил трубку.

Шнёка распахнул дверцу буфета, схватил нетронутую бутылку коньяка и без особой охоты принялся одеваться.

— Вот и пиши, коли такой мудрый, — буркнул он сидящему в дверях Цезарю, придирчиво выбирая галстук. — Гоняют как мальчишку на побегушках... И жилеты все широки, никто не позаботится, не сузит...

Уже надев плащ, Шнёка вдруг засомневался, вернулся в гостиную и поменял коньяк на две бутылки водки.

Министерский работник Йонушас жил в соседней девятиэтажке. Шнёка прямо в прихожей по-деловому расстегнул портфель, но его быстро затащили в комнату.

— Мое почтение писателям! — закричал Видмантас, крупный, раскрасневшийся от горячительных напитков мужчина. — Мы тут немножко озорничаем. Ну, сколько страниц настрочил?

— Прощу прощения, я вас не понимаю... — пробормотал Шнёка, выставляя на стол бутылки.

— Ах, Мариёнас!.. Все знают, только ты делаешь вид, что не понимаешь.

На мгновение Шнёке показалось, что он вместе с пустым портфелем проваливается в ледяную бездну. Его святую тайну знали всего несколько человек, и Шнёка почувствовал, что его самым подлым образом предали.

— Глупости какие-то... — Он махнул дрожащей рукой и против собственной воли опрокинул стопку.

— Закуси, Мариёнас. — Йонушас подвинул поближе к нему тарелку с ветчиной. — А про любовь там будет?

Шнёка укоризненно поглядел на начальника.

— Должно быть,— решительно заявил Видмантас.— Иначе никто не станет читать.

— Могу продать эпизод,— вмешался Йонушас.— Герой-письмоносец закрывает вражескую амбразуру своей сумкой...

— Интересно,— осклабился Видмантас,— что это за амбразура? Хм-хм-хм... Не доводилось часом зреть, а? Ладно, пиши, пиши, только вот не тем доверяешь, понял?..

— Ничего я не пишу и не собираюсь писать.— Глубокие морщины вокруг рта начали подрагивать от обиды.— И вообще попросил бы!..

— Значит, напрасные надежды?

— Или сон импотента, хм-хм-хм,— опять зашевелились мясистые губы Видмантаса.

Шнёка вскочил с кресла.

— погоди, Мариёнас,— совершенно трезвым голосом остановил его Видмантас.— Свои ведь, можем и пошутить. А теперь серьезно: плохо, что не пишешь. А не пишешь потому, что нет условий, верно? Тебе вроде шестьдесят три?

— Четыре...— поправил Шнёка.

Он по-прежнему стоял навытяжку, застыв, уперев внимательный взгляд в столик карельской березы на гнутой ножке. Столик издевательски качнулся, и, странное дело, ничто не попадало на пол: тарелки, рюмки, бутылки держались на нем как приклеенные.

Видать, все здесь фокусы выкидывают, промелькнуло в голове у Шнёки. Желая убедиться, он приподнял край столика еще выше и очнулся, услышав звон бьющейся посуды.

— Однако...— вздохнул с облегчением.— Законы природы не обойдешь...

Он позволил Йонушасу застегнуть пуговицы на своем плаще и выскользнул за дверь.

— Ты вор, Видмантас! Вор и сволочь,— прохрипел Шнёка на лестнице, но себя не услышал. Еще не написанная, но уже осмеянная книга навалилась свинцовым грузом. Шнёка вспомнил, что пришел сюда без шапки. Соседний девятиэтажный дом маячил перед глазами, словно мираж,— одинаковыми линиями балконов он походил на книгу.

Вернувшись поздним вечером домой, жена Шнёки уже в подъезде услышала протяжный вой Цезаря. Пес сидел в дверях спальни и, завидев входящую хозяйку, положил морду на лапы, зажмурился и тихонько заскулил. В спальне горел свет, а Мариёнас Шнёка скорчился возле дивана, уткнувшись лицом в его покатый край, в бессильно повисшей руке был зажат жилет, который уже не придется обживать для хозяина.

Тилюс продремал в гостиничном номере до сумерек, потом вдруг вспомнил, что целый день не ел. Виле могла появиться не раньше десяти вечера, так что в запасе еще было время, и Тилюс спустился в ресторан.

Поел он, не ощущая вкуса, злясь на себя, что уже скучает по

девушке и что ему непременно хочется еще раз увидеть ее, прямо теперь, не откладывая, потому что все умозаключения не стоят и гроша ломаного, ведь никто его особенно не ждет в Вильнюсе, и вообще, разве ему когда-нибудь встретятся еще такие лучащиеся нежностью глаза, взволнованный голос, убежденность, что мир справедлив и хорош.

Когда молодой официант с ниточкой усов и бесстыдно разлезшимся задом попытался обчитать его, Тилос разъярился и позвал метрдотеля.

— Мне очень по душе ваш город, я приехал сюда расследовать одну историйку, надеюсь, правда, факты не подтвердятся. Однако такие люди, как этот парень, на нем вон и брюки уже не сходятся, ваш город не украшают. Интерьер ваш, увы, тоже.

— Что вы хотите этим сказать? Обсчитывает или гримасничает?

— Кажется, он умеет все.

— Поверьте, Аугулис часто жалуется на зубную боль.

— У него прекрасные зубы и отменный зад. Приглядитесь, прямо-таки непристойный вид — торчит из разреза пиджака и задевает за столы. Для посетителей приятного тут мало.

— Мы привыкли к его фигуре, нам она не мешает... Вы, несомненно, ведете речь всерьез?

— Серьезней не бывает. Ему только картошку на кухне чистить.

— Чистка картофеля у нас механизирована, — ответил метрдотель. — А указанную вами часть телосложения Аугулиса обязательно обсудим на ближайшем производственном собрании...

— И зубы, — учтиво напомнил Тилос. — Слишком жадно хватают.

— Да, да, зубы в первую очередь, а вторым вопросом пойдет та часть тела, на которую вы обратили внимание.

Аугулису уже довольно отчетливо виделись контуры «мерседеса». Вырезанный из иностранного журнала шикарный автомобиль поблескивал перламутром в ногах его кровати и с каждым вкладом в сберегательную кассу становился все реальнее. Были завязаны нужные знакомства с моряками дальнего плавания, которые гоняли на приобретенных за границей «фордах», правда, изрядно потрепанных. Ложась вечером в постель, Аугулис дивился собственной выдержке и сообразительности. Опыт ресторанной жизни спрессовался в единое правило, которое он записал в тетрадь, куда заносил афоризмы и всякие мудрые изречения: «Главное — не пить, а уж клиенты сами внесут тебя на своих плечах в рай». В тетради имелись и другие глубокомысленные записи — выдержки из популярных журналов, но они не задерживались надолго в памяти, а собственные находки светились день и ночь напролет, словно сигнальные огни комфортабельного автомобиля.

В один из дней Аугулис заметил на кухне стайку пятнадцатилетних девочек, присланных на практику из кулинарного техникума. Среди них выделялась бойкая черноволосая девушка с цыганскими глазами по имени Тан. Полное имя ее было

Таисия, вовсе не литовское, но говорила она без малейшего акцента, звонким мелодичным голосом, и можно было подумать, родом она с тех самых сувалкийских равнин, которые Аугулис считал своей родиной и никогда не скучал по ним. Это имя целыми днями звучало в ушах у Аугулиса — скажи Тае, спроси у Таи, позови Таю — и сделалось таким приятным, как будто касаешься рукой дорогого меха или бархата...

Однажды по служебному телефону позвонил какой-то молоко-сос и попросил Таю. Небрежно произнесенное ломким голосом подростка имя, словно ржавый нож, резануло сердце Аугулиса. Он перевесился через раздаточное окошко, крикнул: «Тая, к телефону!» Она подбежала, гибкая, как лоза, почти два раза обмотав вокруг талии белый халат, вырвала трубку из рук Аугулиса, нетерпеливо выдохнула: «Але?»

Аугулис впервые ощутил ее запах, совершенно непохожий на запах других женщин, которые, случалось, навещали его. От Таи струилось что-то давным-давно позабытое, будто дыхание земли после дождя или свежей листвы, а может, утренних заморозков. У Аугулиса вмиг встали волосы дыбом, он понял, что пропал.

Не прислушивался больше к тому, что говорила по телефону Тая, а молился на ее пальцы, губы, голос — замерев в квадратном отверстии раздаточного окошка, похожий на сложенного вдвое карточного валета.

С тонкими усиками, в пиджаке из темно-бордового бархата и с такой же бабочкой на шее.

Тилос уже битый час сидел на скамейке, позвонив предварительно на железнодорожный вокзал и автобусную станцию. Он еще мог уехать ночным автобусом, если...

— Вот и я, — услышал за спиной Вилин голос.

Тилос заметил, что она стесняется своего прихода, будто чувствует себя виноватой оттого, что беспокоит, и старается угадать его настроение.

— Ну, как наш город, понравился? Или не очень?

— Без тебя он какой-то неживой. И деревьев маловато.

— Маловато. Еще вырастут. Ты когда уезжаешь?

— Я получил номер в гостинице.

— А-а-а, — протянула Виле. — Проводи меня. Йонукас не уснет, пока не приду.

— Могу уехать и ночью. Прямо сегодня. Идет автобус.

Виле приостановилась, оглянулась на Тилоса.

— И ты сможешь?..

— Отпусти меня. Гони прочь.

— Завтра. Завтра прогоню. Полдня буду свободна. Ты при-
дешь?

— Куда?

— Видишь деревянный дом на углу? На втором этаже мы живем с тетей и Йонукасом. Только не беги сегодня ночью...

— Разве это так важно для тебя, Виле!

Вместо ответа она зажмурилась и кивнула с улыбкой.

Тилос вдруг почувствовал, что его влечет к девушке. Что он по отношению к ней корыстен и непорядочен. Что все прежние

ощущения и слова отодвинулись, послушно уступая дорогу алчущему зверю, который продирается теперь сквозь заросли, не опасаясь последствий.

До самого дома Виле и он шли молча, изредка соприкасаясь руками и вновь их отводя, а на темном крыльце бросились друг другу в объятия и долго целовались, задыхаясь, торопясь, со стонами радости и отчаяния.

Расстались тоже без слов.

На следующее утро Тилюс проснулся поздно, чувствуя себя как с похмелья, губы запеклись, движения автоматические, куда-то сгинул и мучивший весь вчерашний день вопрос: «А что дальше?» Оделся, сходил на почту и позвонил по междугороднему телефону жене на работу.

— Я в городе из моего сна. Жив, здоров.

— Поздравляю, — чуть выждав, ответила жена. — Может, и хорошо, что разыскал его... Больше не будет сниться, когда вернешься.

— А ты уверена, что вернусь?

— Куда ты денешься? — Смех у жены был какой-то приглушенный, с оттенком скуки. — Деньги кончатся, и вернешься.

— Плевать на деньги... Кто-то говорил, жизнь — подарок, и в этом ее смысл. Самый высокий и самый низменный. А ты как считаешь?

— Ты для меня тоже подарок. Не приведи Господи, если другая женщина...

— И что из этого следует? — придиричиво осведомился Тилюс.

— А-а... Ты хочешь услышать — дескать, соскучилась. Нет, не соскучилась. Чувствую, ты недалеко. Видно, так нужно тебе.

— Только-то?

— Неужели думаешь, мы еще способны измениться? Я выкрасила волосы хной, если тебя интересует.

— Значит, больше ничего не может быть?

— Все может быть. Только вот землетрясений в Литве не случается.

— А не боишься, что исчезну без следа, точно дым?

— Практически это невозможно.

— С работы не звонили?

— Звонили... Не знаю даже, говорить или нет... Твой начальник скончался. Вчера.

Тилюс ясно представил седого человека с беспокойными глазами...

— Еду. Тотчас выезжаю, — пробормотал Тилюс.

— Разве вы были друзьями? — несколько удивилась жена.

Тилюс не ответил и быстро повесил трубку.

Возле Вилиного дома с Тилюсом заговорил веснушчатый мальчуган, старательно ударявший мячом в покосившийся забор.

— Привет. Куда ты идешь?

— Привет. Иду к Виле. А ты ее знаешь? — спросил Тилюс, внимательно глядя в лицо ребенка.

— Я и тебя знаю. Видел на маминых похоронах.

— Так ты — сын Зигмаса? Йонукас? — оторопел Тилюс. — И что ты тут делаешь?

— Живу,— ответил ребенок.— Скажи, у тебя есть деньги? Можешь одолжить?

— Смотря для какого дела.

Мальчик огляделся вокруг, подошел ближе.

— Домой хочу. Отцу без меня плохо. Мне здесь надоело.

— Он сам тебя заберет, когда придет срок. Наверно, еще не время.

— Не заберет! — вдруг выкрикнул ребенок. — Он пьет.

Тилос минуту глядел в наполненные слезами глаза мальчугана, потом покосился на окна второго этажа.

— Цыц, мужичок. Виле что делает?

— Стирает.

Тилос присел возле ребенка на корточки, постучал пальцем по циферблату часов.

— Через час будет автобус на Вильнюс. Пусть Виле соберет твои вещи и приведет тебя на автобусную станцию.

Мальчик помотал головой.

— Сам скажи.

— Лучше, если ты скажешь: Тилос велел. Иначе останемся здесь оба.

В коридоре возле кухни Аугулис схватил Тая за запястье и сказал:

— Ты будешь моей женой.

— Лечиться надо,— отрезала Тая, вырывая руку.— Кот толстопузый.

— Мое дело предупредить. Вот выращу тебя и уведу.

— Куда это ты меня уведешь?

— К себе.

— Жестокое счастье!

— Что же ты предлагаешь?

— Полезай под душ, очухайся.

— Так и знай,— озираясь по сторонам, неулыбчиво произнес Аугулис,— никуда от меня не денешься. Амба.

Лукавая улыбка исчезла с Тайного личика. Она ушла, пожимая плечами, но, как понял Аугулис, подругам не проговорилась.

В тот день он был рассеянным, работал без всякой охоты, а к концу работы написал стихотворение:

*Ты украла солнца желтый свет,
Выкрасила небо в черный цвет,
Нежной ты любви моей не замечаешь
И другому чувства открываешь...*

— Чувствами цыплят не кормят,— только и сказала Тая, возвращая ему листок.— Пожалуйста, не изображай из себя помешанного.

Аугулис и не изображал, он просто потерял всякий интерес к работе. Тая избегала его насколько могла, поняв, что разожгла настоящий пожар в сердце широкобедрого официанта. Едва закончилась практика, Тая окончательно исчезла из поля зрения

Аугулиса, не отвечала на письма, проходила мимо, не замечая, когда свободными вечерами он слонялся возле общежития.

Аугулис начал вести дневник.

«Почему ты не приходишь, почему не звонишь, мотылек мой, боль и радость моя! С ума бы сошел, если бы не эти магнитофонные записи, которые приношу с работы. Мне ничего не нужно, слышишь? Ни денег, ни женщин, ни «мерседеса»! Пусть выгоняют с работы, пусть произойдет катастрофа... Соскучился зверски. Приди же ко мне, чудо мое земное, корова ты неотесанная!..»

Тая ничего не знала про дневник и не показывалась. Тогда в тетради появилась такая запись:

«Ты очень нехорошая девочка, Тая. Никогда на тебе не женюсь, если не переменишься. Ради Бога — стань другой! Ты хладнокровно разгуливаешь по городу с какими-то молокососами, а я сижу взаперти, одинокий и печальный. Сильно похудел, совсем пропал аппетит».

Последняя запись звучала так:

«Ты — моя судьба, Тая. Наступило лето, и жестокие, роковые ветры унесли тебя в Палангу к родителям. Может, море расскажет тебе, как я люблю, Тая! Все бросил, еду следом. Не нужны мне тысячи, не нужен, черт его дери, «мерседес», не нужны женщины всего мира! Мы будем растить наших детей, Тая, ведь это так замечательно! Я буду вынослив, как араб, стану ждать, сколько прикажешь, без воды...

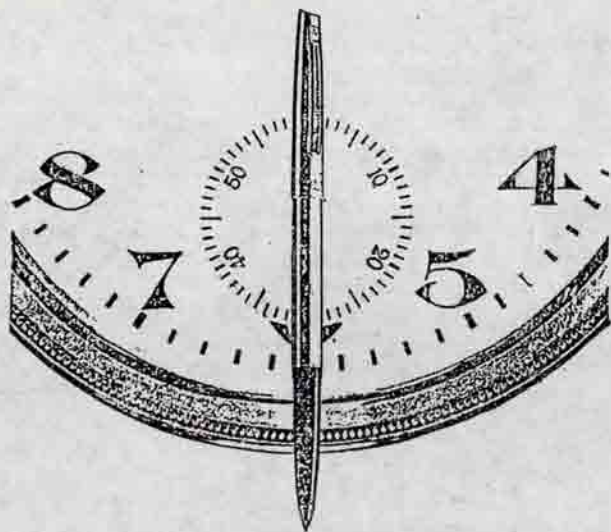
А все остальное — кому какое дело!

Спокойной ночи, мой дневник!»

Все это случится позже, а пока Йонукас, Виле и Тилюс будут стоять под полуденным солнцем на автобусной станции в ожидании рейса на Вильнюс. Твердый, ровный асфальт под ногами — словно выжженная земля, ни растения, ни букашки — в безжалоостном свете будет выглядеть несколько пугающе, и любая малость, упавшая на такую землю, просматривается яснее ясного и даже не отбрасывает тени.

Даже такая малость, как женская слеза...

**Перевод с литовского
НАТАЛИИ ВОРОБЬЕВОЙ.**

ВНИМАНИЮ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

Реклама в «СМЕНЕ» —

ВАШ

ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ УСПЕХ!

Вашу рекламу увидят миллионы в нашей стране и за рубежом. Каждый номер наши читатели не только передают из рук в руки, но и бережно хранят.

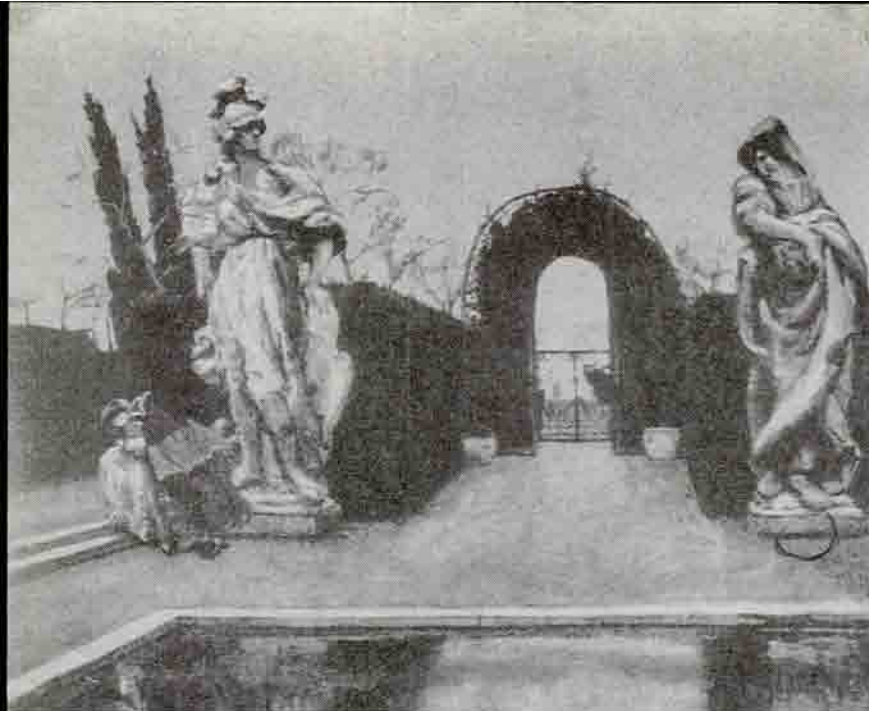
Проиллюстрированная цветными фотографиями, ярко, выразительно оформленная талантливыми художниками,

реклама в «СМЕНЕ»

ВЫГОДНА И НАДЕЖНА.

Об условиях вы можете узнать, написав по адресу:
101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14,
редакция журнала «Смена» — или позвонив по телефону
250-29-39.

Венецианский сад. 1910.

166

Жизнь XX века

" Я ПРОСТО
СЛУЖИТЕЛЬ
АПОЛЛОНА "

ЭЛЬВИРА ПОПОВА

В есною 1896 года Бенуа, Бакст и Сомов отправились в Париж. Там их ожидали Евгений Лансере-младший и молодая художница М. В. Якунчикова. Вскоре к компании присоединился скульптор А. Л. Обер, а затем и соученица К. Сомова по репинской мастерской в Императорской Академии художеств А. П. Остроумова. Нездеями появлялись Дягилев,

А. Нурок, В. Нувель. Русские музыканты и художники прибыли с надеждой что-то почерпнуть у руководителей многочисленных учебных мастерских Парижа. Но Бенуа, окончивший юридический факультет Петербургского университета, отправился в поездку бесцельно. Образование он получил по настоянию отца, не верившего в художественные способности младшего сына. Но какая там юриспруденция! Александра привлекали только изобразительное искусство, архитектура... В Париже он увлекся рисованием, при этом игнорируя самые знаменитые и чтимые мастерские. По выполненным в том году в Париже и Бретани пейзажным работам видно, как быстро и уверенно сформировался самостоятельный художник... В его рисунках — «куски» городской жизни, старинные здания, деревенские улочки, лес, море...

Вместе со всей компанией он бродит по Парижу, его старинным кварталам, посещает Национальную библиотеку, осматривает музеи, дворцы, соборы. Ездит в Севр, Сен-Клу, Шантильи, Шартр. «Иногда, — вспоминает об этих прогулках А. П. Остроумова-Лебедева, — одно его слово открывало целый незнакомый мне мир». Бенуа и сам увлекся Парижем: «Голова у меня идет кругом, я совершенно растерялся... Не знаю, симпатичен ли мне Париж или нет, во всяком

случае, я потрясен и восхищен его красотой, великолепием...» И действительно, он очаровался Парижем до такой степени, что совсем забыл о главной цели поездки. Александр должен был приобрести произведения искусства для богатой коллекционерки К. В. Тенишевой. Которая, кстати, именно поэтому и оплачивала все его расходы.

Особенно потряс художника величавый и гордый Версаль... Художник создает целую серию работ, посвященных королевскому дворцу — памятнику классицизма XVII века. Для того чтобы охватить, почувствовать эту «громадину», Бенуа знакомится с 30-томным «Воспоминанием» герцога Сен-Симона, мемуарами мадам де Севинье, кардинала де Реца, изучает дневники, переписку, стихи, музыку XVII века. Для него были важны и картины, гравюры, шпалеры, рисунки того времени, чтобы добиться «стильности», «настроения истории», того, что в его кружке именовалось специальным термином «эпохисть» (от эпохи. — Э. П.). Художник работал методом, который спустя много лет один из биографов Бенуа назвал «увражно-документальным» (отделанно точным).

Одна из самых ярких работ о Версале — «Замок». Тяжелые, мрачные тучи... Хлещет косой дождь. Вялые лучи света, прорвавшиеся из хлябей небесных, играют на верхних этажах дворца. Двое придворных, в раздираемых ветром плащах, в пудренных париках — мы видим их со спины, — неловко переступают по мокрой дорожке вслед за портшезом короля. Мимо стриженных деревьев, мимо белых мраморных ваз, туда, во дворец...

«Замок» приобрел П. М. Третьяков. В России это считалось официальным признанием художника.

Репин писал Бенуа: «Сегодня я был на Акварельной выставке и вашими работами любовался, как редко уже чем люблюсь теперь... У Вас прелестный талант акварелиста, какая техника! Какая виртуозность и какой благородный стиль! И наивно, и глубоко, и сильно. Я никак не ожидал, что Вы такой прелестный художник».

А вот «Замок» на выставку не был принят. «Воображаю теперь их (жюри.— Э. П.) негодование», — торжествует Бенуа, не без удивления к меценату, купившему вещь явно не в своем вкусе. По этому поводу на вопрос Репина Третьяков ответил: «... бывают иногда странные приобретения, и что еще странно, что я приобрел не по первому впечатлению, а несколько раз видел; такая масса скучных работ, что эта... оригинальностью, может быть, понравилась».

Официальное признание Александра Бенуа состоялось в 1896 году. Он писал акварели, занимался живописью, был театральным живописцем, иллюстратором, тонким критиком, отзывавшимся в печати на все сколь-нибудь значительное в изобразительном искусстве: выставки, новые имена.

Бенуа — сложный и многогранный художник. Всю долгую жизнь его одолевали «муки творчества». Жизненные восприятия, впечатления от произведений искусства, люди, с которыми он сталкивался... Он едва успевал рассказывать обо всем этом в красках, линиях, словах, с необычайной легкостью переходя от пейзажа к критической статье, от книжной иллюстрации к разработке балетного либретто. Может быть, именно поэтому лучшие произведения Бенуа впоследствии оказались связаны с синтетическим искусством театра, где можно было слить воедино фантазию и реальность, литерату-

ру, живопись и архитектуру, музыку и пластику, слово, ритм, свет. Когда его спрашивали, чему он отдает предпочтение, что считает главной профессией, он нерешительно отвечал: «Я просто служитель Аполлона».

Одной из таких «служб» стало создание общества «Мир искусства». К тому времени «передвижничество» в искусстве стало затихать. Ушли из жизни В. Г. Перов, Н. Н. Крамской, Н. Н. Ге, А. К. Саврасов, Н. Я. Ярошенко, И. Н. Шишкин, П. М. Третьяков. И если бы не Репин, Суриков и В. Васнецов — выставки малоодаренных элигонов передвижничества вообще утратили бы интерес. Группа молодых единомышленников поставила перед собою непосильную и нереальную задачу — повернуть развитие русской культуры на другой путь. Новаторы начали с собственных выставок. Организовали выставку русских и финляндских художников, которая прошла успешно, благодаря титаническим усилиям С. П. Дягилева. Бенуа же сделал вывод о своей «бездарности в организации выставок». Но он становился все более активным их участником, так объясняя свое выступление с финнами: «Нами руководили не столько соображения «идейного» порядка, сколько что-то вроде практической необходимости. Целому ряду молодых художников (как и ему самому.— Э. П.) некуда было деваться. Их не принимали на большие выставки — академическую, передвижную и акварельную. Браквалось с особой беспощадностью именно то, в чем сами художники видели наиболее явственное выражение своих исканий... И вот почему Врубель у нас оказался рядом с Бакстом, а Сомов — рядом с Малявиным. К «непризнанным» присоединились и «признанные», которым

было не по себе в утвержденных группах... к нам подошли Левитан, Коровин и, к величайшей нашей радости, Серов... это были последние отпрыски реализма, не лишённого «передвижнической окраски». Но с ними нас связывала ненависть ко всему затхлому, установившемуся, омертвевшему».

Вызов молодых попал в цель: Стасов назвал новаторов «сборищем декадентского хлама» и «оргией беспутства и безумия». Дягилев не напечатал «отповеди», послал ее критику лично...

Помещалась редакция мирискусников в дягилевской квартире. Стильные столы, стулья, диваны были завалены фотографиями, эстампами, книгами как о современных течениях в искусстве, так и об искусстве старинном. Новизна, за которую боролись «обновители», покоилась прежде всего на возрождении культурных традиций XVIII — начала XIX века. К ним обращались за поддержкой, на них опирались. Но тогда, кроме них самих, никто не хотел да и не сумел увидеть этого.

Бенуа оттачивал творческое критическое оружие мирискусников. Недаром (пусть преувеличивая) его назвали «соперником Стасова». В нем видели оружие мирискусников и... «восходящую звезду».

Бенуа оправдал надежды. И даже с лихвой. Задуманное обществом постепенно осуществлялось. Бенуа приложил много сил во имя «приобщения русской культуры» к «общемировой» и сделал этот лозунг одним из главных во всей творческой деятельности «Мира искусства».

Выставка 1906 года в десяти залах «Осеннего салона» в Париже стала триумфом. Картины были развешаны на тонированном фоне, а залы украшены предметами художественной промышлен-

ности и скульптурой. Именно это изысканное оформление, осуществленное Бакстом при участии Бенуа, особенно выделяла критика. Такое художественное оформление выставок вообще было законом для мирискуснических экспозиций.

Работа над выставками отнимала у Бенуа много времени и сил. Уставая, он менял занятие. Целиком погружившись в творчество, он возвращался к своему «бегству» «из реальной деревни в фантастические Версали, в золотые сны», в «утонченные наслаждения». Бенуа словно пытался забыть в искусстве, уйти от «пошлой так часто действительности».

Пока Бенуа наслаждался творчеством, в России произошла первая революция, от которой он, собственно, и убежал. Серов написал ему колкое, устыжающее письмо: «Ты едешь? Надолго? Это пренеприятно... Ах ты эмигрант... не хочешь с нами кашу есть. Пожалуй, не без удовольствия будешь за утренним кофе пробегать извещения из России... да, издали оно совсем великолепно». В Европу полетят и другие письма друзей, зовущих его домой. Но он непреклонен, он едет в Испанию!

Пребывая за границей, Бенуа принимает к сердцу настроения друзей, сочувствует событиям на родине. Статья «Голос художника» в журнале «Русь», подписанная Бенуа, Добужинским, Сомовым и Лансером, звала: «установить связь и взаимопонимание между художником и уже не обществом, а народом». Бенуа выступает против «самоценности» искусства, пропагандистом которой был столько лет. Он зовет «устремитесь вон из душного «эстетства» и из социальных проблем». Теперь, когда колыхнулся народ, его не пугает, что «в большом искусстве».

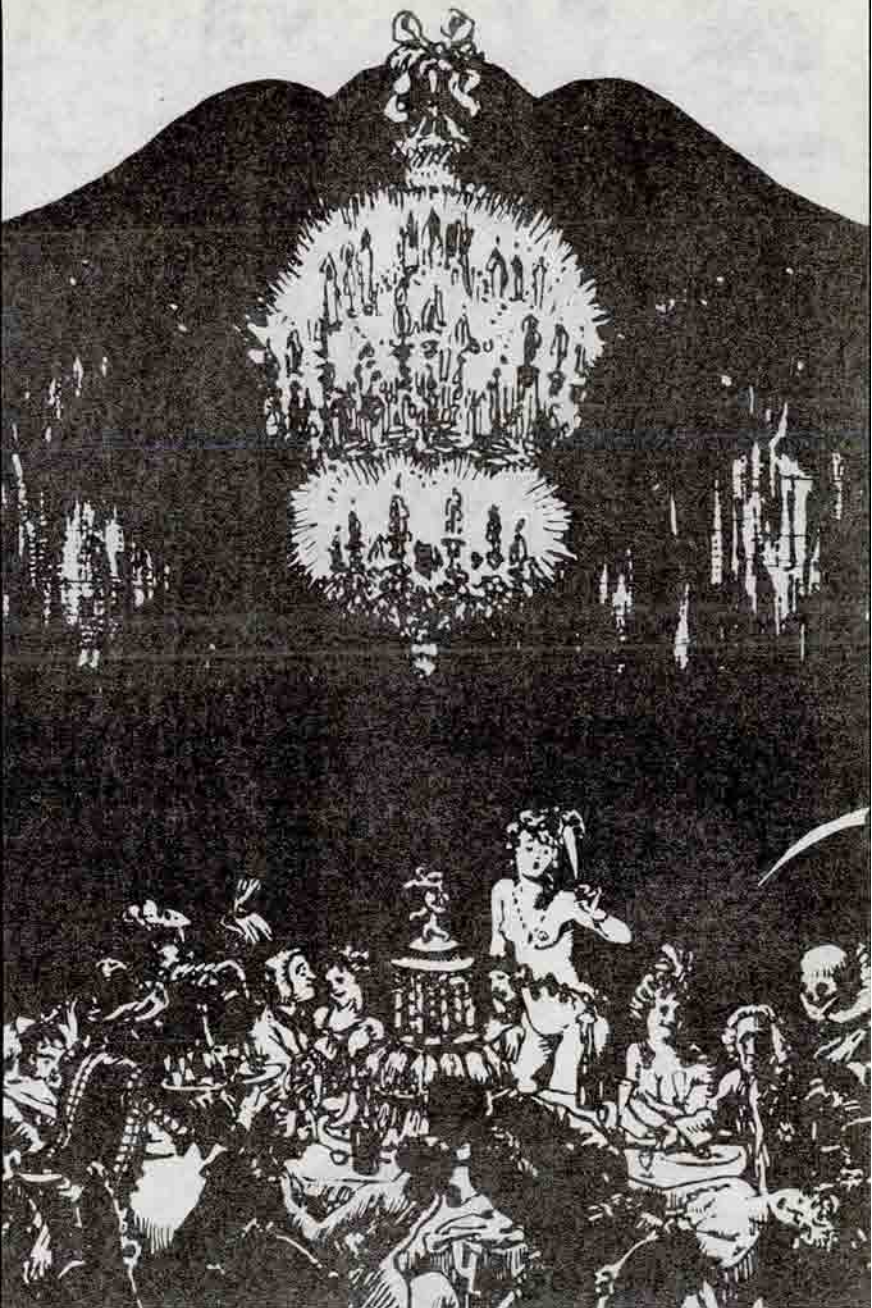

Театр. Иллюстрация из
«Азбуки в картинках», 1904.

Игрушки. 1904.

Предупреждение. Рисунок из серии «Смерть». 1907.

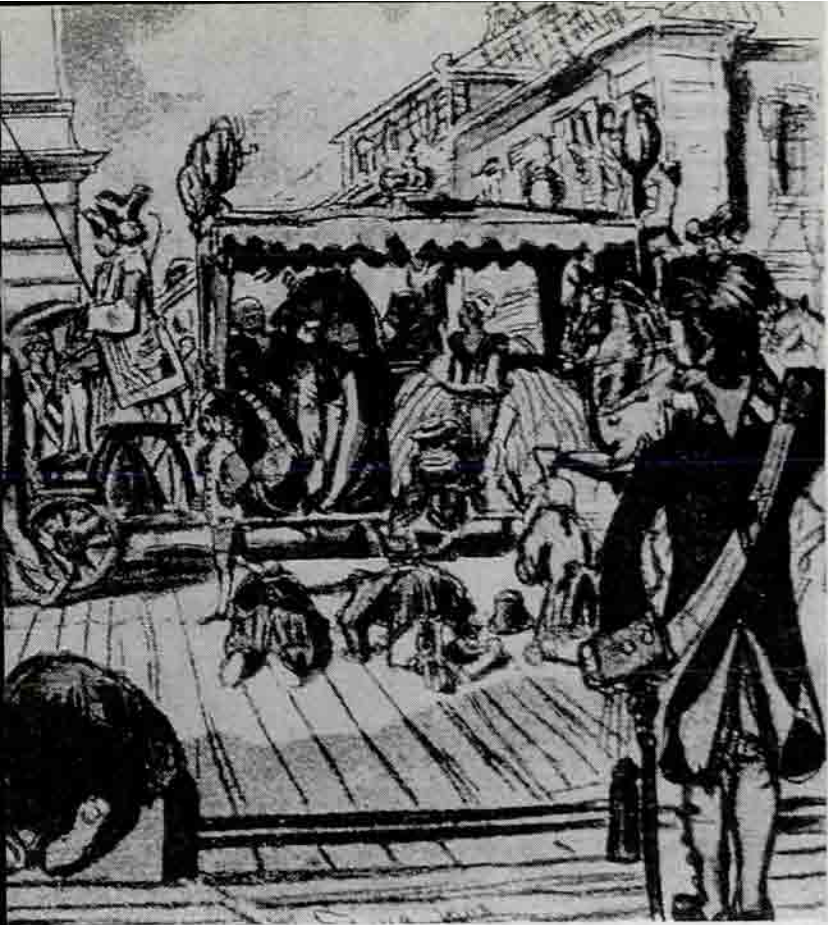

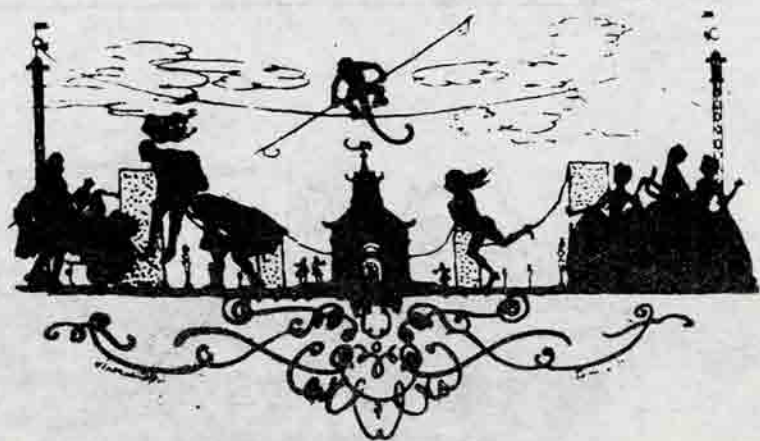
Елизавета Петровна изволит прогуливаться по улицам Петербурга. 1903.

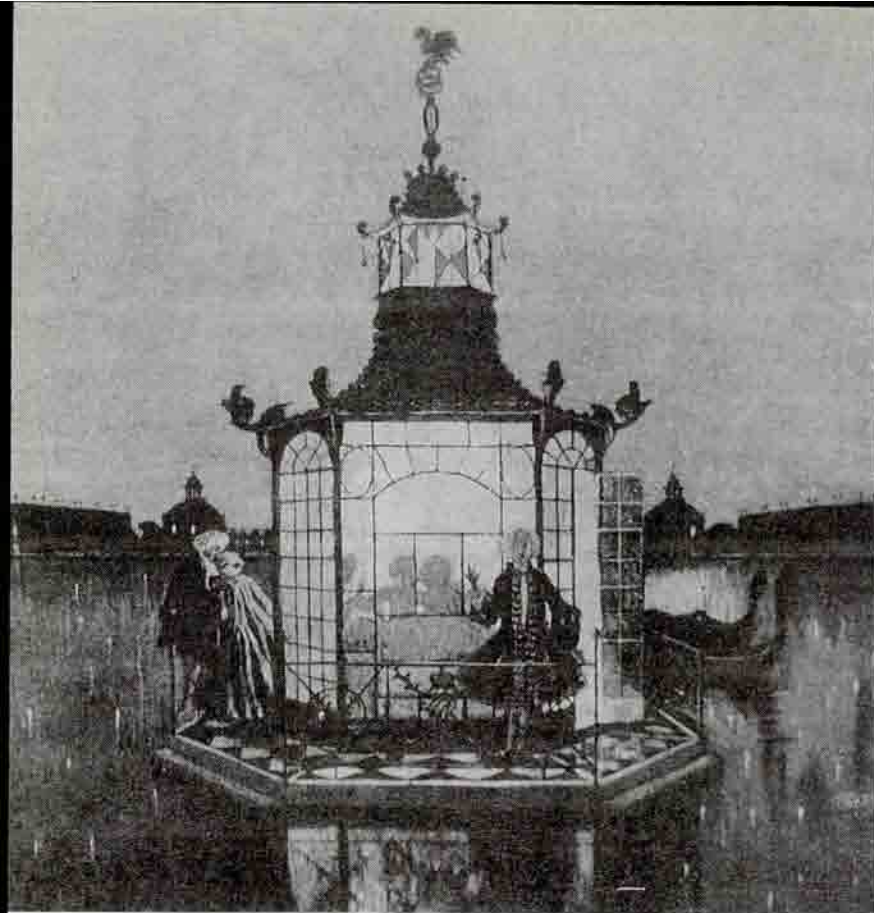

Город в XVIII столетии. 1906.

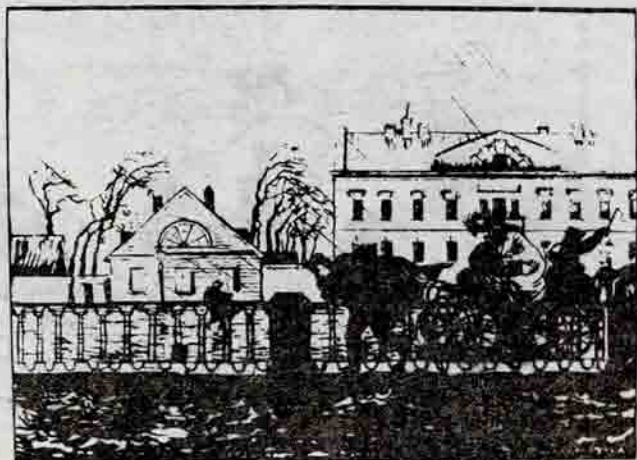

Арлекинада. 1902.

Китайский павильон. Ревнивец. 1906.

-Дышал ноябрь осенним хладом-. Эскиз иллюстрации к «Медному всаднику» А. С. Пушкина.

льера. Эскиз костюма Журдена. 1923.

«Минный больной» Ж. Б. Мольера.
Эскиз костюма Аргана — К. С. Стани-
славского. 1912.

«Слуга двух господ» К. Гольдони. Эскиз костюма Труффальдино — И. Ф. Мона-
хова. 1920.

которому нужны гигантские стены, огромные площади, дворцы, храмы, театры, улицы, ратуши, вокзалы, «красоте не будет доставать интимной прелести», что ей будет «присущ холодок». Но... «Разве этот холод портит лицо Рима, Версаля, Петербурга?!»

Его снова зовут в Россию. Бенуа сомневается, отвечает нерешительно и уклончиво. Ведь у него болен сын! А это такая причина... И все же душевного равновесия нет. Художник охвачен тревогой, беспокойством. Как отдаленное предчувствие, что грядет катастрофа, которая сметет всех эстетов, властителей вкуса, знатоков красоты и изысков стиля.

Умеющий себя беречь Бенуа проживет долго...

Певуче-изысканный Блок умрет от черной меланхолии, когда катастрофа грянет... «Умер вчера сероглазый король... Слава тебе безысходная боль». Этой ахматовской боли Бенуа, наверное, не испытал ни разу в жизни... Он будет всегда защищен уходом в искусство, умением окружать себя верными друзьями и единомышленниками и расставаться с ними... ибо тревога, терзающая всех, его должна обойти!

Бенуа облюбовал Версальский парк. Тысяча и один этюд Версальского парка, и все прелестно сделаны.

Но сколько же можно? Публика начинает зевать. Пессимизм одолевает Бенуа. Милое его сердцу рококо переходит от сладостной сентиментальности к мистике, от безмятежного наслаждения миром к мысли о преходящей сущности всего земного, о распаде, смерти. В его творчество вторгаются неверие, боязнь черной судьбы. Он создает серию «Смерть». И это веселый, улыбочивый, необычайно ласковый с друзьями человек? С поспешностью возвращается Бе-

нуа туда, где ждет его творческая радость: постановка с Фокиным сочиненного им балета «Павильон Армиды». Он делает «Павильон» совсем не так, как мыслил Фокин. В тщательно продуманных акварелях была отработана каждая деталь. Эскизы костюмов близки стилю декораторов XVIII века, порою выглядят вариантами сценических костюмов Луи Боке. Картины и гравюра первой половины XVIII века приспособлены и подчинены требованиям танца: костюмы выдержаны в эффектно-театральном духе. Как и сценическая бутафория, они прорисованы, подчеркнуты сильным контуром тушью. Невиданным было стремление к художественной цельности спектакля, когда нет второстепенных деталей, каждая мелочь участвует в создании единого образа.

Фокин потрясен и восхищен «его изумительной любовью к искусству... его удивительным вкусом и пониманием самой ничтожной детали». Для Бенуа все важно в создаваемой картине. Цвет какого-нибудь позумента, галуна на костюме статиста, которого и в бинокль не найдешь на сцене, он сосредоточенно продумывал, выбирал, чтобы галун блестел, но блестел не слишком, без «дешевого» блеска. «Александр Николаевич сразу представился мне исключительно театральным художником. Все краски, все линии у него непременно имели прямое отношение к задуманному сценическому моменту. Костюмы, декорации, освещение — все имело у него задачу выразить содержание пьесы. Как сюжет балета, как и тема каждого танца в этой нашей работе выходили из его головы».

В ходе репетиций Фокин и Бенуа стремились создать балет драматический — сочетающий танец и пантомиму. Они хотели возро-

дить блеск, пышность и значительность старинных балетов. Все делалось так, как полагалось по традиции. Оживающий гобелен: Сатурн выпускает гениев часов, и минувшее становится настоящим. Как характерна для всеведущего Бенуа игра со временем — когда прошлое, давно умершее, оказывается живым и прекрасным.

В статье «Беседа о балете» Бенуа протестует против балета, предназначенного для вельмож (в России), или взгляда на него как на публичную выставку красивых и продажных женщин (на Западе), требует изъятия артистов из ведения дирекции императорских театров. Он выступает против традиционной балетной униформы, делающей из балерины «акробатическую вертушку». Бенуа — за создание оригинальных декораций к каждому спектаклю, за развитие техники сцены: художник должен иметь возможность показать и ширь степей, и морские просторы, и настоящую небесную даль...

Балет не входил в круг деловых и художественных интересов Дягилева. Тот был в стороне от балета вообще и от нового в частности. Но Бенуа уговорил друга. Он мог сделать все, когда идея овладевала им, разжигала его творческий огонь.

В мае 1909 года на улицах Парижа прохожие увидели синевато-серый лист с рисунком легкой порхающей балерины. Благородной простотой эта первая афиша русского балета, — созданная Серовым и изображавшая лучшую русскую балерину тех лет, резко выделялась среди крикливых плакатов и пошлых реклам. Группа состояла из мастеров Мариинского театра: Павловой, Красавина, Нижинского, Гердта. Дирижерами пригласили Черепнина (автора музыки к «Павильону») и Купера. Руководителем труппы стал балет-

мейстер Фокин. Многочасовые репетиции шли при общем энтузиазме. «Каждый участник чувствовал, что он выносит перед лицом мира лучшее, что есть русского, самую свою большую гордость... русскую духовную культуру, после того, как посрамлена и втоптана в кровь и грязь вся русская действительность», — писал Александр Бенуа. Русские рабочие и механики переоборудовали сцену театра Шатле (позже труппа переселилась в «Гранд опера»), место для оркестра увеличили вдвое.

«Первый русский сезон» открывался «Павильоном Армиды», либреттистом, художником, декоратором спектакля был Бенуа. Так началось — по выражению одного французского критика, «букетом красок, брошенным, как крик, в напряженную атмосферу» — триумфальное шествие русского балета по сценам мира. В 1911 году на сцене Шатле прошла премьера «Петрушки», созданного Стравинским и Бенуа. Бенуа вспоминал: «Петрушка» не менее, нежели «Арлекин», был моим другом с самого детства. Если, бывало, я слышу заливающиеся гнусавые крики странствующего петрушечника: «Вот Петрушка пришел! Собирайтесь, добрые люди, посмотреть-поглядеть на представление!» — то со мною делался род припадка от нетерпения увидеть столь насладительное зрелище... Таким образом, что касалось личности самого Петрушки, то я сразу почувствовал своего рода «долг старой дружбы» его увековечить на настоящей сцене. Но еще более меня соблазняла идея изобразить на сцене «Масленицу», милые балаганы, эту великую утеху моего детства, бывшую еще и утехой моего отца...» Когда же Бенуа услышал «Крик Петрушки» и «Русскую пляску» Стравин-

ского, он был окончательно покорен «колдовской музыкой», в которой разгульное веселье перемежалось с нежной печалью, где звучали горе, отчаяние и любовь...

Декорационные эскизы Бенуа к «Петрушке» откровенно театральные — и по композиции, и по настроению. Слить, спаять декорации с действием, сюжетом, музыкой — такова цель, и она блистательно достигается. Бенуа всегда умел подчинить свои замыслы и стремления специфике сцены. «В театре главное: мысль драматурга, которая должна выразиться в разительно конкретной форме. Тем же, кому не интересно это главное, кто на сцене собирается писать самостоятельные картины, тому нет места в театре — будь это сам Рембрандт, Веласкес или Милле».

В это же время Бенуа увлекся искусством России: фольклором, сказками, лубками, народной игрушкой. Он писал о них статьи и книги, а теперь с гордостью вывел веселую русскую толпу на сцену парижского театра.

Но что-то вдруг дрогнуло. Бенуа «остыл» к балету, хотя с успехом прошел его «Соловей» с китайскими «аллюзиями». Произошло это, когда, по его мнению, пропаганда родного искусства обернулась банальным предпринимательством. «Сделано главное, — писал Бенуа, — Россия (и разудалая светлая и святая Русь с балаганами, каруселями, баранками, румяной толпой) выдвигается теперь на одно из первых мест, давая Европе блестящие примеры для подражания».

Спектакли шли с успехом, но это уже было повторение.

В 1911 году Бенуа заявил: «Я целиком отдаю себя Художественному театру». Но... работа во МХАТе длилась недолго. «Существует обычай, заставляющий

полководца, по плану которого велось сражение, подать в отставку в случае проигрыша битвы. Это случилось с баталиями Пушкинского спектакля и в Москве, и в Петербурге. Я ответственный полководец, и я считаю своим долгом подать в отставку».

Художник еще не знает, сколько театральных баталий ему предстоит одолеть. Ну что ж, ему есть куда отступить, чему «отдаться всецело». Живопись. Он пишет по заказу Щусева эскиз панно для Казанского вокзала, пейзажи Крыма, русские исторические картины «В немецкой слободе», «Выход Екатерины II в Царскосельском дворце», «Петр I на прогулке в Летнем саду», «Суворовский лагерь»... Все вещи датированы годами парижских сезонов-триумфов. Но лучшим «художественным отдыхом» для Бенуа было общение с природой. Вот одно из поздних писем к сыну, театральному живописцу: «Ужасно важно почаще вырываться из атмосферы театра — на вольный воздух! (Вспомним, как тащил туда Александр Николаевич любившего зарыться в мастерской К. Сомова. — Э.П.) Художник, выбравшийся из плена театра на свободу, не для того должен работать с натуры или «на натуру», чтобы запастись всякими мотивами, могущими затем пригодиться в декорациях или эффектах освещения, а должен использовать свою свободу для общего своего, но непременно духовного, а не физического оздоровления. Надо уметь на время совершенно забывать о театре. Надо приучить себя (по системе йогов, что ли) каждую свободную минуту употреблять на такое целительное забвение! Ведь когда работаешь на натуре, ты вкушаешь эту радость... в таком пребывании с глазу на глаз с природой душа художника расцветает, у него рождаются

все новые и новые планы, задачи, и именно из всего этого и создается подлинное искусство!..»

Одной из тем Бенуа был Петербург. Впервые он исполнил иллюстрации к поэме «Медный всадник» в 1903 году. Главной иллюстрацией стал «диалог» между безумным Евгением и машиной Петра I на вздыбленном коне. Белинский считал, что настоящим героем иллюстраций Бенуа стал Петербург. «Хотелось бы,— пишет он еще в юности,— чтобы художники полюбили Петербург и, осветив, выдвинув его красоту, тем самым спасли его от гибели, остановили варварское искажение его, оградили бы его красоту от посягательств грубых невежд... Петербург — удивительный город, имеющий себе мало подобных по красоте».

Во второй раз Бенуа работает над пушкинской поэмой в Париже во время своего «бегства». И в третий раз иллюстрирует «Медного всадника» в 1916—1922 годах. «Знаешь, какой *oeuvre* (труд.— фр.) самый значительный до сих пор в твоей артистической жизни? — пишет Бакст из Парижа другу.— Не колеблясь ни на секунду, могу сказать — «Медный всадник». Все, что ты делал до него и после него, несоизмеримо ниже по достоинству. Прости резкую правду. Я считаю цикл «Медного всадника» настоящим перлом в русском искусстве, во-первых, потому, что это именно твое, что это ярко сказано и, главное, любовно сказано... Здесь такая, сказал бы я, бешеная влюбленность в «Петра творенье», здесь действительно «реки державное теченье» и «скука, холод и гранит», и «Медный всадник» останется в русском искусстве как образец любовного, художественного изображения родины».

Как-то в юности, просматривая проспект будущей книги мюнхенского профессора Рихарда Мутера «История живописи в XIX веке», Бенуа увидел, что в ней нет раздела живописи России, и предложил автору свои услуги. Когда в 1894 году подписчики получили из Мюнхена третий том книги Мутера, они с удивлением обнаружили в нем очерк о русской живописи: обычно зарубежные ученые не замечали на художественной карте мира ни Петербурга, ни Москвы. Теперь глава «Россия» стояла после «Норвегии» и перед «Американской». Имя соавтора Мутера, набранное мелким шрифтом под названием 43-й главы, знали немногие. Даже близкие друзья не сразу поверили, что очерк написан им, Александром Бенуа. Успех был шумным. Журналы «Артист» и «Русский художественный архив» напечатали русский перевод очерка.

В 1901 году вышла книга «Русская живопись в XIX веке». Здесь отстаивался от нападок Врубель, аргументированно защищался Сомов, анализировалось творчество забытых Брюллова, Бруни, Федотова. Общество поощрения художеств выпустило редактируемые Александром Бенуа статьи об искусстве. С появления «Мутера» все стали просить статей, очерков, редактуры, экспертизы. Известный издатель Гржебин писал: «Ваша судьба уж такова: в России, что бы ни задумалось, что бы ни рождалось, так или иначе относящееся к искусству, без Вашего участия — участия деятельного — не обойтись». Наконец он издает три тома «Истории русского искусства XVIII — начала XIX века».

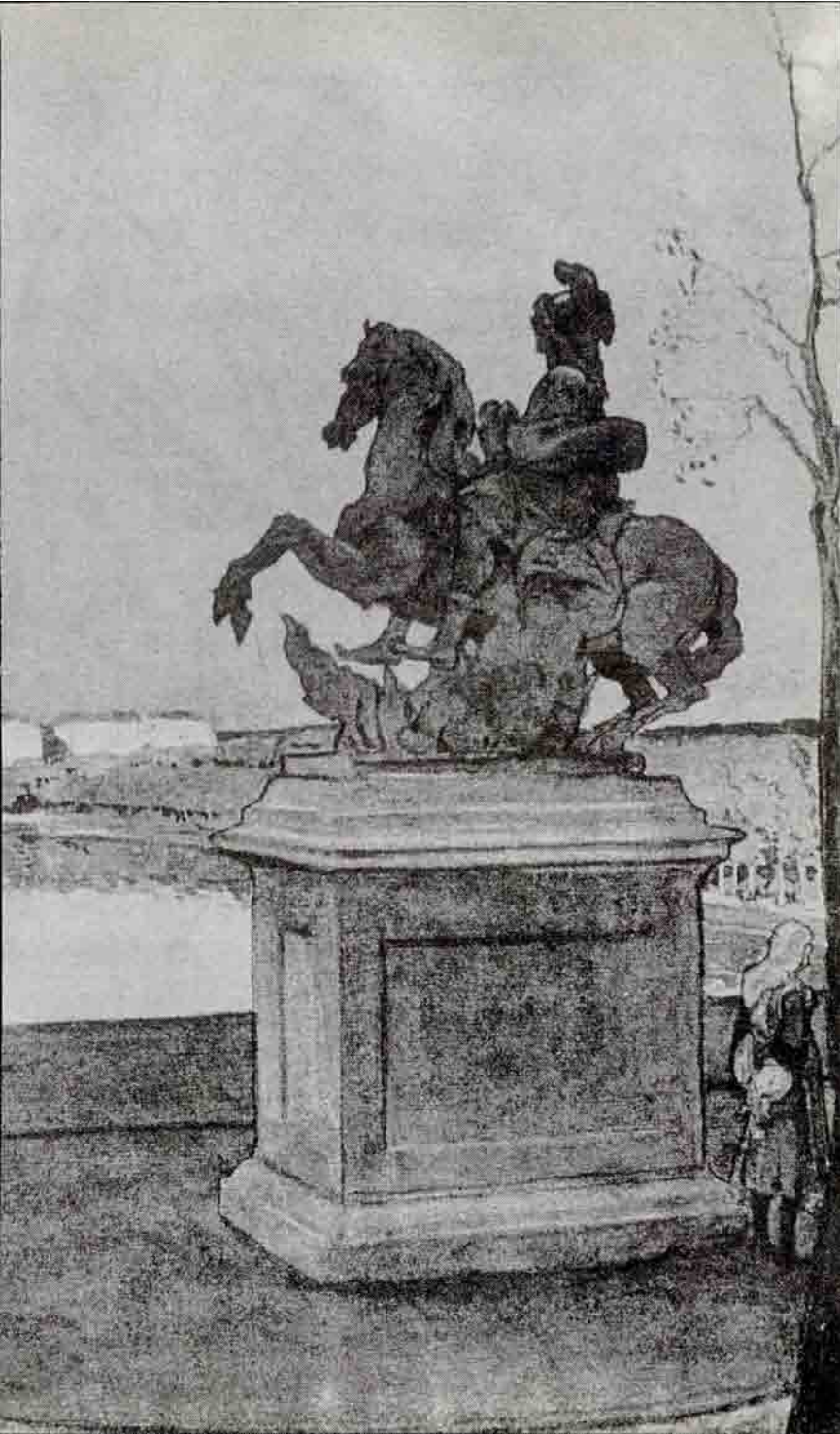
Но вскоре труд станет почти запретным.

В России произошла революция. Художнику «новизна» его не терроризировали, но «уплотняли», не

У Курция (серия «Последние прогулки Людовика XIV»). 1897.

М. Добужинский. 1911.

«На берегу пустынных волн». Эскиз иллюстрации к «Медному всаднику» А. С. Пушкина.

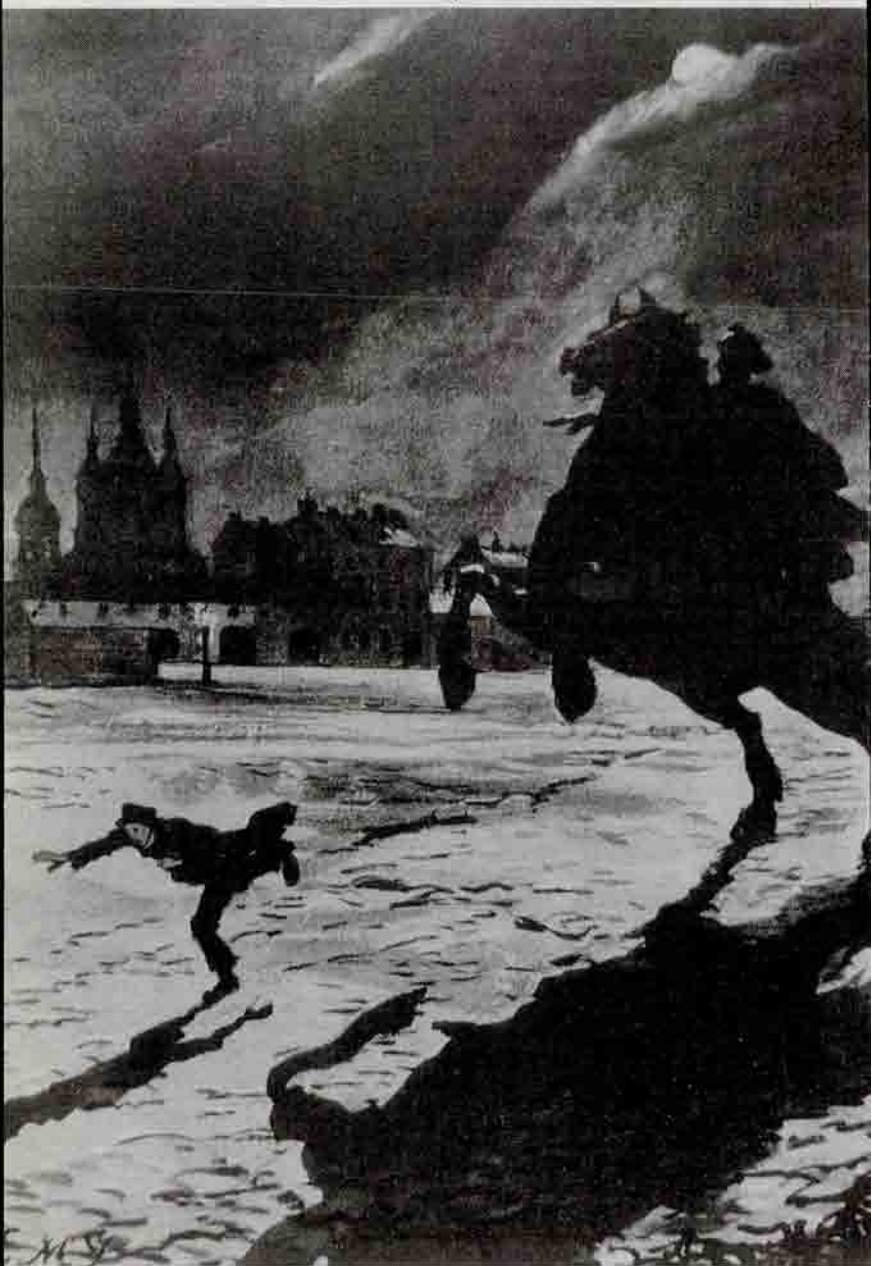

-Гробы с размытого кладбища плывут по улицам-. Иллюстрация к «Медному всаднику» А. С. Пушкина. 1916.

На прогулке (М. Равель, Н. И. Павловская, жена, дочь и сын художника). 1914.

-За ним повсюду всадник Медный...». Вариант фронтисписа к «Медному всаднику» А. С. Пушкина. 1905.

грабили... Более того, сразу после Октября он работал в Комиссии по сохранению сокровищ искусства и культуры. Художник шел на встречу революции. В одном из изданий есть строчки: «26 октября, — докладывают Военно-революционному комитету большевистские комиссары, — мы обратились к А. Бенуа, вместе с которым выработали план действий по ограждению художественных сокровищ. Первым делом мы отправились в Эрмитаж и Зимний дворец».

Александр Николаевич сделал огромное количество новых атрибуций, датировок, оценок, как заведующий самым крупным музеем — Картинной галереей. Кроме этой работы, А. Бенуа увлекся театром. В 1919-м в Мариинском возобновлен «Павильон Армиды», через год — «Пиковая дама». Бенуа впервые становится постановщиком и декоратором...

Все идет прекрасно. Бенуа наезжает в служебные командировки в Европу и сразу же рвется назад, домой, «на службу». «Я хочу, я рвусь работать на родине!» Но атмосфера постепенно меняется. Появились материальные и бытовые трудности. Все его ближайшие товарищи — в эмиграции. В Италии работает сын — театральный живописец. Александр Николаевичу настойчиво предлагает работу известная танцовщица Ида Рубинштейн, которая возглавляет пользующуюся в Париже успехом антрепризу. А дома «Мир искусства» терпит окончательный крах. Рукопись Бенуа «Возникновение «Мира искусства», изданная в 1928 году, словно венок, возложенный художником на могилу своего изысканного и так много изменившего в русском искусстве детища... Не без горечи он признает, что остался в Ленинграде единственным изо всей некогда

дружной компании. И тут удар следует за ударом: художественная критика стала считать его отщепенцем отжившей культуры, мертвым музейным экспонатом. И ему не по силам бороться с «левыми», сбрасывающими его с «корабля истории». Провал «Женитьбы Фигаро» в Большом драматическом театре доконал художника... И Бенуа почувствовал, что все новое, происходящее в стране, не для него. Он даже стал ощущать опасность в самом дорогом ему городе, приобретаем новое имя. Бенуа принял решение — эмигрировать.

Началась вторая половина жизни, которую художник проживет в постоянном сравнении с былым. Много в театрах мира (Лондоне, Нью-Йорке, Вене, Копенгагене, Париже) он делает с вариациями сделанного когда-то на родине. Оформляет «Давида» А. Соге, «Очарования Альсины» Ж. Орика, «Психею» Ц. Франка, музыкальные драмы Артура Онеггера «Амфион», «Императрица скал», «Семирамида».

Оформляет много новых сложных и красочных спектаклей. Бенуа работает в «Гранд опера» и выглядит там отъявленным традиционалистом. Еще бы! Ведь он без конца во всех письмах, дневниках клянет абстрактное искусство. Бенуа не перестает удивляться слепоте людей, исповедующих эту странную веру, он не может говорить спокойно, его поражает, как в Париже «прекрасное и чудесное» продолжает уживаться с черт знает чем, и вот за последние пять-шесть лет — с юродством и шарлатанством этого направления, что получило кличку абстрактного искусства».

Мастер стремится возродить на современной сцене «Большой балетный спектакль XVIII века», создает пышные архитектурные де-

„СТРОЯТСЯ ПЕТЬ

В КЛУБ

«Бони М»... Без преувеличения можно сказать, что эта группа белых чернокожих певцов была необычайно популярна в конце 70-х. В Москве до сих пор помнят их выступления, превращавшиеся в грандиозные шоу. Несколько экстрагированная сценическая манера поведения, экстравагантные костюмы, яркий грим и то, что певцы были из далекой экзотической Ямайки, — все это обеспечивало успех исполнителям. Мировая пресса бурно отреагировала на гастроли ансамбля в Москве, а ставшие хитами песни «Санни», «Дэдди Кул», «Ай лав ю» гремели у нас на дискотеках, в клубах и ресторанах.

За прошедшее десятилетие появились новые группы, новые кумиры, и «Бони М» постепенно забылись. Они почти перестали гастролировать, предпочитая концертам работу в студиях звукозаписи.

И вот сенсация — «Бони М» снова у нас, но уже в обновленном составе: Кэрол Грэй, Петриша Фостер и танцор Кэрт Дидаран. И лишь певица Лиз Митчелл по-прежнему остается солисткой ансамбля.

Нашему корреспонденту удалось встретиться с Лиз Митчелл только в самолете, уже после окончания гастролей.

Лиз дремала в кресле у иллюминатора, но Томас Пембертон — менеджер группы и муж певицы — разбудил ее. Лиз встрепенулась и засмеялась, желая, видимо, показать, что она в полном порядке и готова отвечать на вопросы.

— С чего началось для вас увлечение музыкой? Кто были ваши любимые певцы и певицы?

— В детстве мне нравились Даяна Росс и еще певицы, чьи пластинки выпускала фирма «Моттаун». Тогда я училась в школе,

ЛИЗ МИТЧЕЛЛ:

ВОСМЬ...

и они вдохновили меня. Также увлекалась английской поп-музыкой — группами «Уокер Бразерз», «Лулу». А когда была совсем маленькой и жила на Ямайке, то любила слушать Десмонда Деккера и Принса Бостона. Они исполняли «блюз-бит» и «рок-стеди». Мне тогда было всего лет пять, но их музыку помню до сих пор. В общем, меня всегда вдохновляли три музыкальных направления: «реггей», «блюз-бит» и «мотаун-вский соул».

— Вы знакомы с Джоном Фогерти?

— Да-да-да! А почему вы спрашиваете?

— Из-за песни «Have You Ever Seen The Rain?», которую вы исполняли.

— Джон работает в стиле, объединяющем «поп», «соул» и «кантри». Хотя подобный синтез не вдохновлял меня, мы все же выбрали одну из его песен для нашей пластинки.

— Вы любите петь дома, в кругу семьи?

— Я стесняюсь петь дома. Даже не могу объяснить почему. Очень редко пою с детьми, а вот одна петь дома не могу. Чувствую себя неуверенно, вдруг соседи подумают: «Она певица и воображает»... А я не хочу, чтобы обо мне так думали...

— Ваши дети поют?

— У меня два сына и дочь, и они любят петь. Но не знаю, станут ли они певцами... Сейчас они учатся, главное — получить хорошее образование, а потом будет видно, чем заняться.

— У вас есть сестры, братья?

— У моих родителей было шестеро детей: две дочери, три сына и я.

— Ваш самый любимый альбом «Бони М»?

— Трудно ответить... «Бунуну-нус» — один из лучших альбомов. Пожалуй, он спродюсирован удачнее других. Хотя в альбоме «Венера» (имеется в виду альбом «Ночной полет к Венере». — А. З.) есть несколько сильных песен. В то же время самый первый альбом, на котором записаны «Санни» и «Дэдди Кул», очень много значит для меня.

— Некоторые музыканты, отвечая на подобные вопросы, говорят, что самым лучшим будет их следующий альбом.

— Каждый музыкант надеется и верит в это. Я тоже оптимистка и надеюсь, что мне еще удастся записать свой лучший альбом. Может, так и произойдет. Посмотрим.

— В СССР было выпущено два альбома «Бони М». Но вот в «Ночном полете к Венере» отсутствует одна известная песня...

— «Распутин»? Да? Когда мы приезжали к вам в 1979 году, эта песня была тогда нашим большим хитом, но мы не исполняли ее на концерте... Помню, в ресторане и в баре гостиницы, где мы жили, музыканты играли «Распутина» для нас. И мы тогда поняли, что все знают ее. Но у вас тогда было другое время, я это заметила по реакции публики на концертах. Люди не могли реагировать так, как теперь: почти не хлопали в ладоши и не подпевали нам.

— За эти годы многое изменилось. В «Бони М» тоже произошли перемены. Расскажите, пожалуйста, о новых участниках вашей группы.

— Кэрл Грэй — на сцене, наверное, лет десять. Раньше работала в одной реггей-группе. Пэтриша Фостер пела в церковном хоре. Кёрт Дидаран не был профессиональным танцором до того, как присоединился к нам. Теперь, спу-

стя три года, которые мы работаем вместе, стал настоящим профессионалом.

— Знаете ли вы что-нибудь о бывших участниках группы «Бони М»?

— Я не контактирую с ними. Некогда. Но слышала, они заняты сольной карьерой, очень много работают.

— Когда вы собираетесь выпустить очередную пластинку?

— Надеюсь, это скоро произойдет. Пока, правда, еще не решили, как она будет называться. Вот когда будет готов абсолютно весь материал и я буду уверена, что он

войдет на пластинку, тогда будет и название. Сейчас у меня есть четыре новые песни, которые годятся для альбома. Вообще у нас много новых песен, но только в этих я уверена. Они — то, что надо!

Лиз Митчелл написала: «Читателям журнала «Смена». Посылаю свою любовь и надеюсь, что вы с удовольствием читаете «Смену». С наилучшими пожеланиями. Лиз Митчелл. «Бони М».

Алексей ЗАЙКИН
Фото автора

ВКС
с 1990 года

РАБОТА и УЧЕБА ЗА РУБЕЖОМ!

Заказывайте **БЕСПЛАТНУЮ**
информацию по адресу:

**115409, Москва,
Каширское 54/1,
фирма ВКС.**

(095) 326-11-16, 326-19-95,
326-38-79, 328-13-78,
329-53-84, 329-54-57.
учеба: (095) 324-32-59.

**1000 РЕАЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ!**

ЭЛЕН МАККЛОЙ

Рисунки ЛЬВА РАММИНА

УДАР
УДАР ИЗ

ЗА ЗЕРКАЛА

*Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил,
По-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал;
А как стал мужем, то оставил младенческое.
Теперь мы видим как бы сквозь ТУСКЛОЕ стекло,
Гадательно, тогда же лицом к лицу;
Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю,
Подобно как я познал.*

Первое Послание к Коринфянам
Святого Апостола Павла (13:11, 12)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Миссис Лайтфут стояла у окна, выходящего на заправку.

— Садитесь, мисс Крайль, боюсь, я должна сообщить плохие новости.

Обычно благожелательное выражение лица Фостины исчезло, в глазах ее мелькнуло беспокойство.

— Слушаю вас, миссис Лайтфут, — низким голосом сказала она. Фостина была довольно высокого роста, а миниатюрные запястья и лодыжки, узкие руки и ноги свидетельствовали о хрупкости тела. Все в ней говорило о мягкости и доброжелательстве — продолговатое, бледное, сосредоточенное лицо овальной формы, расплывчато очерченные, чуть близорукие голубые глаза, гладкие волосы без украшений со светло-коричневой опушкой, которая при малейшем движении головы образовывала над нею золотистый нимб.

Она полностью владела собой и, пройдя по кабинету, опустилась в кресло напротив директрисы.

Миссис Лайтфут тоже не приходилось занимать самообладания. Ее полное лицо выражало непоколебимую твердость, а дерзко выдвинутая нижняя губа, большие круглые глаза, сверкающие из-под белесых ресниц, напоминали королеву Викторию.

— Откровенно говоря, — продолжила миссис Лайтфут, — я вынуждена вас просить покинуть школу Бреретон. Шестимесячное жалованье, разумеется, будет выплачено целиком. Это оговорено в контракте. Но вам придется уехать немедленно. Самое позднее — завтра!

— Как?! В середине полугодия? Это неслыханно, миссис Лайтфут!

— Мне очень жаль, но вам все же придется уехать.

Журнальный вариант.

Элен Макклой (Уоррле Кварксон) родилась в 1904 году в Нью-Йорке. Под воздействием своего супруга, знаменитого автора детективных романов Девиса Дрессера, она сама начала писать детективы. Среди ее романов: «Увы, Базиль Уильям», «Загадка для убийства», «Смертоносная тоска», «Рынок для эльфов», «Паника» и другие. Элен Макклой — лауреат нескольких литературных премий. Всего ею написано 30 романов в жанре психологического детектива. Писательница умерла в 1975 году.

— Почему?

— Этого я сказать не могу.

— А мне казалось, что здесь у меня все будет хорошо.— Фостина осеклась и умолкла.— Что же я натворила?

— Ничего такого, в чем можно было бы обвинить вас непосредственно.— Миссис Лайтфут вновь вскинула на нее свои бесцветные глаза.— Ну, скажем, вы не соответствуете общему духу, царящему в Бреретоне!

— Боюсь, что вынуждена просить вас объяснить все несколько подробней,— осмелилась возразить Фостина.— Должна быть какая-то достаточно определенная, веская причина, если вы требуете моего немедленного отъезда в разгар учебного года. Имеет ли ваше решение какое-то отношение к моему характеру? Или оно касается моих способностей, квалификации?

— Ни то, ни другое не вызывает никаких претензий. Просто... просто вы не вписываетесь в привычную картину Бреретона. Но это не должно вас расстраивать. Может, в другой школе вы придетесь ко двору и будете счастливы.

— Но я нахожусь здесь всего несколько месяцев, разве можно сделать окончательные выводы за такой короткий срок?

— Все это настолько деликатно, что трудно подобрать нужные слова. Но я вынуждена потребовать от вас покинуть школу ради ее благополучия. Есть вещи, которые у нас в Бреретоне не подлежат обсуждению.

— Нет, они должны обсуждаться у вас в Бреретоне, если вы ни с того ни с сего заставляете убраться преподавателя в середине учебного года, не объясняя причин такого решения! Только два дня назад вы утверждали, что моим классом вы довольны больше других. И вот теперь... Кто-то распространяет обо мне заведомую ложь. В чем она состоит? Кто этим занимается? Я имею полное право знать!

В глазах миссис Лайтфут промелькнуло что-то для нее необычное, вероятно, сострадание.

— Мне на самом деле очень жаль вас, мисс Крайль. Но я не могу назвать причину. Боюсь, что до настоящего момента я еще не взглянула на это дело вашими глазами. Видите ли, школа Бреретон очень много для меня значит. Когда я принимала ее из рук умиравшей миссис Бреретон, то и сама школа, можно сказать, находилась на грани смерти. Я вдохнула в нее новую жизнь. Теперь, после окончания войны, к нам приезжают девушки из всех штатов, даже из Европы. У нас не обычная, захудалая школа, которую заканчивают миллионы. У нас почитаются твердые традиции. Кто-то сказал, что истинная культура — это то, что вы помните, забыв о своем образовании. Наши выпускницы знают значительно больше, чем их сверстницы, обучающиеся в других школах. Я не жестокая по природе женщина, но когда возникает угроза, что вы, именно вы в состоянии ее погубить, то я могу быть беспощадной.

— Погубить Бреретон? — тихо повторила Фостина.— Но как?

— Скажем, благодаря той атмосфере, которую вы создали вокруг своей личности.

— Что вы имеете в виду?

Миссис Лайтфут тяжело вздохнула:

— Мисс Крайль, скажите мне откровенно. Вы на самом деле... не в силах догадаться?

Наступила короткая пауза. Собравшись с мыслями, Фостина ответила:

— Конечно, не догадываюсь. Не могли бы вы подсказать?

— Я не намерена рассказывать вам больше того, что уже сказала.

Фостина поняла, что разговор окончен, но все же продолжала возражать.

— В разгар учебного года мне вряд ли удастся найти новую работу. Не могли бы вы порекомендовать меня директору какой-нибудь школы и сообщить ему, что я человек, хорошо знающий свой предмет — искусство. Ведь не по собственной же воле мне приходится столь спешно покидать Бреретон.

Взгляд миссис Лайтфут стал холодным и сосредоточенным.

— Мне очень жаль, но я не могу рекомендовать вас на должность преподавателя. Сегодня вторник, у вас всего один урок. Значит, успеете собрать вещи. Насколько я помню, у вас в четыре встреча с членами комитета по греческой драме. Останется время, чтобы сесть на последний поезд в Нью-Йорк. Он отходит в 6.25. В этот час ваш отъезд не привлечет большого внимания. Девочки будут заняты подготовкой к ужину. А завтра на общем сборе я сообщу о вашем отъезде. К моему великому сожалению, сложившиеся обстоятельства исключают ваше возвращение в Бреретон. Не нужно лишних разговоров. Так будет лучше как для школы, так и для вас.

— Понятно, — тихо сказала Фостина и, спотыкаясь, направилась к двери. Слезы мешали ей идти.

За кабинетом, в просторном холле, пространство прорезал косой луч света, падавший из окна рядом с лестницей. По ней спускались две маленькие четырнадцатилетние девочки — Мэг Вайнинг и Бет Чейз. Мужская строгость школьной формы Бреретона еще больше оттеняла женскую привлекательность Мэг — ее беловато-розовую кожу, серебристо-золотистые завитушки, подернутые поволокой яркие, как сапфиры, глаза. Но та же форма особо подчеркивала все заурядное в Бет — коротко постриженные волосы мышиного цвета, остренькое, белое лицо с рассыпанными по нему комичными веснушками.

Увидав мисс Фостину, обе девочки сильно побледнели, но тем не менее прокричали веселыми голосками:

— Добрый вечер, мисс Крайль!

Фостина молча кивнула, так как уже не надеялась на твердость голоса. Две пары глаз, не отрываясь, следили за тем, как она поднимается по лестнице. В них сквозило любопытство и подозрительность. Фостина ускорила шаг. На верхней площадке она остановилась и прислушалась. Откуда-то сверху слышался пронзительный смешок, похожий скорее на мышиный писк.

Фостина бросилась прочь от лестницы и быстро зашагала по холлу второго этажа. Вдруг справа отворилась дверь. Из комнаты вышла какая-то девушка в фартуке и чепце и выглянула

через окно в конце коридора. Последние лучи заходящего солнца отражались в ее песочного цвета волосах.

Фостине наконец удалось унять дрожь в губах.

— Арлина, мне нужно с тобой поговорить!

Арлина резко дернулась в сторону и обернулась. Она была чем-то возбуждена и не скрывала своего явно враждебного настроения.

— Только не сейчас, мисс. Прежде я должна закончить работу!

— Хорошо... Тогда позже.

Когда Фостина проходила мимо нее, Арлина кинулась к стене и плотно прижалась к ней.

Две маленькие девочки не спускали глаз с Фостины. Им было явно не по себе, и на их лицах отражался страх.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Фостина вошла в комнату, откуда только что выпорхнула Арлина, и остановилась у окна.

— Войдите!

Появившаяся в дверях девушка выглядела так, словно сошла с иллюстраций к куфическим рукописям, на которых изображались ушедшие в небытие две тысячи лет назад персидские женщины, восседающие на таких же черноглазых, белокожих, стремительных и стройных кобылицах, как и они сами. Она могла бы с такой же грациозностью и изяществом носить их одеяния из розовато-золотистой парчи. Но американский климат и атмосфера двадцатого столетия заставили ее надеть фланелевую юбку и свитер цвета вечнозеленой сосны.

— Фостина, эти греческие костюмы... — начала девушка и осеклась. — Что с тобой?

— Пожалуйста, присаживайся, — сказала, обращаясь к ней, Фостина. — Я должна тебе кое-что сообщить...

Девушка тихо повиновалась и выбрала себе место не в кресле, а на скамье возле окна.

— Гизела, ты не знаешь, что им от меня нужно?

Гизела неуверенно переспросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе отлично известно, что я имею в виду! Ты, конечно, слышала сплетни, которые здесь распускают. Что обо мне говорят?

— Сядь поудобнее, Фостина. Ты что, на самом деле подозреваешь меня в том, что я прислушиваюсь к сплетням? Я ведь иностранка и прибыла в вашу страну как беженка. А здесь, в Америке, никто иностранцам не доверяет, не говоря уже о беженцах. У меня нет близких друзей. А в школе меня терпят только потому, что мой немецкий с грамматической точки зрения совершенен, а мой венский акцент более приятен американцам, чем речь берлинцев. Но мое имя, Гизела фон Гогенемс, после войны вызывает малоприятные ассоциации. Так что... — она пожала плечами. — у меня почти нет возможности сидеть за чашкой чая и бесконечно болтать на разные темы...

— Ты увливаешься от вопроса. — Фостина сидела напряженно,

не позволяя себе ни на минуту расслабиться. — Поставим тогда вопрос иначе, напрямую: — Ты слышала какие-нибудь сплетни обо мне?

Гизела резко ответила:

— Нет.

Фостина вздохнула:

— Нужно слушать, что говорят вокруг! Ведь ты — единственный человек, к кому я могу обратиться с такой просьбой. Только ты можешь сообщить мне, кто этим занимается и что именно говорят обо мне. Ты — моя единственная подруга. — Она вдруг густо покраснела от набежавшего на нее чувства робости. — Могу ли я тебя так называть?

— Конечно, я — твоя подруга, и, надеюсь, ты относишься ко мне точно так же. Но я ничего не понимаю. Что заставляет тебя думать о сплетнях?

— Меня уволили. Вот и все.

Гизела была поражена ее словами.

— За что?

— Не знаю. Миссис Лайтфут не пожелала объясниться. Я уезжаю завтра. Но это еще не самое страшное.

— А что же?

— Видишь ли, вокруг меня что-то происходит. — Слова пулей вылетали изо рта Фостины, словно она уже не могла их сдерживать. — Я чувствую давно, но не знаю, что это такое. Какие-то намеки. Неприметные детали.

— Например?

— Посмотри на эту комнату. — Фостина с горестным видом повела рукой. — Горничные отказываются делать для меня то, что охотно выполняют для тебя и других учителей. Они никогда не раскладывают мою постель на ночь. Зачастую к ней вообще никто не прикасается. В графине никогда не бывает холодной воды, в комнате не проводят уборку, не вытирают пыль. Я должна сама выносить мусор, высыпать окурки из пепельницы, а однажды кто-то из них оставил на весь день окна открытыми, и в результате ночью я продрогла до костей.

— Почему же ты не рассказала об этом миссис Лайтфут? Не пожаловалась экономке?

— Я хотела, но, пойми, я здесь новичок, приехала недавно, и это место очень много для меня значит.

— А как девочки из твоего класса? Не слушают тебя?

— Нет, дело не в этом. Они выполняют все, что я требую. Задают вполне разумные вопросы по поводу уроков. Но...

— Что но?

— Гизела, они не спускают с меня глаз.

Гизела рассмеялась.

— Я бы не возражала, если бы они не спускали с меня глаз, особенно когда я им объясняю что-то на доске.

— Но они глядят на меня в упор не только когда я им что-то показываю или объясняю, — уточнила Фостина. — Они не спускают с меня глаз постоянно. Все время. И в классе, и в коридоре. Согласись, в этом есть что-то... противоестественное.

— Особенно в классе!

— Да ты не смейся, — возмутилась Фостина. — Все это очень серьезно. Они все время следят за мной, прислушиваются. Кроме того, иногда у меня возникает странное ощущение... что следят они не только за мной.

— Ничего не понимаю.

— Я не могу объяснить тебе, так как сама ни черта не понимаю, но... — Голос Фостины сник. — Они прислушиваются ко мне так, словно ожидают, что вот-вот что-нибудь произойдет. Что-то мне неизвестное.

— Может, они ждут, когда ты упадешь в обморок или с тобой приключится истерика?

— Может быть. Не знаю. Только такого со мной в жизни не случилось... Но и это еще не все. Во-первых, они ужасно вежливы со мной. Во-вторых, когда я сталкиваюсь с ними в коридоре или холле, в глазах у них мелькает какой-то любопытный, всепонимающий взгляд. Как будто им обо мне известно больше, чем мне самой. И все они непременно начинают хихикать за моей спиной. И это, поверь, не обычное для школьниц зубоскальство, а какой-то нервный смешок, который может запросто перейти в смертельный испуг либо просто в истерику.

— Это и имела в виду миссис Лайтфут, когда предложила тебе уехать?

— Вначале она была со мной холодна, но потом мне показалось, что она даже сочувствует.

Гизела кисло улыбнулась:

— Это самое любопытное из всего, что ты рассказала. Миссис Лайтфут, по-моему, жестокая эгоистка.

— Вероятно, у нее существуют какие-то причины для такого поступка, — продолжала свой рассказ Фостина. — Ведь школе придется выплатить мне деньги вперед за шесть месяцев, если они увольняют меня раньше завершения учебного семестра. Я уже не говорю об утрате довольно квалифицированного преподавателя по искусству, которому в это время не так просто подыскать замену. Но при всем при этом она оставалась непреклонной. Я даже не могу рассчитывать на ее рекомендацию, если начну поиски работы где-нибудь в другом месте.

— Ты имеешь право на объяснение причины увольнения, — возразила Гизела. — Почему бы тебе не обратиться к адвокату? Пусть он поговорит с ней.

— Нет, я так не могу. Из этого ничего хорошего не выйдет. Какой школе в округе понравится идея взять к себе преподавателя, который готов прибегнуть к помощи адвоката при первом же признаке надвигающейся беды?

— Да, она действительно приперла тебя к стенке... Жаль, но я не могу ничем тебе больше помочь. — Гизела направилась было к двери, затем помедлила и оглянулась: — Да, совсем забыла, зачем пришла. Хотела спросить, сделала ли ты эскизы для нашей греческой драмы? Но теперь, вероятно, тебе не до них.

— Они уже закончены, и миссис Лайтфут попросила представить их на рассмотрение комитету до моего отъезда.

— Отлично. Встречаемся, как всегда, у меня. В четыре.

Гизела прошла через холл, направляясь в свою комнату. За-

крыв двери, она немного постояла, сморщив лоб, словно старалась что-то припомнить, затем села за письменный стол. Четыре страницы белой бумаги были разложены на откидной доске — три были исписаны, а четвертая — чистая.

Она придвинула ее к себе и начала писать:

«Р. S. Случалось ли тебе читать «Мемуары» Гете? У меня есть французское издание в переводе мадам Карловиц. Фостина Крайль взяла у меня первый том. Зачем он ей понадобился — ума не приложу. Я бы не придавала этому особого значения, если бы не странное отношение всех к Фостине, о чем я уже тебе писала. Что-то дошло до ушей миссис Лайтфут, и сама Фостина сообщила мне о ее требовании покинуть школу.

Во всем этом деле есть что-то зловещее, и, если сказать правду, мне самой иногда становится страшновато. Мне бы очень хотелось, чтобы сейчас ты был в Нью-Йорке. Я уверена, ты обязательно найдешь какое-то разумное объяснение всему происходящему здесь. Но, увы, ты далеко отсюда...

Я боюсь спуститься с холла верхнего этажа после десяти часов вечера, когда на лестнице горит только одна ночная лампочка. Я не в силах сдержаться и не оглянуться через плечо, все время ожидая увидеть... Не знаю, что именно, но что-то особенное и весьма неприятное...»

Гизела положила ручку, с решительным видом перечитала написанное, сложила все четыре листа, вложила их в конверт и наклеила на него марку. Снова взяла ручку и написала на конверте:

Д-ру Базилу Уиллингу,
Парк-Авеню, 18-А,
Нью-Йорк.

Набросив шубку поверх свитера, она поспешила вниз с письмом в руках.

На улице сумеречный пронизывающий ветер пощипывал ей щеки и трепал волосы. Порывы ветра яростно гнали вперед серые, но уже слегка просветленные облака. Она шла по мягкому ковру опавших листьев и за несколько минут преодолела те полмили, что отделяли здание школы от главных ворот.

Какая-то девушка стояла возле будки, расположенной на обочине шоссе.

— Привет, Алиса, — поздоровалась Гизела. — Приезжали за вечерней почтой?

— Еще нет. Почтальон должен прибыть с минуты на минуту.

Алисе Айтчисон на вид было около девятнадцати лет, но внутренняя раскованность и свобода в действиях делали ее скорее похожей на молодую учительницу, чем на воспитанницу. Это была литая, созревшая красotka, с блестящими, как у газели, глазами, мягкой, словно подернутой тонким слоем жемчуга, кожей, с полными и сочными губами. На ней был костюм коричневато-орехового цвета в тон ее волосам. Яркий темно-оранжевый шарф закрывал разрез жакета на груди. Она улыбалась.

В это время старенький, выдавший виды «форд», громыхая,

остановился рядом с ней, и какой-то человек в макинтоше и мокасинах шумно выкарабкался из машины.

— Еще два письма нужно доставить в мгновение ока! — сказала Алиса, взяв из рук Гизелы письмо и передавая его почтальону вместе со своим.

— Будет сделано, — ответил тот, бросая их в сумку. — Ваши девушки, я вижу, обожают обильную корреспонденцию. Все амурные дела?

«Форд», натужно чихая, двинулся по шоссе, а девушки пошли обратно к дому.

— А доктор — ваш приятель? — спросила вдруг Алиса.

Гизела с удивлением посмотрела на нее.

— Да, это один психиатр. А почему вы спрашиваете?

— Кажется, я уже встречала это имя — Базиль Уиллинг.

Гизеле подобное высказывание показалось забавным.

— Он довольно известный человек. Теперь, когда ваше любопытство удовлетворено, могу ли я, в свою очередь, задать вам вопрос?

— Валяйте!

— Вы здесь живете значительно дольше меня, — начала было Гизела.

— Не напоминайте мне об этом, — угрюмо перебила ее Алиса. — Целых пять лет одиночества в мире, где нет мужчин! Все равно, что жить в монастыре или женской тюрьме! До этого я провела четыре года в Мейдстоуне. Нет, не в роли учительницы — воспитанницы. С трудом дождалась того дня, когда наконец закончила школу. Но что за дикая жизнь началась у меня! Вы сильно удивитесь, если расскажу, какие грандиозные планы я там строила. — Ее глаза смотрели поверх Гизелы, чувствовалось, что она пребывает в каком-то мрачном и грустном настроении. — Но за три недели до школьного выпуска отец покончил с собой. Застрелился.

— Ах, простите... — Гизеле никак не удавалось подобрать нужное слово. — Право, я не знала...

— Прошел только год, об этом уже никто не помнит. — Алиса посмотрела на нее с вызовом. — Еще один биржевик с Уолл-стрит, поставивший не на ту лошадь. Итак, я осталась ни с чем. Вдруг я узнала, что миссис Лайтфут ищет преподавателя по театральному искусству. Тогда я попросила миссис Мейдстоун порекомендовать ей меня. Мне казалось, что здесь, в Бреретоне, все значительно лучше, чем в Мейдстоуне. Но оказалось, что все то же самое. Мне здесь до смерти надоело.

— Нравится вам Бреретон или не нравится, все же вы чувствуете себя более в своей тарелке по сравнению со мной, — сказала Гизела. — Ваша работа дает возможность устанавливать близкие контакты с девочками, ведь вы почти их возраста. Они могут быть с вами откровенными там, где в разговоре со мной предпочтут отмалчиваться.

Алиса внимательно посмотрела на Гизелу.

— Например?

— Ну, скажем, в отношении Фостины Крайль...

— Не понимаю, о чем вы говорите...

— Нет, вы все понимаете, — резко возразила Гизела. — Я заметила, как вы на нее смотрите — с каким-то недружелюбным любопытством, как будто вы находите в ней что-то странное, непонятное.

— Вздор! — грубо отрезала Алиса. — Фостина Крайль просто глупа. И в этом нет ничего странного. У нее слабый характер, она бесцветна, не умеет преодолеть робость и ужасно озабочена тем, чтобы понравиться всем на свете. У нее нет чувства юмора. Она не обладает даром обзаводиться друзьями. Просто стареющая девица, размазня. Одна из тех, которые постоянно принимают витамины, не получая от них никакой пользы. Вы заметили этот флакон с витаминами Б-2, который постоянно стоит возле ее тарелки за обедом? С такими людьми, как она, ничего не поделаешь. Она рождена, чтобы стать мишенью для любого юмориста и задиры, а ведь таких в мире немало.

— Значит, — раздумчиво произнесла Гизела, — Фостине предстоит потерять работу лишь потому, что у нее не достает истинно твердого характера, столь необходимого для хорошего учителя.

— Может быть. — Алиса продолжала изучающим взглядом осматривать Гизелу. — Что, она потеряла работу?

— Ну, это не наше с вами дело. — И Гизела поспешила сменить тему разговора. — Скажите, нельзя ли вернуть мое письмо? Что, если позвонить почтальону в деревню и сообщить о моем намерении забрать письмо обратно?

Алиса рассмееалась раскатистым, грубым смехом:

— Девочка моя, ваше письмо уже поступило на хранение на почту Дяди Сэма. Конечно, вы можете попытаться прорубить себе тропу через джунгли американской бюрократии и заполнить пятьдесят формуляров, каждый из которых состоит из пяти частей. Но даже если вы это сделаете, я не уверена, что вам удастся заполнить письмо обратно. А для чего оно вам понадобится? Слишком забористое?

— Да нет же. — Гизела не скрывала, что слова Алисы ее раздражают.

— Что же тогда?

— Я приписала к нему постскрипtum и теперь в этом раскаиваюсь.

Они подошли ко входу в главное здание школы. Алиса повернула ручку и толкнула дверь.

— Странно. Двери заперты.

Гизела нажала кнопку звонка. Так они и стояли под дождем, трясась от холода.

— Черт подери! — воскликнула в сердцах Алиса. — Пойдемте через черный ход, он всегда открыт.

Гизела согласилась, хотя и подозревала, что миссис Лайтфут не по душе такие вольности.

Когда они завернули за угол дома, то увидели, как весело горит свет во всех окнах кухни, пробиваясь к ним через сумеречную мглу. Алиса открыла дверь. Гизела вошла вслед за ней.

Кухарка стояла у мойки и промывала очищенные листья бельгийской капусты. Из духовки тянуло ароматом поджаривающихся каштанов, которые предстояло смешать с капустными листьями. Стол, стоявший в центре, был завален букетами цве-

тов и пучками собранных листьев. Фостина аккуратно складывала их в большую вазу штейбенского стекла — обычная обязанность младших преподавателей в школе Бреретон. Она была одета для прогулки — в наглухо застегнутом пальто голубого цвета и в коричневой фетровой шляпке.

Выдержав небольшую паузу, Алиса спросила:

— Вы только что со двора?

— Да. — Фостина Крайль посмотрела на нее с нескрываемым удивлением.

В это время отворилась дверь, выходящая на черную лестницу. В кухню вошла Арлина. В одной руке она несла небольшой чайный поднос.

— Последние полчаса я провела в саду, — сказала Фостина, но с гораздо большим жаром, чем требуется при ответе на такой пустяковый вопрос. — А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Просто так. Мне показалось, что я видела ваше лицо в окне наверху, когда мы с Гизелой шли по дорожке к дому.

Вдруг раздался звон разбитого вдребезги стекла и фарфора. Это из рук Арлины выскользнул поднос.

— Возьми мусорную корзину и веник и убери весь этот ерлаш! — решительно сказала кухарка. — Я попрошу миссис Лайтфут вычистить из твоего жалованья стоимость разбитой посуды.

— Позвольте мне заплатить за нее! — вмешалась в разговор Фостина. — В конце концов это я ее напугала.

Алиса увлеченно наблюдала за сценой, не скрывая своего живого интереса. Теперь наступил черед вмешаться ей.

— Не глупите, Фостина! Вы ведь ничего такого не сделали! Не так ли, Гизела? — сказала она, повернувшись к своей спутнице.

— Конечно, нет, — неохотно согласилась Гизела. — По крайней мере я лично ничего не заметила.

Такой ответ, вероятно, не понравился Алисе и озадачил ее. Но она больше не произнесла ни единого слова и молчала до тех пор, пока они с Гизелой не оказались наедине в столовой, соединяющей холл с кухней.

— Вы отдаете себе отчет в том, что родители уже забрали из школы пять девочек после начала учебного года?

— Нет. Насколько мне известно, уехали трое, но я не предполагала, что их число значительно больше.

— А две из них уехали отсюда весьма поспешно. — Гизела повернула голову и внимательно посмотрела на Алису. Свет, вырвавшийся из открытой двери в холле, осветил, словно огнями рампы, ее лицо, блестящие глаза, насмешливые ярко-красные губы, которые расплылись в дерзкой улыбке.

— Я хочу кое-что вам сказать, Гизела фон Гогенемс. Если только вы написали своему психиатру что-нибудь о Фостине Крайль, то вам придется сильно пожалеть об этом!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Честно говоря, Гизела и не рассчитывала на ответ Базиля Уиллинга. Последнее письмо она получила от него из Японии. Ведь он мог еще находиться в составе американского флота где-нибудь за рубежом. Гизела написала такое подробное письмо только потому, что безраздельно доверяла ему.

Она не встречалась больше с Фостиной до заседания художественного совета, готовившего греческую драму для сцены. Первой туда явилась Алиса с сигаретой, зажатой в уголке рта.

— Что означает весь этот шум с увольнением Фостины? — спросила она с ленивым безразличием, усаживаясь на подоконник.

— Не могу сообщить ничего нового, — ответила Гизела. — Я только знаю, что она уезжает.

— По какой причине? — прямо переспросила Алиса.

— Не знаю.

Ни Гизела, ни Алиса не слышали, как открылась дверь. На пороге стояла Фостина с папкой эскизов под мышкой.

— Я стучала, — оправдываясь, робко сказала она. — В коридоре было слышно, что кто-то здесь разговаривает, и я вошла.

Алиса бросила на нее высокомерный взгляд.

— Не стоит так суетиться со своими манерами, Фостина, я уверена: ты всегда поступаешь так, как нужно.

— Просто я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что я подслушивала за дверью.

Фостина разложила на столе эскизы и только потом отважилась поднять глаза на Алису.

— Мне кажется, что вы все время меня в чем-то подозреваете. В каком-то проступке, что ли.

Алиса рассмеялась:

— Скажите, пожалуйста! Сбавьте обороты, Фостина!

— Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне! — нахмурилась Фостина.

Гизела взяла в руки один из эскизов, на котором была изображена женщина в греческом античном костюме.

— Это костюм для Медеи?

— Да, — ответила Фостина. Казалось, она очень обрадовалась, что Гизела изменила тему разговора. — Все утро я провела в поисках нужного варианта. Длинная баска, наброшенная на голову... Именно так ее носили гречанки в дни скорби или траура. А Медея скорбит с самого начала пьесы. Все складки нужно уложить поаккуратней. Небрежное ношение баски считалось проявлением провинциализма.

— Ну тогда, как мне кажется, Медея и должна носить баску небрежно, — вмешалась в разговор Алиса, — разве она не была дикаркой, представительницей варваров?

— Может, это и так, но не забывайте, что она многие годы прожила в Греции, — поправила ее Гизела. — К тому же она была принцессой.

— В ее уголки нужно что-то вложить, — продолжала Фостина, — ну, подобно тем свинцовым грузикам, которые наши прабабки подшивали к подолу своих длинных юбок.

— А что у нее на голове? — поинтересовалась Алиса. — Что-то вроде корзины, емкостью в добрый бушель.

— Это же митра! — воскликнула Фостина, пораженная ее невежеством. — Корона Цереры. Этот головной убор носили многие гречанки.

— Медея не стала бы следовать примеру такой прославленной домашней учительницы, какой была Церера. Медея — феминистка и колдунья.

— Я в этом не уверена, — встала Гизела. — Все женщины древности гордились тем, что имели отношение не к колдовству, а к хлебопечению. Самое слово «госпожа» этимологически означало «дарующая хлеб».

— Может, надеть на нее тиару? Как у Геры с Афродитой? — предложила Фостина.

— Я бы предпочла именно ее, — подчеркнула Алиса.

— Заменить митру на тиару довольно просто. Это можно сделать, — согласилась Фостина. — А что вы скажете по поводу обуви? Вам нравятся сандалии, вышитые цветочными кружевами?

— Мне бы самой хотелось иметь такую пару! — заметила Гизела. — Они просто очаровательны!

Но Алиса с отвращением рассматривала сандалии.

— Все это слишком условно. Почему бы не взять простые зашнурованные туфли, отделанные кошачьим мехом? А мордочку и коготки использовать как украшение? Женщины в Греции носили такую обувь. И только подумайте о том удовольствии, которое мы получим, когда убьем кошку и сдерем с нее шкуру! Или даже двух. Ведь туфли-то две?

— А почему бы не содрать с них шкуру живыми? — насмешливо подхватила Гизела. — Ведь вам, Алиса, это доставит большое удовольствие, не так ли?

Но Алису ни капельки не смутили ее слова.

— Вы, конечно, считаете меня дикаркой! Но ведь здесь, в этой школе, я буквально подыхаю от скуки! Готова сделать что угодно ради того, чтобы немного взбодриться!

— Ну, а что вы скажете о Ясоне и Креоне? — Фостина протянула им еще два эскиза.

— Мне нравится, — сказала Гизела. — Сразу видно, что Ясон обладает очаровательной глупостью профессионального служаки, а Креона вы превратили в настоящего президента местного клуба «Ротари», правда, в греческом стиле.

Алиса залилась злобным смехом.

— Фостина! Вам нет цены! Вам, вероятно, и в голову не пришло, что вы превратили Медею в уличную девку?

— Что вы имеете в виду? — спросила, смутившись, Фостина.

— Вы только посмотрите на эту накидку и жакет. Они у вас цвета голубого гиацинта, но ведь этот цвет в Греции безраздельно принадлежал проституткам.

— Боже, — произнесла ошарашенная Фостина и умоляюще взглянула на Гизелу. — Это правда?

— Боюсь, что да, — призналась Гизела. — Хотя мне это и в голову не приходило.

— Конечно, правда, — властно заявила Алиса. — Разве вам не приходилось читать о Керамике, этом районе «красных фонарей» в Афинах? Если какой-то мужчина по имени Тезей хотел обладать какой-то женщиной по имени Мелита, то писал на стене углем: «Тезей любит Мелиту». Если она принимала его предложение, то подписывала внизу: «Мелита любит Тезея» — и ожидала прихода своего возлюбленного на этом месте с веточкой мирта, зажатой в зубах.

— Но, может, такое происходило только в Афинах? — возрази-

ла Фостина. — Ведь место действия пьесы — Коринф.

— Тогда вам придется затратить еще одно утро, чтобы определить, какие наряды носили проститутки в Коринфе!

Алисе, казалось, очень нравилась идея задать Фостине побольше работы.

— А может, вам это давно известно? У меня складывается впечатление, что вы обладаете завидными познаниями о традициях проституток. Приходилось ли вам слышать о Розе Дайамонд?

Лицо Фостины залилось мертвенно-пунцовой краской.

— Нет, не знаю. В любом случае я больше делать ничего не буду, так как сегодня вечером уезжаю.

— Счастливица!

— Нет, я ужасно несчастна. Я не хочу уезжать.

— Куда же вы едете?

Но тут опять вмешалась Гизела:

— Почему бы тебе не создать еще один эскиз костюма Медеи? Сменить цвет довольно просто, если только подыщешь нужный материал. Что скажешь, например, о бледно-желтом? Он вполне подойдет к сандалиям, как и гиацинтовый.

— Как хотите, — сказала Алиса с полным безразличием. — А это что такое? — Она подняла еще один эскиз. — Похоже на имитацию пестрой шотландской шали?

Фостина посмотрела на Гизелу.

— Это та отравленная одежда, которую Медея вручает невесте Ясона. В тексте несколько раз ее называют «разноцветной». Я скопировала дизайн с фотографии одной греческой вазы времени, когда жил Еврипид. Только вместо фиалок в оригинале я использовала наперстянку, так как она — ядовитое растение.

— Разве стала бы Медея расшифровывать подготавливаемый ею удар? — возразила Алиса. — Если бы кто-нибудь прислал мне в подарок платье, вышитое листочками наперстянки, у меня он, несомненно, вызвал бы подозрения. Точно так же отреагировал бы любой поклонник детективов.

— Но дочь Креона не была любительницей детективов, — сказала Гизела. — У этого рисунка приятный привкус символизма. Любой человек, верящий, как и Медея, в магию, сделал бы то же самое.

— Ну, а что вы скажете о красках? — упрямо гнула свое Алиса. — Мне они кажутся скорее персидскими, чем греческими.

— Но ведь персы и греки оказывали влияние друг на друга, — возразила Фостина. — Эти интересные сведения я почерпнула в ходе подготовительной работы. Когда начинаешь что-то искать, рыться в материале, обязательно обнаруживаешь уйму побочной информации, не имеющую никакого отношения к тому, что ты пытаешься отыскать. Вот вы, например, знали, что сибариты направляли приглашения на обед заранее, за целый год, чтобы иметь достаточно времени для придумывания всевозможных яств и роскошных умопомрачительных нарядов? Или что греки уже тогда играли в теннис? Правда, это была спартанская игра, и греки играли обнаженными.

— Мои поздравления, Фостина! Видать, вы неплохо все проштудировали. — Теперь было заметно, что Алиса получает от всего

происходящего большое удовольствие.— В следующий раз я отправлюсь на теннисный корт абсолютно голой. И если мне миссис Лайтфрут скажет что-то поперек, я заявлю ей с самым невинным видом: «Идея принадлежит Фостине Крайль. Она утверждает, что греки бегали по корту обнаженными, а мне просто необходимо пройти через такой опыт».

— Я вас к этому не принуждала! — закричала Фостина, чуть не плача.— Алиса, пожалуйста, не делайте этого!

— Наверняка сделаю.— В глазах Алисы вспыхивали злобные огоньки.

— Вы, Алиса, конечно, так не поступите,— вмешалась в спор Гизела.— А ты, Фостина, не давай себя так легко дурачить!

— Конечно, она шутит, я понимаю,— сказал Фостина. Она сильно побледнела, и на лице у нее появилось серьезное, озабоченное выражение.— Ну, если все вопросы решены, то я оставляю вам эскизы и забираю только Медею, чтобы успеть заменить ей митру до отъезда.

Когда за Фостиной закрылась дверь, в комнате наступила короткая тишина. Затем Алиса с вызовом бросила:

— Не смотрите на меня с таким укором! Я не выношу таких людей, как она. Их нужно постоянно донимать.

— Вы в этом уверены? Вы очень грубы, Алиса. И это совсем ни к чему, тем более что она сегодня уезжает.

— Вы слишком мягкий человек, Гизела.— Резким движением Алиса раздавила окурки и встала.— Нужно научить Фостину наносить ответные удары.

— Избивая ее своей дубинкой до полного бесчувствия? Именно так вы поступили в психологическом смысле.

Алиса задержалась в двери. Никогда еще на ее прекрасном лице Гизеле не приходилось замечать столько злобы. Это было уже просто неприлично. Алиса начала было говорить, но осеклась и лишь в сердцах прошипела:

— Черт вас возьми!

Дав свой последний урок в этот день, Гизела отправилась на прогулку по территории школы. Это был один из тех обманчивых осенних дней, когда прозрачный солнечный свет кажется ласковым и теплым, а вы все равно не можете согреться. Гизела прошла по тропинке, вьющейся через лесок, и приблизилась к ручейку, который служил границей владений Бреретона. По пути домой она вышла на открытую полянку и вдруг увидела чью-то фигуру, сидевшую за мольбертом.

Это была Фостина. На ней, как всегда, было надето наглухо застегнутое пальто голубого цвета, но на этот раз она была без шляпки. Повернувшись спиной к дому, Фостина рисовала пейзаж, открывавшийся с полянки. Возле ее ног стоял ящик с красками, а в левой руке она держала небольшую палитру. Она работала кистью, нанося ловкие энергичные мазки, и, казалось, настолько была поглощена своим занятием, что не заметила появления Гизелы. Бесшумно передвигаясь на своих резиновых подошвах, Гизела приблизилась к ней и бросила взгляд на полотно, не вызывая беспокойства Фостины. И вдруг произошло нечто из ряда вон выходящее, что-то такое, что не поддавалось объяснению.

Фостина все еще рисовала пейзаж. Ее рука с зажатой кистью искусно и уверенно двигалась по полотну. Но вдруг она утратила живость. Неожиданно каждое ее движение стало вялым и замедленным, словно кадры, снятые рапидом; казалось, вот-вот кисть выпадет из ее безжизненных пальцев.

Гизела очнулась от крика, который мгновенно заставил ее позабыть обо всем на свете. Он доносился из открытого окна за спиной Фостины. Гизела подбежала к нему, затем быстрыми шагами вошла в библиотеку. Там стояла полная тишина. Не было ни души. Лишь слегка от ветра покачивались и шуршали шторы. Внутри дома было темно, так как мрачные подступающие тени поглощали золотистые отблески позднего солнца. Одна дверь, выходящая в холл, была закрыта, а другая — лишь чуть приоткрыта. Через эту щель доносились истошные вопли вместе с рыданиями: «О, Бет, успокойся! Умоляю тебя! Что же мне делать?»

Гизела быстро пробежала через коридор в маленькую комнату. Мэг Вайнинг корчилась на полу. Ее личико, обычно розоватое и хорошенькое, теперь казалось почти уродливым. Оно сильно побледнело, а мышцы его напряглись. Рядом с ней на полу лежала Бет Чейз, вся обмякшая и безжизненная. Вероятно, она была без сознания.

Гизела быстро опустилась на колени и начала растирать ей руки. Потом попыталась нащупать пульс, но он был настолько слабым, что едва ощущался.

— Это шок! — Уверенный ровный голос Гизелы успокоил Мэг, и завывания прекратились. — Беги к экономке. Пусть принесет одеяла и бутылку с горячей водой!

— Что здесь случилось? — По ту сторону открытого французского окна стояла Фостина, и в глазах ее было заметно сильное удивление. В руках она держала мокрую кисть. Фостина сделала шаг вперед, чтобы войти в комнату, но Мэг Вайнинг что было сил завизжала:

— Нет, нет! Не приближайтесь ко мне!

— Маргэрит, следи за собой! Фостина, сбегай, пожалуйста, за экономкой! Пусть принесет одеяла и бутылку с горячей водой. С Бет Чейз обморок. Поторопись!

— Да, да, сию минутку! — Фостина выскочила в холл, а Гизела сняла жакет, завернула в него девочку и подняла на руки.

— Ну, что с тобой стряслось? — спросила она, не спуская глаз с мертвенно-бледного лица Бет.

— Не... знаю...

— Как это понять? Ведь что-то здесь произошло?

Щеки Мэг залила пунцовая краска. Ее нижняя губа была упрямо выдвинута вперед.

— Я не знаю, что послужило причиной обморока Бет, мисс фон Гогенемс. Вероятно, она что-то заметила. Может, это приступ какой-то болезни. Она закричала и упала на пол. Вот и все!

В холле послышались чьи-то быстрые шаги. У Гизелы осталось всего несколько мгновений, и она решила воспользоваться ими с максимальной пользой.

— Это очень серьезное дело, Маргарит. Я хочу знать правду. Скажи, что здесь произошло?

Глаза у Мэг блестели холодным блеском, словно два бриллиантика.

— Я сказала правду, мисс фон Гогенемс.

— А мне кажется, что нет...

Не успела Гизела договорить, как в комнату ворвались миссис Лайтфут, Фостина и экономка с одеялами в охапке.

Миссис Лайтфут взяла на руки Бет и отнесла ее к себе наверх. Постепенно естественный розоватый цвет возвратился к бледным провалившимся щекам девушки, вздох искреннего облегчения вырвался из груди миссис Лайтфут. Наконец Бет подняла свои песочного цвета ресницы и обвела долгим взглядом незнакомую комнату:

— Что это?.. Где я?

— Помолчи и попытайся отдохнуть, — мягко сказала директриса. — Экономка посидит возле тебя и принесет все, что надо. Благодарю вас, мисс фон Гогенемс за то, что вы так быстро среагировали. Маргарит, спустись вместе со мной и зайди ко мне в кабинет.

— Хорошо, миссис Лайтфут.

Направляясь в свою комнату, Гизела услышала чьи-то быстрые шаги. В полутемном холле с ней чуть не столкнулась запыхавшаяся от ходьбы Фостина.

— Почему миссис Лайтфут не сказала мне ни слова? Ведь сегодня — мой последний день в школе. Через час придет такси. Разве трудно в такую минуту быть немного повежливее?

— Как ты думаешь, чем вызван обморок у Бет? — задала ей встречный вопрос Гизела.

— Понятия не имею. А ты? Я стояла спиной к дому, рисовала на лужайке около двадцати минут. Затем услышала детский крик и настолько испугалась, что не сразу пришла в себя. Знаешь, такое часто бывает, если внимание чем-то поглощено, особенно, если пишешь что-то или рисуешь. Я обернулась, но за спиной никого не увидела. Окна в доме были открыты, значит, крики раздавались оттуда. Я подбежала к ближайшему — это оказалось окно класса для письменных работ.

— Ты видела, как я бежала к библиотеке?

— Нет, не видела. Вероятно, ты добралась до цели быстрее меня. Когда я подбежала к классу, ты уже находилась там и стояла на коленях, склонившись над Бет.

— Я попала в класс через библиотеку, — объяснила Гизела. — А ты прибежала прямо к окну классной комнаты с лужайки. И на это у тебя ушло все же больше времени.

— Я так испугалась. — По глазам Фостины чувствовалось, что она умоляет подругу простить ее за медлительность. — К тому же я не столь подвижна, как ты.

— Ты стояла у окна прямо напротив двери в холл. Дверь была распахнута. Ты никого не заметила?

— Нет, нет. — На лоб Фостины набежали морщины, и в ее голосе послышалась какая-то неуверенность. — Нет, не могу утверждать, что я кого-то там видела...

— Ты рисовала на лужайке, когда я возвращалась по тропинке от ручья,— продолжала Гизела.— И твои движения показались мне ужасно замедленными, неестественными. Тебе было плохо?

— Нет, я чувствовала себя хорошо. Просто какое-то сонное состояние. Мне с трудом удавалось преодолевать дрему и не закрыть глаза. Этот ужасный вошь словно пробудил меня....

— А как ты сейчас себя чувствуешь?

— Неплохо,— со вздохом отметила Фостина.— Просто... немного устала.— Она слегка улыбнулась бледными губами.

— Помочь тебе собрать вещи? — предложила Гизела.

— Очень мило с твоей стороны. Только у меня с ними немного хлопот. Я все сделала сегодня утром. Вещей у меня мало.

Перевязав кожаным ремешком и закрыв последний из трех довольно потрепанных чемоданов, Фостина взяла с тумбочки возле кровати книгу — старый фолиант в кожаном переплете с золотым тиснением и с потрепанными краями.

— Это — твоя книга,— сказала она с чувством неловкости. — Первый том «Воспоминаний» Гете. Я набралась смелости и взяла ее с твоей полки, когда тебя не было.

— Благодарю.— Гизела, взяв книгу, посмотрела на форзац. Выцветшими чернилами кто-то написал мелкими буквами: «Амалия ди Буасси Нойвельке, 1858». Что-то опять дало о себе знать на смутной границе сознания, но так и не выплыло в памяти...

Девушки вышли в холл. Покидая навсегда школу в эту промозглую ночь, Фостина казалась какой-то маленькой, одинокой в своем тонком застегнутом наглухо голубом пальтишке. Она шла на несколько шагов впереди Гизелы. Сделав поворот, они подошли к лестнице, на верхней площадке которой возвышалась абсолютно неподвижная фигура миссис Лайтфут. Ее глаза напряженно выискивали кого-то в темноте, а голос отличался строгостью и резкостью:

— Мисс Крайль!

— Слушаю вас, миссис Лайтфут!

Миссис Лайтфут от этих слов сильно вздрогнула и, повернувшись, устремила свой пронзительный взгляд на Фостину. Наступила короткая мертвая тишина, в которой было слышно даже их дыхание. Первой ее нарушила Фостина.

— Вы меня звали?

Миссис Лайтфут заговорила, и в ее голосе уже не чувствовалось прежнего апломба.

— Давно вы там стоите?

— Всего секунду,— ответила девушка, нерешительно улыбаясь.— Я так спешила, что хотела проскользнуть мимо вас по лестнице. Но вовремя одумалась. Такой шаг с моей стороны можно было бы расценить как ужасную грубость.

— Несомненно, мисс Крайль, несомненно,— согласилась миссис Лайтфут, плотно сжав губы.— Если вы так торопитесь, то не стану вас задерживать. Всего хорошего! — В развевающемся на ходу наряде она спустилась по лестнице, сохраняя всю свою грациозность.

Фостина с Гизелой следовали за ней на почтительном расстоянии. Когда она дошла до последней ступеньки, из гостиной вышла Арлина в черном платье, белом фартуке и зажгла свет. Вспышка лампы осветила пустой холл. Никто не мог догадаться, что же привлекало внимание миссис Лайтфут к этому месту.

— Ты появилась слишком поздно, Арлина, — с раздражением сделала замечание миссис Лайтфут. — Нужно включать лампу на лестнице до наступления темноты. Не ровен час, можно с нее и упасть.

— Виновата, — надулась Арлина.

Миссис Лайтфут с нарочитым безразличием разгладила одну из перчаток:

— Ты не видела кого-нибудь только что там, около тебя? А в холле? Может, в столовой, когда возвращалась из кладовки?

— Нет, мадам, там не было ни души. — Но какой-то бесенок вселился в нее, и она с вызовом спросила: — А вы, мадам?

— Само собой разумеется, нет! — отрезала директриса, но в ее голосе уже не слышались властные нотки.

Установившуюся неловкую тишину вдруг разорвал залихватный телефонный звонок. Миссис Лайтфут вздрогнула, словно этот неожиданный звонок был тем предметом, который еще могли выдержать ее расстроенные нервы... Гизелу вдруг осенило: значит, кто-то напугал миссис Лайтфут так же сильно, как и Бет Чейз...

Арлина подошла ко второму аппарату в кладовке, расположенной прямо под лестницей:

— Школа Бреретон... Простите, как ваше имя? Минутку... Это вас, мисс фон Гогенемс. Междугородняя. Вас вызывает какой-то доктор Базиль Уиллинг...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Он был уверен заранее, что она придет вся одетая в черное. Ведь она была венка и принадлежала к поколению Шанель — как же она могла посчитать свой туалет совершенством, если бы он не был черного цвета.

Он взял ее за руки.

— Гизела...

Они сели на обитую бархатом скамью возле стены, а официант поставил перед ними на столе два бокала с горьким мартини.

Гизела обратила внимание на белый галстук, слегка пожелтевший за шестилетнее пребывание в темном ящике шкафа.

— Расстался наконец с формой? Надеюсь, навсегда?

— Если будет угодно Богу, то навсегда! Поэтому я и выбрал это уютное местечко для нас. Мне так хочется вернуть прошлое. Я вновь в своей старой должности врача-помощника окружного прокурора, хотя теперь другой прокурор и другой мэр в городе. Мое прежнее место заведующего психиатрической клиниккой при больнице «Никербокер» отдали моему приятелю, парню по имени Дунбар, которого в последний раз я видел в Шотландии. Но я нашел себе работу получше, в другой больнице, на Мюррей Хилл. Я со своим слугой Юнипером вчера переехал туда, и вско-

ре, надеюсь, ко мне вернется ощущение пребывания в собственном доме. Будет не хватать только одного.

— Чего именно?

— Тебя!

Ее бледные щеки залила слабая краска.

— Почему ты преподаешь в Бреретоне? Это место не для тебя! Ты подписала контракт?

— До июня.

— А сейчас ноябрь. Разорви контракт!

— Да ты что, дорогой, шутишь?

— Я никогда в жизни не был настолько серьезен, как сейчас. Бреретон может пагубно отразиться на твоём здоровье. Там даже небезопасно.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты видишься с этой... как ее... Фостиной Крайль?

— А, ты об этом письме! — рассмеялась Гизела. — Я совсем позабыла о нем. Теперь, когда я с тобой, все это кажется мне каким-то нереальным.

— Но сегодня вечером, когда ты вернешься в школу, все вновь станет реальным.

— Нет, теперь все кончено.

— Конечно, с отъездом Фостины.

— Ты так считаешь? Но ведь люди, которые ее прогнали, все еще живут и работают там...

Официант принес булочки. Когда они вновь остались одни, Базиль наклонился к Гизеле:

— Твое письмо дает лишь общую картину. Расскажи мне подробно. Где и при каких обстоятельствах ты впервые заметила странности в поведении мисс Крайль?

— Но в самой Фостине не было ничего странного, — возразила Гизела. — Странное заключалось в реакции на нее окружающих.

— Ну, это одно и то же. Когда все началось?

— Несколько дней назад. — Гизела была сильно удивлена, что ее собеседник воспринимает все случившееся с такой серьезностью.

— А первый инцидент? Когда он произошел?

— Не помню, — мрачно ответила она. — Ведь на новом месте работы от тебя многое требуют. Это был мой первый учебный семестр, как и у нее. Кажется, я уже преподавала в Бреретоне с неделю, как вдруг начала осознавать, что Фостина не пользуется популярностью в школе. Кажется, все началось с прислуги, затем передалось ученицам, а от них учителям. Обстановка вокруг нее постоянно накалялась, и вот все вылилось в требование покинуть школу. То есть ее уволили.

— И это все?

— Ну, были еще кое-какие инциденты. О них я тебе писала.

— По какой причине преподаватели избегают мисс Крайль? — поинтересовался Базиль.

Было видно, что Гизела колеблется.

— У меня сложилось впечатление, что они ее боятся. А кому может понравиться то, что вызывает страх?

— Но чего они боятся?

— Я этого не знаю! Все испытывали жуткий страх. Может, это чувство, владеющее толпой. Я никак не могу отделаться от удивительного ощущения, что уже знала об этом прежде, давно читала что-то в этом роде.

— Может, оно так и было. Закончив читать твое письмо, я позвонил Брентано и попросил его прислать мне «Воспоминания» Гете во французском издании в переводе мадам Карловиц.

— После того как Фостина вернула мне книгу, я перечитала этот том, но не обнаружила там ничего такого, что могло быть связано с нашей ситуацией.

— Но ты ведь не знала, что искать, — напомнил ей Базиль. — Ведь тебе, по сути дела, не известно истинное положение Фостины.

Они разговаривали до тех пор, пока Гизела не начала бросать беспокойные взгляды на висящие над стойкой часы.

— Мне так неприятно думать о твоём возвращении туда, — сказал Базиль, приканчивая третью кружку пива. — Ваша миссис Лайтфут не могла бы столь безжалостно разрушить карьеру девушки, если бы сама не несла какой-то доли вины за все, что произошло в Бреретоне.

— Ты хочешь сказать, что сама Фостина занималась подобными фокусами. Но каким образом? И ради чего?

— Когда мисс Крайль спросила тебя, слышала ли ты какие-нибудь сплетни о ней, ты ответила отрицательно. Почему?

— Я знала, что люди о ней судачат, но понятия не имела о том, что именно о ней говорят. Но даже если бы и знала, что из этого? Нельзя передавать жертве распространяемые о ней сплетни. А я готова сделать все на свете, только бы помочь ей.

— Тогда позволь мне стать её представителем. Завтра же я отправлюсь в Бреретон и буду настаивать на получении объяснений по поводу поступка миссис Лайтфут. Как психиатр, я выражаю особый интерес к этому весьма странному воздействию сплетен в школе.

— Чепуха! Ты просто хочешь уберечь меня от беды!

— Только я не стал бы говорить о беде. Я употребил бы другое слово — «опасность».

— Почему?

— Во всем этом чувствуется чей-то злой умысел, в результате которого мисс Крайль лишилась места. Злой умысел, таинственность и одержанный триумф — это далеко не «святая троица». Может появиться нужда в следующей жертве.

— Фостина остановилась в Нью-Йорке в «Фонтенбло». — Гизела вытащила из сумочки визитку. — Есть ручка? Я напишу адрес.

Базиль попросил ручку у бармена.

— А теперь я отвезу тебя на Центральный вокзал, если ты на самом деле собираешься уехать одиннадцатичасовым поездом.

— Завтра вечером в Бреретоне состоится школьный вечер. Не хочешь ли приехать к нам?

— Вечер у меня занят. Я выступаю свидетелем на судебном заседании по поводу одного странного случая помешательства. Я приеду в Бреретон утром.

— Но утром у меня урок! — На лице Гизелы появилась кислая гримаска.

— Не хотела бы ты пообедать со мной в пятницу вечером?

— С удовольствием. В субботу у меня нет уроков. Значит, не нужно торопиться, нервничать, чтобы вовремя возвратиться в школу.

Автомобиль затормозил между Первой и Второй улицами. Не говоря ни слова, они прильнули друг к другу губами.

Наконец Гизела отстранилась, и он выпустил ее из объятий.

— Ради этой встречи я пролетел шесть тысяч миль! — сказал Базиль. — Меня хотели оставить в Японии еще на годик-другой.

— Я очень рада, что ты этого не сделал, — еле слышно ответила Гизела.

— Если рада, то разорви контракт с Бреретоном!

— Ох, право, не знаю, что делать!

— О чем тут думать?

— Сейчас любая женщина, если только она не умалишенная и не калека, кажется тебе очаровательным существом. Но завтра... — Она пожала плечами. — Я выйду здесь. Вокзал всего в двух кварталах отсюда.

Машина поехала навстречу ярким огням Лексингтон-авеню. Возле вокзала Базиль наклонился к ней и поцеловал руку.

— Завтра утром я буду в Бреретоне.

— Завтра утром? Но ведь тебе нужно прежде встретиться с Фостиной!

— Я повидаюсь с ней сегодня ночью...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Войдя в холл «Фонтенбло», Базиль вдруг вспомнил о том времени, когда двадцать лет назад, по сути дела, совсем еще молодым человеком, он заглядывал в «Фонтенбло» в гости к девочкам, с которыми когда-то познакомился в Балтиморе.

С тех пор здесь ничего не изменилось. Залы для свиданий по-прежнему сияли искусственным мрамором и металлическими пластинами, обитыми планками из красного дерева.

Базиль решительным движением руки снял трубку внутреннего телефона и попросил позвать мисс Крайль.

— Я вас слушаю.

— Меня зовут Базиль. Базиль Уиллинг. Вы меня не знаете, но я приятель Гизелы фон Гогенемс.

— Да, да. Я слышала, как она называла ваше имя.

— Я только что посадил ее в поезд, отправляющийся в Бреретон. Мы вместе пообедали, и она рассказала о ваших затруднениях. Я хотел бы поговорить с вами.

— Очень любезно с вашей стороны. Может, завтра...

— Дело не терпит отлагательств. Я нахожусь внизу, в холле. Встретимся сейчас? Думаю, еще не слишком поздно?

— Нет, что вы! В нашем здании, на крыше, есть небольшой садик. Садитесь на лифт-экспресс. Я там встречу вас.

Когда Базиль вышел из лифта в садик, то понял, что здесь никого нет, кроме него самого и еще одной парочки, забившейся

в дальний угол. Он направился в противоположный угол и облокотился о парапет.

— Доктор Уиллинг?

Ему сразу понравился ее голос — спокойный, с какой-то подчеркнутой ясностью произносимых слов. Он обернулся и увидел девушку — очень хрупкую, с такими узкими, сутулящимися плечами, что трудно было принять ее за взрослую женщину. Она прошла мимо, направляясь к стульям, стоящим рядом с низеньким столиком.

— Начну с объяснения, почему я оказался здесь, — приступил к делу Базиль. — Мне не нравится то, что происходит в Бреретоне. Гизела снова отправилась туда, и я очень обеспокоен. Из-за нее.

— Из-за нее? — повторила за ним спокойным, лишенным эмоций голосом девушка. — Не вижу для этого никакой причины. Что ей может угрожать?

— Гизелу всегда в школе связывали с вами. Теперь, когда вас там больше нет, злоумышленник может переключить свое внимание на нее. Она ведь была тем человеком, которому вы доверяли?

— Да, я рассказала ей обо всем, что произошло.

— Обо всем?

— Мне больше нечего добавить. Доктор Уиллинг, ведь вы — психиатр, не так ли?

— Да, это моя специальность.

— Поэтому Гизела и направила вас ко мне? Она на самом деле уверена, что все это — лишь игра моего воображения?

— Мисс Крайль, буду с вами откровенен. Гизела так не считает. Но об этом подумал я, когда она обо всем рассказала...

— Ну а теперь? Что вы скажете?

— Трудно сказать что-то определенное без проведения тщательного психиатрического обследования.

— Мое психическое здоровье никогда и никем не подвергалось сомнению, — горячо запротестовала Фостина. — Мое физическое состояние никогда не выходило за пределы нормы. Правда, я немного анемична, но я принимаю железистые соединения и витамины. Вы и впрямь считаете, что необходимо провести психиатрическое обследование?

— Все можно выяснить и другим, гораздо более простым способом, если только, конечно, вы на это отважитесь.

— В чем он заключается?

— Разрешите мне поговорить с миссис Лайтфут от вашего имени. Она обязана дать какие-то объяснения. Мне она может сообщить такое, о чем никогда не расскажет вам. Гизела говорила, что у вас нет ни семьи, ни близких. Это правда?

— Да. У меня действительно никого из близких не осталось, кроме мистера Уоткинса. Он был адвокатом моей матери. После ее смерти он стал моим доверенным лицом и опекуном.

— Он знает о случившемся?

— Мистер Уоткинс — старый, практичный человек, который не терпит неясностей. Но что определенного могла я ему сооб-

пить, кроме того, что меня уволили без каких-либо объяснений на этот счет?

— Кто-то из нас должен повидать миссис Лайтфут. Либо он, либо я от вашего имени.

— Лучше, если это будете вы.

— Но такой шаг грозит вам серьезными испытаниями. Готовы ли вы?

— Я согласна.

— Умница. Я зайду к вам утром, — торопливо произнес Базиль. — Сколько еще вы здесь пробудете? Несколько дней?

— Да, хочу воспользоваться представившимся шансом, чтобы немного отдышаться и прийти в себя.

— Ну а потом?

— Если мне удастся найти другую работу, поеду в Нью-Джерси. Мать оставила мне коттедж на берегу моря в Брайтси. Я могу перебраться там эту зиму.

— Надеюсь, вы не утратите благоразумия. Не сочтите меня нахалом, но... каково ваше финансовое положение?

— Во-первых, мне положено жалование за шесть месяцев в школе миссис Лайтфут, во-вторых, у меня есть кое-какие сбережения. В общем, достаточно, чтобы протянуть несколько месяцев, если не транжирить деньги.

— И это все?

— К тому же в день своего тридцатилетия унаследую от матери еще кое-что. Драгоценности. Большею частью — безделушки, но, по мнению мистера Уоткинса, там есть несколько весьма дорогих камней. Мистер Уоткинс готов выдать мне в качестве аванса часть их залоговой стоимости, если мне понадобятся деньги до осени следующего года. Мне исполнится тридцать в октябре.

— Почему вы не унаследовали и остальную часть вместе с коттеджем?

— Этот дом не представляет большой ценности, и мать передала мне его сразу, когда я автоматически получила право на наследство, достигнув совершеннолетия. Но несколько драгоценных камней являются моим единственным надежным капиталом на всю жизнь, и мать опасалась, как бы я их не продала и не растранила деньги, если бы получила их в наследство в незрелом возрасте, когда еще не умеешь по достоинству оценить такое достояние. Видите ли, когда она умерла, мне было всего семь лет. Она оставила мне достаточно наличными, так что я без хлопот могла закончить школу и колледж. На каникулы мистер Уоткинс обычно отправлял меня в летние оздоровительные лагеря за свой счет. У него не было ни жены, ни детей, и он на самом деле не знал, что со мной делать. Я помню свою мать. Это была очень красивая женщина с золотисто-каштановыми волосами, в накидке из тюленьей кожи, в белых перчатках на руках и фиалками, припиченными к муфте. Я совсем не помню отца, так как он умер, когда я была еще совсем младенцем. Я не интересовалась родственниками с его стороны. Пару раз спрашивала об этом мистера Уоткинса, но он всегда заверял, что у меня

нет родственников ни с той, ни с другой стороны и что я должна привыкнуть к мысли о своем одиночестве в этом мире.

— После встречи с миссис Лайтфут мне хотелось бы поговорить с мистером Уоткинсом. Как можно с ним связаться?

— Его контора находится на углу Бродвея и Уолл-стрит.

Базиль удивился.

— Уж случайно не Септимус Уоткинс? — Он предполагал, что «мистер Уоткинс» — какой-то запатный крючкотвор, располагающий небольшой конторкой в полутемном переулке. Ничто в облике Фостины не говорило о том, что адвокат ее матери — одно из знаменитейших светил юриспруденции.

— Да. Но, если вы хотите встретиться с ним, придется подняться ни свет ни заря. У него весьма странные часы приема посетителей — от шести до семи утра.

Базиль поднялся, и Фостина проводила его до лифта.

— Надеюсь, вы позвоните мне, когда вернетесь в Нью-Йорк?

— Непременно. — Он окинул ее внимательным взглядом. — Хочу спросить у вас еще об одном. Как вам в голову пришла идея взять с полки Гизелы первый том «Воспоминаний» Гете? У вас были на то какие-то особые причины?

— Нет, никаких. Я всегда интересовалась Гете. Доктор Уиллинг...

— Я вас слушаю.

Фостина глубоко вздохнула.

— Что бы завтра ни рассказала миссис Лайтфут, прошу вас, верьте мне, верьте в мое чистосердечие.

— Я ведь собираюсь отстаивать ваши интересы, — с серьезным видом ответил Базиль. — Не хотите ли сказать мне еще что-нибудь?

— Нет, ничего, — прошептала она, — просто мне хотелось бы увидеться с вами сразу же после вашего возвращения из школы.

— Я позвоню завтра вечером. Вы едете со мной? — спросил он, указывая на кабину лифта.

— Нет. Это лифт-экспресс, а я живу на шестнадцатом этаже. Спокойной ночи, благодарю вас.

Стремительно приближаясь в лифте к первому этажу, Базиль пытался ответить на вопрос, что бы она ему еще рассказала, если бы кабина прибыла на верхний этаж на минуту-другую позже...

На следующее утро, в половине десятого, Базиль поручил своей секретарше позвонить в адвокатскую контору Септимуса Уоткинса, его секретарше, и условиться с ней об удобном времени для встречи с главой фирмы. Она положила трубку и, с удивлением взглянув на шефа, сообщила довольно странную вещь:

— Его секретарь говорит, что мистер Уоткинс не назначает встреч с клиентами.

Раздраженный таким бесцеремонным отказом, Базиль сам взял трубку и повторил вопрос. Мужской голос нараспев повторил ту же фразу, словно какой-то ритуал:

— Мистер Уоткинс не назначает встреч своим клиентам.

— Но...

— Вы при необходимости можете встретиться с ним в любой день, но только рано утром, между шестью и семью часами.

— Вы что, шутите? — возмущенно закричал в трубку Базиль. — Вы даже не соизволили поинтересоваться, кто говорит с вами.

— Простите, сэр. Этого не требуется. Мистер Уоткинс с шести до семи утра принимает любого клиента без предварительного согласования.

Базиль в сердцах швырнул трубку и спустился вниз, к машине. Чтобы доехать до Бреретона, потребовалось два часа непрерывной езды «с ветерком». Он притормозил, въезжая в старые железные ворота и окидывая придирчивым взглядом особняк, представлявший собой безвкусную казарму красной кирпичной кладки, которая казалась сероватой в сумеречном свете, пробивавшемся через ноябрьские облака.

На его звонок вышла горничная в голубом фартуке. Скучающее выражение на ее лице сразу же испарилось, как только она заметила незваного гостя-мужчину.

— Дома ли миссис Лайтфут?

— Она вам назначила, сэр?

— Нет, но, думаю, она примет меня, если вы соизволите передать ей мою визитку.

Губы девушки беззвучно шевелились, когда она разбирала содержание визитной карточки: «Доктор Базиль Уиллинг, помощник прокурора нью-йоркского округа по медицинской части». Она взглянула на него с нескрываемой жадной закоренелой любительницы автографов, но вдруг, вспомнив о требованиях хорошего тона, сказала:

— Прошу вас, сэр, войдите. Я выясню, дома ли миссис Лайтфут...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Доктор Уиллинг? — громко произнесла миссис Лайтфут, стоя у края письменного стола в своем кабинете. Она пренебрежительно зажала визитную карточку Базиля между большим и указательным пальцами. — Но здесь ведь Коннектикут, а не Нью-Йорк. И вообще я не вижу, с какой стороны может заинтересовать Бреретон окружного прокурора или его помощника по медицинской части.

— К сожалению, у меня в кармане оказалась только эта карточка, — пояснил Базиль. — Моя работа в окружной прокуратуре — лишь часть моей деятельности. Прежде всего я врач-психиатр.

Слово «психиатр», судя по всему, так же подействовало на миссис Лайтфут, как и словосочетание «окружной прокурор».

— Кажется, вы — знакомый одной из моих преподавательниц, мисс фон Гогенемс. Я помню ваш телефонный звонок сюда, в школу.

— Мисс фон Гогенемс познакомила меня с мисс Фостиной Крайль.

Миссис Лайтфут тяжело вздохнула.

— Не хотите ли вы тем самым сказать, что намерены вернуться к этому злосчастному делу? — Она мастерски демонстрировала сдержанное негодование. — Это может самым неприятным образом отразиться на всех заинтересованных лицах, да и на самой мисс Крайль прежде всего.

— Неужели вы считаете, что поступили справедливо, уволив учительницу без характеристики и не приведя при этом никаких серьезных причин?

— Садитесь, пожалуйста, доктор Уиллинг. Вы утверждаете, что я уволила мисс Крайль, не предъявив ей никаких формальных обвинений. Это правда. Я даже не стала расследовать более чем странные обвинения, выдвигаемые против нее другими.

— Почему?

— Потому что я не обладаю вульгарным любопытством.

— Вульгарным любопытством? — переспросил Базиль и улыбнулся. — Любопытство — это побочный корень нашей интеллектуальной жизни, наиболее ценная из наших обезьяноподобных черт.

Миссис Лайтфут ответила ему улыбкой на улыбку, правда, ценой небольшого усилия над собой.

— Позвольте вам лучше объяснить смысл моих слов. Даже если все невероятные истории, которые рассказывают о мисс Крайль, являются ложью или галлюцинациями, мне абсолютно все равно. Так как их воздействие на школьную атмосферу — ложь они или правда — от этого не меняется.

— Но это далеко не все равно для мисс Крайль. Почему ей ничего не объяснили? Ведь она, несомненно, чем-то заслужила такое повышенное к себе внимание!

— В большинстве случаев, может, и да. Но суть не в том. При таких обстоятельствах, чем скорее все будет забыто, тем лучше для всех действующих лиц. Так что же вы хотите, доктор Уиллинг?

Он ответил ей с той же откровенностью.

— Выяснить, по какой причине была уволена мисс Крайль. Вы выдали ей шестимесячное жалование всего за пять недель работы. За этим, вероятно, кроется какой-то нешуточный мотив?

— Да, конечно. А сама мисс Крайль не намекнула вам на этот самый... нешуточный мотив?

— Она не в состоянии этого сделать, поскольку не имеет понятия о причинах...

— Я никогда до конца так и не была уверена в том... что мисс Крайль на самом деле представляла себе, что происходит здесь, в Бреретоне. Иногда мне казалось, что она все же отдает в этом себе отчет, более того, сама является зачинщицей, хотя я никак не могла уразуметь, в силу каких причин. Иногда мне приходила в голову мысль, что она стала жертвой каких-то внешних сил, ничего о них не знает и не в состоянии сдерживать их натиск.

— Внешних сил? — удивился Базиль. — Все это звучит весьма расплывчато. Конечно, существуют какие-то обстоятельства, таящиеся в тени, которые могут вызывать подозрения и не поддаваться проверке. В таком случае вы могли бы уволить мисс Крайль, так как не желали брать на себя определенный риск. Но

вы сделали бы это, конечно, не приводя истинных причин, так как она могла бы привлечь вас к суду за клевету или необоснованные обвинения в ее адрес. Именно так рассуждают многие, когда узнают об увольнении мисс Крайль без указания побудительных причин. Это ведь тоже не красит вашу школу.

Оторвав взгляд от стола, миссис Лайтфут посмотрела на Базилю.

— Здесь ничего подобного не происходило. Вероятно, все же мне придется рассказать вам обо всем. Это не займет много времени, так как осталось всего четыре свидетеля. Остальные семеро уехали. — Она нажала кнопку звонка на столе. — Но прежде, чем появится Арлина, я хочу вам кое-что пояснить. Я до сих пор не знаю, правда ли все то, что говорилось здесь о мисс Крайль, или ложь. Но я знаю другое. Она могла быть причиной всего того, что здесь происходило, но могла и не быть ею. Но теперь, когда ее здесь нет, все прекратилось. Поэтому она и должна была уехать и поэтому я и не возьму ее назад, независимо от того, с какой горячностью вы станете взывать к моему состраданию...

Ее речь прервал стук в дверь.

— Войдите!

Дверь отворилась, и в комнату вошла та же горничная, которая встречала Базилю на пороге дома.

— Вы звонили, мадам?

— Да. Вот, доктор Уиллинг, перед вами наша вторая горничная — Арлина Мёрфи. Закрой дверь, Арлина, и подойди поближе. Будь любезна, повтори специально для доктора все, что ты рассказала мне о мисс Крайль.

— Но ведь вы сами предупреждали меня, чтобы я ничего не рассказывала.

— Я освобождаю тебя от обещания, но только на этот раз.

— В первый раз это случилось месяц назад, как раз две недели спустя после начала нового учебного года, — приступила к рассказу Арлина. — Я была наверху, в комнатах, и разбирала постели на ночь. Закончив работу, я начала спускаться по черной лестнице. Мне нужно было пройти в гостиную, чтобы разжечь там камин и выбросить мусор из корзины. Я бы, конечно, могла сэкономить пару минут, если бы спустилась по передней лестнице, но миссис Лайтфут требует, чтобы мы спускались только по черной. Ну, я и выполнила ее распоряжение.

Уже темнело, — продолжала Арлина, — но еще было достаточно света, чтобы разглядеть ступеньки. Черная лестница отделена стеной, в которой есть два окна. Вот тогда... — Она нервно хихикнула, а по ее внезапно побледневшему лицу пробежала нервная дрожь. — Вот тогда я увидела мисс Крайль, которая поднималась по лестнице мне навстречу. Я не придавала этому никакого значения. Просто мне показалось забавным, что она пользуется черной лестницей. Я столкнулась с ней совершенно случайно, на первом повороте, и прижалась к стене, чтобы дать ей возможность беспрепятственно пройти, сказав при этом: «Добрый вечер, мисс!» Она ничего не ответила, даже не посмотрела на меня, а просто продолжала подниматься на второй этаж. Это

мне показалось весьма странным, но я не придавала этому большого значения. Я отправилась на кухню, и вдруг опять, — Арлина снова осеклась, чтобы слотнуть слюну, — там оказалась... мисс Крайль! Клянусь перед Богом, сэр, она не могла пройти на кухню через холл наверху, переднюю лестницу и столовую за такое короткое время, которое понадобилось мне, чтобы спуститься на кухню с черной лестницы. Она никак не могла этого сделать, даже если бы стремглав пробежала весь путь. Я стояла на кухне словно ошарашенная и во все глаза смотрела на нее. Мне казалось, что я схожу с ума. Затем, придя в себя, я сказала: «Боже, мисс, ну вы меня и напугали!» Она была крайне удивлена и спросила: «Кто? Я? Что ты имеешь в виду?» Я ответила: «Могу поклясться, что только что видела вас на черной лестнице. Вы поднимались по ней мне навстречу, когда я с нее спускалась». На что она заявила: «Вероятно, ты ошиблась, Арлина. Я с трех часов сидела на лужайке и писала этюд. Я с минуты назад вернулась в дом и еще не поднималась наверх».

Кухарка подтвердила ее слова. «Действительно, — сказала она, — мисс Крайль находится рядом со мной с того момента, как вошла сюда со двора».

Я не сдавалась: «Но я видела вас, мисс Крайль. Всего пару секунд назад, когда спускалась по лестнице, а вы в это время поднимались мне навстречу». На что мисс Крайль ответила: «Это, вероятно, был кто-то другой, на ком было похожее голубое пальто».

Я настаивала: «Извините меня, мисс, но это были вы, и никто другой. Я видела собственными глазами... ваше лицо».

— А чем занималась мисс Крайль на кухне? — спросил Базиль.

— Она принесла туда свой мольберт, ящик с кистями и промывала их в мойке. Все время перед этим она провела во дворе, где рисовала крохотные пурпурные цветочки, которые распускаются поздней осенью.

— Были ли те две женские фигуры одинаково одеты? Та, с которой ты столкнулась на лестнице, и та, которую ты видела на кухне?

— Да, сэр. Их наряды были похожи как две капли воды. Коричневая фетровая шляпка и голубовато-серое пальто.

Все слишком простенько, на мой вкус. Никакой меховой отделки. Никакого стиля. И коричневые туфли, те самые, без язычков, с перекрестной шнуровкой, которые называются «шотландскими».

— Были ли поля у шляпки?

— Гм-гм... Кажется, были. Можно сказать, со свисающими полями. Все уже давно не в моде!

Базиль про себя возносил благодарность Богу за то, что эта неотесанная девушка обладала наметанным взглядом в отношении нарядов других женщин...

— Достаточно ли отчетливо видела ты лицо мисс Крайль?

— Видела ли я его отчетливо? И да, и нет. Во-первых, я ведь не старалась на нее глазеть. Во-вторых, край шляпы был опущен

на глаза. Но вот ее подбородок, ее рот я видела отчетливо. Готова поклясться, что это была она. Хотя, знаете, сэр, как иногда бывает... Если что-нибудь подобное происходит еще раз или два, то начинаешь, ну как это, сомневаться, что ли, в себе самой и говоришь: «Вероятно, я ошиблась!» Точно так же сомневаешься, если ничего подобного больше не происходит.

— Ну и что, ничего подобного больше на самом деле не происходило?

— Что вы, это было только начало!

Очень скоро другие горничные стали рассказывать точно такие же истории о мисс Крайль. В тот самый день, когда мисс Крайль уезжала, она находилась на кухне, собирая букеты цветов, а мисс Айтчисон с мисс фон Гогенемс возвращались домой через черный ход. Я слышала, как мисс Крайль сказала в разговоре с мисс Айтчисон: «Последние полчаса я провела в саду», — а мисс Айтчисон ответила ей с какой-то странной интонацией в голосе: «А мне показалось, что я видела ваше лицо в окне второго этажа». Эти слова меня так потрясли, что я выронила из рук поднос. Видите ли, дело в том, что в это время я была наверху, где разбирала постели на ночь, как обычно. Там никого не было, но вдруг я услышала шаги...

— Доктора Уиллинга интересует только то, что ты видела собственными глазами, — вмешалась миссис Лайтфут.

— Могу побиться об заклад, он мне не верит. — Арлина скосила глаза на Базиля. — Поначалу и миссис Лайтфут не верила. Она устроила мне допрос, в результате чего посоветовала обратиться к врачу. Я показала врачу, и он не нашел ничего подозрительного.

— Да, Арлина действительно обратилась к своему семейному доктору. Обычный терапевт, практикующий в небольшом городке. Вряд ли ему под силу поставить точный диагноз в таком сложном случае. Я предложила ей оплатить все расходы, если она обратится к какому-нибудь психиатру в Нью-Йорке, но она наотрез отказалась.

— Ради чего тащиться за пятьдесят миль к этому психу, который промямлит: «Что это у вас, что, что такое?» Нет, увольте. Я видела одного такого в кино, — добавила она мрачно.

Базиль не спускал внимательного, испытующего взгляда с лица миссис Лайтфут. Она резко перебила:

— Достаточно, Арлина, хватит. Сколько можно твердить одно и то же? И не тебе обсуждать цель визита доктора Уиллинга... А теперь попроси мисс Вайнинг и мисс Чейз явиться ко мне в кабинет немедленно.

— Слушаюсь, мадам! — Лицо Арлины вновь стало замкнутым и утрюмым. Мягко ступая по полу, она вышла из кабинета и тихо закрыла за собой дверь.

— Ну, — миссис Лайтфут с вызовом посмотрела на доктора, — вы, вероятно, этого не ожидали?

— Едва ли. Но я начинаю понимать кое-что. — Он загадочно улыбнулся. — Гете. Первый том «Воспоминаний». Серая обложка

с золотым тиснением. Вы входите в комнату, появляетесь на улице, идете по проселочной дороге. Вдруг замечаете впереди себя какую-то фигуру — осязаемую, вещественную, в ярком наряде. Она движется, подчиняется всем законам оптики. Ее одежда и походка вам кого-то отдаленно напоминают. Вы убыстряете шаг, чтобы посмотреть на нее поближе. Она поворачивает голову — и вы видите себя самого. Или скорее собственное зеркальное отражение. Вы начинаете отдавать себе отчет в том, что перед вами — двойник. Но больше всего вас пугает, что, по преданию, тот, кто видит своего двойника, должен в скором времени умереть...

— Как психиатр, вы, вполне естественно, знаете историю сего предмета, — перебила его миссис Лайтфут. — Я лично познакомилась с этим явлением всего несколько дней назад. Предание об этих явлениях весьма любопытно с психологической точки зрения.

— Но, вероятно, оно вызывает излишнее любопытство, чего нельзя поощрять в школе для девочек?

— Совершенно верно. Мне хотелось бы знать, являются ли такие видения чем-то абсолютно субъективным, или же, при некоторых неизвестных нам обстоятельствах, определенный слой воздушной атмосферы может играть роль зеркала?

Базиль в упор посмотрел на собеседницу:

— Скажите, может ли какая-нибудь из ваших воспитанниц иметь зуб на мисс Крайль?

— Нет. А почему вы задаете такой вопрос?

— Традиционно двойник всегда ассоциируется со смертью, независимо от того, перед кем он предстает. Таким образом, появление двойника мисс Крайль, что бы он там ни затевал, может стать символическим знаком скорой смерти мисс Крайль. В психологическом плане его можно уравнивать с угрожающим анонимным посланием. Мисс Крайль не пользовалась здесь любовью, но, может, кто-то особенно ее ненавидит?

Миссис Лайтфут открыла рот, чтобы ему ответить, как в дверь кабинета постучали...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мэг и Бет благопристойно вошли в кабинет и вежливо присели, когда миссис Лайтфут представила их Базилью.

Мэг была юной и свежей, словно пунцовая роза на рассвете, но Базиль по чувствительному изгибу губ сразу заметил ее нервный темперамент. Бет являла собой разительный контраст с подругой. У нее были светло-коричневые волосы, подстриженные под голландского сельского паренька, а узкое лицо сплошь усыпано веснушками.

Обе они с самым серьезным видом выслушивали то, что им объясняла миссис Лайтфут.

— Вы обе дали обещание никому больше не рассказывать о том случае, который произошел с вами в классной комнате, когда там находилась мисс Крайль. Теперь я освобождаю вас от

него. Но только на этот раз. Я хочу, чтобы вы подробно рассказали доктору Уиллингу обо всем, что случилось...

— Это случилось в прошлый вторник, — начала Мэг. — Мы сидели вдвоем в классной комнате на первом этаже. Я писала письмо своему брату Раймонду, а Бет — своей мамушке. Все наши девочки и большинство учительниц прогуливались по тропинке для верховой езды. Для ноября выдался очень теплый денек. Окно в нашем классе было открыто настежь, и солнце сияло вовсю, ярко освещая лужайку, которая сбегает вниз, к ручейку. Мисс Крайль сидела как раз напротив окна, и я ее отчетливо видела. Она установила свой мольберт посередине лужайки и начала рисовать какую-то акварель. На ней было голубое пальто и коричневая шляпка. У ее ног стоял ящик с красками, и она держала в левой руке палитру. Задумавшись на минуту, что же мне писать дальше, я подняла голову и принялась наблюдать за тем, как ловко она орудует кистью.

— Ты забыла про кресло, — перебила ее Бет.

— Какое кресло? Ах, то, с голубой обшивкой! — Мэг повернулась к Базилу: — В холле, сразу за этим классом, стоит кресло с чехлом из твида голубого цвета. Его хорошо видно из классной комнаты, когда открыта дверь. Мы обычно называли это кресло «стулом мисс Крайль», так как она частенько в нем сидела. Ей нравилось любоваться оттуда нашим садом из растворенного окна в холле.

— Я ожидала, что она, как обычно, придет домой и усядется в свое любимое кресло, — добавила Бет. — И вот тогда все это и произошло.

— И что же случилось? — нетерпеливо переспросил ее Базиль.

— Разве миссис Лайтфут вам не говорила? — Мэг, которая отличалась живостью, вдруг словно окаменела, и Бет, взяв на себя инициативу, продолжила рассказ с апломбом выдавшей виды взрослой женщины.

— Я подняла голову и увидела мисс Крайль, которая совершенно бесшумно вошла в холл. Я совсем не слышала ее шагов. Через минуту она уже сидела в голубом кресле, опустив руки на колени и прислонив голову к спинке, словно устала от работы. Глаза ее были открыты и устремлены куда-то вдаль.

— У нее был рассеянный взгляд, — попытался подсказать ей Базиль.

— Да, это я как раз и имею в виду. На ней по-прежнему было голубое пальто и коричневая шляпка. Но рядом не было ни ящика с красками, ни мольберта. Она не смотрела в мою сторону и не пыталась заговорить со мной. Просто неподвижно сидела в кресле. Тут я нечаянно выглянула в окно и... — Бет осеклась, видно, у нее сдали нервы. — Расскажи-ка об этом лучше ты, Мэг, — обратилась она к подруге.

— Но он... он мне не поверит, — возразила Мэг.

— А ты все же попробуй! — предложил Базиль и, видя, что она колеблется, задал ей наводящий вопрос: — А в это время мисс Крайль спокойно рисовала за окном, не так ли?

— Откуда вам это известно? — Мэг бросила стремительный взгляд на Базиль. — Наверное, вам рассказала миссис Лайтфут.

Видите ли, в этот момент я услышала, как Бет начала задыхаться. Я оглянулась. Лицо ее ужасно побледнело, стало белым, как полотно. Она, не отрываясь, разглядывала обеих мисс Крайль — одну, сидевшую в кресле в доме рядом с нами, и другую — ту, которая находилась за окном и сидела за мольбертом на лужайке.

— Ты заметила какое-либо различие между двумя фигурами? — поинтересовался Базиль.

— Та, которая была в кресле, сидела в нем абсолютно неподвижно, не шевелясь. Та, за окном, продолжала двигаться, только... — Голос у Мэг упал.

— Только что?

— Вы, вероятно, помните из моего рассказа, как быстро и ловко она работала кистью. Она у нее просто летала от палитры к полотну, словно клевик у птички, клюющей зерна.

— Ну и что?

— А после того, как мы увидели фигуру, сидевшую в кресле, вторая фигура там, за окном, замедлила движения. Они у нее стали какими-то вялыми, тяжеловесными, словно она смертельно устала.

— Она мне напоминала лунатика, — вставила Бет.

— На каком расстоянии от вас находилась каждая из фигур?

— Та, на лужайке, находилась от нас на расстоянии добрых сорока футов, — быстро сообразив, ответила Бет. — Я знаю, что от лужайки до ручья шестьдесят футов, а она сидела как раз посередине. Та, которая отдыхала в кресле, находилась от нас на расстоянии около тридцати футов, — так я предполагаю. Наш класс — это узкая, вытянутая комната, а холл широкий, в нем много свободного пространства.

— Ты сказала, что лужайка была ярко освещена солнцем. А насколько светло в это время было в холле?

— Мы писали письма при дневном свете, — сказала Мэг. — Было около трех часов дня, и еще не начинало темнеть. Но эта сторона дома освещается полуденным солнцем, поэтому венецианские жалюзи на окнах были наполовину подняты. Значит, в холле было чуть темнее, чем обычно. Вероятно, еще и от того, что за окном свет был значительно ярче.

— Как долго наблюдали вы за второй фигурой, сидевшей в кресле?

— По крайней мере минут пять, — неуверенно произнесла Мэг.

— Это было просто ужасно! — Голос Бет сорвался на визг. — Вы только представьте себе, сидим мы вдвоем, напротив в кресле расположилась эта странная фигура, а настоящая мисс Крайль находится там, за окном, сидит на лужайке и рисует.

— Может, этот инцидент занял минуту-другую, но тогда мне казалось, что минули столетия, — перебила ее Мэг. — Затем фигура, сидевшая в кресле, поднялась и бесшумно удалилась из холла. Казалось, она растворилась в густых тенях в дальнем его конце, возле столовой. В этот миг Бет завизжала и упала в обморок, а мисс фон Гогенемс вбежала в классную комнату из библиотеки.

— Придя в себя, я увидела, что в ней ничего не изменилось, — добавила Бет. — Я имею в виду, конечно, мисс Крайль. Она быстро двигалась и говорила с нами так, словно ей ничего не известно о том, что здесь произошло.

— Ты заметила лицо той женщины, которая сидела в кресле?

— Конечно, — уверенно сказала Бет. — Это было лицо мисс Крайль.

— Это был первый случай, когда вы столкнулись со странностями мисс Крайль?

Девочки переглянулись.

— Мы слышали разные истории. Но своими глазами увидели все впервые.

— Какие истории? — поинтересовался Базиль.

— Ну, — опять начала Бет. — Говорили, что мисс Крайль появляется неожиданно в таких местах, где никак нельзя было ее ожидать. Дело в том, что ее видели, скажем, в одном месте, а через мгновение в другом. Сначала все считали, что это какая-то ошибка, просто недоразумение. Но когда такое происходит пять или шесть раз подряд и все время только с мисс Крайль, все начинают перешептываться, искать в этом что-то предосудительное, выискивать странности в поведении самой мисс Крайль...

— Спасибо, девочки. Если у доктора Уиллинга нет вопросов, можете идти, — твердо проговорила миссис Лайтфут.

Базиль встал со своего стула, подошел к двери и распахнул ее. Девочки, расплывшись в улыбке, нараспев протянули:

— До свидания, доктор Уиллинг.

Он закрыл дверь и повернулся к миссис Лайтфут.

— Ну, — сказала она с ноткой усталости в голосе, — можете представить себе, что чувствовали родители детей, когда самые изощренные версии стали просачиваться из школы и доходить до их ушей? Девушки сообщали обо всем в своих письмах домой. В результате уже пять воспитанниц покинули мою школу.

— Вы обмолвились, что выбыло семь свидетельей.

— Кроме этих пяти учениц, уехали две горничные, даже не поставив меня в известность. Их примеру могут последовать другие. Родители тоже могут забрать еще многих, если только этим разговорам не положить решительный конец. Вот почему мисс Крайль должна была отсюда уехать. Конечно, родителям невдомек, что все эти рассказы о мисс Крайль — истинная правда. Они считают, все это — темное дело, приступ истерики среди суеверных воспитанниц, что свидетельствует о неспособности нашей школы сохранять на должном уровне интерес девочек к нормальной учебе, работе и театральной практике.

— Но ни Маргэрит, ни Бет еще не уехали, — сказал Базиль. — Написали ли они своим родителям о том, что здесь происходит?

— У Маргэрит нет родителей, один брат. Довольно легкомысленный молодой человек лет двадцати четырех, который спустя рукава относится к своим обязанностям опекуна. Родители Элизабет в разводе. Ее мать обивает пороги судов, пытаясь добиться от бывшего супруга большей суммы алиментов, а отец — завсегдатай ночных клубов на Пятьдесят второй улице. Она пришла

к нам в школу десятилетней девочкой. Маргэрит появилась у нас этой осенью.

Базиль стоял посередине кабинета, опершись одной рукой о плиту камина.

— Скажите, кто-нибудь еще в вашей школе видел двойника мисс Крайль на таком близком расстоянии, которое позволяло бы произвести надежную его идентификацию? Кроме двух тринадцатилетних девочек и горничной семнадцати или восемнадцати лет?

Миссис Лайтфут сразу догадалась, что имел в виду доктор.

— Как вы помните, я говорила еще и о четвертом свидетеле. Это человек среднего возраста, трезво мыслящий, рассудительный и наблюдательный, причем настроенный довольно скептически.

— И кто же он?

— Это я.

Рука доктора Уиллинга резко соскользнула с каминной плиты.

— Вы серьезно?

— Абсолютно. Будьте настолько любезны, сядьте на свое место и закуривайте, если хотите. Это случилось в тот день, когда мисс Крайль уезжала. Меня пригласили на обед в одно семейство. Завершив свой туалет, около шести вечера я вышла из комнаты и спустилась по лестнице, держась одной рукой за перила и продвигаясь довольно медленно из-за своей длинной, сдерживающей шаг юбки. Когда я дошла до первой площадки, кто-то, вероятно спешивший больше меня, пронесся мимо, без всяких извинений, и я заметила, что это мисс Крайль. На ней была коричневая шляпка и застегнутое наглухо пальто голубого цвета — единственный ее наряд для выхода на улицу.

Я была просто возмущена такой грубой выходкой. Конечно, у нее были основания сердиться на меня, но что может быть противнее выражения своего гнева с помощью дурных и развязных манер. Я остановилась и стояла, как вкопанная. Повысив голос, я постаралась придать ему как можно больше строгости и негодования. Должна признаться, мне это удалось. Я громко позвала ее: «Мисс Крайль!» И она тут же откликнулась: «Да, миссис Лайтфут». Но голос мисс Крайль донесся из холла верхнего этажа, расположенного над моей головой, хотя в эту самую минуту я отчетливо видела удалявшуюся от меня вниз по лестнице фигуру. Она тут же растворилась в темноте нижнего холла.

Я отшатнулась от перил, со мной такое случается нечасто. Быстро повернув голову, я обвела взглядом всю лестницу и на верхней площадке увидела мисс Крайль. На ней была та же коричневая шляпка и то же наглухо застегнутое пальто голубого цвета. Ее интеллигентные, яркие, полные жизни глаза заглядывали в мои, и она повторила: «Да, миссис Лайтфут, вы звали меня?» Я никак не могла принять ее за кого-то другого. Это была мисс Крайль. Но кто же тогда торопливой походкой проскочил мимо меня по лестнице, оставив за собой характерный сквознячок? Я еще раз посмотрела вниз. Там, в нижнем холле, не было ни души, ничего, кроме причудливых теней.

Помедлив секунду, я спросила: «Давно ли вы там стоите?»

«Всего несколько секунд, — ответила она. — Я так спешила, что хотела обогнать вас на лестнице, прошмыгнуть мимо. Но, конечно, вовремя остановилась. Я не могла допустить такой грубости».

Значит, у нее был какой-то, так и не реализованный импульс обогнать меня на лестнице... Трудно объяснить, почему все это меня до такой степени взволновало. Мне стоило немалых усилий продолжить спуск по лестнице и вступить в эти чудовищные разлапистые тени. Конечно, там никого не было, никого, кроме Арлины, которая выходила из кухни через столовую, чтобы зажечь свет в гостиной и холле. Я спросила, не видела ли она кого-нибудь? Она ответила отрицательно.

Но у той женщины, которая обогнала меня, были только две возможности выйти из холла нижнего этажа — либо через гостиную, либо через парадную дверь. А я отвлеклась от этой двери буквально на несколько секунд, когда посмотрела наверх, туда, где стояла мисс Крайль.

— Вы упомянули об ощущении сквозняка в тот момент, когда двойник быстро прошел мимо вас. Слыхали ли вы при этом какой-нибудь звук? Шелестение платья?

— Я не слышала ничего.

— А шаги?

— И шагов тоже. На лестнице толстый мягкий ковер.

— От любого человека обязательно исходит какой-то слабый запах или даже определенное сочетание запахов, — принялся вслух размышлять Базиль, — пудра, помада, тальк для волос, лосьон для перманента или одеколон для бритья, йод или какое-то другое лекарство. Запахи пищи, вина, табака. Запахи, исходящие от одежды, — нафталин, вакса для обуви, раствор для выведения пятен. Вы — единственный свидетель, который оказался в непосредственной близости с двойником. Вам удалось почувствовать какой-нибудь, пусть мимолетный, запах?

Миссис Лайтфут энергично замотала головой.

— А какими духами обычно пользовались мисс Крайль?

— Лавандой. Она всегда брызгала ее на свой носовой платок.

— Вы не почувствовали запаха лаванды, исходящего от двойника?

— Нет. — Миссис Лайтфут перешла на ироничный тон. — Нельзя же ожидать запаха от отражения в зеркале, не правда ли? Или, скажем, от миража?

Базиль затянулся сигареткой.

— А как вы объясните тот факт, что двойник мисс Крайль появился только здесь, в школе Бреретон?

Миссис Лайтфут приберегла свою тяжелую артиллерию напоследок.

— Не хотелось вам говорить, Молли Мейдстоун — моя подруга. Она рассказала мне правду несколько дней назад, вырвав у меня клятву о неразглашении того, что мне сообщила. Ладно, теперь я скажу.

— Что именно?

— Мисс Крайль в прошлом году покинула школу Мейдстоун точно по той же причине, по какой была вынуждена уехать отсюда, из Бреретона.

В то утро, во вторник, Гизела проснулась на рассвете. Яркие лучи солнца уже пробивались в окно. Она спустилась по лестнице к главному входу, прошла по южной лужайке к увитому виноградными побегами летнему домику и выбрала там себе место поудобнее, чтобы полюбоваться садом.

— Кто рано встает, тому Бог подает!

Молодой мужской голос заставил ее вздрогнуть. Закинув голову, она увидела над собой молодежливое лицо, под стать голосу, — классический овал, говорящий о наличии в незнакомце итальянской крови, хотя кожа его была абсолютно белая. Это был стройный юноша почти с детскими чертами лица. Озорные искорки в его голубых глазах то вспыхивали, то гасли за густыми золотистыми ресницами. Губы нервно дрожали, и, казалось, с них вот-вот вспорхнет усмешка.

— Кажется, я вас не знаю.

— А я вас знаю. — Не ожидая приглашения, он плюхнулся на другой край скамьи и забросил ногу на ногу.

— Вы — Гизела фон Гогенемс. Я узнал многое о вас из одного безупречно чистого источника, и вы мне ужасно нравитесь.

— Почему?

— Ах. — Он сделал широкий жест рукой. — Несчастливая беженка, без гроша в кармане, красивая и молодая, предпринимающая недюжинные усилия, чтобы добиться чего-то в чужой стране.

— К великому сожалению, вынуждена испортить набросанную вами романтическую картину, — произнесла Гизела. — Во-первых, я не столь молода, а во-вторых, отнюдь не без гроша. Я здесь неплохо зарабатываю.

— Вся загвоздка в этом слове «зарабатывать». Вы ничего не должны зарабатывать, а просто неподвижно сидеть и демонстрировать свою красоту.

— И помереть от тоски? Нет уж, благодарю. Ну, а вы-то отдаете себе отчет в том, что находитесь на территории женской школы? У нас предусмотрены определенные часы для посещения лиц мужского пола. А шесть утра в распорядке не упоминаются.

— Ну вот, опять эти правила, строгая регламентация жизни! — с возмущением воскликнул он. — Терпеть не могу правил и всегда их нарушаю. Имейте в виду.

— Не думаю, что такое объяснение удовлетворит нашу директрису, миссис Лайтфут. — Гизела встала. — По-моему, вы не пьяны, но...

— А почему бы и нет?

— Но кто пьет в такую рань?

— Вот вам еще одно правило, которое я неизменно нарушаю. Но на сей раз я трезв... Я уничтожен. Раздавлен. И кем бы вы думали? Вами!

— Рей, дорогой! А я и не знала, что ты уже здесь! — Невысокая девичья фигурка в темно-голубом платье бежала к ним, продираясь через густые заросли жимолости. — Рей! Рей! — Маргэрит Вайнинг, словно снаряд, влетела в его объятия.

— Послушай, малыш! — Он мягко высвободился из ее объятий и опустил девочку на землю.

— Ну, теперь понятно, — сказала Гизела. — Вы Раймонд, брат Маргэрит. И она ваш незамутненный источник информации.

— Совершенно верно. — Его улыбка поблекла, и он с нежностью взирал на девочку, сжимавшую его руку. Сходство между братом и сестрой, особенно когда они стояли рядом, было просто поразительное.

— Мисс фон Гогенемс! — Маргэрит все еще держала его за руку и не отрываясь смотрела на него снизу вверх. В глазах ее сквозило обожание. — Как вы считаете, позволит миссис Лайтфут моему брату Рею пригласить меня на завтрак в деревенскую гостиницу? Он обещал позавтракать со мной до того, как придет к нам на школьный вечер.

— Можешь спросить у миссис Лайтфут разрешения. Она появится в восемь, — сказала Гизела, обращаясь к Вайнингу.

— Я уверена, что она позволит, если к ней обратится Рей. — Мэг скакала на одной ножке, держась за руку брата, чтобы не упасть. — Рей всегда добивается того, чего хочет.

Школьные вечера проводились раз в месяц. После заседания попечительского совета миссис Лайтфут устраивала для его членов чаепитие вместе с учителями и воспитанницами, которым по такому случаю разрешалось приглашать родителей или родственников.

В тот вечер Гизела посмотрела на себя в зеркало и пришла к выводу, что ей удалось в своем внешнем виде достичь счастливого компромисса — белое шерстяное платье с золотым ожерельем и браслеты на руках.

Когда она направилась к холлу, то заметила, что дверь комнаты Алисы распахнута настежь. Бросив на нее один мимолетный взгляд, она сразу поняла, что та была менее скромна в своем туалете. На ней был длинный, перевязанный шнуром шелковый халат такого же ярко-оранжевого цвета, что и шарф на шее. На ногах туфли-«лодочки» из черной замши на умопомрачительных высоких каблуках с большими застежками, украшенными искусственными бриллиантами. Впервые Алиса показалась Гизеле красивой, дерзкой и пылкой. Но ничто не могло скрыть безвкусицы ее наряда.

Повернувшись, Алиса заметила Гизелу:

— Ты выглядишь, как Мэг Вайнинг или Бет Чейз, если бы, правда, им позволили одеться по собственному вкусу, — прокомментировала Гизела ее наряд.

— Плевать! — отрезала Алиса и пошла к двери под хруст переливающегося шелка.

Когда обе девушки прошли через арку дверей в просторную гостиную, на Гизелу никто не обратил внимания. Алиса же намеренно задержалась в дверях и приняла драматическую позу. Старая мисс Челлис в поношенном платье из тафты синего цвета чуть не выронила поднесенную к губам чашку с чаем. Мадемуазель де Витре, в просторном вельветовом костюме лилово-красного цвета, казалось, была готова лопнуть от зависти и злости. Мисс Додд — новая учительница по искусству, очень

привлекательная в своем отлично шитом креповом платье, вероятно, сильно переживала, опасаясь, что теперь общее впечатление от нее поубавится.

Миссис Грир, волосы которой были подернуты серебром седины, в бледно-голубом платье с большими пармскими фиалками на груди, оставалась, как всегда, невозмутимой. Но все девочки в белых платьицах из тонкой полупрозрачной белой ткани были просто поражены. На их лицах было написано: «Вот это да! Высший класс! Так и мне надо вырядиться при первой представившейся возможности!»

Алиса подошла к распахнутому окну. В руке у нее дымилась сигарета, и она неосторожно смахивала пепел на сухие серые кустики за окном. Рядом с ней остановился какой-то мужчина, лет сорока, лысый, довольно плотного телосложения. Его подчеркнуто сельский твидовый костюм выдавал в нем городского человека, который по какой-то необычной причине проводил денек в деревне.

— Кто это? — прошептала миссис Чейз, мать Элизабет.

— Девушка или мужчина? — переспросила Гизела.

— Девушка.

— Ее зовут Алиса Айтчисон. Она наш театральный режиссер. Не знаю, кто стоит рядом. Может, ее родственник?

— Что это за девушка? — не унималась миссис Чейз, не спуская глаз с Алисы.

— Трудно сказать, — осторожно начала Гизела. — Она умеет находить общий язык с воспитанницами.

— Понятно. — Рот миссис Чейз вдруг утратил свое детское выражение. — Было так приятно познакомиться с вами, фрейлейн. — Она улыбнулась и поспешила выбраться из толпы. Гизела подошла к столу, на котором приготовили чай. Рядом с ней раздался чей-то голос:

— Так-то вы зарабатываете свое приличное жалованье? Пытаясь вбить ценности классического образования в мозг простофиль типа Доротеи Чейз?

Она повернула голову и увидела перед собой смеющиеся, озорные глаза Раймонда Вайнинга.

Подчиняясь какому-то смутному импульсу, Гизела спросила: — Вы знаете человека, который так оживленно беседует с Алисой?

— Конечно. Это биржевой маклер Флойд Чейз. Отец Бет. Бывший супруг Доротеи. Я уверен, что Доротея ни за что бы не пришла сюда, если бы знала, что и он будет здесь. Все-таки он отец их ребенка. Мне всегда жаль таких детей, как Бет, которым приходится сновать туда-сюда между родителями, объявившими друг другу войну.

— Было бы еще хуже, если бы она жила в одном доме с враждующими родителями, — возразила Гизела.

— Само собой разумеется, — улыбнулся Вайнинг издевательской улыбочкой. Видимо, он насмеялся над самим собой и заодно над всем миром.

— А с Алисой Айтчисон вы знакомы?

— Очень хорошо. Когда-то мы с ней были помолвлены.

Рей бросил взгляд через всю гостиную к оранжевому наряду, и дьявольская искорка заплескала в его глазах.

— Алиса обожает деньги. У Флойда Чейза их куры не клюют. А у меня их нет.

— Вы удивительно откровенны со мной.

— Очень удобно говорить правду, так как тебе никто не верит. Все уверены, что вы что-то скрываете, изворачиваетесь, что-то искажаете, и стараются выудить из вас «реальную» истину. Вот почему я не люблю эти вечера с чаепитием. Я сейчас иду к своей машине. Не хотите пройтись со мной? Это недалеко.

— Нет, благодарю за приглашение.— Гизелу забавляла его неукротимая дерзость.— К тому же я люблю чай... И...— Гизела осеклась. Рядом с ней стояла Арлина.

— Простите меня, мисс фон Гогенемс, вас просят к телефону. Междугородняя.

— Благодарю. Кто меня спрашивает?

Коварное любопытство проглядывало через маску показного безразличия опытной прислуги.

— Мисс Крайль.

Гизела поспешила к двери. Когда она проходила мимо окна, возле которого Алиса разговаривала с Флоридом Чейзом, та вдруг окликнула ее:

— Гизела! Познакомься с мистером Чейзом. Мисс фон Гогенемс.

— К сожалению, я должна бежать. Меня ждут у телефона.

Алису это немного позабавило:

— Твоему врачу-психиатру придется выложить приличную сумму за телефонные разговоры.

— На сей раз это Фостина.

— Неужели несчастная дура все еще тебя преследует?

Не отвечая на грубые слова, Гизела постаралась поскорее пройти мимо этой пары и поспешила закрыть за собой дверь в телефонной будке под лестницей.

— Халло!

— Гизела, это ты? Говорит Фостина.

— Как поживаешь? Надеюсь, неплохо?

— У меня все хорошо,— медленно, почти нараспев произнесла Фостина, словно ей с большим трудом удавалось выговаривать слова.— Но я скучаю по тебе. Нет ли новостей? Разговаривал ли доктор Уиллинг с миссис Лайтфут? Он обещал это сделать.

— Да, он был здесь сегодня утром. Но я его не видела. У меня в это время был урок.

— Что же ему сказали?

— Не знаю, но думаю, что он при первой же возможности сообщит тебе обо всем. Может, даже сегодня вечером.

— Хочется надеяться. Я так волнуюсь.

— Сколько ты еще пробудешь в городе?

— До пятницы. Потом поеду в Брайтси. У меня там коттедж. Не хочешь приехать ко мне на уик-энд?

— Я бы с удовольствием, только у меня приглашение на обед,

как раз вечером, в пятницу, — объяснила Гизела. — Может, ты останешься еще на денек в Нью-Йорке, и мы там с тобой встретимся?

— Но вечером в пятницу у меня назначено свидание с одним человеком в моем коттедже. Я хотела бы вас познакомить. Не могла бы ты приехать туда попозже, после обеда?

— Право, не знаю. Можно позвонить завтра? Когда тебе удобнее?

— Не нужно звонить, не беспокойся. Просто приезжай туда в любое время, когда сможешь, — в пятницу, субботу или воскресенье. У меня нет других встреч, кроме этой, в пятницу.

Ее голос стал еще более холодным и каким-то замедленным, словно она пребывала в летаргическом сне.

— Ну, придумай что-нибудь! — нетерпеливо посоветовала Гизела. — Если уж попала в Нью-Йорк, то попытайся устроить себе настоящий праздник. Тебе это просто необходимо. Поищи старых друзей.

— У меня их нет.

— Сходи в театр. Отправляйся по магазинам. Купи себе что-нибудь.

— Я постараюсь. До свидания, Гизела.

— До свидания.

Гизела вернулась в гостиную, взяла чашку с чаем и отошла с ней к окну. Алисы уже не было, исчезли и Чейз с Вайнингом. Гизела подумала, что вся троица отправилась к машине Вайнинга, чтобы хлебнуть там что-нибудь покрепче чая. Это вполне в манере Алисы...

Поднеся чашку к губам, она бросила через окно взгляд во двор, к летнему домику, который выглядел таким сиротливым и незащищенным на фоне обнаженных деревьев сада в этот ноябрьский вечер. Ей показалось, что в его смутном интерьере кто-то движется, но она не была в этом уверена, — слишком большое расстояние отделяло ее от дома. И вдруг темно-оранжевое пятно в саду приковало к себе ее внимание. Она поставила чашку на стол и через несколько секунд уже сбегала по каменным ступеням лестницы в сад.

Алиса Айтчисон лежала на земле, и ее ярко освещали лучи холодного ноябрьского солнца. Голова ее покоилась на последней ступеньке. Ее накрашенные губы выделялись на фоне мертвенного лица кровавым пятном. Слегка наклоняясь, чтобы взять ее руку и удостовериться во всем, Гизела уже знала, что Алиса мертва. Она выпрямилась и тут же почувствовала внезапный приступ тошноты. Закружилась голова.

Немного придя в себя, Гизела вернулась в гостиную и подошла к миссис Лайтфут.

— Где вы пропали? — чуть слышно проговорила директриса. — Такое поведение по отношению к нашим гостям никак не назовешь цивилизованным. Я не вижу и мисс Айтчисон. Где же она?

— Простите. — Гизела тоже перешла на шепот. — Меня позвали к телефону. Когда я вернулась сюда, то случайно посмотрела

в сад. Я увидела там Алису, которая лежала возле лестницы. Она была мертва.

Губы миссис Лайтфут дрогнули:

— Вы уверены в этом?

— Да, я дотрагивалась до нее.

— Покажите, где она. — Миссис Лайтфут спокойно поднялась и с извиняющейся улыбкой на губах начала пробираться сквозь толпу. Когда она вышла из дома, улыбка сразу исчезла с ее лица. Спустившись на нижнюю ступеньку, она рассматривала лежавшую на земле девушку с самым непроницаемым видом. Наконец Гизела прервала тишину:

— Может, вызвать доктора? Иногда бывают случаи столбняка, который очень трудно отличить от смерти...

— Я точно определяю состояние смерти, стоит мне только взглянуть на труп, — отозвалась миссис Лайтфут. — Посмотрите на ее шею. Она сломана. Вам, конечно, известно, что это значит. К тому же я не знаю, где в настоящий момент искать coronera или же медика-следователя.

— Вероятно, смерть наступила в результате несчастного случая, — сказала Гизела.

Миссис Лайтфут вздрогнула и внимательно посмотрела на нее:

— Другого и быть не может.

— Но, — неуверенно возразила Гизела, — существует еще и возможность самоубийства...

— Чепуха! — Миссис Лайтфут была настроена решительно. —

Мы не допустим никакого скандала. Естественно, будет проведено соответствующее расследование, но окончательный вердикт можно вынести уже сейчас — несчастный случай. Посмотрите на ее разорванный подол и свалившуюся с ноги туфлю на высоком каблуке. Она поскользнулась. Здесь я не могу доверять никому, кроме своего шофера Спенсера. Ступайте к нему в гараж и попросите немедленно явиться сюда. Пусть он незаметно отнесет тело в гараж до окончания школьного вечера. Мне вовсе не хочется лицезреть обмороки моих девочек и их родителей. А это непременно случится, если они увидят труп.

— Но труп нельзя ни переносить, ни передвигать на другое место! — воскликнула Гизела. — По крайней мере до тех пор, пока его не осмотрит полиция.

— Конечно, при таких обстоятельствах...

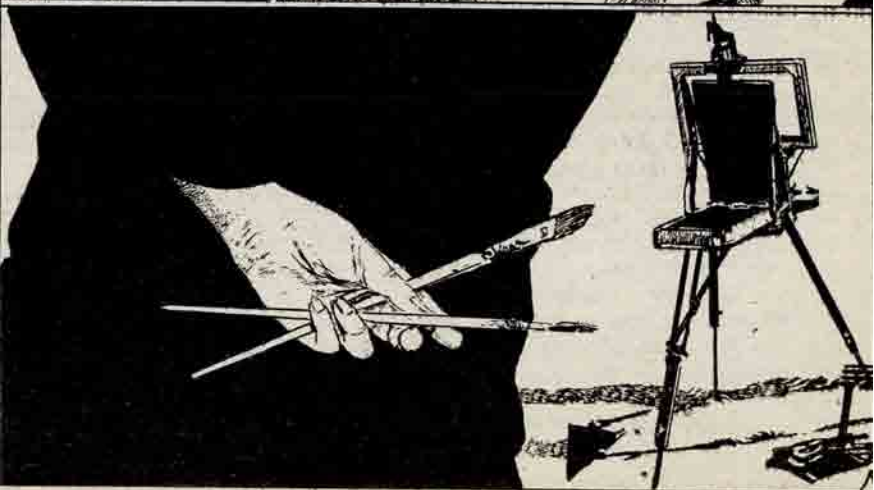
— Могу ли быть чем-нибудь полезен? — раздался с верхней ступеньки задорный молодой голос. Обе женщины одновременно подняли головы вверх. Там стоял, глупо улыбаясь, Флойд Чейз. Гизеле показалось, что за это время миссис Лайтфут заметно постарела.

— Слишком поздно, — процедила она сквозь зубы.

Чейз спустился по ступеням.

— У кого обморок? — поинтересовался он, продолжая так же глупо улыбаться. — Боже, да это Алиса! Боже, боже мой! — причитал он, стоя на ступеньке.

— Мистер Чейз, произошел несчастный случай, — начала объяснять ему миссис Лайтфут. — И вы можете нам помочь. Стань-

те наверху лестницы и никого не подпускайте к нам, пока не уберут тело. Наверное, вам не нужно объяснять, почему мы не хотим, чтобы наши ученицы увидели эту сцену?

Он посмотрел на миссис Лайтфут так, словно видел ее впервые, и хриплым голосом спросил:

— Что здесь произошло?

— Не знаю, — резко отозвалась миссис Лайтфут. — В последний раз я видела мисс Айтчисон в гостиной, когда она разговаривала с вами.

— Нашу беседу прервала моя бывшая жена. — Его голос выдавал внутреннее потрясение. — Алиса тут же отошла в сторону и вышла из дома. Я перекинулся парой слов с Доротеей, но постарался отделаться от нее поскорее и тоже вышел, чтобы присоединиться к Алисе.

— А куда направилась ваша «бывшая»?

— Не знаю.

— Флойд! Что ты здесь делаешь? Я повсюду тебя ищу, даже на кухню заглянула.

Доротея Чейз уже поставила ногу на верхнюю ступеньку. Бет изо всех сил тащила за руки свою мать вниз.

— Она там, там! — кричала Бет. — Я ничего не выдумываю. Это произошло на самом деле!

— Доротея! Не тащи сюда ребенка, не делай этого!

Впервые Гизела почувствовала симпатию к Флойду Чейзу. Но тут сварливо заговорила его бывшая супруга:

— Да это не я, это она меня тащит! Ну теперь-то я обязательно спущусь, чтобы посмотреть, почему это ты мне запрещаешь? Я..

Голос ее осекся, и она остановилась, молча рассматривая тело погибшей девушки.

— Элизабет! — закричала она. — Немедленно отправляйся обратно!

Но Бет как будто застыла рядом с матерью. Она тоже рассматривала труп, испытывая одновременно и ужас, и жуткий интерес.

Чейз выругался. Миссис Лайтфут сделала шаг вперед, закрыв своей широкой юбкой лежащую на земле Алису от глаз ребенка.

— Миссис Чейз, видели ли вы Алису, когда вышли из дома в поисках своего супруга?

— Я видела ее!

Все разом повернулись к Бет.

— Ну, — чуть заикаясь, проговорила она. — Мама велела мне найти отца. Я высматривала его повсюду в саду, а мисс Айтчисон стояла на этой лестнице.

— Что же она делала? — спросил ее Чейз.

— Разговаривала...

— Значит, — поддаваясь охватившему ее страху, спросила миссис Лайтфут, — она была не одна?

— Нет, нет. Миссис Лайтфут, я и не говорила, что она была здесь одна, не правда ли?

— Ну и кто был с ней?

— Еще одна учительница. Ну та, худая и бледная, которая

обучала нас технике рисунка и созданию театральных декораций. Мисс Крайль!

— Быть не может! — воскликнула Гизела. — Я с ней только что разговаривала по телефону. Она звонила по междугородней из Нью-Йорка!

— Но я же видела ее собственными глазами, мисс фон Гогенемс! — возразила Бет. — Когда я об этом сказала маме, она мне тоже не поверила, поэтому я и привела ее сюда, чтобы она сама во всем убедилась. На мисс Крайль, как всегда, было ее голубое, наглухо застегнутое пальто и коричневая шляпка. Когда мисс Айтчисон подошла к летнему домику, там уже стояла мисс Крайль и, вероятно, поджидала ее. Мисс Айтчисон что-то сказала, но я не разобрала. Тогда мисс Крайль вскинула руку и что было силы толкнула мисс Айтчисон. Та вскрикнула и упала на спину, а затем покатилась по лестнице. После этого мисс Крайль исчезла... тихо, без шума, не издавая ни единого звука...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В тот вечер сотрудники и попечители больницы «Мюррей Хилл» собрались на заседание в кабинете председателя совета, одного из издателей газет. Уже после двенадцати часов ночи Базиль вышел из здания на улицу и пошел вверх по Бродвею в направлении Седьмой авеню. Яркий, брызжущий свет от рекламных огней заливал темный асфальт, превращая ночь в подобие дня. Когда разносчик вложил ему в руку номер завтрашней утренней газеты, Базиль прочитал заголовок на первой полосе: «Учительница, сломав шейные позвонки, умирает». Его внимание привлекла дата сообщения: «Бреретон, четверг, 17 ноября...» Он задержался на нем на несколько секунд, а затем дочитал остальное: «Преподаватель театрального искусства мисс Алиса Айтчисон была обнаружена сегодня вечером мертвой на территории школы Бреретон другой учительницей, мисс Гизелой фон Гогенемс. Тело пострадавшей лежало на ступеньке каменной лестницы, ведущей в сад. По словам представителя полиции, смерть мисс Айтчисон наступила в результате перелома шейных позвонков, который произошел во время падения с лестницы после того, как она наступила своим высоким каблучком на оторвавшуюся подкладку длинной юбки.

Как утверждают, этот инцидент был засвидетельствован одной из воспитанниц школы, мисс Элизабет Чейз, тринадцати лет, которая отправилась сообщить об этом своей матери, гостившей в это время в школе. Но до этого мисс Гизела фон Гогенемс самостоятельно обнаружила труп. Отец ребенка, Флойд Чейз, не разрешил репортерам взять у девочки интервью, но, по слухам, она видела, как мисс Айтчисон перед разыгравшейся трагедией разговаривала с бывшей преподавательницей школы Фостиной Крайль, которая в настоящее время проживает в отеле в центре Манхэттена. Связаться с ней не удалось из-за позднего часа.

Мисс Айтчисон была дочерью покойного Стэнли Мордента

Айтчисона, биржевого маклера, который покончил жизнь самоубийством в 1945 году после финансовых неудач на Уолл-стрите. В похоронах примут участие только родственники и близкие семье люди».

Базиль сложил газету, засунул ее в карман пальто и поспешил к автостоянке.

Около часу ночи он добрался до «Фонтенбло». В холле гостиницы не было ни души. Базиль показал свою визитку ночному дежурному.

— Я не репортер, и мне необходимо увидеться с мисс Крайль. Будьте любезны, сообщите ей, что я жду ее внизу.

— Но у нее отключен телефон с шести вечера, — ответил клерк. — Вероятно, она уже спит.

— Дело не терпит отлагательства.

Клерк, взглянув еще раз на карточку, повернулся к внутреннему телефону.

— Мисс Крайль спустится через несколько минут.

Когда она шла к нему через холл, Базиль наконец смог ее отчетливо рассмотреть при ярком свете. Она по-прежнему оставалась впечатлением хрупкой девушки, но уже не была столь воздушной и бесплотной, как прежде. От ее прежнего неуловимого шарма в приглушенном свете на крыше здания остались лишь мягкость и спокойствие.

Они сели в углу большого холла.

— Ну, вы видели миссис Лайтфут?

— Да, видел. — Базиль зажег сигаретку и откинулся на спинку стула. — Мисс Крайль, где вы были сегодня в пять часов вечера?

— Здесь, наверху, в своем номере.

— Чем вы занимались?

— Я говорила по междугороднему телефону. Я уже сообщила об этом представителю нью-йоркской полиции. Затем меня начали допрашивать репортеры, и я была вынуждена отключить телефон.

— Известно ли вам, по какой причине полиция устроила вам допрос?

— Из-за смерти Алисы Айтчисон. Они сказали, что это простая формальность.

— Они всегда так говорят — «простая формальность». Но это далеко не так. — Базиль вытащил из кармана газету. — Вот, прочтите.

Фостина добралась только до второго абзаца, и газета выпала из ее рук.

— Но это же невероятно! Я никак не могла быть в районе Бреретона в этот вечер, что подтверждает мой телефонный разговор с Гизелой.

— Именно поэтому они не стали допрашивать вас дальше.

— К счастью, я могу доказать, что весь день провела в номере. В отеле только один выход. Лифтер, администратор, привратники — все знают меня в лицо. Им прекрасно известно, что в этот вечер я не выходила из отеля.

— А что вы скажете о пожарной лестнице или о служебном входе?

— Полиция все проверила. Через служебный вход можно выйти, но для этого нужно пройти через кухню ресторана. Там весь день находились повар и два его помощника.

— Чем вы занимались после телефонного разговора с Гизелой?

— После разговора? Ну, я... легла спать.

— В пять вечера?

— Да, разговаривая с Гизелой, я вдруг почувствовала, что засыпаю на ходу. После приезда сюда у меня появилась привычка спать по вечерам.

Базиль согласно кивал головой, постигая то, что она от него утаила. Фостина была настолько удивлена, сломлена, поражена своим увольнением из Бреретона, настолько устала от всех этих событий, что просто не находила себе места и искала забытья от действительности в дневном сне.

— Вы никогда не испытывали желания убить Алису Айтчисон?

— Конечно, нет! — Фостина, казалось, была поражена таким вопросом.

— Но вы ведь не любили ее, не правда ли?

— Нет, не любила. — откровенно призналась девушка. — Она была грубой и всегда старалась проявлять недоброжелательность ко мне. Иногда я просто ее ненавидела.

Базиль вновь понимающе кивнул. Он мог себе представить ненависть Фостины к Алисе: слабый обычно ненавидит сильного, называя при этом собственную слабость «утонченностью», а силу другого — «грубостью». Легла ли накануне вечером Фостина спать с садистской фантазией о смерти Алисы? Погружалась ли она в сон с этим желанием смерти? Поднялась ли с постели после этого, уже находясь в сомнамбулическом трансе?

Нет, конечно. Расчет времени говорит о том, что это невозможно. Будь то в сонном или бодрствующем состоянии, Фостина не могла незамеченной покинуть «Фонтенбло» и добраться из Нью-Йорка до штата Коннектикут за те несколько минут, которые прошли со времени ее телефонного звонка Гизеле и смертью Алисы Айтчисон.

— Несомненно, полиция в Коннектикуте решила, что либо Элизабет Чейз ошибается, либо она — истеричка. Ведь в конце концов ей всего тринадцать лет. Но... она что-то видела, мисс Крайль. Как вы думаете, что?

— Я... Я не знаю.

— Мне кажется, что вы... знаете. Или догадываетесь.

Ее голубые глаза поблекли. Она сидела в полной неподвижности, как будто рассталась с собственным телом и унеслась в какой-то сон, приносивший ей больше утешения, чем суровая реальность.

— Послушайте, мисс Крайль. Вы со мной ведете нечестную игру. Еще вчера вам было известно, что мне сообщит миссис Лайтфут. Начнем сначала. Почему в прошлом году вы ушли из школы Мейдстоун?

Она вздрогнула, и лицо ее исказилось гримасой.

— Уж не хотите ли вы заставить меня поверить, что вам

незнакомо древнеанглийское поверье о двойнике? Двойнике-призраке, который есть у каждого живущего на земле человека? Если это не так, то вы навряд ли позаимствовали бы у Гизелы том «Воспоминаний» Гете.

Он ожидал услышать какой угодно ответ — удивленный, возмущенный, наконец, резко отрицательный. Но он так и не сумел предусмотреть ее реакции. Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Доктор Уиллинг! Что же мне делать?

— Почему вы ничего не сказали об этом перед тем, как отправили меня к миссис Лайтфут?

— Я вас туда не посылала! — слабо запротестовала Фостина. — Вы сами настаивали на поездке туда. И я... я ничего не знаю.

Она безжизненно опустила руки, повернулась к нему лицом, на котором было написано страдание.

— Я никогда не видела... этого. Я не знаю, что это... такое. Я знаю только то, что мне рассказывали в Мейдстоуне. А теперь, кажется, такое произошло вновь, но на сей раз в Бреретоне. Я ничего не знала... Миссис Лайтфут мне ни о чем не говорила. Вот почему я не возражала против вашего посещения школы. До этого я ничего не могла вам сказать, вы бы просто надо мной посмеялись. Или сочли бы неврастеничкой. Но я понимала, что если вы услышите об этом из уст миссис Лайтфут, то вам будет уже не до смеха. А я... я... очень боюсь.

— Расскажите, что произошло в Мейдстоуне, — попросил Базиль.

— Это моя первая работа после окончания колледжа. Я была счастлива, что оказалась в Мейдстоуне, и очень гордилась своим местом. Мейдстоун — школа-пансионат со спортивным уклоном. Там царят такие же строгие порядки, как и в Бреретоне.

Через неделю я вдруг начала осознавать, что за мной постоянно следят и шушукуются за спиной. Я никак не могла понять, почему это происходит. Мне казалось, что им что-то во мне не нравится — одежда, речь, манеры.

Постепенно начал вырабатываться определенный стереотип. Скажем, я сталкиваюсь с кем-нибудь на лестнице или в холле. Встречная выражает свое искреннее удивление и говорит: «Как вы здесь оказались? Только что я вас видела наверху». А я, ничего не подозревая, отвечаю: «Вы, вероятно, ошиблись. Весь вечер я была в саду». Тогда удивление сменялось подозрением. После двух или трех подобных казусов я начала задаваться вопросом: «Что все это значит? Почему все считают, что видели меня в тех местах, в которых в указанное ими время я находиться никак не могла?» Все это было необъяснимо, и с самого начала сильно беспокоило меня. А потом от миссис Мейдстоун поступило уведомление... о моем увольнении и чек с суммой, причитающейся за год работы.

Тогда я была гораздо смелее, чем сейчас. А миссис Мейдстоун была куда более приятной и мягкой по характеру, чем миссис Лайтфут, и куда более доступной. С уведомлением в руках я вошла в кабинет к миссис Мейдстоун. Вначале она весьма

уклончиво отвечала на мои вопросы, но мое отчаяние наконец сломило ее сопротивление. Она вытащила из шкафа какие-то книги и посоветовала мне их прочесть.

Я не спала всю ночь, читала, правда, с трудом понимала, о чем идет речь. В них приводились фактические описания так называемых «двойников» — материализованных сновидений, призраков живущих на свете людей, упоминалось и об опытах, поставленных Гете. Вот почему я взяла с полки Гизелы его «Воспоминания». К тому же известен один случай с молодой учительницей французского, который произошел около ста лет назад в Ливонии и был поразительно схож с моим.

После этого я отодвинула книги в сторону, так как их авторы даже не пытались объяснить природу подобных явлений, и просто сидела в полном одиночестве в своей комнате возле окна.

На следующее утро я отправилась к миссис Мейдстоун и вернула ей книги. Она испытывала ко мне жалость, так как не верила в мою виновность. И вот однажды, подчиняясь женской слабости, она написала рекомендательное письмо, которое помогло мне получить работу в Бреретоне и...

— Позвольте перебить вас, Фостина, — сказал Базиль. — Как часто видели вашего двойника в Мейдстоуне?

— Вначале я не считала эти инциденты, так как не придавала им никакого значения. Но из разговора с миссис Мейдстоун я узнала, что, по ее подсчетам, это наблюдалось семь раз. Два раза меня видели ночью на лужайке из лестничного окна, а в это время я спала в своей комнате. Три раза утром на балконе, а я в это время давала урок в классе. Дважды днем, когда я проходила с внешней стороны дома мимо открытого окна в конце холла, а в это время я находилась внутри здания совершенно в другом месте, у главного входа.

— И все же, несмотря на все эти странные случаи, вы решились поехать в Бреретон?

— Эти поразительные происшествия не столько меня пугали, сколько озадачивали. Даже если все это было ловко придуманным розыгрышем, если даже так называемый мой «двойник» был результатом каких-то коллективных галлюцинаций, то в другом месте такое не повторится. Со мной прежде такого никогда не случалось, и я считала, что причиной таких явлений могли стать какие-то особые условия в Мейдстоуне, например, воздействие климата или какое-то особое психологическое состояние учениц и преподавательниц.

Я была очень счастлива от того, что мне удалось получить работу в Бреретоне, и отчаянно старалась всем угодить, но однажды я столкнулась с пожилой миссис Челлис наверху, в холле, и она мне сказала: «Мисс Крайль, миссис Лайтфут против того, чтобы преподаватели пользовались черной лестницей». На что я возразила: «Прошу прощения, миссис Челлис, но я не пользовалась черной лестницей». Она сильно удивилась: «Как же так? Минуту назад я видела вас в саду. Теперь вот, поднявшись по передней лестнице в холл второго этажа, я вижу вас здесь. Но ведь вы не проходили передо мной по этой лестнице, значит...»

Тогда я поняла, что все начинается сначала, и испугалась. Как мог мой «двойник» добраться из Мейдстоуна в Бреретон через столько времени, если он не существовал на самом деле? Я была единственным связующим звеном между двумя школами, следовательно, всему причиной была только я...

— Но существует по крайней мере еще одно связующее звено между Мейдстоуном и Бреретоном, — возразил Базиль. — Это — Алиса Айтчисон. Была ли она в числе тех лиц, которые видели «двойника» в Мейдстоуне?

— Нет, нет, но она слышала все истории обо мне, которые там распространялись. Когда я встретила Алису в Бреретоне, то ужасно боялась, как бы она не начала распространять здесь мейдстоунские рассказы. При первой же нашей встрече наедине я умоляла ее дать мне твердое обещание, что она не станет об этом рассказывать никому в Бреретоне. Она обещала, и я уверена, что она сдержала слово. Но она думала, что я сама инспирирую все эти невероятные трюки. Вероятно, поэтому Алиса всегда с презрением относилась ко мне и никогда не обнаруживала страха передо мной. И, вероятно... это и стало причиной ее гибели.

Базиль вздрогнул.

— Что вы имеете в виду?

— Вспомните, доктор, как была убита Алиса. Никакого осязаемого орудия убийства — ни веревки, ни ножа, ни пули. Она, поскользнувшись, упала с лестницы и сломала себе шею. Несчастный случай. Но разве так называемые «несчастные случаи» не происходят так же часто под воздействием как изнутри, так и извне? Разве страховые компании не располагают статистикой, утверждающей, что некоторые люди имеют «склонность к несчастным случаям»?

— Верно, — согласился Базиль. — Большой бизнес пришел на выручку Фрейду. У него есть одна теория, в соответствии с которой несчастным случаям подвержены такие люди, которые обладают импульсами вины и самонаказания. Высокий каблук и оторвавшийся подол юбки могут стать попутным обстоятельством при несчастном случае, но не его причиной. Она глубоко запятана в склонном к предательству сознании жертвы. Это что-то вроде бессознательного самоубийства.

— Я думаю, — перебила его Фостина, — что свидетельство маленькой Бет Чейз может оказаться достоверным. Люди обычно оступаются и падают при испуге. Отлетевшая в сторону туфля, разорванная подкладка юбки часто могут быть следствием падения, а не его причиной. Что могло испугать Алису Айтчисон? Мое видение, моя фигура, стоявшая на верхней ступеньке лестницы, а она знала, что Гизела только что разговаривала со мной по междугороднему телефону.

Видите ли, Алисе были известны все версии рассказов обо мне, и она никогда не верила ни одной из них. Именно по этой причине она могла испытать сильный шок, когда вдруг лицом к лицу столкнулась в Бреретоне со мной, причем днем, а она была уверена в том, что в данный момент я нахожусь в Нью-Йорке. Она вдруг обнаружила, что все, над чем раньше потеша-

лась, оказалось реальностью. Такое открытие могло оказаться для нее чувствительным ударом.

— Значит, вы полагаете, что перед Алисой предстал ваш призрак, потому что вы, испытывая к ней ненависть, направили к ней свое изображение в сонном состоянии, совершенно бессознательно, не отдавая себе в том отчета?

— Но какое иное объяснение может соответствовать всем фактам? — в отчаянии воскликнула Фостина.

— Не думаю, что вы должны разделять вину за гибель мисс Айтчисон, — постарался успокоить ее Базиль. — Полиция считает, что смерть мисс Айтчисон наступила в результате чисто материальной причины — высокий каблук, длинная юбка, распоротая подкладка, пролет каменной лестницы, на котором она сломала себе шею. Здесь нет ничего таинственного, кроме показаний Бет Чейз, но тринадцатилетняя девочка — это не самый надежный свидетель. Я убежден, что в Бреретоне замысливается зло, и не вполне уверен, что оно, это зло, бесплотно. Все это напоминает мне... между прочим, вы составили свое завещание?

Фостина глубоко вздохнула:

— Еще нет.

— Почему?

Она пожалала плечами.

— Вы же знаете, что из родственников у меня никого не осталось. Мне даже в голову не приходило, кому я могу передать в наследство кое-что из своей собственности.

— Тогда выберите кого-нибудь наобум, — пусть это будет случайный знакомый, в общем, кто угодно. Всегда впоследствии можно изменить завещание, скажем, в случае вашего брака или появления каких-то близких друзей. Но ни один человек, которому, судя по всему, грозит опасность от неизвестного субъекта, не может идти на риск, не составив предварительное завещание. В таком случае из вашей смерти может извлечь выгоду любой.

Фостина рассеянно улыбнулась.

— Если бы у меня была какая-то стоящая собственность, то такой шаг имел бы смысл. Но в моем положении никто от моей смерти не получит никакой выгоды, независимо от того, умру я, оставив завещание, или же вовсе без него.

— Завтра я навещу мистера Уоткинса и попытаюсь выведать у него что-нибудь относительно связей вашей семьи. Я позвоню вам завтра вечером.

— Меня не будет.

— Почему?

— Мне необходим отдых и полное одиночество. Я хочу улизнуть от всех этих назойливых репортеров, отправиться в свой коттедж и провести там остаток зимы.

— Не делайте этого, — запротестовал Базиль. — Еще не время. Если вам не нравится этот отель, найдите другой. Но я прошу вас оставаться здесь, в этом большом, ярко освещенном, шумном отеле, где полно швейцаров и лифтеров. Обедать ходите в главный ресторан. Никогда не гуляйте одна. Держитесь ближе к людям. И, пожалуйста, закрывайте на ключ двери своего номера. Я вам скоро позвоню и дам о себе знать.

— Закрывать двери на ключ! — рассмеялась Фостина. — Вы думаете, запертая на ключ дверь может помешать, если... придется узреть своего «двойника»? Это как раз и произошло однажды с Гете. Представьте себе, как в один прекрасный день или ночью, когда я в полном одиночестве сижу в своем номере в отеле, погасив свет и заперев дверь на ключ, передо мной вдруг является чья-то фигура, приближает свое лицо к моему, и я вижу, что это мое собственное лицо, его точные очертания. Тут уж не может идти речь ни о подделке, ни об иллюзии. Если такое случится, то у меня больше не останется никаких сомнений по поводу реальности происходящего, и мне придется умереть...

— Оставьте эти мысли, — успокоил ее Базиль. — Ничего подобного не произойдет, и вы сами прекрасно знаете об этом...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Настойчивый стук в дверь слуги Юнипера прервал здоровый сон Базиля, длившийся несколько часов. Проклиная эксцентричное время приема посетителей, установленное Септимусом Уоткинсом, Базиль с трудом поднялся с постели и усилием воли заставил себя встать под холодный душ, от чего его кожа тут же покрылась синеватыми пузырьками, хотя холодная струя и не принесла желаемого ощущения свежести. Низкие, серые облака затемнили рассвет. Расстилавшийся по земле туман затягивал белой пеленой город. Базиль прошагал два квартала к гаражу, где стояла его машина.

Он знал Уоткинса только по его репутации. Этот человек принадлежал к клану адвокатов, которые никогда не являются в суд. Несмотря на это, он на протяжении полувека был консультантом и доверенным лицом почти половины владельцев громадных состояний в Нью-Йорке.

Без десяти шесть холл большой конторы, расположенной на пересечении Бродвея и Уолл-стрит, был пустым, если не считать скучающего лифтера и уборщицы, устало водившей грязной шваброй по выложенному мозаикой мраморному полу с медными вкраплениями. Выйдя из лифта на двадцать шестом этаже, Базиль остановился у двух соединенных дверей с непрозрачным стеклом, за которыми не горел свет. Большими буквами на стекле было начертано: «Уоткинс. Фишер. Андервуд. Вэн Арсдейл и Трэверс». Он покрутил ручки. Обе двери были заперты. Он обнаружил маленькую кнопку в стене и нажал ее. После четвертого звонка он начал подумывать о том, уж не водит ли умышленно за нос людей Уоткинс, изобретая такой простой способ, чтобы отбиваться от напора посетителей. Он уже хотел повернуться и направиться обратно к лифту, как вдруг стекло двери изнутри окрасилось желтоватым цветом, и она широко распахнулась. На пороге стоял щупленький живой человечек с седыми, но густыми вьющимися волосами, широким, скуластым лицом и розовыми щеками. Септимусу Уоткинсу было уже за семьдесят.

— Надеюсь, мистер Уоткинс на месте в столь ранний час? — Базиль все еще никак не мог поверить в реальность такого необычного для приема посетителей времени. — Не передадите ли ему, что пришел доктор Уиллинг.

— Я и есть Уоткинс. Проходите, пожалуйста. Вы, должно быть, доктор Уиллинг, психиатр? Моя контора прямо по коридору. Сюда, пожалуйста.

Они прошли через просторную приемную, длинный коридор и, наконец, оказались в угловом офисе, который был больше других.

Базиль остановился перед камином из рыжевато-коричневого мрамора, в котором желтые языки пламени лениво лизали березовые поленья, удаляя из помещения утреннюю прохладу.

— Я не видел, как топят камин дровами со времени моего пребывания в Лондоне. Вы здесь готовите свой обычный пятичасовой чай?

— Я привык к определенному комфорту везде, где бы ни находился. Я не очень люблю чай, но у меня есть небольшой бар за этой панелью. Если хотите, нажмите кнопку.

— Нет, благодарю вас. Я постараюсь быть не очень многоречивым. Мое дело не имеет абсолютно никакой важности для вас, но весьма важно для меня, иначе я бы не стоял здесь, перед вами.

Уоткинс рассмеялся:

— В этом вся суть. Если это важно для вас, то я слушаю. Я всегда был против людей, донимающих меня «делами», не имевшими и для них абсолютно никакого значения, и приходящих сюда, чтобы послушать самих себя. Садитесь, пожалуйста, и рассказывайте, что вас привело ко мне.

— Вы или по крайней мере ваша фирма действует в качестве опекуна мисс Фостины Крайль. Мне хотелось бы узнать, кто унаследует ее собственность в случае ее внезапной смерти.

В глазах Уоткинса сразу же исчезли озорные искорки.

— Адвокаты не вправе предоставлять подобную информацию случайным посетителям.

— Я не совсем случайный. Я помощник по медицинской части окружного прокурора и к тому же друг мисс Крайль. Вам известно что-нибудь о тех обстоятельствах, при которых она покинула Бреретон?

— Мне только известно, что она оттуда уехала, — осторожно ответил Уоткинс. — Она не сообщила мне причину отъезда. Во всяком случае, ей нечего особенно расстраиваться. В день своего тридцатилетия, в ноябре будущего года, она получит неплохое Христово яичко в виде своего наследства. Ее собственность в любом случае остается неприкосновенной.

— Я не говорю о ее собственности, — сказал Базиль. — Меня скорее беспокоит ее здоровье, может, и жизнь.

— Она консультировалась у вас как у психиатра?

— Нет, она не входит в число моих клиентов. Она консультировалась со мной как с другом. Но, как психиатр, я не могу закрывать глаза на то, что ее нынешнее положение в конечном итоге может сказаться на ее психическом здоровье. Не обратили ли вы внимание на тот факт, что за последние два года она

потеряла одно за другим два места? Не кажется ли вам, что в этом есть что-то странное? И всякий раз это случалось через несколько недель после начала учебного года. Оба раза ей пришлось расторгать договор.

— Будучи единственным попечителем мисс Крайль, я бы хотел узнать поподробнее о переживаемых ею трудностях. Может, вы сочтете мое любопытство за покушение на то доверие, которое она оказывает вам?

— Думаю, что нет. В любом случае я готов поступиться ее доверием, если это спасет мисс Крайль.

— Спасет? Но от кого?

Базиль кратко изложил адвокату приключения Фостины в Мейдстоуне и Бреретоне. Уоткинс внимательно его слушал. Когда Базиль закончил, в кабинете повисла напряженная тишина. Затем Уоткинс встал со своего кресла.

— Поразительную историю вы мне рассказали, доктор Уиллинг! Я слишком стар и умудрен опытом, мне ведь приходилось сталкиваться со множеством странных случаев, и поэтому я не намерен отмахиваться от всего этого, как от истерики какой-то школьницы. Однако это не означает, что я принимаю объяснения, связанные с проявлением сверхъестественных сил. Не знаю, что и сказать.

— Я нахожусь точно в таком же положении. Но ведь существует вероятность, что у кого-то есть вполне определенный мотив, чтобы довести мисс Крайль до самоубийства или до безумия. Такой мотив может диктоваться каким-то психопатическим злым умыслом, но может объясниться и самой прозаически-материальной причиной в мире — собственностью. Вам известны наследники мисс Крайль или, может, наследник?

— Да, известны. У нее только один наследник.

— Кто он?

— Это я... — Уоткинс улыбнулся, заметив удивление на лице Базиля. — Видите ли, я не был до конца с вами откровенен. По закону я являюсь наследником мисс Крайль. В соответствии с завещанием, составленным ее матерью, если мисс Крайль постигнет безвременная смерть до ее тридцатилетия, то мне перейдут некоторые предназначенные ей драгоценности. Но между мной и ее матерью было заключено вербальное соглашение, по которому я должен буду передать их некоторым лицам. Их имена она не пожелала внести в завещание.

— Не могли бы вы мне их назвать?

— К сожалению, я не вправе этого делать.

— Можете ли вы назвать их мисс Крайль?

— Нет, этого я тоже не могу сделать. Видите ли, дело мисс Крайль крайне необычно. Думаю, мне лучше рассказать обо всем самому, чем побуждать вас заниматься расследованием прошлого мисс Крайль.

— Значит, у нее есть прошлое?

— Эта несчастная девушка Фостина Крайль — незаконнорожденный ребенок. Ее мать была — ну, как это назвать поделикатнее? — одной из тех, которых Киплинг первым назвал «представительницами древнейшей профессии на земле».

— Значит, ее мать была проститутка? — воскликнул, не веря своим ушам, Базиль.

— Если выразиться точнее, куртизанкой, выдержанной в лучших традициях Нинон д'Ланкло. Крайль — ее настоящее имя. Но в кругу подобных ей профессионалок она была известна под другим.

— Вы, конечно, мне его не назовете.

— Думаю, лучше этого не делать. Она родилась в Балтиморе и была дочерью человека, который сочинял религиозные песнопения. В девятых годах она убежала из дома и очутилась в Нью-Йорке, а затем в Париже. Там она стала звездой полусвета, одной из тех парижских гурий, которых с такими подробностями и с таким блеском описывал Бальзак. Эта истинная представительница «полусвета» обладала всем, что имели наиболее знаменитые светские дамы, за исключением одного — права на законный брак и соответствующий статус, который этим браком приобретается. Она вела более роскошную жизнь по сравнению с любой респектабельной женщиной. У нее было состояние, она энергично занималась общественной деятельностью, пользовалась любовью и даже уважением со стороны своих обожателей.

— А кто отец Фостины?

— Он был ньюйоркцем и вложил крупные деньги в торговое судоходство. В 1912 году он без лишнего шума хотел получить развод от своей супруги и ради этого отправился в Париж, где нарочно разъезжал в роскошном авто с этой женщиной в Булонском лесу, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. Одной-единственной прогулки с ней в открытом автомобиле было достаточно, чтобы шокированный таким пассажем пуританский американский суд признал это неопровержимым доказательством супружеской измены с его стороны.

Из Франции в Америку были доставлены свидетели, и таким образом он добился от жены желанного развода. В это время широкое распространение получили слухи о том, что он заплатил соучастнице тысячу долларов за привилегию прокатиться с ним в открытом автомобиле в общественном месте и использование ее имени на бракоразводном процессе. Она поставила условие, что он, доставив ее до порога дома, там и распрощается с ней навсегда, не претендуя больше ни на что, кроме, может, поцелуя руки. Но... Фостина — ребенок этой парочки.

— Выходит, они не расстались на пороге ее дома?

— Тогда они расстались. Но затем... Эта женщина, в компании которой все его видели, должна была стать предлогом для развода. Однако эта женщина радикальным образом перевернула его жизнь: он без памяти в нее влюбился. Что, трудно в это поверить? Годы, проведенные в Париже, настолько отточили ее ум, что она стала самой интеллигентной и красивой женщиной...

— Вы близко знали ее в то время?

— Да, мне была предоставлена такая привилегия. Кроме всего прочего, я был адвокатом американского богача.

— Вот, значит, каково происхождение робкой, анемичной, мечтательной девушки!

Уоткинс недоуменно пожал плечами:

— У нас в те времена бытовала поговорка — при флирте зачинают ханжу.

— Подозревает ли она об истинном положении вещей?

— Думаю, что нет. Как ее опекун, я исполнил все пожелания родителей и утаил от нее эти сведения. Поэтому я и не хочу, чтобы вы передали Фостине наш с вами разговор. Она подвержена условностям и вообще чрезвычайно чувствительна.

— А ее мать влюбилась... в этого человека?

— Какой же мужчина может до конца понять такую женщину, как она? Да и зачем ее понимать? Он просто ею наслаждался! Он привез ее в Америку, подарил небольшой домик в Манхэттене и летний коттедж в Нью-Джерси, который был ее собственностью много лет. Он получил развод от супруги, но на своей страсти так и не женился. Даже тогда, когда она от него забеременела.

— Почему?

— Мой дорогой юноша, все началось в 1912 году. Мужчины тогда не женились на женщинах такого сорта. Думаю, что сегодня он бы это сделал. Фостина родилась в 1918 году. Ее матери в то время было сорок три, а отцу — за пятьдесят. Он знал, что долго не протянет. Болезнь сердца, которую унаследовала от него Фостина. Он хотел обеспечить свою маленькую дочь и ее пользовавшуюся скандальной репутацией мать, но без особой огласки, что могло лишь нанести вред ребенку. Он посоветовался со мной, и я пояснил ему, что он может не упоминать в своем завещании их имена и не вызывать таким образом грандиозного скандала, так как существовали другие законные наследники со стороны разведенной жены, которые непременно оспорят в суде правомочность включения в завещание пункта, касавшегося его любовницы. Я предложил ему сделать им дорогой подарок перед смертью, но, к сожалению, за день до подписания сделки у него произошел сердечный приступ, и он умер, не оставив матери Фостины почти ничего, если не считать двух домов и нескольких драгоценных камней. Она пришла ко мне за советом. Мы решили сохранить коттедж в Нью-Джерси, а дом в Нью-Йорке продать. Эта сделка принесла достаточную сумму, чтобы обеспечить приличную жизнь Фостине, включая и расходы на ее образование. Я был против продажи драгоценностей, сегодня они могут принести приличные деньги.

— Что вы называете приличными деньгами?

— Что-то около двадцати или тридцати тысяч долларов. Я не могу назвать вам точную сумму, так как давно не проводил переоценку, а рынок, как вы знаете, меняется постоянно. Речь идет о рубиновых серьгах, которые сегодня стоят гораздо дороже, чем раньше, но сколько именно, я не знаю. Эти драгоценности были единственным капиталом, который мать завещала Фостине. Она очень опасалась, что дочь может либо потерять из-за своей неопытности единственный источник благополучия, либо растратить деньги, и поэтому настояла на составлении такого завещания, по которому Фостина становится наследницей только по достижении тридцатилетия. Но такое решение породило

ло тот же вопрос, который задали и вы: кто же получит драгоценности, если и мать, и дочь умрут до достижения Фостиной тридцатилетнего возраста?

Когда я задал этот вопрос матери, она долго молчала. Затем ответила: «Я оказывала вам доверие многие годы. Теперь я хочу довериться вам еще в одном. В последний раз. Этот план созрел у меня давно. Есть имена, которые я не могу внести в завещание. Если я это сделаю, то при его оглашении эти люди будут сильно уязвлены. Поэтому в своем законном, открытом для общественности завещании я оставляю все эти драгоценности вам. Но в частном порядке я представлю вам список близких мне людей. Напротив каждого имени будет опись ювелирных изделий. Если мы с дочерью умрем до достижения ею тридцати лет, вы передадите драгоценности указанным в списке лицам либо их прямым наследникам».

Это была необычная просьба с ее стороны. Да и всю ситуацию не назовешь рядовой. Я сразу понял, куда она клонит, — в списке были перечислены ее любовники, мужчины, которые когда-то подарили ей эти драгоценности. Большая часть из них, вне всякого сомнения, попала к ней в руки из семейных реликвий, и совесть этой романтически настроенной женщины начала тревожить ее в зрелом возрасте. Если Фостина оказывалась не в состоянии ими воспользоваться, то она хотела вернуть их женам, дочерям и бабушкам, у которых на них было какое-то сентиментальное право. Ну вот, чтобы защитить собственную репутацию, я направил ее к другому юристу, который и составил завещание. В нем я фигурировал в качестве наследника Фостины в случае ее преждевременной кончины. Это завещание хранится в моем сейфе. Если я унаследую эти драгоценности, то передам их перечисленным в документе лицам и сожгу список.

— Сколько лиц ознакомлены с этим списком?

— О нем не знает никто, кроме матери Фостины и меня. Он хранится в большом конверте из плотной манильской бумаги, а на печати из красного сургуча виден след от ее большого пальца. Так как ее уже давно нет в живых, подделать этот документ, сами понимаете, не представляется возможным.

— Можете ли вы назвать имена, внесенные в список?

Ответ последовал незамедлительно:

— Дорогой доктор Уиллинг, я не вправе сообщить вам об этом. Но я могу лично заверить вас в том, что это не те люди, от которых вы вправе ожидать какого-то подвоха или прямого насилия.

— Можете ли вы мне гарантировать, что эти люди не прибегнут к подлогу или прямому насилию, если на них будет оказано давление со стороны? — резко возразил Базиль. — Все эти события, по вашим словам, произошли давным-давно. Но финансовое положение семей может меняться с поразительной быстротой. Сегодня, вероятно, кто-то из них испытывает нужду в живых деньгах, хотя бы в нескольких тысячах долларов.

— По моему, ни одна упомянутая в списке семья не может рассчитывать на получение более пяти или десяти тысяч.

— А что произойдет, если несколько лиц из списка умрут, не

оставив после себя наследников? Если в конечном итоге останутся две семьи или даже только одна, могут ли они в таком случае получить крупное наследство? Скажем, сумму настолько большую, что она заставит мужчину или женщину преступить черту закона, особенно если у него или у нее неуравновешенное, предрасположенное к насилию сознание?

— Сумма, естественно, возрастет, если в итоге останутся два наследника или один. Само собой разумеется, — признал Уоткинс. — Но почему в этом случае вы ссылаетесь на возможность неуравновешенной психики?

— Если кто-то разыгрывает эти подлые трюки в отношении мисс Крайль, то психику того, кто все это задумал и осуществляет на практике, никак не назовешь уравновешенной. Женщины типа ее матери могут порождать в таком рассудке какой-то садистский раж, который может коснуться и дочери.

— Вы забываете об одном, — перебил его Уоткинс. — Печать на пакете остается нетронутой до сих пор, и я никому не говорил о существовании списка. Кроме вас, само собой разумеется. О нем не знает даже Фостина. Ибо если бы я сообщил ей об этом, то она, несомненно, заподозрила бы, что от нее что-то скрывают, и тогда, вероятно, докопалась бы до истины и до всей этой истории, связанной с ее появлением на свет. Поэтому ни одному из семейств не известно, что фамилии некоторых их членов внесены в список.

— Вы уверены в этом? Ведь и сама мать перед смертью могла сообщить одному из мужчин о внесении его имени в список. А тот мог передать их разговор другим, например, своим наследникам.

— Вряд ли мать могла вести себя столь опрометчиво. Во всяком случае, смею на это надеяться.

Базиль уже поднялся со своего места, намереваясь выйти из кабинета, но вдруг остановился.

— Мистер Уоткинс, может, вы все же дадите мне малейший намек? Встречаются ли в списке следующие имена — Лайтфут, Чейз, Вайнинг, Мёрфи, Мейдстоун, Айтчисон?

— Ни один адвокат не даст ответ на подобный вопрос.

Когда Базиль вышел из кабинета, Уоткинс все еще недовольно хмурился. Что-то ему, видимо, не давало покоя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сумерки сгущались, переходя в ночную темноту, когда Базиль вернулся домой после дня, проведенного в психиатрической клинике. Он заметил, как осторожно отворилась дверь, ведущая в комнаты, и из ее проема вынырнула коричневая, вся в морщинах физиономия Юнипера, который тихо предупредил:

— Вас ждут в библиотеке, доктор Уиллинг. Мистер и миссис Чейз и мистер Вайнинг. Вы подниметесь к ним? Или мне сказать, что вы звонили и сегодня домой не придете?

— Нет, нет, благодарю. — Базиль сразу же позабыл о своей усталости. Он поднялся по лестнице в библиотеку, которая од-

новременно была и жилой комнатой, и его кабинетом. Услышав шаги Базиля, какой-то молодой человек быстро повернулся к распахнутой настежь двери. Лампа освещала его золотистые волосы, мелко курчавившиеся на маленькой головке.

— Доктор Уиллинг? Прошу простить за вторжение, но дело не терпит отлагательств. Я — брат Маргэрит, Раймонд Вайнинг. Миссис Лайтфут посоветовала мне обратиться к вам за консультацией. Я взял на себя смелость привести с собой мистера и миссис Чейз. Это родители Элизабет.

Элизабет? Маргэрит? Базилю потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, что эти звучные имена принадлежат двум маленьким девочкам, Бет и Мэг, которые рассказывали ему, как видели одновременно и Фостину, и ее «двойника».

Доротея Чейз с сердитым видом обратилась к Базилю:

— Миссис Лайтфут сообщила, что вам известно гораздо больше, чем всем нам, об этом несчастном случае в Бреретоне. Как вы думаете, забрать мне Элизабет из школы?

— Мне кажется, Бет должна немедленно покинуть эту школу, — вставил Чейз. — Надеюсь, вы согласны со мной, доктор Уиллинг? Лично я в данном случае ничего не могу предпринять. Мы с Дороти находимся в разводе, и она осуществляет опеку над ребенком.

— Я уже почти решил забрать Мэг из школы, — добавил Вайнинг, — но хочу, чтобы мне толково объяснили, что там происходит. Я очень обеспокоен.

Но особого беспокойства на его лице не было заметно. Он стоял небрежно, опершись локтем о книжную полку.

— Это такая чудесная школа! — недовольно ворчала Доротея. — Флойд, мой муж, никак не может понять, какую выгоду сулит Элизабет общение с теми девочками, которые учатся вместе с ней. Если забрать ее оттуда, то такой шаг может перевернуть всю ее жизнь!

— Но ведь есть и другие школы? — сухо отозвался Чейз.

— Для нее существует только школа Бреретон, и тебе это отлично известно. Миссис Лайтфут сказала, что ужасная мисс Крайль покинула школу навсегда.

В эту минуту в разговор вмешался Вайнинг.

— Чем же так ужасна мисс Крайль? Мне до сих пор не ясна ее роль во всех этих историях. Скажите нам, доктор Уиллинг, мисс Крайль на самом деле была главным действующим лицом или же она сама оказалась несчастной жертвой?

Базиль важно заметил:

— Судя по всему, жертвой стала Алиса Айтчисон.

Наступила короткая пауза, в которой чувствовалась напряженность. Первой тишину нарушила Доротея:

— Черт возьми, что вы имеете в виду? Ведь произошел несчастный случай? Не так ли?

— Несчастный случай произошел тогда, когда мисс Айтчисон увидела мисс Крайль в такое время и в таком месте, где она никак не могла оказаться, — продолжал Базиль. — По крайней мере такова версия вашей дочери. Падение с лестницы могло привести к гибели мисс Айтчисон, но что заставило ее упасть?

Тот факт, что она увидела мисс Крайль, неожиданная встреча вызвала у нее сильнейший шок.

— Уж не считаете ли вы, что мисс Крайль намеренно пыталась запугать мисс Айтчисон? — спросил Вайнинг.

— Может, это была вовсе не мисс Крайль, — ответил Базиль. — У нее есть алиби: в это время она находилась в Нью-Йорке.

— Тогда кто же это был? — воскликнул Чейз. — Что же там, черт подери, на самом деле произошло?

Чтобы ответить на этот вопрос, Базиль подошел к полке, на которой были собраны книги, трактующие о границах ненормальной психики человека. Он взял в руки книгу в коричневом выцветшем переплете, опубликованную сто лет назад, подошел к настольной лампе, стоявшей на камине, и открыл ее:

— Вот что, как полагают, произошло в 1845 году в Ливонии с девушкой по имени Эмилия Саже.

История, которую он зачитывал, была удивительно похожа на то, что стряслось с Фостиной Крайль. Только женская школа находилась в Вальмиере, в сорока восьми милях от Риги, а учительница была француженкой из Дижона, ей было тридцать два года. Вначале появились сообщения о том, что мадемуазель Саже видели в разных местах на большом удалении друг от друга, так что практически у нее не было времени, чтобы переместиться из одного пункта в другой. Затем две идентичные фигуры этой женщины были одновременно замечены целым классом — сорока двумя воспитанницами — во время занятий по вышиванию: одна фигура в течение нескольких секунд сидела в кресле в классной комнате, а другая в это время за окном рвала в саду цветы. В то время, как первое видение в кресле пребывало в полной неподвижности, девушка за окном передвигалась «медленной, тяжелой походкой, словно человек, либо не отошедший после глубокого сна, либо страшно уставший».

— Помилуйте, но об этом как раз и рассказывала Бет, когда увидела мисс Крайль, — проворчал сквозь зубы Чейз.

Базиль захлопнул книгу и обвел взглядом слушателей. Доротея Чейз сидела, откинувшись на спинку кресла, а ее украшенные драгоценностями тонкие руки по-прежнему покоились на коленях. В темноте можно было различить только ее рот — надутые губки, окрашенные в ярко-красный цвет. Указательный палец, которым Чейз теребил тонкую полоску усов над верхней губой, подозрительно дрожал. Но выражение его глаз оставалось серьезным, и было заметно, что он чем-то озадачен. Вайнинг не изменил своей позы и по-прежнему стоял, облокотившись рукой о книжную полку.

— Были отмечены и другие появления «двойника», даже более любопытные, — продолжал Базиль. — В конечном итоге родители всех сорока двух учениц забрали своих дочерей из школы, а мисс Саже была уволена. Она, как утверждают, безутешно рыдала и кричала: «В девятнадцатый раз, начиная с шестнадцатилетнего возраста, я теряю место из-за этого!» С того момента, как она покинула школу Нойевельке, следы ее теряются. Никто не знает, что с ней случилось.

В 1895 году Фламарион, оказавшись в Дижоне, проявил любопытство и заглянул в нотариальную запись о рождениях за 1813 год, в этот год, по-видимому, и родилась мадемуазель Саже. В записях фамилия Саже (Sageé) не упоминалась. Но 13 января 1813 года в книге регистраций занесено рождение ребенка женского пола, родившегося в Дижоне по имени Октавия Саже (Saget), но в другой транскрипции. По-французски обе фамилии, хотя и пишутся по-разному, звучат одинаково. Любой человек, услышав это имя, не мог знать его точное правописание. Но в книге регистраций после записи о рождении стояло одно слово, имеющее большое значение для сути дела.

Это слово — незаконнорожденная.

Такое рождение могло объяснить странствующую или ссыльную жизнь, которую Эмилия или Октавия Саже, судя по всему, вела в Германии и России. Дижон — небольшой провинциальный город. Трудно найти где-нибудь в мире более подчиненных условиям и более пуританских людей, чем во французской провинции, тем более в девятнадцатом веке. Можно вполне допустить, что сама Саже потворствовала изменению правописания своей фамилии с целью сокрытия своего происхождения.

И если существовала какая-то психологическая основа для необъяснимых событий, произошедших в школе Нойевельке, то корни такого состояния следует искать в психическом расстройстве этой весьма чувствительной девушки в результате воздействия на нее груза представлений о своем незаконном появлении на свет. Но это, конечно, чистой воды спекуляция...

Доротей вздрогнула и повернула голову. Теперь свет от лампы падал ей на лицо.

Под маской из косметики Базиль удалось различить ту особую неловкость, которую обычно испытывают фривольные женщины, когда им приходится заставлять себя казаться невероятно серьезными.

— На самом деле, доктор Уиллинг? Не хотите ли вы убедить нас в том, что мисс Крайль и эта девушка-француженка на самом деле могли вызвать какой-то призрак? Но ведь это противоречит здравому смыслу и... — она долго подыскивала нужные слова и, наконец, с видом триумфатора заявила, — настолько непрактично!

— Тем не менее во всем этом кроется одно весьма практическое обстоятельство, — возразил Базиль.

— Вы это серьезно? — Вайнинг не скрывал своей язвительной иронии. — В чем же оно проявляется?

— Я имею в виду тесную параллель, существующую между этими двумя случаями. «Дело Крайль», по сути дела, является чистым плагиатом «дела Саже».

— Кроме факта незаконнорожденности, — пробормотал Вайнинг.

— Предположим, — продолжал Базиль, проигнорировав слова Вайнинга, — что тот, кто хотел навредить мисс Крайль, случайно

прочитал или услышал историю о мадемуазель Саже и решил повторить ее с какой-то низкой целью.

— Но каким образом этот злоумышленник мог навредить мисс Крайль? — спросил Вайнинг.

— Она уже потеряла два места.

— Два? — Дороти была искренне удивлена.

— Да, именно два. Но это еще не все. Я убежден, что эти происшествия отрицательно сказываются на ее психическом здоровье. Они могут довести ее до... последней черты. Но существует только один инцидент, который не вписывается в «образец» Саже, — гибель мисс Айтчисон. Если только она не стала случайной жертвой какого-то трюка, предназначавшегося для мисс Крайль.

— Если я правильно вас понял, то появление «двойника» в Бреретоне после отъезда мисс Крайль преследовало цель напугать мисс Крайль, которая, конечно, не могла об этом не узнать, — сказал Вайнинг. — Очевидно, предполагалось, что «двойник» должен напугать любого, кто его там увидит. Но вряд ли до такой степени, чтобы испуганный человек упал, прокатился по ступеням каменной лестницы и свернул себе шею. Это чисто несчастный случай.

Ум Чейза не мог угнаться за быстрым мышлением Вайнинга.

— Позвольте мне во всем разобраться, Рей. Вы хотите сказать, что этот «двойник» представляет собой какой-то подлог?

— Естественно, — ответил Вайнинг, теряя терпение.

— Но тогда... — Чейз поглядывал то на Вайнинга, то на Базилю. — Но как это можно сделать? Как можно до такой степени подделать наружность мисс Крайль и выглядеть настолько правдоподобно, чтобы Алиса, увидав ее, сильно испугалась и даже упала от страха?

Вайнинг переадресовал вопрос Базилю.

— Ну, что вы скажете на это?

Базиль в ответ только вздохнул.

— Очень хотелось бы самому узнать.

— Если фигура этой женщины была копией фигуры мисс Крайль, то, вероятно, весь трюк был проделан с помощью какого-то отражения, — предположила Доротея.

— Но ведь мисс Крайль рисовала на лужайке за стенами дома, а «двойник» сидел в кресле в самом доме. — Базиль отрицательно покачал головой. — По словам вашей дочери, мисс Крайль выглядела точно так, как и «двойник», но они не занимались одним и тем же в одно и то же время. Никакой рефлектор не способен создать такую иллюзию.

— Все это чертовски странно, — неохотно признался Чейз. — Я все время думал о зеркалах. Разве можно передать какую-нибудь живую картину, не имея при этом экрана?

— Да еще в разгаре дня, — рассмеялся Вайнинг. — Думаю, что нельзя, Флойд. Кроме того, трудно представить себе, как кто-то незаметно доставляет в Бреретон кучу необходимой аппаратуры, а затем столь же таинственно исчезает вместе с ней. В пансионе трудно сохранить секретность.

— Тогда что же это было? — спросил Чейз.

— Я не в силах привести ни одного разумного объяснения, — сказал Базиль. — Как только мне кажется, что я нашел его, тут же возникает какая-то деталь, которая никак не вписывается в общую картину. Каким бы ни было объяснение, здесь где-то должен скрываться человеческий фактор. Если отделить друг от друга всех, кто в этом был замешан, то, может, все эти странные явления прекратятся.

— Но могут и продолжаться, — резко возразил Вайнинг. — Благодаря вам, доктор Уиллинг, я принял решение. Моя сестра немедленно покинет Бреретон.

— И я требую, чтобы Бет немедленно ушла из этой школы. Ты слышишь, Доротей? Я обращусь в суд, если потребуется, — проворчал Чейз.

— Ну... — Доротей теребила пальцами свои изумруды. — Может, на следующий год отправить ее в Партингтон? А до конца года я найму ей домашнего учителя. Но все это кажется мне ужасно... непрактичным. Какое отношение мы с Элизабет имеем к тому, что произошло в Ливонии сто лет назад?

Она поднялась, натягивая перчатки. Мужчины вышли следом за ней в вестибюль, где она обратилась к Вайннгу:

— Моя машина поджидает возле дома. Не хотите прокатиться со мной до центра?

— С большим удовольствием.

Он отправился за ней через улицу к припаркованному автомобилю. Шофер предупредительно открыл дверцу.

Чейз стоял рядом с Базилем, держа шляпу в руке.

— Мне бы хотелось переброситься с вами парой слов наедине. Базиль взглянул на него:

— Видите ли, у меня назначена встреча с приятелем в ресторане.

— Разрешите, я вас туда подвезу. Можно поговорить и в машине.

— Ну, что у вас? — спросил Базиль, когда их машина влилась в широкую реку уличного движения.

— Это касается... Алисы.

— Вы имеете в виду Алису Айтчисон? Ту самую преподавательницу, которая погибла в Бреретоне?

— Да. Видите ли... я любил ее.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ресторан находился на Мэдисон-авеню — небольшой, тихий, уютный, только что отремонтированный и сменивший свой интерьер.

Гизела сидела за столиком в одном из кабинетов и взглянула на Базилья с улыбкой. Затем с удивлением перевела взгляд на стоящего у него за спиной незнакомого мужчину.

— Мистер Чейз пропустит с нами по коктейлю, — объяснил Базиль. — Ему это просто необходимо.

— Как мило с вашей стороны, что вы притащили меня сюда, — сказал Чейз, переводя взгляд с него на Гизелу и испыты-

вая, видимо, при этом шемящую зависть. — Я только выпью что-нибудь и уйду. Но, по правде говоря, мисс фон Гогенемс, я очень рад представившейся возможности поговорить с вами, как и с доктором Уиллингом. Дело касается Алисы. Она вам рассказывала... о нас?

— Не очень многословно, — ответила Гизела. — Хотя она и говорила о своем намерении навсегда покинуть Бреретон.

— Да, она приняла такое решение, — продолжал Чейз. — Ведь я сделал ей предложение. Когда я разошелся с Доротеей, то поклялся больше никогда не жениться. Но у Алисы было все, чего не было у Доротей, — веселость, теплота, жизненная сила, человечность... Вот почему с самого начала я был уверен, что это не самоубийство. Ведь она была счастлива. Я это знаю. Она хотела жить. К тому же у меня еще много денег, несмотря на все усилия Доротей конфисковать все до цента. Я мог бы дать Алисе все, что она пожелала бы. Какая глупая, бессмысленная смерть, наступившая в тот момент, когда она была на пороге исполнения всех своих желаний!

— Несчастный случай, — перебила его Гизела.

Чейз остановил ее взглядом.

— Знаете, ведь очень просто сломать человеку шею. Нас этому обучали в армии. В определенном положении стоит положить ладони на голову человека, сделать резкий рывок в сторону, и шейные позвонки выскакивают. После этого можно выпустить тело из рук и не препятствовать его падению на лестничные ступеньки. Можно разорвать подол платья, отшвырнуть туфельку в сторону. Все это займет несколько секунд. А потом попробуй докажи, что это не несчастный случай!

Ее ненавидели трое: Доротей, моя бывшая супруга, Раймонд Вайнинг и Фостина Крайль. Доротей при мысли о моем новом браке испытывала страх и ревность. Рей Вайнинг год назад был помолвлен с Алисой — глупая детская интрижка. Но, кажется, она его отвергла. Мне известно, что между ними вышла ссора. У Алисы был острый язычок, и, как мне говорили, ей нравилось поддразнивать Крайль.

— Мне как-то трудно представить женщину, которая ломает шею другой, — сказала Гизела. — Женщины скорее прибегнут либо к пистолету, либо к яду.

— Охваченная ревностью женщина в гневе способна на что угодно, — возразил Чейз. — Даже столкнуть другую женщину с каменной лестницы. А по словам Бет, мисс Крайль именно так поступила с Алисой... Скажите, мисс фон Гогенемс, вы сами что-нибудь видели?

— Нет, к сожалению, ничего. Только Алису, порванный подол ее платья и лежащую в стороне туфлю.

— Может, какие-то следы?

— Нет, следов я не видела. Но тогда я и не старалась их обнаружить.

— Ладно. Думаю, это напрасные надежды. Нам никогда не удастся выяснить, как именно умерла Алиса.

— Вы же знаете, что Фостина в это время была в Нью-

Йорке, — продолжала Гизела. — Я разговаривала с ней по телефону как раз перед тем, как обнаружила труп Алисы.

— Насколько мне известно, мисс Фостина Крайль — единственный человек в мире, у которого никогда не будет алиби... Не знаю, что и думать! Спасибо за выпивку. Должен идти. Всего хорошего. — Чейз поставил пустой бокал, встал со своего места и зашагал по проходу между столиками по направлению к гардеробу.

Гизела посмотрела на Базиля.

— Как ты считаешь, что же на самом деле произошло с Алисой?

— Не знаю. Возможно даже, что сам Чейз ее убил. Ведь он мог выуживать у тебя сведения о том, заметила ли ты следы на месте преступления, или какие-то другие улики.

— Любовная ссора?

— Может быть, что-то в этом роде. Скажи, она на самом деле любила Чейза?

Гизела поморщилась.

— Но ты же видел и его, и Вайнинга.

— Вайнинг, конечно, более привлекательный тип для женщины.

— Думаю, что да. Конечно, о таких вещах трудно судить с уверенностью. Иногда довольно уродливые мужчины нравятся женщинам. А мужчин привлекают «прекрасные» уродки. Но нельзя не считаться с тем, что Чейз — состоятельный кавалер, а Алиса ужасно устала от тоскливой жизни обычной преподавательницы в школе... А может, все эти невероятные истории с Фостиной — лишь плод оптического обмана?

Базиль покачал головой.

— Не так все просто, дорогая. Миссис Лайтфут рассказала мне, что Фостина была вынуждена оставить школу Мейдстоун в прошлом году по той же причине.

— Боже мой, но ведь в этой школе училась и Алиса!

— Да, и при этом Алиса всегда любила поддразнивать Фостину.

— Ты хочешь сказать, что Алиса подстраивала злобные трюки в обеих школах, чтобы досадить Фостине? Эти трюки дважды стоили ей работы. Затем каким-то образом Фостина обо всем узнала и явилась в Бреретон, чтобы отомстить Алисе?

— Но тогда кто же разговаривал с тобой по междугороднему телефону?

— Я сразу узнала голос Фостины. — Гизела нахмурилась. — Я ни с кем не могла перепутать этот слабый, вялый, далекий голос. И мне известно, что действительно звонили из Нью-Йорка. Коннектикутская полиция навела соответствующие справки в телефонной компании.

— Но некоторые люди обладают способностью подражать чужим голосам и делают это весьма искусно, — подчеркнул Базиль.

— Вряд ли Фостина прибегла бы к помощи другого человека и доверилась бы ему.

— Предположим, она притворялась, и телефонный разговор оказался мистификацией.

— Тогда исполнитель был обязан немедленно отправиться в полицейский участок после того, как вечерние газеты опубликовали сообщение о гибели Алисы. Нет, здесь кроется что-то другое. Мог ли трюк, разыгранный Алисой в отношении Фостины, каким-то образом отозваться на ней самой, испугать ее и даже вызвать глубокий шок?

— О каком трюке ты говоришь? Что могла на самом деле сделать Алиса, чтобы вызвать «двойника»? И каким образом это могло сказаться на ней самой? Мы уже никогда не узнаем, видела ли она кого-нибудь перед смертью. А тебе приходилось испытать нечто подобное?

— Нет, не приходилось. Но моя прабабка, Амалия де Буасси, обладала кое-каким личным опытом. Ее отец служил во французском посольстве в России, и ее отправили в одну частную школу в местечке Вальмиера в Ливонии.

Базиль встрепенулся:

— Школа Нойевельке?

— Ты о ней слышал?

— Да, я слышал об Эмили Саже и о том, что там происходило. В конце концов моя профессия — психиатрия, и любое проявление паранормальной психологии представляет для меня особый интерес. А почему ты прежде не говорила мне ничего об Эмили Саже?

— Ты помнишь наш первый разговор о Фостине? В тот вечер в «Лебедином клубе»? Я сказала тебе, что в моей зыбкой памяти хранится нечто подобное, имея в виду историю с Эмилией Саже. Я слышала ее давно, когда была маленькой девочкой. Наверное, я так долго вспоминала этот эпизод, и, само собой разумеется, случай с «Воспоминаниями» Гете помог восстановить его в моей памяти. Когда тетя Амалия впервые рассказала об Эмили Саже, она также сообщила мне о том, что нечто подобное произошло и с немецким поэтом Гете, и дала мне французское издание его «Мемуаров», в которых он сам рассказывает о своем поразительном опыте.

Если вспомнить историю Саже, то можно сказать, что она в основном напоминает историю Фостины, за исключением одной детали — мадемуазель Саже была незаконнорожденным ребенком.

— И Фостина тоже. Но только умоляю тебя, никому об этом не говори! Она ничего не знает.

— Боже, бедная Фостина... — Гизела явно растрогалась. — Вот почему она мне всегда казалась такой одинокой!

— Ее мать пользовалась дурной репутацией в Париже в начале века. Но она носила иную фамилию.

— Недавно я слышала псевдоним подобной женщины. Всего несколько дней назад... Сейчас... Алиса Айтчисон упоминала о ней, разговаривая с Фостиной в моем присутствии.

— Какое имя она назвала?

— Роза Дайамонд. Я слышала о ней постоянно. Она была королевой утонченного разврата в Париже в 1912 году, не так ли?

Базиль утвердительно кивнул. Роза Дайамонд. Это странное

имя звенело в закоулках его памяти, вызывая отдаленные отголоски.

— Не она ли была замешана в скандальном бракоразводном процессе 1912 года? — задумчиво проговорил он.

— Не знаю.

— Вот это я и должен завтра выяснить. Да еще имя одного джентльмена, который фигурировал на процессе, если только Роза Дайамонд на самом деле была матерью Фостины.

— Если? Вероятно, она и есть. Только таким обстоятельством можно объяснить те грубые слова, которые произнесла Алиса.

— А что она сказала?

— Это произошло в день отъезда Фостины из Бреретона. Мы обсуждали дизайн одежды Медеи в знаменитой греческой пьесе, разработанный Фостиной. Алиса заметила, что Фостина выбрала такой цвет костюма, который в Афинах носили только проститутки. Фостина возмутилась и призналась, что не знала этого. Алиса рассмеялась и заметила, что Фостине должно быть многое известно о традициях продажных женщин. И тогда она поинтересовалась, не слышала ли Фостина что-нибудь о женщине по имени Роза Дайамонд.

— А теперь, прежде чем ответить на мой вопрос, хорошенько подумай. И постарайся быть поточнее: могла ли ты по выражению лица Фостины догадаться, что ей известно имя Розы Дайамонд?

— Честно говоря, не помню. Все, что тогда говорила Алиса, судя по всему, сильно задевало Фостину. А ей известна история ее матери?

— Адвокат уверяет, что она ничего не знает, но он может и ошибаться. Более того, мне придется прямо спросить об этом у Фостины.

— Но каким образом смогла Алиса узнать о матери Фостины?

— И это предстоит выяснить. Ты только что мне сказала, что Алиса поддразнивала Фостину именем матери. Если Фостина поняла такой намек, то она не могла не испытывать в эту минуту ненависти к Алисе, и такая ненависть могла привести к убийству...

— Нет, нет!

— Тебе известно, какое главное обвинение выносилось ведьмам в средние века?

Гизела кивнула. Вид у нее был очень несчастный.

— Способность убивать человека на расстоянии? Но я в это не верю!

— Почему же? Ты ведь веришь другим, не менее странным явлениям?

К столу подошел улыбающийся метрдотель и позвал Базиля к телефону.

— Черт знает что такое, — нахмурился вернувшийся через некоторое время Базиль. — Срочное заседание ученого совета в больнице. Будут обсуждать вопросы финансирования. Так что придется идти. Заседание состоится вечером. Всегда что-нибудь да помешает... Позволь по крайней мере проводить тебя на вокзал.

— Но я не еду поездом. У меня есть машина, одолжила у подружки-учительницы. И у меня возникла гораздо более умная идея — давай-ка я тебя подброшу к больнице.

Выходя из машины, Базиль наклонился и поцеловал Гизеле руку, лежавшую на баранке. Он помахал ей на прощание, затем быстро взбежал на крыльцо и вошел в двустворчатые стеклянные двери.

Гизела сидела неподвижно. Она резко повернула руль и поехала на другую улицу, ведущую к Пятой авеню, где, если ей не изменяла память, находилась заправочная станция. Замечательная авантюра! Прекрасный сюрприз для Базиля! Может, тем самым ей удастся пробить непроницаемую стену его скептицизма. А чего ей опасаться? Ведь все, что происходит вокруг, — вполне естественно. Во всяком случае, так и должно быть, иначе ничего бы не случилось.

Какой-то полусонный человек в замасленном халате подошел к бензиновому шлангу.

— Заправьте, пожалуйста, — сказала Гизела. — У вас есть дорожная карта штата Нью-Джерси?

— Конечно, есть. Какое именно место вам нужно?

— Небольшая деревенька на берегу океана. Она называется Брайтси.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Дворники» на ветровом стекле начали свой танец. Через чистые, отполированные ими прогалины на стекле Гизела видела расплывчатые огни уличных фонарей сквозь неподвижную пленку дождя, поливавшего черный асфальт дороги. Монотонный ритм танцующих «дворников», равномерный гул двигателя оказывали на нее какое-то гипнотическое воздействие, убаюкивали, клонили ко сну...

Из темноты фары выхватили блестящий щит: «Вы подъезжаете в деревню Брайтси». Шоссе становилось главной улицей деревни. Свет горел только в местной аптеке и на заправочной станции. Гизела въехала на заправку и остановилась.

— Не скажете, где находится коттедж мисс Крайль? — спросила она у долговязого мужчины в джинсах и рубашке-джерси.

— Это в трех милях отсюда, там, за деревней. Как раз между океаном и сосновым бором. Нужно будет потом проехать еще с милею по лесной дороге. Затем на развилке свернете направо и увидите коттедж. Это единственный дом у дороги.

Когда Гизела свернула с главной магистрали, мимо промчался другой автомобиль, выскочивший с проселочной дороги в тот момент, когда она выехала на нее. Она сумела различить его густо покрытые каплями дождя ветровое стекло и картонку, на которой большими буквами было написано «ТАКСИ». Встречная машина направлялась к деревне, и вскоре она увидела свет ее фар на шоссе где-то позади себя. Теперь она ехала по ухабистой вьющейся дороге, полагаясь в крошечной темноте только на свет

фар. Низкорослые сосны стеной возвышались по обе стороны. После очередного поворота дорога внезапно пошла под уклон. Огни фар выхватили из темноты высокую худосочную фигуру женщины, которая брела, словно слепая, по обочине, и вдруг попала в яркий сноп света. На ней было легкое пальто с темной шляпкой.

Гизела нажала на тормоза. Словно в каком-то головокружительном кошмаре она почувствовала, как автомобиль разворачивает и куда-то заносит. Свет от фар выхватил глухую стену из сосновых деревьев, полоснул по чьему-то испуганному лицу, белому как простыня. Облик женщины четко отразился в сознании Гизелы за это короткое мгновение: раскрытые губы, отразившие страх глаза, глядевшие в упор. Затем машина, еще раз содрогнувшись, замерла, и свет фар погас.

Гизела сидела тихо и дрожала. Через несколько секунд она обрела дар речи.

— Фостина! Где ты?

Никто ей не ответил. Но ведь это было лицо Фостины, она его четко видела... Может, она нечаянно сбила ее автомобилем, и Фостина лежит сейчас в канаве без сознания?

Гизела взяла в руки фонарик и сумочку и вышла из машины. В данный момент ей позарез нужна была деревня, с ее светом, теплом, людьми и телефонами. Она пошла назад, не имея ни малейшего представления, куда могло вывести ее выбранное наобум направление.

Через несколько минут ей показалось, что гул прибора стал более отчетливым. Вдруг между стволов она заметила свет и пошла прямо на него. Бор закончился, и теперь она шагала между двумя большими дюнами, покрытыми скудной растительностью. Свет исходил из какого-то дома, стоявшего на другой дюне. Гизела все отчетливее слышала гул океана, он, казалось, все время приближался к ней, но там, где он, по ее представлению, должен был находиться, висела черная пустота беззвездного неба. Вдруг ее охватили сомнения. Но, преодолев страх, она решительно зашагала песчаной тропинкой по направлению к дому.

При свете, заливающим крыльцо, она разглядела частокол из выкрашенного в белую краску штакетника, которым был обнесен сад с растущими в нем дикими розами, восковицей и оливковыми деревьями. Она миновала широко распахнутые ворота и пошла к дому по песчаной тропинке. Дом был сбит из некрашенной дранки, ставни и оконные рамы выкрашены белой краской. Вдруг Гизела сбилась с шага. Свет, падавший на дюны, как оказалось, исходил из холла коттеджа. Передняя дверь была открыта и свободно раскачивалась взад-вперед на петлях, издавая слабый металлический перезвон связкой ключей, свисавшей из замочной скважины.

Поднявшись на крыльцо, Гизела остановилась и торопливо позвала: «Фостина! Фостина!»

Никто ей не ответил. Она сделала еще шаг вперед, вошла

в холл и замерла. Глухое тиканье привлекло внимание Гизелы к старинным круглым часам, висевшим на противоположной от двери стене. Стрелки показывали двадцать минут двенадцатого. Рядом с ними начинала свой изгиб внутренняя лестница, а постланный на ступеньках пушистый зеленый ковер послушно повторял каждый ее поворот. У самого подножия стояли два ободранных чемодана, те самые, которые Фостина взяла с собой, уезжая из Бреретона.

Гизела начала медленно продвигаться к единственному просвету в комнате — арочному входу, расположенному справа от нее. Через него она увидела в глубине две жилые комнаты, разделенные двустворчатой дверью, сделанной наподобие высокого французского окна, — прямоугольные стекла в узких деревянных рамках. Первая комната освещалась лампой, стоявшей в холле. Во второй, расположенной дальше от арочного проема, было сумеречно, и там властвовали темные причудливые тени.

Гизела еще раз громко позвала: «Фостина! Это я, Гизела. Где ты?» Тишина в доме казалась ей невыносимой. Гизела резким движением бросила на маленький столик сумочку и фонарик и обвела взглядом комнату, пытаясь найти выключатель. Наконец она обнаружила его на стене с другой стороны стола и обогнула стол, подняв руку вверх по направлению к кнопке. Вдруг ее нога наткнулась на что-то мягкое. Гизела остановилась. У нее перехватило дыхание.

На полу, лицом вниз, лежала Фостина Крайль. Она, вероятно, здесь и упала, когда пыталась заглянуть в дальнюю комнату. На ней по-прежнему было наглухо застегнутое голубое пальто, а шляпка валялась рядом. Левая рука, подтянутая к плечу, была в кожаной перчатке. Правая рука лежала на голове, словно она хотела отразить удар. На ней не было перчатки. Она лежала рядом с ней и раскрытой сумочкой, из которой вывалились на пол все ее принадлежности — пудра, помада и кошелек. На одежде не было никаких следов дождя или пятен крови. Даже чулки и подошвы туфель были чистыми и сухими.

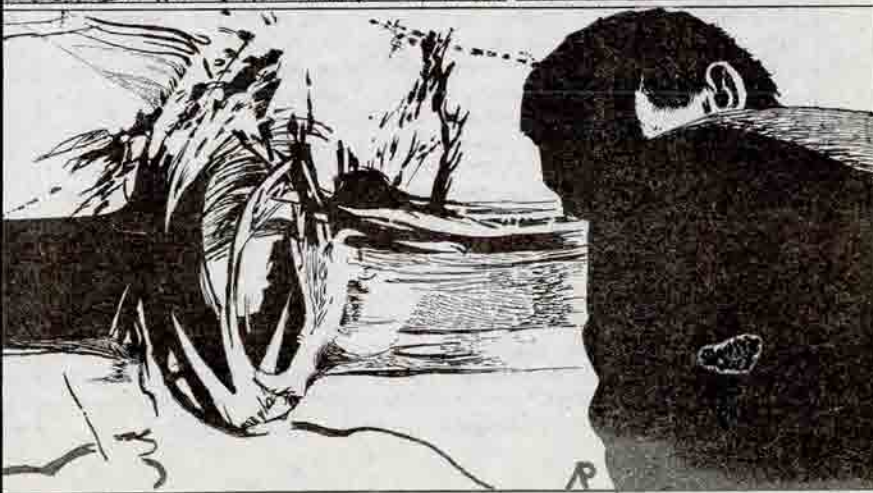
Лицо было закрыто покрывом прекрасных, светлых волос. Гизела опустила на колени.

— Фостина! Тебе больно? Я ударила тебя бампером?

Мягким движением руки она убрала волосы с лица Фостины. Оно было таким же бледным, ненакрашенные губы раскрыты. Больше всего напугали Гизелу глаза с сильно расширившимися зрачками, которые глядели в пустоту. Только теперь Гизела поняла, что Фостина мертва. Но на ее теле не было ни синяков, ни ран, ни крови.

Гизела вскочила на ноги и медленно обвела взглядом комнату, словно пытаясь задать вопрос этим стенам, которые были свидетелями того, что здесь совсем недавно произошло. Лампа в холле продолжала гореть, и свет от нее, просачиваясь через арку, падал на бело-зеленые обои и мебель, обитую розовым ситцем. Увидев на столике телефон, она подбежала к нему...

Окрашенные фосфором стрелки часов показывали 2.57, когда на столике рядом с кроватью Базиль зазвонил телефон. За окнами еще было темно, но в воздухе уже ощущалась предрасветная свежесть. Не совсем очнувшись ото сна, он потянулся к трубке и, как всегда, инстинктивно произнес:

— Аллю?

— Базиль?

Низкий дрожащий голос окончательно пробудил его, словно его окатили ушатом холодной воды.

— Гизела? Ты где?

— В Нью-Джерси. В Брайтси. Произошло нечто ужасное...

— Что случилось?

— Фостина умерла.

— А что ты там делаешь?

— Видишь ли, когда мы с тобой расстались, у меня оказалась в запасе куча времени. Я вспомнила, что Фостина просила приехать к ней в любое время, и решила выполнить ее просьбу. Когда я приехала сюда, она была уже мертва. Сердечный приступ. Я тут же вызвала полицию, но стражи порядка, судя по всему, сильно сомневаются в моей искренности. Они вели себя довольно грубо, но все же позволили позвонить тебе.

— Кто занимается случившимся? Полиция штата?

— Да, некий лейтенант Сиерс.

— Передай ему трубку. Я немедленно выезжаю в Брайтси. Не нервничай и не отвечай ни на какие вопросы до моего приезда. Где тебя искать?

— В коттедже Фостины... Базиль... я передаю трубку лейтенанту Сиерсу.

Голос в трубке отличался грубостью и резким тоном.

— Послушайте, все произошло в штате Нью-Джерси, а не в Нью-Йорке, вам ясно? Эта леди утверждает, что вы ее приятель, и что вы намерены привезти сюда адвоката. О'кей. Я не могу позволить ей пользоваться телефоном. К тому же окружной прокурор Нью-Йорка не имеет к нам никакого отношения.

Базиль включил лампу над кроватью и набрал номер домашнего телефона своего старого приятеля Фойла, помощника главного инспектора нью-йоркской полиции.

Инспектор спросонья ответил ему упреком:

— Послушайте, когда наконец вы, голуби, позволите мне поспать хотя бы минут десять! Что вам всем, черт возьми, нужно от меня в такое время? — Но голос Базилья и упоминание имени Гизелы его тут же отрезвили. — Простите, доктор. Я думал, что это кто-то из управления. Они время от времени позванивают старику, когда им приспичит. С Нью-Джерси возникнет наверняка куча трудностей. Эти ребята из полиции штата как-то странно толкуют границы своей юрисдикции. Но я позвоню начальнику полиции штата, своему приятелю, и он вызовет к себе Сиерса. Чем еще могу помочь?

— В Нью-Йорке есть адвокат Септимус Уоткинс.

— Конечно, конечно. Но там еще есть и Статуя Свободы. Я знаю обих с детства.

— Не могли бы вы заставить его назвать имена людей, которые получают по наследству драгоценности матери Фостины Крайль? Ведь она умерла до своего тридцатилетия. Сам Уоткинс — ее законный наследник, но ему были сделаны устные распоряжения о передаче драгоценностей некоторым лицам.

— Как, говорите, имя матери? Крайль?

— Да, но у меня есть основания считать, что в кругу лиц ее профессии она была известна под именем Роза Дайамонд.

Фойл присвистнул:

— Значит, она занималась тем же, что и Кора Пёрл. Боже, как давно все это было!

— Выступала ли Роза Дайамонд в качестве соотечкича в шумевшем деле о разводе 1912 года?

— Могла, конечно, но я точно не помню.

— Уверен, что она там была. И мне необходимо имя ответчи-ка...

Когда автомобиль Базиля въезжал в Брайтси, солнце уже взошло. Проезжая мимо заправочной станции, он заметил знакомую женскую фигуру и подрулил к краю тротуара.

— Миссис Лайтфут?

В это время она была занята разговором с механиком. Обернувшись, она изумленно воскликнула:

— Доктор Уиллинг? Сегодня ночью мне позвонили из полиции штата Нью-Джерси, — начала она объяснять Базилю причину своего появления здесь. — Я приехала на поезде и никак не могу найти машину, которая могла бы отвезти меня к коттеджу мисс Крайль.

Механик из гаража слушал ее, не пропуская мимо ушей ни слова:

— Послушайте, милая леди, я уже сто раз объяснял, что у меня только один шофер, но в настоящее время он находится там, в коттедже, дает показания полиции, так как вчера вечером подвозил мисс Крайль домой с поезда. Здесь нет никого, кроме меня, а я не могу оставить заправочную станцию.

— Буду рад подбросить вас, — предложил Базиль.

— Вы очень любезны. Нужно спешить. Я чувствую свою ответственность за судьбу мисс Крайль. Доктор, как вы думаете, она покончила самоубийством? Если бы ее не уволили...

Механик стоял, прислушиваясь к разговору.

— Обычный сердечный приступ — так сказали полицейские. Всем в округе известно, что у мисс Крайль было слабое сердце.

— Как нам туда добраться?

— Поезжайте прямо по дороге, на перекрестке сверните направо, затем выезжайте на берег океана.

Около дюжины машин стояло возле белого забора из штакетника.

Базиль поставил свой автомобиль рядом и выключил зажигание. К ним направился какой-то человек.

— Что вам здесь надо? — заорал он, демонстрируя полное

отсутствие вежливости, которое невоспитанный человек считает проявлением демократичности.

— Мне нужно поговорить с лейтенантом Сиерсом. Мое имя Уиллинг.

— А кто эта подружка?

— Это миссис Лайтфут. У нее работает мисс фон Гогенемс.

— Лейтенант занят. Что вам от него нужно?

— Спросите об этом у него самого. Он меня ждет.

Тон Базилья вызвал у полицейского прилив крови. Это сразу стало заметно по его лицу.

— Послушайте, я...

Дверь в доме резко распахнулась, и кто-то закричал:

— Добсон!

— Да, сэр?

— Это доктор Уиллинг? Немедленно проводите его ко мне!

— О'кей.— Добсон повернулся спиной к миссис Лайтфут и Базилью.— Вы слышали приказ лейтенанта? Тогда шевелитесь!

Идя по тропинке, миссис Лайтфут говорила приглушенным голосом:

— Разве это не похоже на сценку из «Алисы в стране чудес»? Лакей, который был рыбой, стоял у двери и наносил оскорбления всем, кто к ним приближался.

На пороге открытой настежь двери стоял смуглый человек невысокого роста в лейтенантской форме.

— Прошу извинить меня за Добсона,— сказал он с торжественным видом.— Сейчас я занят с репортерами. Не могли бы вы подождать меня несколько минут в холле?

— А где мисс фон Гогенемс? — спросил Базиль.

— Все в порядке. Она скоро к вам присоединится.— Лейтенант стремительно исчез, прошмыгнув под аркой в жилую комнату.— Ну, ребята, давайте пошевеливайтесь...— Затем вновь появился и указал рукой на арку.— Входите, пожалуйста.

Стеклянные двери были распахнуты настежь, а две открывавшиеся взору комнаты ярко освещались веселыми солнечными лучами.

Как только Базиль заметил бледное лицо Гизелы, он тут же позабыл и о Сиерсе, и о миссис Лайтфут. Широкими шагами он пересек комнату и взял Гизелу за руки. Они были холодными, но Гизела постаралась наградить его усталой улыбкой в знак признательности.

— Почему вы до сих пор ее здесь задерживаете? — обернулся Базиль к Сиерсу.

Лейтенант довольно вежливо ответил:

— Откуда вы взяли, что я ее задерживаю? Она вольна идти, куда ей вздумается, только...

— Только что?

— Если только она расскажет нам обо всем. В таком случае ей ничего не грозит. Ни ей, ни этому субъекту.

Базиль наконец заметил человека, о котором говорил лейтенант. В самый угол дивана забился какой-то человечек в старой

армейской шинели без знаков отличия. У него были печальные испуганные глаза.

— Но я уже трижды объяснял, лейтенант, — захныкал человек. — Всё было именно так, как я рассказал, клянусь Богом!

— Расскажите в четвертый. Это доктор Уиллинг. Он работает в Нью-Йорке в конторе окружного прокурора. Мой шеф, начальник полиции Ледерер, несколько раз звонил и требовал предоставить ему всю информацию. Всю! Понятно? А мы до сих пор, по сути дела, ничем не располагаем.

Не нарушая тишины, миссис Лайтфут нашла стул возле Гизелы и села, улыбнувшись ей в знак моральной поддержки.

Ее передвижение по комнате привлекло внимание Сиерса.

— Насколько я понимаю, вы — миссис Лайтфут, работодатель мисс Крайль?

— Да, я была таковой до недавнего времени.

— Почему она оставила вашу школу в разгар учебного года? Мисс фон Гогенемс отказывается назвать причину.

Тщательно подбирая слова, миссис Лайтфут заговорила:

— Мисс Крайль хорошо знала свой предмет — изящные искусства, театральное дело и рисование, но она не умела внушить к себе должное уважение учеников.

— Почему ей это не удалось?

— Не тот характер, мистер Сиерс. Наверное, и в вашей профессии это не последняя деталь?

— Да, иногда может пригодиться, — ответил Сиерс, но в голосе его чувствовалось сомнение. — О'кей, Ронсон, продолжайте.

Человек в армейской шинели снова заговорил.

— Вчера вечером, сойдя с десятичасового поезда, мисс Крайль взяла мое такси. Я был рад прихватить какого-нибудь пассажира, так как летний сезон уже закончился. Я подвез ее к самому крыльцу, чтобы она не промокла, даже вынес ее чемоданы из машины и поставил их на крыльцо. Затем снова сел в машину и увидел, как она, стоя на крыльце, вставила ключ в замочную скважину. Я завел двигатель и оглянулся, чтобы убедиться, смогу ли развернуться здесь, минуя кусты роз. И тогда я снова увидел ее. Она оставила входную дверь открытой и зажгла лампу в прихожей. Я видел, что чемоданы стояли в холле, а связка ключей свисала под ручкой двери и позванивала от дуновения ветерка. В последний раз, когда я бросил на нее взгляд, она стояла рядом с лампой, которую только что включила. Над ее головой на стене я заметил часы, показывавшие 11 часов 5 минут. То же время показывали мои часы на щитке. Мне с трудом удалось аккуратно развернуться, я поехал по влажному песку и наконец выбрался на твердое покрытие. Когда я проезжал через перекресток, мне навстречу попался какой-то автомобиль, направлявшийся к коттеджу мисс Крайль. В 11.25 я вернулся в гараж. Вот все, что мне известно...

Базиль посмотрел на Сиерса:

— Ну, и что здесь непонятного?

— В том автомобиле, который проехал мимо, находилась мисс фон Гогенемс. Она помнит, что на перекрестке видела такси. Когда она приехала сюда, то увидела, что входная дверь откры-

та настезь, а связка ключей торчит в замочной скважине. Лампа горела в вестибюле, а на часах было 11.20. Чемоданы стояли рядом с аркой. Мисс Крайль лежала на полу неподалеку от настенного выключателя. Она была мертва. Наш доктор докладывает, что на теле нет никаких следов насилия, просто ее большое сердце не выдержало и перестало биться в тот момент, когда мисс Крайль пыталась дотянуться до выключателя.

— Я все равно не вижу, что же вас смущает? — повторил Базиль. — Два показания — мисс фон Гогенемс и этого парня — совпадают до малейшей детали. Ничего не стоит восстановить остальное... Мисс Крайль сделала то, что на ее месте сделали бы сотни женщин, входя в неосвещенный, пустой дом ночью в полном одиночестве. Она оставила ключи в замочной скважине, чемоданы в холле и торопилась зажечь свет в доме. К несчастью, она умерла здесь, в этой темной комнате, в полном одиночестве, так и не успев зажечь свет. Горел только светильник в вестибюле.

— О'кей, а теперь давайте разберемся во всем более спокойно, — ответил невозмутимый Сиерс. — Она прошла в эту комнату прямо из холла. Не останавливалась и ничего не предпринимала. Не сняла ни пальто, ни шляпку, ничего, кроме одной перчатки. Даже не потрудилась закрыть входную дверь и забрать ключи. Сколько времени могло уйти на все эти действия?

— Думаю, меньше минуты.

— Отлично. Значит, она умерла в тот момент, когда Ронсон вел свою машину по дороге к сосновому бору и коттедж еще находился в поле его зрения. Он утверждает, что по спидометру держал тридцать миль. Значит, ему понадобилось восемь минут, чтобы добраться до переезда. А машина мисс фон Гогенемс проследовала мимо него в 11.13. Таким образом, к этому времени мисс Крайль должна была умереть, не так ли?

— Либо умерла, либо умирала, — допустил Базиль. — Вероятно, она упала в 11.05, после того, как от дома отъехал Ронсон, так как даже не успела зажечь свет.

— Нет, нет, как раз времени у нее было достаточно, — поправил его Сиерс. — Она нажала на выключатель, но свет так и не загорелся, так как обе лампочки в потолке вышли из строя. Сколько времени могло потребоваться ей, чтобы нажать этот выключатель? Несколько секунд?

— Не больше. И что из этого следует?

— А вот что. — Сиерс подался всем телом вперед, в глазах его мелькнул гнев. — Мисс фон Гогенемс утверждает, что когда она проезжала через сосновый бор после одиннадцати тринадцати, то своей машиной чуть было не сбила какую-то женщину, в полном одиночестве шагающую под дождем. В ней она признала свою приятельницу мисс Крайль, которая в это время находилась в доме и была либо уже мертва, либо в бессознательном состоянии. Как же могло случиться, что мисс Крайль оказалась на дороге в полумиле от дома? Вывод один: кто-то из двух свидетелей лжет. Кто же именно? Ронсон или мисс фон Гогенемс?

Кто-то тяжело вздохнул, и за этим раздался звон стекольных

осколков, упавших на паркет. Миссис Лайтфут с удивлением рассматривала свою руку в перчатке.

— Я держала в руке пенсне, — неторопливо сказала она, — и, кажется, раздавила линзы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Машина Базиля, легко преодолев подъем, углубилась в сосновый бор и остановилась наверху, возле выбоины.

— Это случилось здесь?

— Да, — ответила сидевшая рядом с ним Гизела. — Это была Фостина. Я четко видела ее лицо, глаза, как вот сейчас вижу твои.

— Но ты ведь видела ее какое-то краткое мгновение! — напомнил ей Базиль.

— Я почувствовала удар, а когда вышла, вокруг никого не было. — Гизела уронила руки на колени, закрыла глаза и прислонилась затылком к изголовью сиденья. Ветер беспечно поигрывал ее волосами. — Фостина умерла... от сердечного приступа. Перед твоим приездом лейтенант Сиерс заметил, что, к сожалению, коллапс произошел в такое время, когда никто не мог оказать ей помощь. Ее, вероятно, можно было спасти, если бы вовремя вызвали доктора...

— А не считаешь ли ты, что существует какая-то иная причина смерти, которая заставила ее умереть именно здесь и именно при таких обстоятельствах. Даже люди с очень большим сердцем не падают замертво просто так, без всякой причины, не так ли? По крайней мере пока на них не обрушится какое-то дополнительное напряжение или нагрузка на сердце.

— Она сама внесла чемоданы в холл, — напомнил Базиль.

— Но это не такой большой груз.

— Она устала после поездки и всех терзаний, выпавших на ее долю за последние годы.

— Сомневаюсь. — Гизела широко открыла глаза и, не поднимая головы, устремила взгляд в бездонную голубизну над верхушками деревьев. — Разве современная медицина не утверждает, что физическая смерть — это длительный процесс, а не внезапный акт, как это обычно выглядит в глазах закона?

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Фостина умирала медленной смертью? Настолько медленной, что смогла пройти по дороге какое-то расстояние, затем вернуться домой, где, наконец, ее схватил удар?

— Нет, я имею в виду другое. — Гизела выпростала ногу, обутую в элегантную туфельку из коричневой кожи аллигатора, запачканную грязью. — Подумай только, ведь на ее обуви не было следов грязи. Туфли ее были сухими и чистыми. Не было ни одного мокрого пятнышка ни на одежде, ни на чулках.

— Ну и что?

— Если настоящая смерть — это продолжительный и медленный процесс, если учесть, что возможно появление какого-то нематериального человека, то мог ли такой феномен пережить

официально зафиксированную смерть материального тела в течение нескольких секунд? Очень хотелось бы установить точное время остановки сердца Фостины.

— Зачем?

— Я хочу выяснить, случилось ли это в тот момент, когда я почувствовала, как задрожал автомобиль от удара?

Базиль повернулся к ней, не скрывая своего удивления.

— Уж не хочешь ли ты сказать...

— Меня не покидает одна мысль. Не умерла ли настоящая Фостина в результате шока, полученного в тот самый момент, когда моя машина столкнулась с ее блуждающим образом? Не был ли этот удар нанесен по бесплотной тени и в результате погубил материальную субстанцию?

— Мы ведем с тобой какую-то странную беседу для двух нормально мыслящих, взрослых и хорошо образованных людей. Это всего лишь отзвук мифов, собранных в «Золотом горшке». Примитивные люди верили, что двойник может вселяться в животное, или растение, или даже камень, и что человеку предстоит испытать немало страданий или даже вообще умереть, если насильно разрушить временное обиталище его двойника.

Гизела повернулась к нему и улыбнулась, вероятно, осознав свою шаткость своей фантазии.

Но я же видела женскую фигуру на дороге. А ты нет. Поэтому тебе трудно понять, насколько все было реально. Ты-то можешь привести свои объяснения?

— Пока нет. Но мне хотелось бы выяснить еще некоторые обстоятельства.

— Например?

— Почему вообще Фостина явилась сюда? Ведь я настоятельно советовал ей оставаться в Нью-Йорке еще несколько дней. Мне казалось, что она вняла моему совету.

— Разговаривая со мной по телефону, она упомянула о встрече в этот уик-энд. Даже меня хотела познакомить с каким-то человеком. Но я не знала, смогу ли приехать.

— Итак, она отправилась сюда одна, — добавил Базиль, — а смерть уже поджидала ее здесь...

— А смерть уже поджидала ее здесь, — медленно повторила его слова Гизела. — Но в чьем облике? Как все это могло произойти?

— Не знаю. — Он посмотрел на ее тонкое лицо, темные глаза с тяжелыми ресницами. — Я отвезу тебя в деревенскую гостиницу и дам снотворное. Позвоно ближе к обеду...

Базиль подъехал к коттеджу и вышел из машины. Он отворил входную дверь и помедлил, прислушиваясь к царящей внутри тишине. Как же все произошло на самом деле?

Базиль побродил по комнатам, изучая детали интерьера. Дом отличался ухоженностью. Чистые и свежие занавески, вероятно, совсем недавно были доставлены из прачечной, коврики и чехлы для мебели — тоже чистые, хотя и немного поблекшие после неоднократных стирок. Он включил настольную лампу, зажег огонь в камине и пододвинул кресло ближе к огню. Зажег

сигарету и откинулся на спинку, не спуская глаз с потрескивающих поленьев и погружившись в свои мысли... Его голова покоилась на высокой спинке кресла. Такая поза заставила Базиля направить свой отсутствующий, рассеянный взгляд на зеркало, висящее над камином. В нем отражались арочные своды входа в холл. Он даже не заметил, как сигарета выпала из пальцев.

Как долго стояла эта молчаливая фигура в затемненной арке? Высокая, худая фигура в легком пальто. Темная шляпка оттеняла ее лицо, в котором не было ни кровинки, лицо Фостины Крайль.

Но существовало ли это изображение только в зеркале? Если фигура повернет голову, то будет ли под аркой также пустынно и тихо? Может, он случайно заснул, предаваясь возле огня своим мыслям?

Фигура в зеркале вдруг шевельнулась. За спиной Базиля стояла полная тишина, но он почувствовал нечто другое, нет, не звук, а тонкий запах лимонной вербены.

Не двигаясь с места, Базиль произнес: «Лучше вам войти».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Базиль встал и повернулся к арке.

— С того момента, как я уловил в вас семейное сходство с Фостиной Крайль, я осознал, что вы — единственный человек, которого могли ошибочно принять за нее. И у вас, и у нее были белокуро-пепельные волосы, небольшая голова, овальное лицо с большим носом, тонкие губы, подернутые поволокой, голубые глаза и ярко выраженная аристократическая фигура. Она была сравнительно высокого роста для женщины, а вы — среднего для мужчины. Но цвет вашего лица чуть светлее, у вас нет обыкновения ходить или стоять с намеренно сгорбленными плечами, как это было свойственно ей, взгляд у вас более дерзкий и веселый, ее отличался мягкостью и робостью. Но все эти незначительные детали можно было довольно легко изменить. Отец Фостины умер в 1922 году, а вы родились в 1925, таким образом, любовник Розы Дайамонд и отец Фостины приходился вам дедушкой, Фостина была незаконнорожденной двоюродной сестрой вашего отца и вашей натуральной теткой. И все же мне неясны до конца причины, из-за которых вы собирались покончить с ней. Вы сделали это ради того, чтобы завладеть драгоценностями, переданными вашим дедом ее матери? Или же, подчиняясь романтически-болезненному импульсу, хотели погубить дочь женщины, ранившей гордыню вашего отца и забравшей те драгоценности, которые, как вы считали, по праву принадлежали вам?

— Доктор Уиллинг, могу дать вам честное слово, что я не убивал Фостину. Когда она умерла, меня здесь не было.

— Вы можете это доказать?

— Конечно, нет. Невинный человек, как это часто бывает, не может предоставить свое алиби. Я провел весь вечер дома, в тишине и одиночестве. Но я немного знаю законы, штудировал

право целый год, и, насколько мне известно, отсутствие алиби никогда никого не убеждало в виновности обвиняемого. Чтобы добиться моего осуждения, вам необходимо иметь свидетеля, который подтвердил бы мое присутствие на месте преступления или же мое появление здесь, в этом доме, приблизительно в то время, когда это убийство произошло. Можете ли вы это сделать? Вы, конечно, можете найти свидетеля, который либо видел, либо считает, что видел Фостину Крайль или какую-то, похожую на нее, женщину на дороге. Но это, согласитесь, далеко не опознание Раймонда Вайнинга. Не правда ли? Во всяком случае, это не пройдет на суде, где слушается дело об убийстве, где веские доказательства должны устранять все обоснованные сомнения... На ее теле не обнаружено никаких ран. Она скончалась от сердечного приступа. И хотя по вашим глазам я вижу, что вы мне не верите, меня не было здесь, когда она умерла. Могу поклясться.

— Я верю вашим последним словам, — спокойно парировал Базиль. — Она была совершенно одна, когда наступила смерть, и все же ее... убили вы...

Вайнинг не скрывал своего удивления.

— Не хотите ли вы тем самым сказать, что знаете, каким именно образом она умерла?

— Я знаю то, что знаю. Как, впрочем, и вы.

— Доктор Уиллинг, прошу вас разговаривать со мной в ином тоне. Если вы выслушаете меня, то поймете, почему я настолько взволнован всем тем, что приключилось здесь. Может, мы с вами внимательно во всем разберемся и, скажем, набросаем слабые контуры того, что здесь на самом деле произошло? Молю Бога, чтобы нам удалось это сделать. В противном случае...

— Что же произойдет в противном случае?

— Тогда за всю оставшуюся жизнь мне так и не придется узнать, где кончается реальность и начинается иллюзия. Я все время буду похож на человека, идущего по топкому болоту, который не уверен, куда выведет его следующий шаг — на твердую землю или зыбкий песок.

— Почему вы продали свой автомобиль?

— Видите ли, я несколько стеснен в средствах. Но кто из нас в эти дни не страдает от этого? Минимальный комфорт для себя я могу обеспечить в размере тысячи долларов в месяц. Я зарабатываю 350 долларов, занимаясь распространением ценных бумаг, кроме того, получаю шесть тысяч ежегодного дохода от недвижимости и тех ценных бумаг, которые мне оставил дед, но сегодня и то и другое сильно обесценилось. Это, конечно, немного, но я не умираю с голоду.

— Но, может, те драгоценности, которые ваш дед передал Розе Дайамонд, сильно поднялись в цене? Как, кстати, вы узнали об их существовании?

— Очень просто. Роза посвятила в свои планы моего деда перед его смертью. Тот рассказал об этом моему отцу, а он, в свою очередь, мне. Я разговаривал с Уоткинсом в тот вечер, когда увидел в газетах сообщение о смерти Фостины. Вайнинг — это одна из шести названных в списке фамилий. Мне причита-

ется пара рубиновых серег стоимостью около 30 тысяч долларов по текущим ценам и вот этот коттедж. Но перед своей смертью Фостина составила свое завещание, по которому дом по наследству передается Уоткинсу. Он, однако, настаивает на передаче его в мои руки в качестве собственности деда. Ведь дом находится слишком далеко, в пустынном месте, и многим людям это не нравится. Поэтому за него можно получить не более шести-семи тысяч. Таким образом, смерть Фостины принесла мне чистую прибыль в 37 тысяч долларов. Даже если бы мне заранее была известна сумма, неужели вы всерьез считаете, что я могу пойти ради этого на убийство?

Базиль вздохнул:

— Убивают ведь и за гораздо меньшие суммы. Как мужчины, так и женщины...

— Да, вы правы, мне известно, что людей убивали ударом ножа за пятьдесят центов, а детишек травили ядом, чтобы заполучить их страховку в несколько тысяч долларов. Но ведь ни один человек в здравом уме с годовым доходом в девять тысяч пятьсот долларов, пользующийся хорошей репутацией, добившийся солидного положения в обществе, на такое «мокрое» дело не пойдет.

— Однако тридцать семь тысяч долларов сейчас для вас весьма крупная сумма. К тому же вы, вероятно, питали ненависть к дочери Розы Дайамонд.

— Ничего подобного. Я не псих и не романтик. Мой дед сблизился с Розой Дайамонд только после развода с моей бабкой, и все это произошло задолго до моего появления на свет. Вряд ли я могу запросто повергнуть кого-то в состояние шока, и я не из тех, кто способен вести семейную вражду на протяжении трех поколений. Что вы скажете по этому поводу? Я всегда полагал, что «дело Розы Дайамонд» внесло какой-то малоприятный налет порочности в лоно семьи, которая до этого отличалась высочайшей строгостью нравов и респектабельностью, чем я по праву гордился.

— Зачем вы явились сюда сегодня вечером?

— Осмотреть коттедж, коли он теперь принадлежит мне.

— Когда вы впервые увидели Фостину Крайль и обнаружили ее невероятное сходство с вами?

— Если бы я был хитрецом, то вряд ли ответил бы на этот вопрос. Но сейчас я рискну, тем более что вы способны помочь мне понять то, что до сих пор сбивает меня с толку. Никто не знал истины, но ведь теперь Фостина умерла...

Базиль резко прервал его:

— Я давно понял, что Алиса с Фостиной не были единственными связующими звеньями между школами — Мейдстоун и Бреретон. Вы были третьим звеном между ними, так как год назад состоялась ваша помолвка с Алисой.

— Да, все началось в школе. — Вайнинг наклонился вперед, уставившись в огонь, его лежавшие на коленях руки дрожали. — В Мейдстоуне царили строгие порядки. Гости мужского пола допускались только по воскресеньям, и то за ними осуществлялся строгий надзор. Это я расценивал как вызов и прибегнул к одно-

му трюку, известному со времен языческого Рима. Вы помните, наверное, как вторжение юного Клодия, переодетого в женское платье в помещение, где проходил религиозный ритуал, предназначенный только для женщин, заставил Цезаря развестись со своей женой, которая не оказалась выше подозрений. Как и Клодий, я был молод, достаточно худ, и у меня не росла борода. Я был уверен, что меня примут за девушку среди ее многих подруг, если я надену женскую шляпку, пальто, чулки и туфли и предстану перед ними при сумеречном освещении. Почти все девушки в Мейдстоуне носили пальто из верблюжьей шерсти, поэтому раздобыть такое не составляло труда. Шляпка с полями закрывала лицо, но чтобы еще больше себя обезопасить, я пудрил щеки белой пудрой, а на голове носил накладку из чужих женских волос. Обычно в таком наряде я пробирался через окно, незаметно поднимался по черной лестнице и встречался с Алисой на балконе, когда обитатели дома находились внизу. Все это нас изрядно развлекало.

На следующее воскресенье, когда я, имея на руках официальное разрешение на посещение, пришел к Алисе в собственной одежде, она с великой радостью сообщила мне, что все меня приняли за девушку и, самое главное, не просто за девушку, а за одну из молодых преподавательниц — Фостину Крайль. Одна из воспитанниц, которая возвращалась в школу по дорожке, увидела меня на балконе и заговорила со своей подружкой, которая утверждала, что все ей показалось, так как она только что видела Фостину в библиотеке.

Я никогда не слышал имени Фостины, но знал, что настоящее имя Розы Дайамонд — Роза Крайль, и мне было известно, что у нее есть дочь. Я тут же понял, почему существует такое поразительное сходство между нами, и рассказал об этом Алисе.

— Таким образом, после неожиданного первого успеха вы начали намеренно пользоваться вашим сходством с Фостиной, надевали женское платье и наносили тайные визиты Алисе? Вы это сделали шесть раз, не так ли?

— Ну, а теперь мы подходим к главному. — Вайнинг не спускал глаз с огня в камине, который высвечивал нижнюю часть его лица. — В этом вся загвоздка. Вы не поверите.

— Что же это такое?

— Приходилось вам испытывать неловкое чувство, когда ваша шутка превращается в нечто иное? Две недели спустя мы с Алисой были в Нью-Йорке, где проводили рождественские каникулы. Мы встретились на молодежном вечере, на танцах. Она была вне себя от гнева. До сих пор у меня в ушах звучат ее сердитые слова: «Итак, ты снова сделал это. Предупреждаю тебя, будь осторожен! Одного раза вполне достаточно. Если ты намерен продолжать в том же духе, все может плохо кончиться. Тебя разоблачат, и нам обоим придется несладко». Кажется, я произнес в ответ какую-то беспечную фразу, но она продолжала: «На прошлой неделе кто-то видел тебя в Мейдстоуне в женском платье. Кажется, ты охладил ко мне, и поэтому не заглянул в мою комнату». Я ответил: «Какая чепуха! Я вовсе там не был. Зачем мне совершать такую глупость во второй раз?» К моему

удивлению, она мне не поверила. В это время вновь возник спор между двумя девочками, и каждая из них утверждала, что видела Фостину в разных местах в одно и то же время. Это было пусть косвенное, но все же доказательство, и Алиса из этого сделала преждевременный поспешный вывод. Ей показалось, что я встречаюсь в школе с другой девушкой. Это вызвало у нее приступ ревности. Вот вам истинная причина нашей ссоры и последовавшего за ней разлада. — Вайнинг посмотрел на Базилу своими блеклыми глазами, так похожими на глаза Фостины. — Доктор Уиллинг, даю вам честное слово джентльмена, я появлялся в женской одежде в Мейдстоуне только один раз. Я бы не рискнул сделать это дважды. Но... что же на самом деле случилось в Мейдстоуне? Что они там видели?

Базиль внимательно изучал серьезное лицо юноши.

— Могу только сказать, что ваше единственное появление в облике Фостины все всколыхнуло. Остальное можно объяснить лишь истеричностью, взвинченностью и отсутствием наблюдательности, и все эти качества раздувались книгами миссис Мейдстоун по исследованию психики человека, которые она держала у себя в кабинете.

— Ну, а что же тогда произошло в Бреретоне?

— Вы, конечно, станете отрицать, что, обнаружив совершенно случайно свою способность олицетворять Фостину в Мейдстоуне, вы намеренно составили план продолжения подобных действий в Бреретоне.

— Почему я должен заниматься этим глупым и бесплодным делом? В прошлом году, когда я разыграл такой трюк в Мейдстоуне, то еще учился в Гарварде. Но в этом году я уже человек, способный заработать себе на жизнь и даже оказывать материальную помощь своей сестренке. Ради чего я должен тратить время на такую мрачную, изрядно затянувшуюся шутку? Только ради того, чтобы перепугать до смерти маленьких девочек, включая и мою собственную сестру? Чтобы лишить несчастную Фостину работы, того единственного дохода, в котором она так нуждалась? Причем этой шуткой я ни с кем не мог поделиться!

— Вы могли довериться Алисе Айтчисон.

— Алиса отнюдь не была в восторге от этого. Слухи множились, росли, как снежный ком, и мы начали опасаться, как бы не стало известно о моей первой выходке. В таком случае мы могли бы «погореть» вместе. Больше всего ее беспокоило, как бы Фостина сама не догадалась обо всем. Поэтому Алиса старалась запугать Фостину, заставить поверить в то, что это она сама разыгрывает различные трюки, находясь в бессознательном состоянии.

В тот же день, когда состоялся школьный вечер в Бреретоне, я ушел с него чуть раньше, так как Алиса назначила мне свидание в летнем домике в саду. Мы были уверены, что будем там совершенно одни. Было довольно холодно, и вряд ли кто-нибудь из гостей отважился бы в этот час на прогулку. Мы находились на почтительном расстоянии от здания школы, и поэтому никто не мог нас подслушать через открытые окна. Алиса была в том же агрессивном настроении. Она попросила меня

встретиться с ней наедине, так как хотела выведать у меня, продолжаю ли я до сих пор разыгрывать Фостину. Видите ли, она была уверена, что я завел интрижку с какой-то другой девушкой в школе, и даже попыталась вызвать у меня приступ ревности, заставив, что намерена выйти замуж за Флойда Чейза.

— И что вы ответили ей на это?

— Что я мог ей сказать? Чем больше я понимал, что она говорит серьезно, тем больше нервничал. Так впервые я узнал о появлении двойника в Бреретоне. Больше у меня не было сил спорить с Алисой. Разозлившись, я оставил ее на том месте, где мы стояли, рядом с летним домиком, а сам направился по дорожке к своей припаркованной машине и уехал в Нью-Йорк. Можете представить мое самочувствие?

Однажды в Мейдстоуне я разыграл глупый трюк, и в результате последующие события приняли такой дурной оборот. Но кто поверит моему рассказу? Куда более резонно признать меня лжецом, негодным выдумщиком. Я часто размышлял о коллективной галлюцинации, вызванной моим единственным появлением в облике Фостины в Мейдстоуне. Мне бы очень хотелось поверить, что все проделанное мной — всего лишь простой и невинный трюк. Но когда я услышал историю, рассказанную Мэг, и ваш рассказ об Эмилии Саже, мне на ум пришло нечто иное... Вероятно, и сама Фостина испытала нечто вроде шока, когда впервые услышала рассказы о другой Фостине в Мейдстоуне, особенно после того, как ознакомилась с книгами директрисы. Мог ли такой шок стать чем-то вроде катализатора, указывающего на разлад ее личности, который осуществляется каким-то неизвестным нам способом, что делает появление двойника психологически возможным?

— Тогда каким образом вы объясните смерть Фостины?

— Сердечный приступ может произойти от шока, то есть от сильного страха. Она пришла сюда одна и, вероятно, что-то увидела. Другое объяснение вряд ли может соответствовать всем известным нам фактам.

— Вы на самом деле хотите, чтобы я его привел? — спросил Базиль.

— Несомненно. Любое ваше объяснение лучше, чем сомнение.

— Хорошо, — торжественно произнес Базиль. — Разберемся во всем постепенно, шаг за шагом. Предположим, что вы говорите правду по поводу вашей первой выходки в Мейдстоуне. Вы надели женское платье, чтобы тайно повидать Алису, которая училась в школе. Окружающие приняли вас за Фостину. Так как она не могла находиться там, где вас впервые увидели, какая-то суеверная горничная или учительница, воспитанная в детстве такой же суеверной нянькой, начала шепотом передавать всем старую легенду о «двойнике». Постепенно истерический настрой пропитал всю школу. Миссис Мейдстоун сама была не прочь заняться изучением непостижимой загадки и поэтому оказалась психологически неподготовленной к решительному искоренению подобных слухов.

Обо всем этом вы узнали от Алисы. Вы вспомнили имя Крайль и решили, что ваше с ней сходство — результат кровного

родства. От своего отца вы узнали, что можете наследовать рубиновые серьги и прочие драгоценности Розы Дайамонд при условии, если Фостина умрет, не дожив до своего тридцатилетия. Вам была хорошо известна их истинная стоимость. Вы, конечно, считали себя обиженным судьбой, еще бы, законный наследник получил кое-какую недвижимость и бесценные бумаги, а незаконнорожденная наследница должна была получить драгоценности, которые заметно поднялись в цене. Может, от своего отца вы слышали и о том, что Фостина, кроме ювелирных изделий, получила в наследство от вашего деда слабое сердце. Тогда вы стали получать определенное удовольствие от мысли о возможной смерти Фостины. Но вы, само собой разумеется, не желали угодить на скамью подсудимых, а затем и в тюрьму за убийство. Именно тогда вас осенило, как можно воспользоваться таким шансом и убить Фостину, не вызывая никаких подозрений на свой счет. Если, конечно, улыбнется судьба.

— Убить? — Глаза Вайнинга невольно расширились. — Это слишком сильное слово, доктор Уиллинг. Как же я мог убить ее, если меня здесь в ту минуту не было?

— Действительно, вас не было, когда умерла Фостина, но вы могли приехать сюда несколько недель тому назад или даже месяцев, чтобы изучить обстановку и познакомиться с интерьером комнат через окна, еще не закрытые ставнями.

— И для чего мне это было нужно?

— Для того, чтобы убедиться, что внутренняя планировка дома и расположение мебели остались без изменений до сегодняшнего дня. Я сразу это понял, как только увидел выцветшую мебельную обшивку и старомодные низенькие табуретки из тика. Конечно, существует сотня способов узнать о первоначальной расстановке мебели, — для этого нужно обратить внимание на семейные традиции, поддерживаемые в доме, групповые фотографии, на которых запечатлен интерьер. В конце концов этот дом принадлежал вашему деду до его встречи с Розой Дайамонд...

— Но для чего мне понадобилась внутренняя планировка дома и расстановка мебели?

Базиль не спускал глаз с Вайнинга.

— Я все объясню через минуту. До сих пор мои рассуждения совпадали с вашими в отношении всех фактов, но отличались лишь иной их интерпретацией. Но с этого момента мы расходимся с вами и в отношении самих фактов. Я утверждаю следующее: вы продолжали появляться в женской одежде в Мейдстоуне, чтобы еще больше укрепить у всех окружающих представление о существовании двойника Фостины, надеясь, что в конечном итоге все эти рассказы достигнут ее ушей. В последнее время вы даже старались одеваться так, как одевалась Фостина, вы имитировали ее походку, стать, жесты, вы даже заменили свое привычное озорное выражение лица маской напускной серьезности, свойственной Фостине. Вы бесшумно, словно привидение, передвигались в своих ботинках на подошвах из искусственного каучука. Вы старались всегда появиться перед свидетелями в сумрачном свете и на приличном от них расстоянии. К этому

времени вы уже ознакомились с историей Саже. Вы не могли довериться Алисе Айтчисон. Она была слишком ненадежной, порывистой девушкой и не годилась в сообщницы. Может, вы хотели заставить ее тоже поверить в реальность двойника.

Вы не смогли сдержать восторга, когда из-за этого двойника Фостину уволили из школы Мейдстоун. Потеря работы — это нечто весьма реальное и осязаемое, и причина увольнения, кажется, никогда не может быть абсолютно эфемерной. Теперь Фостина и сама поверила в двойника, и это было самое главное в вашем плане. Вы отправились по ее следам в Бреретон. Так как она устроилась там на работу, вы перевели в эту школу свою маленькую сестру. К несчастью для Алисы Айтчисон, она сумела получить работу в Бреретоне, когда узнала о переводе туда вашей сестренки. Тем самым она намеревалась возобновить с вами отношения, ведь она вас все еще искренне любила.

В Бреретоне вы повторили свой спектакль, изображая двойника Фостины, для чего постоянно пользовались окнами, а также черной лестницей для своих неприметных передвижений. Фостина сменила пальто из верблюжьей шерсти на другое — голубое, наглухо застегивающееся. Вы купили себе точно такое же и старались перед выходом на улицу как можно точнее скопировать все ее туалеты. Вы всегда носили на голове шляпку, которая отбрасывала тень на лицо. Вы тщательно подбирали свидетелей — невежественных, легко поддающихся внушению, суеверных горничных, а также легкомысленных маленьких девочек, одна из которых была вашей сестрой. Как и в Мейдстоуне, вы старательно выдерживали определенную дистанцию, появляясь главным образом при неясном, обманчивом свете. Но какие бы меры предосторожности вы ни принимали, ваше везение не могло продолжаться до бесконечности, учитывая, что вы появлялись неоднократно. Вы допустили несколько просчетов, это было неизбежно, и пару раз едва унесли ноги. Подобные неудачи могли разрушить все ваши планы, если бы вы не умели держать в узде собственные нервы.

Все ваши появления, естественно, были связаны с риском, но вас всегда спасало одно — суеверный страх, который удерживал всех свидетелей на почтительном расстоянии. Но, как мне кажется, вашему темпераменту риск просто необходим, это для вас своеобразный стимулятор.

Присутствие Алисы в Бреретоне стало еще одним раздражающим моментом, которым вы объяснили свое невезение. Конечно, узнав о новых приключениях Фостины в Бреретоне, Алиса тут же смекнула, кто на самом деле является так называемым «двойником». Она не могла знать истинной причины ваших действий и, несомненно, опять заподозрила, что вы прибегаете к прежнему трюку, чтобы беспрепятственно наведываться к другой девушке. Она вас все еще любила. Вы прекрасно отдавали себе отчет в том, что, как только Алиса поймет, что ваша любовь к ней утрачена навсегда, она не станет больше оказывать вам поддержку и даже сумеет навредить. На школьном вечере она уже облюбовала другого — Флойда Чейза. Тогда вам стало ясно, что вы ее непременно убьете. Алисе предстояло умереть до

Фостины, иначе вы не могли бы чувствовать себя в полной безопасности. Вы ушли с вечера пораньше, сказав Гизеле, что отправляетесь прогуляться к машине и глотнуть там виски. На самом же деле вы вернулись в свой номер в сельской гостинице, чтобы захватить голубое пальто и шляпку.

Вы сказали, что оставили Алису одну возле летнего домика. Но Бет Чейз рассказала совершенно другое: «Мисс Крайль протянула руку и сильно толкнула мисс Айтчисон, а та вскрикнула, упав спиной на ступеньки, и скатилась оттуда». Нанесли ли вы Алисе удар такой силы, от которого сместились шейные позвонки? Если так, то это были хладнокровные, точно рассчитанные действия. Если бы вас в этот момент заметили, то лишь на большом расстоянии, и неизбежно отождествили бы с Фостиной. Если бы у Фостины не было алиби, то ее, вероятно, могли бы обвинить в убийстве Алисы. Если бы у Фостины было алиби, то вновь начали бы распространяться слухи о двойнике, вновь на поверхность всплыла бы вся эта долгая история.

Вайнинг выслушивал обвинения без особого интереса. Наконец он заговорил:

— Теперь я начинаю понимать, почему, как утверждают, косвенные доказательства всегда уводят в сторону. Вы выстроили последовательную версию, обвиняющую меня в убийстве. Просто изумительно, как каждая деталь попадает в точку и как факты создают абсолютно ложную теорию. Но нужно ответить еще на один вопрос, ключевой. Каким же образом я убил Фостину? Вам ведь хорошо известно, что она умерла естественной смертью. Сердечный приступ. И в тот момент, когда она умерла, меня рядом не было.

— Само собой разумеется, вас здесь не было, — откликнулся на его фразу Базиль. — В таком случае вы все испортили бы.

— Каким образом?

— Позвольте я приведу ее собственные слова: «Вы только представьте себе, как в один прекрасный день или ночью, когда я нахожусь в полном одиночестве в своем номере в отеле, погасив свет и заперев дверь на ключ, передо мной вдруг является чья-то фигура, приближает свое лицо к моему, и я вижу, что это мое собственное лицо, его точные очертания, все отдельные памятные детали, каждый дефект... Тогда мне придется поверить в реальность происходящего и умереть...» Приходилось ли вам входить в незнакомую комнату и видеть, как какой-то незнакомец приближается к вам? И вдруг вы осознаете, что этот незнакомый вам человек всего лишь ваше собственное отражение в зеркале?

— Но эта комната была хорошо знакома Фостине, — возразил Вайнинг. — Единственное зеркало расположено над плитой камина, и оно висит слишком высоко, так что отражение в нем никак нельзя принять за что-то реальное.

— Вам тоже знакомы и этот дом, и обе гостинные; вы знали, что они абсолютно одинаковы, как по размерам, так и по расположению окон; мебель выдержана в тех же красках и тонах. И разделены они между собой только двустворчатой стеклянной дверью. Скажите, вы просто прибили черную занавеску за сте-

клом? Или же вставили по квадрату черного картона в рамки, чтобы закрыть стекла? На рамке остались царапины, вероятно, потом вы спешно старались извлечь куски картона из рамок с помощью острой иглы... И уж, само собой разумеется, вы вкрутили в патроны люстры перегоревшие лампочки.

Фостина вошла в темный, пустой коттедж, оставив связку ключей в замочной скважине, и включила лампу в холле. Совершенно случайно в следующее мгновение она переступила через порог передней гостиной. Но все равно, рано или поздно, она должна была войти туда в этот вечер. И когда она это сделала, могло произойти только одно. Она должна была нажать на выключатель, который находился внутри. Но свет не загорался, так как лампочки были выведены из строя. Чье-то движение приковало ее внимание к стеклянным дверям, которые превратились в зеркало. Кто же там двигался? Ее собственное отражение в стекле. Но она не догадывалась, что это всего лишь отражение. Она была уверена, абсолютно убеждена, что в дверях вставлены обычные, прозрачные стекла. Ведь ей ничего не было известно о черной изнанке. Ничто не подсказывало ей, что она смотрела на собственное отражение в импровизированном зеркале гостиной. Приглушенный свет, растекавшийся из-под абажура настольной лампы в холле, проникая в другую гостиную, становился обманчивым. Свет стелился низко и не мог осветить ту сторону второй комнаты, которая отличалась от первой только одной деталью — там не было камина.

278
Теперь вы понимаете, что произошло. Фостину убило ее собственное отражение, так как она увидела его там, где, как она считала, не могло быть никакого зеркала. В течение года мозг ее подвергался интенсивной обработке и заставил поверить в миф о двойнике. Тот, кто видит собственного двойника, должен умереть. У нее было слабое сердце... И она рухнула замертво на пол, напуганная до смерти простейшей иллюзией — своим собственным отражением.

— Ваше воображение, доктор Уильдинг, работает превосходно. Не скажете ли вы в таком случае, каким образом мне стало известно, что Фостина придет сюда, в свой коттедж, причем именно в этот вечер?

— Вы ей позвонили и попросили встретиться с вами. Может, даже не вы лично, но кто-то это сделал за вас. Она об этом вскользь упомянула в разговоре с Гизелой, не назвав, правда, имени. Вы могли рассказать ей кое-что об Уоткинсе и ее матери. Может, вы открыли ей, что она — незаконнорожденный ребенок.

— И в то время, когда Фостина умирала, я, по-вашему, срочно запасался алиби?

— Нет. Это было бы слишком грубо с вашей стороны. А вы — человек тонкий. Кроме того, вам еще предстояло убрать картонки или темную занавеску до обнаружения трупа. Вот вы и явились сюда еще раз уже после смерти Фостины. На вас снова была одежда Фостины Крайль, как и в тот раз, когда вы приехали в эту деревню за несколько дней до ее гибели, чтобы превратить обычное дверное стекло в зеркало. Именно тогда механик из

гаража предложил довезти вас до коттеджа. Если бы вам повезло, то оба раза во время вашего появления здесь вас могли бы и не заметить. Но, к сожалению, по воле судьбы вас «засекли» оба раза, и оба раза приняли за Фостину, на что вы, собственно, и рассчитывали. Вы знали, если полиция убедится в том, что Фостину «видели» в окрестностях после того, как она уже была мертва, то могло произойти только одно: рассказ о двойнике Фостины превратился бы в рассказ о привидении Фостины, в конечном результате полиция закрыла бы это дело, квалифицировав его как «рецидив деревенского суеверия».

Вчера ночью вы выгнали из рамы черный картон. Вы вполне резонно предполагали, что сможете провести в доме несколько часов. Но вдруг вы услышали шум двигателя автомобиля, едущего в чаще соснового бора. Опять невезение. Оказывается, Фостина пригласила на уик-энд свою подругу Гизелу. У вас не оставалось времени, чтобы заменить перегоревшие лампочки. Вам пришлось спешно ретироваться по направлению к лесу, и вы оставили открытую настежь дверь и горящую в холле лампу. Вы попытались пробраться незаметно через чащу, но ночь, как на грех, выдалась темной, с дождем, и вы, спотыкаясь, с трудом вышли на дорогу, где Гизела чуть не сбила вас своей машиной. Когда произошло короткое замыкание и фары погасли, вы спокойно удалились на своих бесшумных подметках из искусственного каучука.

— Превосходный сюжет для детективной истории, больше ничего, — рассмеялся Вайнинг. — У вас нет никаких доказательств.

— Вы считаете, что нет? Но все же я располагаю кое-какими деталями.

— Например?

— Каждый человек обладает своим специфическим запахом — одежда, лосьон для бритья и т. д. Миссис Лайтфут — единственная надежная свидетельница появления двойника, которая оказалась рядом с ним в Бреретоне. Она утверждает, что от него не исходило никакого запаха. Что же это означает? Говорит ли это о том, что призрак был бесплотным? Или же о том, что при определенных условиях запах тела одного человека совершенно не воспринимается другим? Да, такое условие существует: это случается тогда, когда их тела пахнут одинаково. Две женщины, пользующиеся одними и теми же духами, не чувствуют запаха друг друга. Некурящий человек, целуя другого, сразу же почувствует запах никотина, но двое курящих, целуя друг друга, ничего не заметят. Они готовы поклясться, что у них абсолютно чистое дыхание. Миссис Лайтфут пользуется лимонной вербеной. Так как двойник, по ее словам, не издавал никакого запаха, то им должен оказаться тот, кто тоже пользуется лимонной вербеной, тот, в кого настолько глубоко въелась эта привычка, что он забыл уничтожить этот запах, когда олицетворял собой Фостину. Вероятно, это был мужчина, так как миссис Лайтфут пользуется только мужским лосьоном. Но уж никак не Фостина, которая, как известно, не пользовалась ничем, кроме лаванды.

Такие наблюдения значительно облегчили мои усилия, направленные на поиски двойника. Им должен оказаться человек, настолько похожий на Фостину, что может запросто сойти за нее при слабом освещении и на определенном расстоянии, человек, который обычно пользуется лимонной вербеной, человек, связанный как с Мейдстоуном, так и Бреретоном, человек, у которого есть мотив для причинения ущерба Фостине или ее физического устранения.

Когда вчера вечером я вошел в свою библиотеку, то почувствовал слабый запах лимонной вербены, но никак не мог определить, от кого из трех посетителей он исходил — от Чейза, от его бывшей супруги или же от вас. Когда вы стояли под аркой, я уловил этот тонкий запах снова и понял, что он исходит от вас.

— К сожалению, все это неправда. Я имею в виду ваши рассуждения с начала до конца. Само собой разумеется, я пользуюсь лосьоном вербены после бритья... Я рассказал вам всю правду о себе и о Фостине. Можете мне не верить, это ваше дело. Даже если вам нравятся собственные догадки, их все же нужно сперва доказать. Ваша версия с вербеной шита белыми нитками... Вы прекрасно знаете, доктор Уиллинг, что доказать факт совершения преднамеренного или даже непреднамеренного убийства практически невозможно, если смерть наступает в результате сильного испуга. Особенно если у пострадавшей слабое сердце. Каким образом вы сможете доказать в суде, что именно мои действия вызвали у нее сердечный приступ? Он ведь мог произойти в силу тысячи как внутренних, так и внешних причин. В ходе судебного или медицинского расследования можно доказать, что какой-то физический фактор — пулевая, ножевая рана, удар, яд — может привести к фатальному исходу, но кто способен доказать, что психический фактор вызвал сердечный приступ, причем сделать это так, чтобы исключить все возможные сомнения? Но именно это предстоит вам доказать, чтобы добиться обвинения как в преднамеренном, так и непреднамеренном убийстве. Окружные прокуроры обычно не берутся за дела, которые не могут выиграть. В любом гражданском иске требуется лишь определенное число доказательств, чтобы выиграть дело, но в таких случаях, как этот, — смерть, наступившая в результате психического потрясения или шока, — ничего доказать невозможно. В результате вам придется ограничиться гражданским иском с требованием возместить ущерб, причиненный семье жертвы. Но, увы, у бедной Фостины не было семьи, она была незаконнорожденным ребенком.

Базиль встал.

— Вы забываете об одном: Алиса Айтчисон не была напугана до смерти. Бет Чейз видела, как кто-то, похожий на Фостину, столкнул ее с лестницы. Можно легко доказать, что вы носили одежду Фостины. Можно доказать также, что Фостина, оставаясь незаконнорожденным ребенком, была вашей кровной родственницей, и что из всех людей в Бреретоне только вы внешне напоминали ее, и, следовательно, только вас можно было принять за нее в той одежде, в которой она обычно появлялась. Можно доказать, что у вас с Алисой произошла ссора. Не важно,

по какой причине. Вы, Вайнинг, обвиняетесь в смерти Алисы, и я вынужден взять вас под стражу.

Впервые Вайнинг по-настоящему удивил Базиля. Он тихо ответил:

— Как вам будет угодно. Мне лично наплевать.

— Почему же?

— Предположим, меня оправдают. И что же, всю жизнь мне придется прожить с этим...

— Чувством вины?

— Нет, не так все просто. Попробуйте только предположить ради более убедительной аргументации в споре, что все рассказанное здесь мною — правда. Что в результате произойдет? Я знаю, что я невиновен и не занимался всеми фокусами, которые вы мне приписываете. Я — единственный человек, который знает... Я тот единственный человек, которому придется отвечать на довольно неприятные вопросы. И мне придется бороться со всеми в одиночку. Что же произошло в Мейдстоуне и Бреретоне? И что увидела Фостина, когда вчера ночью вошла в эту гостиную и... умерла от шока?

— Вы, я вижу, продолжаете упорствовать в своей фантазии? Даже теперь?

— Само собой разумеется. Вот некоторые детали, которые вы выпустили в своем анализе. Почему, например, Фостина двигалась в таком замедленном темпе тогда, когда Мэг и Бет наблюдали за ней?

— Фостина обычно за едой принимала витамины. И у вас была таким образом превосходная возможность подменить их таблетками такого же размера и такой же окраски, содержащими легкое снотворное средство. Вот почему витамины не помогали Фостине преодолеть вялость и анемию, как зорко подметила Алиса. Вы легко рассчитали по времени все свои появления в качестве двойника. Они происходили через строго фиксированные интервалы после приема пищи, чтобы вовремя оказать на Фостину нужный эффект. Когда она уехала из Бреретона, то взяла таблетки с собой, вот почему у нее был такой сонный голос, когда она разговаривала по телефону с Гизелой.

Вайнинг медленно наклонил голову.

— Значит, вы мне не верите. Но ни вы, ни я, ни кто-либо другой так и не узнает правду. — Он взглянул на звезды и, как-то таинственно ухмыльнувшись, добавил: — Только одному Богу известно, что творится там, наверху...

**Перевод с английского
ЛЬВА КАНЕВСКОГО.**

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

В этом номере завершается публикация оригинальных задач-миниатюр, присланных на II международный конкурс «Смена-93». В 1993 году на страницах журнала было опубликовано около ста задач-миниатюр, а всего было прислано на конкурс более пятисот композиций. Это свидетельствует о большом интересе шахматных композиторов к трудному жанру и к нашему конкурсу. Исходя из этого, редакция решила сделать конкурсы соста-

вления и решения шахматных задач традиционными.

Журнал «Смена» объявляет III международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе установлены денежные призы: I приз — 50 000, II приз — 40 000, III приз — 30 000, специальный приз — 20 000 рублей.

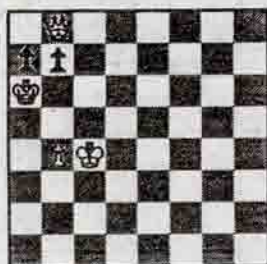
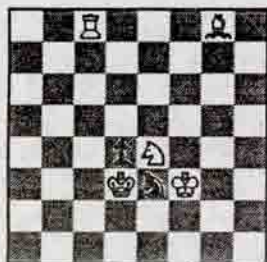
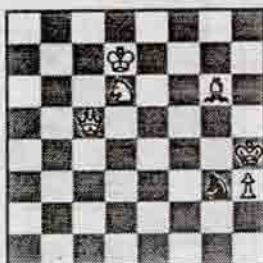
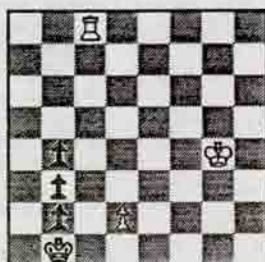
Оригинальные, нигде ранее не опубликованные, задачи, изображенные на диаграммах в двух экземплярах, с полным решением следует присылать по нашему адресу до 1 сентября 1994 года. Судья конкурса — международный арбитр по шахматной композиции В. Чепижный.

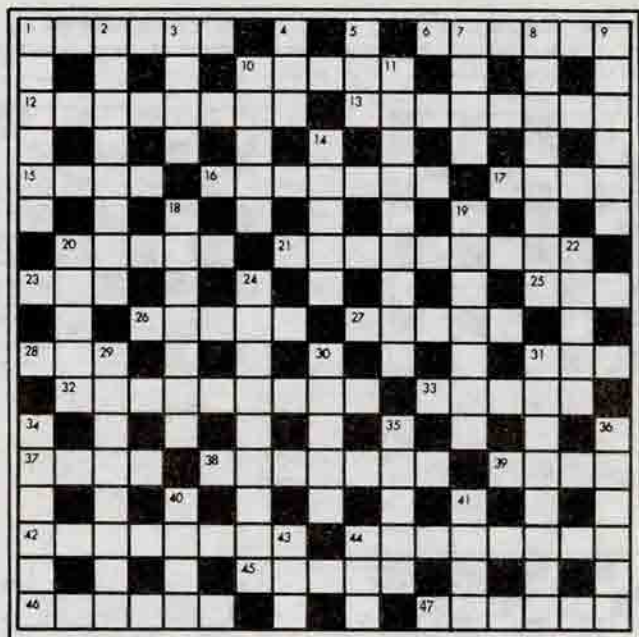
На конверте следует делать пометку «Конкурс составления шахматных задач». Все присланные композиции примут участие в конкурсе. Лучшие будут опубликованы в журнале. Присланные задачи не рецензируются. Результаты конкурса будут опубликованы в «Смене» в 1995 году.

Приглашаем наших читателей принять участие и в конкурсе решения шахматных задач, опубликованных в журнале. Фамилии наиболее активных решателей будут публиковаться. После завершения конкурса решатели, приславшие правильные и наиболее полные ответы, будут награждены книжными призами.

Решения задач следует посылать на открытках (без конверта!) с пометкой «Конкурс решения шахматных задач» в течение двух месяцев после выхода журнала. На открытке нужно указывать фамилию, имя, отчество и домашний адрес.

88. М. ЧЕРНУШКО*г. Уссурийск,
Приморский край***Мат в 2 хода****89. В. КВАТКОВСКИЙ***с. Киянка, Украина***Мат в два хода****90. В. МАРКОВЦИЙ***п. Ильница, Украина***Мат в 2 хода***б) Cg8 — a4***91. С. БОРОДАВКИН***г. Днепрпетровск, Украина***Мат в 3 хода****92. В. ИВАНОВ***п. Повенец, Карелия***и Е. МАРКОВ***г. Саратов***Мат в 6 ходов****93. М. МАРАНДЮК***г. Новоселица, Украина***Мат в 15 ходов**

По горизонтали:

1. Одна из любимых игр Че Гевары. 6. Организация, не давшая Финляндии после 1917 года скатиться в революционные распри. 10. Стиль мебели красного дерева с наклеенными полосками латуни. 12. Горы, чье название происходит от слов «индеец» и «убивать». 13. Живой жемчужный кораблик. 15. Десять дирхамов в Марокко до 1959 года. 16. «Старых барынь духовник, маленький аббатик, что в гостиных бить привык в маленький набатик...» (Д. Давыдов). 17. «Поставщица» сала для производства маргарина в наполеоновской Франции. 20. Средневековый среднеазиатский светильник. 21. Английский математик, автор поэмы «Розалинда», все четыреста строк которой рифмуются с этим словом. 23. Сценарий метражного фильма О. Бендера («Золотой теленок»). 25. Сигма, ..., ипсилон. 26. Беда, свирепствовавшая на Руси за несколько лет до татаро-монгольского нашествия. 27. Имя иудейского первосвященника, преподавшего миру первую заповедь коллективистской идеологии: интересы народа заставляют жертвовать единицами. 28. Плешь, да рубез, да петелька (загадка). 31. В старину — тло, сейчас — .... 32. Отношение массы вещества к занимаемому им объему. 33. Блюститель моральных устоев у всех, кроме себя. 37. Культура, у которой прекрасный плод завяжется на цветке, если пчела посетила его двадцать четыре раза. 38. «Дом силы», заведение для тренировки борцов, существовавшее в Азербайджане уже

в XI—XII веках. 39. Один из библейских скорописцев, помогавших Ездre переписывать священные книги. 42. Человек, поющий соловьем. 44. Итальянский поэт, чья непривлекательная внешность всю жизнь мучила его. 45. Прежде — ..., теперь — манси. 46. Мера веса на Руси в XVI—XVII веках. 47. Гора, давшая название Пятигорску.

По вертикали:

1. Рисунок, чертеж в тексте книги. 2. Страна с высшей точкой Африки. 3. Злой дух в мифологии гагаузов и крымских татар. 4. Золотистая фасоль. 5. Народная песня-танец на Кубе. 7. Жилище, где выход обращен на юг, северная часть его — для гостей, восточная — женская, западная — мужская. 8. Одна целая и тридцать шесть сотых русской лошадиной силы. 9. Самый крупный на 1985 год транспортный самолет. 10. Хищник среди певчих птиц. 11. Декабрист, двадцать лет просидевший в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Когда его перевели в Томск, ему пришлось заново учиться говорить. 14. ... по фазе (ненормальность в поведении). 18. «Великая ... как и великое горе, безмолвна» (Г. Филдинг). 19. Обычай, по которому вдова выходит замуж за брата умершего мужа. 20. После многих лет странствий Арсений проник в светлицу любимой и увидел «громаду белую костей и желтый... без очей с улыбкой вечной и немой» (М. Лермонтов. «Боярин Орша»). 22. Темно-зеленое дерево, упоминаемое в повести Л. Толстого «Казак». 24. Ученый, открывший, что «Венера окружена знатною воздушной атмосферой». 29. Голландский ученый, первым добавивший к сорока восьми известным древним грекам созвездиям Южный Крест, Южный Треугольник и Голубя. 30. Снегурочка — Лелю: «Слушать песни — одна моя ... Если хочешь, не в труд тебе, залюй» (А. Островский. «Снегурочка»). 31. Самый крупный фрукт. 34. Королева, по чьему завещанию основан Краковский университет. 35. Мужчина, у которого выросли крылья. 36. Друг Гильгамеша. 40. Один из городов, где побывал Н. Гумилев во время первой зарубежной поездки. 41. Растение женьшеня с пятью листьями. 43. Добавка в русский «чай с позолотой». 44. Боевое изделие, слава Ташкента в эпоху, когда его называли Чач.

ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

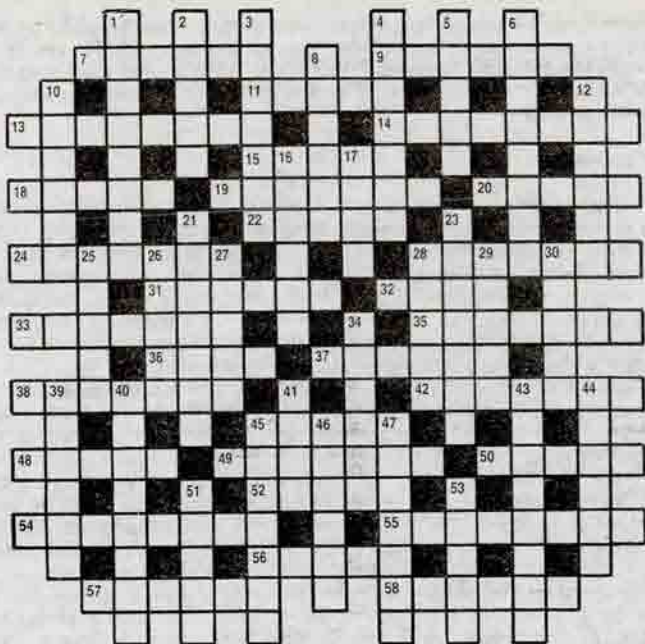
По горизонтали:

1. ...дуэт... 7. Холм. 10. Успенский. 11. Гнев. 13. Чаут. 14. Брандебергер. 17. Реймс. 18. Бурят. 19. Асеев. 22. Ибэ. 24. Земля. 25. Рулетка. 27. Ерм. 30. Руо. 31. Арлекин. 32. Шведы. 33. Ява. 36. Саджа. 37. Жизнь. 38. Рубин. 42. Лиственничник. 45. Ирис. 46. ...наст... 47. Констебль. 48. Терц. 49. Спор...

По вертикали:

1. Доги. 2. Зреб. 3. Осень. 4. Венесуэла. 5. «Особняк». 6. Дидро. 8. Омар. 9. Метц. 12. ...время... 13. Ченслер. 15. Сенбернар. 16. Церковник. 20. ...гений... 21. Лурдж. 23. Эрл. 26. Туя. 28. Меджлис. 29. Швенигер. 34. Фидеист. 35. Турин. 39. Отход. 40. Пчела. 41. Аист. 42. Ливр. 43. Карп. 44. Фтор.

КРОССВОРД
Составила
Е. Жаворонкова,
Москва

По горизонтали:

7. Итальянский скульптор, чье творчество сильно повлияло в XIX веке на европейских ваятелей академического толка. 9. Европейское государство, где лишь пятая часть населения — его подданные. 11. Итальянец, один из лучших скрипичных мастеров XX века. 13. Самая ядовитая из наших амфибий. 14. Сооружение для прыжков. 15. Кружево с узорным рисунком. 18. Образец, шаблон. 19. Автор «Колымских рассказов». 20. Дионисий Малый — итальянский..., предложивший считать, что Христос родился 25 декабря 753 года зры от «основания Рима». 22. Русский скульптор. 24. Юное поколение. 28. Царь, чьи законы в Грузии действовали до ее присоединения к России. 31. Фольклорная любительница тесноты в бочке. 32. Склад. 33. Углубление перед окном подвального помещения. 35. Растение, вкусом на которое в «Дуэли» А. Чехова похож суп. 36. Земледелец в древней Спарте. 37. «Дед Архип и...» — ранний рассказ М. Горького. 38. Литовский певец, о котором сняли фильм. 42. Жеребенок, еще не способный жить без матери. 45. Ритм, темп движения. 48. Человек, для которого нет ничего святого. 49. День поминовения усопших в Польше. 50. Грызун, запасующий на зиму до пуда зерна. 52. Приставка к распределительному валу автомобильного мотора. 54. Старинная итальянская многоголосная песня. 55. Художник-передвижник. 56. Ствол дерева от земли до кроны. 57. Актерской ампула. 58. Поэма С. Есенина.

По вертикали:

1. Русский композитор, автор романсов. 2. Дерево, которое на Востоке считают волшебным. 3. Медленно растущее, но очень тенистое южное дерево. 4. Подмосковный город с Борисоглебским монастырем. 5. Герой в романе Ф. Купера «Последний из могикиан». 6. Произведение, созданное в момент исполнения. 8. Команда корабля, самолета. 10. Репутация. 12. Художественное конструирование предметов. 16. Одно из двух главных произведений Гомера. 17. Свойство характера, которому З. Фрейд посвятил книгу. 21. Девушка в Латинской Америке, чьи родители — потомки европейцев. 23. Один из самых известных русских баянистов. 25. Зерноочистительная машина. 26. Самый тяжелый металл. 27. Город в США (штат Теннесси). 28. Главный танец на школьном выпускном вечере. 29. Представитель народа, который еще в начале XX века называли абаканскими, качинскими, минусинскими татарами. 30. Отрицательно заряженная частица в электролите. 34. Немецкий популяризатор науки, автор книги «Любовь в природе». 39. Морская змеехвостка. 40. Народ, первым одомашнивший пчел. 41. Беда, зло. 43. Свод, собрание законов на Руси. 44. Птичка, смело зимой ныряющая в полынь. 45. Механизм, предохраняющий клетку в шахте от падения, в случае обрыва каната. 46. Сатирик, которого Герцен назвал «Вольтером античной древности». 47. Любимый композитор Б. Пастернака. 51. Стихотворный размер. 53. Как об стенку... (человек никак не воспринимает сказанное).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

3. Шмель. 8. Жаба. 9. Купе. 10. Хиврия. 11. Орест (Кипренский). 13. Авантюра. 14. Трюфель. 16. Елисей. 17. Галоп. 22. Домбра. 25. Папанин. 26. Арарат. 27. Натиск. 28. Верблюд. 29. Баобаб. 33. Чудак. 34. Индейка. 38. Энцилад. 40. Коверкот. 41. Венок. 42. Унция. 43. Тунг. 44. Линь. 45. Пафос.

По вертикали:

1. Рапалло. 2. Ламаист. 3. Шпора. 4. Мера. 5. Лист. 6. Лимфа. 7. Ярило. 9. Каттегат. 12. Триод. 15. Маримба. 18. Посад. 19. Облик. 20. Васко... 21. Каземат. 23. Самба. 24. Барон. 25. Палач. 27. Нюрнберг. 30. Бурав. 31. Зеркало. 32. Скотина. 35. ...Юнона... 36. Рерих. 37. Фокус. 39. Дега. 40. Кото.

корации с позолоченными аркадиями», скульптурами, торжественными лестницами и узорной, прихотливой орнаментикой рококо. Критика бьет его за отсталость, а он отвечает с обидой, но и упорством: «Какую бы чушь современные художественные борзописцы ни городили про меня, про мое «эстетство» — мои симпатии влекли и теперь влекут меня к простейшим и вернейшим изображениям жизни, действительности».

В эмиграции он мечтал устроить свой дом так, каким он был в Петербурге. Создать среди эмигрантов (так долго называвших его «большевиком») остров-крепость «Бенуа». И чтобы в этом доме не было ни дрязг, ни мелочной мстительности. Увы, не удалось. В Париж вошли фашисты. Зять и внук оказались в концлагере. После освобождения зять кончает самоубийством...

В парижский дом «Бенуа» счастье так и не пришло.

...Однажды, когда ему уже было девяносто, Бенуа с этюдником находился на одной из аллей Версальского парка. Мимо шумно проходила группа советских туристов. Посмотрев на этюд, один из них сказал: «Смотрите, совсем как наш Бенуа». Художник был потрясен. Его помнят, его не забыли!

...В ночь на 9 февраля 1960 года Бенуа перестал узнавать близких. Его сын вспоминал, что в бреду последней ночи Бенуа словно бы совершил путешествие по своей жизни. С воображаемыми собеседниками говорил об искусстве, о живописи, музыке, перебирая костенеющими пальцами несуществующие клавиши. Наконец, «прошел» по залам родного Эрми-

тажа. «Смотрите! — восклицал он, обращаясь к незримой аудитории. — Смотрите, как эта картина написана, сколько в ней сказано!» Под утро, словно устав от пережитого, он закрыл глаза...

Парад при Павле I.

АЛЕКСАНДР
БЕНУА

Итальянская комедия.

Купальня маркизы.

ИНДЕКС 70820

Музыкальная антенна представляет: